

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

А. В. СОКОЛОВ

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО

В ВИРТУАЛЬНОЙ
И СОЦИАЛЬНОЙ
РЕАЛЬНОСТИ

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2011

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

УДК 316
ББК 60.5
С 594

Соколов А. В.

С 594 Информационное общество в виртуальной и социальной реальности. – СПб.: Алетейя, 2011. – 352 с.

ISBN 978-5-91419-597-4

Информационное общество представляет собой не социальный факт, а предположение о возможном состоянии грядущего мирового сообщества. Прослеживаются зарождение и развитие идеи информационного общества в России и за рубежом, технические предпосылки и государственные программы его построения. Анализируются технократические и гуманистические концепции информационного общества. Раскрывается сущность информационного общества в виртуальной и социальной реальности. Рассмотрены тенденции формирования глобального информационного общества и перспективы социализации идеи информационного общества в России XXI века.

Книга адресована социальным философам, социологам, педагогам, культурологам, информатикам, преподавателям и студентам соответствующих специальностей. Она полезна для всех, интересующихся будущим человечества.

УДК 316
ББК 60.5

ISBN 978-5-91419-597-4

© А. В. Соколов, 2011

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011

Вступление.

Постановка задачи

Информации лживой
Краше добрая весть:
Если праздники есть,
Значит, общество живо!

Нельзя сказать, что природа и сущность информации и информационного общества познаны современной наукой, но можно утверждать, что информационные праздники занимают значительное место в праздничном календаре России, да и других стран. 26 ноября отмечается *Всемирный день информации* (World Information Day), еще в 1992 году инициированный Международной академией информатизации. Папа Иоанн Павел II в 1998 году санкционировал *Всемирный день Интернета*, святым покровителем которого считается католический святой Исидор, епископ Севильский (560–636), который имеет репутацию первого энциклопедиста и самого образованного средневекового ученого. В России *День Интернета* отмечается 30 сентября; кроме того, 7 апреля празднуется *День рождения Рунета* (RuNet). Именно в этот день в 1994 году Россия была признана представленным в Интернете государством, и домен Ru был внесен в международную базу данных национальных доменов верхнего уровня. 4 декабря считается *Днем рождения информатики* в России в память о том, что в 1948 году советские инженеры И. С. Брук и Б. И. Рамеев получили авторское свидетельство как изобретатели цифровой электронной вычислительной машины.

В «доинтернетовскую эру», начиная с 1969 г., 17 мая отмечался *Всемирный день электросвязи* в честь основания Международного союза электросвязи (МСЭ) и подписания первой Международной телеграфной конвенции в 1865 г. Этот профессиональный праздник способствовал развитию связи в мире со времен телеграфии до современных информационных коммуникаций. В 2005 г. Всемирный саммит по вопросам информационного общества в Тунисе принял обращение к Генеральной Ассамблее ООН с призывом объявить 17 мая Всемирным днем информационного общества. В ответ на это обращение Генеральная Ассамблея ООН в марте 2006 г. приняла резолюцию, в которой провозгласила 17 мая Всемирным днем информационного общества. В ноябре 2006 г. на Полномочной конференции МСЭ в Турции было предложено оба мероприятия (Всемирный день электросвязи

и Всемирный день информационного общества) отмечать 17 мая как *Всемирный день электросвязи и информационного общества* (World Telecommunication and Information Society Day). Этот день считается теперь профессиональным праздником всех программистов, системных администраторов, Интернет-провайдеров, веб-дизайнеров, редакторов Интернет-изданий и всех тех, кто работает в сфере информационных технологий. Цель этого международного праздника заключается в том, чтобы способствовать повышению уровня осведомленности о возможностях, которые может принести обществам и странам использование Интернета и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), а также о путях преодоления «цифрового разрыва».

Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан в своём послании 2006-го года, посвящённом Всемирному дню информационного общества, отметил важность установления этого памятного дня. Он призвал все государства-члены ООН развивать меры для повышения безопасности и укрепления доверия к информационно-коммуникационным технологиям, чтобы создать свободное и безопасное информационное общество, обеспечить неуклонный рост и развитие экономики всех особенно развивающихся стран. Судя по словам Генерального секретаря, построение информационного общества – стратегическая цель мирового сообщества в целом и каждого государства в отдельности, поэтому нужно радоваться каждому шагу на пути информатизации и высоко ценить труд информационных работников. Приятно отметить, что руководство России постоянно уделяет внимание информационным процессам. Красноречивыми свидетельствами могут служить присоединение России к «Хартии Глобального Информационного общества», принятой на саммите стран «большой восьмерки» (июль 2000 года, Окинава), утверждение Президентом В. В. Путиным в феврале 2008 г. «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации», наконец, принятие в октябре 2010 года Государственной программы «Информационное общество (2011–2020)».

Информационные праздники, несомненно, являются событиями, происходящими в социальной реальности. *Социальная реальность* (социальная действительность; социальный мир) понимается в социологии как наличное бытие людей, как искусственный мир, сотворенный обществом путем преобразования естественной природы. Однако учреждение «Всемирного дня информационного общества» еще не является доказательством существования информационного общества в социальной реальности. Если бы это было так, то Генеральному секретарю

.....

ООН не было бы необходимости призывать к созданию «свободного и безопасного информационного общества» и не потребовались бы национальные программы построения информационного общества. Следовательно, в международном праздничном календаре есть информационные праздники, а полноценного информационного общества пока у нас нет. Станный, казалось бы, факт.

Однако мы располагаем несомненными свидетельствами информатизации экономики, культуры, образования, науки и обыденной жизни. Глобальная паутина Интернет, мобильные телефоны и мультимедиа пленяют молодое поколение как супермагистраль, ведущая в информационное общество. Прогрессивные писатели, популяризаторы науки, умудренные профессора и шустры аспиранты, восторгаясь победоносным ходом информационно-технологической революции, апеллируют к информационной цивилизации, как ветхозаветные пророки к Земле обетованной. Термин «информационное общество» вошел в лексикон международной политической элиты в качестве солидного либерально-демократического штампа, подобного терминам «права человека», «свобода слова», «национальная безопасность» и т. д. Ряды энтузиастов информационного социума охотно пополняют социальные философы и культурологи, бизнесмены и политические деятели, библиотекари-библиографы и социально-культурные работники. Их мотивы и ожидания, конечно, несовместимы, но всех их объединяет оптимистическая вера во всемогущество Информации. Например: «Информатизация – глобальный социально-техногенный процесс массового применения информационных технологий во всех сферах человеческой деятельности для поддержания уровня информированности всех членов общества и его различных институтов (структур), необходимого и достаточного для кардинального улучшения качества труда и условий жизни людей»¹. Получается, что информатизация – гарант образованности, культурности населения и благотворных социально-экономических преобразований.

Однако нет недостатка в упрямых скептиках, которым беззастенчиво соблазнительная и агрессивно настойчивая реклама информационного общества кажется подозрительной и небескорыстной, подобно рекламе элитного жилья. Они заявляют что «День Победы информационного общества» праздновать рановато. Критики отмечают несостоятельность технологического детерминизма, сомневаются в благотворном могуществе информационных технологий, отрицают реальность информационной

¹ Юсупов Р. М., Заболотский В. П. Научно-методологические основы информатизации. – СПб., 2000. С. 305.

цивилизации и опасаются нравственной деградации обитателей глобальной «информационной деревни». Анализируя опыт информатизированных государств, въедливые педанты указывают на рост неквалифицированных занятий в сфере услуг, распространение примитивной массовой культуры, а не интеллектуализации масс, ставят под вопрос вывод о том, что эрудиция, наука и экспертные знания действительно являются гарантами социального благосостояния.

По мнению одного маститого лондонского профессора, *информационное общество* – «это такое общество, в котором создание и распространение информации подчинено целям рекламных компаний, стало делом специалистов по дезинформации из министерства обороны, экспертов по связям с общественностью, парламентских лоббистов»¹. Другими словами: в информационном обществе просвещение оборачивается информацией, информация – рекламой, педагогика – манипулированием. Профессор Московского гуманитарного университета А. И. Шендрик обнаружил около десяти антагонистических противоречий, свойственных информационному обществу, в том числе противоречие между трудом и капиталом; противоречие между ростом объема информации и уменьшением истинных знаний, вследствие чего «общество знания» стремительно воспроизводит общество «незнаек»; противоречие между свободой информации и манипулированием массовым сознанием и др.² Петербургский социолог Д. В. Иванов пришел к выводу, что «Информационное общество оказывается фантомом постиндустриальной эпохи. Технологические сдвиги, с которыми связывали формирование такого рода социальной организации, налицо, а ожидаемой перемены институциональной структуры не происходит»³. Челябинский культуролог Иван Тузовский, задавшись вопросом «Информационно-постиндустриальное общество: прогноз, проект или ангажировано-конъюнктурная провокация?» пришел к парадоксальному выводу, что «футурологический проект» информационного общества «не будет завершен никогда»⁴. Надо признать, что неумеренное злоупотребление понятием

¹ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 217.

² Шендрик А. И. Информационное общество и его культура: противоречия становления и развития // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2010. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Shendrik/>

³ Иванов Д. В. Информационное общество: фантом постиндустриальной эры // Информационное общество: сб. статей. – М.: Изд-во АСТ, 2004. – С. 363, 356.

⁴ Тузовский И. Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий. – Челябинск: Академия культуры и искусств, 2009. – С. 89.

.....

«информационное общество» привело к его мифологизации, если не сказать вульгаризации. Не случайно философ В. Н. Катасонов озабоченно заметил: «Цивилизационный проект – информационное общество – при отсутствии философского самоконтроля общества легко превращается в новую утопию»¹.

Содержание мифов, утопий, цивилизационных программ отражает не реальный социальный факт, а виртуальное (возможное, желаемое) состояние будущего. Информационное общество в этом случае представляет собой элемент не социальной, а виртуальной реальности, то есть, не сущее, а возможное. *Виртуальная реальность* (virtualis – возможный, вероятный) понимается как область бытия виртуальных объектов, которые порождаются объектами других реальностей (физических, психологических, социальных и др.). Выяснилось, что техногенная виртуальность, создаваемая компьютерной техникой, не является единственным видом виртуальной реальности, и существуют естественные психогенные и социогенные виртуальные реальности, возникшие в докомпьютерную эпоху. Правда, большинство теоретиков информационного общества не представляют его без компьютерной материально-технической базы, и моделируют его как техногенный, а не социогенный виртуальный объект.

Итак, возникает дилемма бытия информационного общества: социальная реальность или виртуальная реальность? А может быть, обе реальности одновременно? Ради полноты картины можно упомянуть еще об «информационной реальности», постулируемой некоторыми авторами, ибо среда обитания информационного общества, казалось бы, должна быть «информационной», то есть представлять собой информационную реальность. Онтологическая проблема бытия информационного общества приобретает в настоящее время не только академический интерес, но и практическое значение. Долгосрочная Государственная программа «Информационное общество (2011–2020)» предусматривает серьезные преобразования российского социума, то есть актуальной социальной реальности. Вместе с тем содержание этой программы относится к вероятному, то есть виртуальному миру. Немаловажно осмыслить механизм превращения виртуальной программы в актуальную социальную реальность. Короче говоря, приходится поневоле столкнуться с фундаментальной социально-философской проблемой: что представляет собой информационное общество по природе и по существу?

---

¹ Катасонов В. Н. Технологии информационной цивилизации и мудрость книжной культуры // Общество и книга: от Гутенберга до Интернета. – М., 2000. – С. 77.

Уже первоначальное знакомство с проблемой показало, что определения природы и сущности информационного общества выливается в сложно структурированное системное исследование, поскольку информация и информационное общество неоднозначно трактуются разными авторами. Противоречивость суждений не удивительна, ведь понятие «информационное общество» — это неологизм, очень недавно появившийся в научном и политическом обиходе. Отечественные словари и энциклопедии вплоть до последнего времени ничего не говорили об обществе подобного типа. В «Советском энциклопедическом словаре» (М.: Сов. энциклопедия, 1979), «Философском энциклопедическом словаре» (М.: Сов. энциклопедия, 1983), «Большом энциклопедическом словаре» (М.: Большая Росс. энциклопедия, 1997), «Новом энциклопедическом словаре» (М.: Большая Росс. энциклопедия, 2004) присутствует статья «Информация», а статьи «Информационное общество» нет. Правда, в отраслевом словаре «Современная западная философия» (М.: ТОН — Острожье, 1998) мне удалось обнаружить статью «Информационное общество», в которой отмечалась «несостоятельность технологического оптимизма» и упоминались «негативные последствия компьютеризации общества». К сожалению, из более позднего труда тех же авторов «Современная западная философия. Энциклопедический словарь» (М.: Культурная революция, 2009) эта статья почему-то выпала. Зато отраслевые справочные, учебные, научные источники предлагают широкий ассортимент разнообразных дефиниций и толкований, которые заслуживают внимательного контент-анализа. Выявляются, по крайней мере, три ответа на вопрос «что такое информационное общество?» и соответственно, — три типа информационных обществ:

1. *Социологическая интерпретация*: информационное общество — это реально существующая совокупность профессиональных и любительских социальных групп, неразрывно связанных с информационно-коммуникационными технологиями и характеризующаяся субкультурными особенностями¹. Именно этим социальным группам адресованы информационные праздники типа «Всемирного дня электросвязи и информационного общества». В социальном пространстве современного социума информационное общество этого типа локализовано в информационной техносфере и отличается от прочих граждан владением специальными знаниями и умениями и технократическим,

---

¹ *Субкультура* понимается как система ценностей и норм поведения (включая специфический язык — социолект, специальные знания и умения, идеалы и этический кодекс), которая противопоставляет себя общенациональной культуре.

.....

как правило, мировоззрением. В его структуре различаются: а) творческая элита, определяющая прогресс в области информационно-коммуникационных технологий; б) фанаты-киберпанки, предпочитающие виртуальное пространство Интернета социальной реальности; в) масса информационных работников, репродуктивно воспроизводящих разработанные творческой элитой технологии. Творческая элита, включающая талантливых, иногда гениальных творцов системных и программных решений в области информатики, явилась генератором научно-футурологических идей информационного общества и обеспечила их развитие. Свой вклад в развитие идеи внесли любители-киберпанки, ощущающие себя коренными обитателями киберпространства.

2. Научно-футурологическая интерпретация: информационное общество – это гипотеза о грядущем постиндустриальном состоянии нынешнего индустриального общества. Этот тип информационного общества представлен не в виде реально наблюдаемых социальных групп, а в качестве авторских концепций, обсуждаемых научным сообществом и широкой общественностью. Очевидно, что информационное общество основано на развитых информационно-коммуникационных технологиях (ИКТ), то есть является техногенным, но неясно, формируется ли оно естественноисторическим образом, независимо от воли людей, или можно искусственно спроектировать и внедрить информационные конгломераты в индустриальный социум. Нет единства мнений по поводу вероятной социальной структуры информационного общества. Высказываются опасения относительно раскола этого общества на тонкий слой высокообразованных, богатых, счастливых «хозяев жизни» (анклав сверхпотребления) и обширное «гетто нищеты», лишенное доступа к информационным и прочим социальным благам. Оптимистические прогнозы гипотетического информационного общества используются в качестве основы для государственных программ и рекламных компаний коммерческих производителей информационной техники.

3. Рекламно-идеологическая интерпретация: информационное общество – грядущее высоко информатизированное общество, манящее торжеством просвещения, свободного творчества, социальной справедливости, которых так не хватает в современной действительности. Искусство рекламиста или идеолога состоит в том, чтобы заставить простодушную публику поверить в ту версию информационного общества, которая соответствует интересам рекламодателей или государственной бюрократии.

Типы информационных обществ, названные нами, взаимосвязаны и взаимобусловлены. Цепочка генетических зависимостей достаточно ясна.

Генератор идеи информационного общества – научно-техническая элита, обеспечивающая прогресс информационного сектора техносферы. Затем, осмысливая тенденции развития информационных технологий и систем, социальные философы и историки культуры предлагают свои концепции грядущего информационного (постиндустриального, постэкономического и т. п.) общества. Их научно-футуристические материалы используются специалистами рекламного дела и политехнологами для практического манипулирования общественным сознанием. Получается цепочка: «творчество идеи – разработка (культивация) идеи – рекламирование в процессе практического внедрения (утилизации) идеи». Целевые установки и субъективные мотивы звеньев представленной причинно-следственной последовательности, конечно, различны. Ученые, создававшие и культивировавшие идеи информационного общества, руководствовались, как правило, бескорыстными познавательными интересами, в отличие от корыстно ориентированных служителей бизнеса и государства. Однако могущественное государство и предприимчивый частный бизнес играют определяющую роль для материально-технической реализации идеи информационного общества. Таким образом, замыкается обратная связь «реализация – идея».

Профессиональные и любительские группы, соответствующие социологической интерпретации информационного общества, являются объектами изучения социологии, социальной психологии, культурологии, социальной информатики и других общественных наук в пределах их компетенции. Рекламно-идеологические интерпретации – это область социальной мифологии, теории массовых коммуникаций, рекламы, связей с общественностью, информационного менеджмента и прочих социально-управленческих дисциплин. Информационное общество в контексте социологической и рекламно-идеологической интерпретации есть объект *частнонаучного* масштаба, представляющий интерес для специалистов *узкого профиля*. В противоположность им научно-футурологические интерпретации оперирует категориями «социум (общество в целом)», «нация», «цивилизация», «человечество», которые имеют *планетарный масштаб* и требуют *межнаучной* (точнее – научно-интеграционной) *методологии*. Футурологическая проблематика так или иначе затрагивает судьбу каждого народа, каждого человека, и поэтому интересна для всех. В качестве гарантов научной значимости понятия «информационное общество» выступили футурологи, социологи и философы, взявшиеся за исследование постиндустриальной стадии цивилизации. Их талантливые публикации произвели большое впечатление не только

.....

на политическую элиту и массовую аудиторию, но и на коллег, так или иначе связанных с информационной проблематикой. Благодаря их стараниям, информация получила статус общенаучной категории, а информационный подход сделался общенаучным методологическим инструментом.

Если частнонаучные проблемы профессиональных социальных групп или технологии управления массовыми аудиториями не порождают жесткого антагонизма в научной среде, то информационная футурология — арена нескончаемых столкновений интеллектов и амбиций. Оппоненты разделились на два противоположных лагеря: апологеты-оптимисты, воспринимающие информационное общество как «новый прекрасный мир» светлого будущего, и скептики-пессимисты, разоблачающие идею информационного общества как рекламно-идеологический миф, служащий интересам транснациональных корпораций и государственной бюрократии. Поводов для разногласий немало. Назову некоторые. Очевидно, что информационное общество основано на развитых информационно-коммуникационных технологиях (ИКТ), то есть является техногенным, но неясно, формируется ли оно естественноисторическим образом, независимо от воли людей, или можно искусственно спроектировать и внедрить информационные конгломераты в индустриальный социум. Нет единства мнений по поводу вероятной социальной структуры информационного общества. Высказываются опасения относительно раскола этого общества на тонкий слой высокообразованных, богатых, счастливых «хозяев жизни» (анклав сверхпотребления) и обширное «гетто нищеты», лишенное доступа к информационным и прочим социальным благам. Что же, в конце концов, информационное общество: наивная утопия? кибернетическая производная? стадия цивилизационного процесса? Именно эти вопросы мы намерены обсудить в нашем исследовании.

Целью исследования не являются ни апологетическая реклама, ни нигилистическое отрицание информационного общества. Хочется непредвзято разобраться в фактах и факторах, обусловивших возникновение и развитие идеи информационного общества, сопоставить точки зрения технократов и гуманистов, философов, культурологов, социологов, политологов, информатиков и получить, хотя бы ориентировочные, предварительные ответы на следующие три вопроса:

1. Как зарождалась и развивалась идея информационного общества?
2. В чем сущность информационного общества?
3. Каковы перспективы трансформации современного российского общества в общество информационное?

Кому адресована наша книга? Прежде всего, — коллегам: философам, социологам, культурологам, информатикам, журналистам, библиотековедам и библиографоведам, которые обращаются к понятию «информационное общество», стремясь предвосхитить будущее человечества и России. Затем, конечно, — любознательным студентам, молодому поколению интеллигенции, которому выпала доля практически столкнуться с гипотетическим информационным обществом. Наконец, я полагаю, что познание природы и сущности информационного общества — это, по сути дела, осознание возможных вариантов будущего нашей страны, что не может не интересовать каждого из россиян.

Кому адресована наша книга? Прежде всего, — коллегам: философам, социологам, культурологам, информатикам, журналистам, библиотековедам и библиографоведам, которые обращаются к понятию «информационное общество», стремясь предвосхитить будущее человечества и России. Затем, конечно, — любознательным студентам, молодому поколению интеллигенции, которому выпала доля практически столкнуться с гипотетическим информационным обществом. Наконец, я полагаю, что познание природы и сущности информационного общества — это, по сути дела, осознание возможных вариантов будущего нашей страны, что не может не интересовать каждого из россиян.

.....

Глава 1.

Истоки информационного общества

Фантазии и мудрости уроки,
Науки и коммерции дует,
Объединившись, создали истоки
Глобальной Паутины Интернет.

Во Вступлении на основании анализа литературных источников мы пришли к выводу, что существуют три разных интерпретации понятия «информационное общество» и, соответственно, различаются следующие *три типа информационных обществ*: 1) субкультурная совокупность профессиональных и любительских социальных групп, неразрывно связанная с информационно-коммуникационными технологиями, — социологическая трактовка; 2) гипотеза о грядущем состоянии нынешнего общества — научно-футурологическая трактовка; 3) рекламно-идеологический инструмент — коммерческая и государственная трактовка. Ясно, что эти трактовки возникли не спонтанно, а в силу определенных социальных потребностей. Формирование информационно-технического сектора экономики, основанного на компьютерных технологиях, обусловило потребность в кадрах соответствующей квалификации и появление особых групп пользователей, которые представляют собой информационное общество первого типа. Потребность информационных социальных групп в самоопределении стимулировало разработку гипотез о перспективах развития информатизации, которые образовали научно-футурологическую идею информационного общества (вторая интерпретация понятия «информационное общество»). Наконец, заинтересованность коммерческих и государственных структур в успешной утилизации информационно-технического потенциала вызвала к жизни третью, — рекламно-идеологическую интерпретацию.

Важно обратить внимание на переплетение объективных потребностей общества и субъективных интересов социальных групп в интерпретациях информационных процессов. Развитие информационно-технологического сектора экономики — результат научно-технического прогресса, в котором заинтересовано все общество в целом. Поэтому профессиональные группы

программистов, веб-дизайнеров, системных администраторов, операторов ЭВМ и других специалистов информационно-технологического профиля неизменно востребованы на рынке труда, и общественная потребность в них очевидна. Научно-футурологические гипотезы, входящие в контекст исследований будущего, полезны для определения возможных сценариев развития общества и адресованы научным и политическим кругам, и опосредованно – широкой общественности. Привлечь внимание и пробудить интерес к информационному обществу не отдельных социальных групп, а общества в целом – задача рекламно-идеологической активности.

Будем различать понятие информационного общества и идею информационного общества. *Понятие* есть мысль о классе фактически имеющих или воображаемых предметов, фиксирующая их существенные признаки¹. Например, информационное общество – «совокупность профессиональных и любительских социальных групп, неразрывно связанная с информационно-коммуникационными технологиями», представляет собой понятие об информационном обществе как фактическом элементе социальной структуры. Научно-футурологическая гипотеза или рекламная презентация включают понятия информационного общества в качестве одной из необходимых составляющих.

Идея (греч. idea – вид, образ) представляет собой не только мысль о предмете, но и субъективное к нему отношение. Идея в целом есть суждение. *Суждение* – мысль, в которой утверждается или отрицается что-либо относительно предметов, их свойств и отношений, и которая может быть истинной или ложной². Научная гипотеза о будущем информационном обществе и рекламно-идеологический слоган представляют собой суждения. Принципиальное различие между ними состоит в том, что наука исходит из гипотетических предположений о состоянии человеческого социума в будущем, а идеология и реклама требуют безусловного доверия к их утверждениям. Правильно говорится: знание, абсолютно уверенное в том, что оно безошибочно, есть не наука, а вера.

¹ Более строгое определение: **Понятие** как форма (вид) мысли, или как мысленное образование, есть результат обобщения предметов некоторого класса и мысленного выделения самого этого класса по определенной совокупности общих для предметов этого класса – и в совокупности отличительных для них – признаков. (Войшвилло Е. К. Понятие как форма мышления. Логико-гносеологический анализ. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – С. 91).

² Более строгое определение: Мысль, посредством которой 1) выделяется известный предмет, 2) раскрывается часть содержания этого предмета и 3) утверждается отношение между предметом и выделенной частью его содержания, называется в логике **суждением**. (Асмус В. Ф. Логика: учебник. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – С. 28).

.....

Следовательно, с точки зрения логики, социологическая интерпретация информационного общества представляет собой *понятие*, фиксирующее существенные отличительные признаки некоторых социальных групп, а научно-футурологическая и рекламно-идеологическая интерпретации есть *суждения*, состоящие из двух частей: часть S (Subjectum) — *субъект суждения*, в нашем случае информационное общество, и P (Praedicatum) — *предикат*, представляющий собой утверждения по поводу информационного общества. Субъект суждения указывает на то, что познается в суждении, а предикат констатирует, что автор суждения считает истинным знанием о субъекте. Будем различать суждения-идеи и суждения-иллюзии. *Идея* – высшая форма мышления (гипотеза, закон, теория), нацеленные на познание объективной истины. *Иллюзия* – умышленное или неумышленное искажение истинного положения дел. Научно-футурологическую интерпретацию логично считать *идеей информационного общества*, а рекламно-идеологическую интерпретацию – *иллюзорным образом информационного общества*. Примем к сведению это различие и будем в дальнейшем руководствоваться им.

Главным предметом нашего исследования является идея информационного общества, которая пользуется повышенным вниманием в наши дни. Привлекательность идеи информационного общества обусловили, на мой взгляд, три социально-психологических фактора. Во-первых, её *футурологическая направленность* – она раскрывает будущие перспективы человечества, которые не могут не волновать каждого человека. Во-вторых, внушающие доверие родственные связи с авторитетными *информационно-кибернетическими науками*, прославившимися фантастическими достижениями в области микроэлектроники, вычислительной техники, телекоммуникации, которые часто именуют *информационно-технологической революцией*¹. Можно сказать, что информационно-технологическая революция *взрастила* идею информационного общества, ибо она дала пытливым мыслителям и социальным философам аргументы для гипотетических сценариев «мира информации». В-третьих, оптимистические версии информационного общества удовлетворяет глубинную, одну из первичных потребностей всякого человеческого социума – *потребность в самоопределении и самоутверждении*, то есть в познании смысла своего существования и своей миссии. Оптимизм порождает, конечно, не обещания, что в следующем пятилетии первоклассники будут общаться по электронной почте, а гарантии, что молодое поколение будет умным, образованным, физически и нравственно совершенным,

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000. – С. 51.

Не удивительно, что идея информационного общества в конце XX столетия быстро получила распространение во всех странах и на международной арене, разумеется, не без участия искусных имиджмейкеров. Заметим кстати, что сам термин «информационное общество» имеет рекламно-идеологическое происхождение. Его ввели в оборот японские информатики, работавшие в 80-е годы над амбициозным проектом «ЭВМ пятого поколения» — «интеллектуальной машиной информационной цивилизации» (дзёхо сякай). Авторство термина приписывается Юдзиро Хаяши, профессору Токийского технологического института или Ёнедзе Масуде, опубликовавшему в 1981 году в США получившую широкое признание книгу «Информационное общество как постиндустриальное общество». Ё. Масуда высказал уверенность, что в грядущем глобальном обществе главной отраслью экономики станут производство, аккумуляция и распространение информации посредством телекоммуникации. Он наивно надеялся, что информационная техника послужит мощным средством для формирования новой социально-экономической формации, которая будет бесклассовой и бесконфликтной, соответствующей древним сказаниям о прекрасном царстве вечного изобилия. Информационная идеология сомкнулась, таким образом, с традиционной социальной мифологией. Это вполне естественно.

Одна из задач нашего исследования заключается в том, чтобы проследить историю зарождения и развития идеи информационного общества. В силу своей гипотетической природы, эта идея относится к массиву *футурологического знания*, то есть предсказаний, предположений, прогнозов, концепций и теоретических доктрин, посвященных будущему человечества. Поэтому резонно поискать дальние начала, так сказать, предтечи идеи информационного общества в недрах футурологии.

ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Для того, чтобы обнаружить предтечи (проще говоря, предвестники, предшественники) информационного общества в футурологическом контексте, нужно обратиться, так сказать, к «депозитарию информационных

.....

диовин», где говорится о разумно устроенном и технически оснащенном (информационном) обществе, о волшебном могуществе знания (информации), преобразующем мир, о чудесных предметах, служащих человеку и т. п. Содержание этого депозитария не скудно, потому что с древнейших времен первобытные футурологи-утописты мечтали сотворить изобильное и справедливое царство и искусственно создать (получить в свое распоряжение) слуг (помощников), обладающих сверхъестественной силой и всезнающим интеллектом. Мечтали, и вместе с тем опасались, что рукотворные создания вдруг выйдут из повиновения, возненавидят своих создателей, и разразится губительный и беспощадный «бунт роботов».

Футурологический контекст нельзя назвать однообразным и монотонным: будущее манило надеждами и устрашало неопределенностью, оптимизм сменялся пессимизмом, и наоборот. По эмоциональной окрашенности различаются *мажор-утопии*, носители оптимистического, жизнеутверждающего настроения, уверенности в светлом будущем, и *минор-утопии*, пропитанные пессимизмом и скептицизмом, разочарованно отрицающие благотворность прогресса, питающиеся эсхатологическими настроениями. В XX веке расцвели *антиутопии* (негативные утопии, дистопии, какотопии) – минорные утопии-предупреждения, пафос которых состоит в утверждении: так быть не должно!

На мой взгляд, обнаруживаются несколько исторически обусловленных мажорных и минорных сюжетов, так или иначе, прямо или опосредовано связанных с гипотезой информационного общества. Оставим в стороне библейские пророчества, античных философов, Мишеля Нострадамуса (1503–1566), прочих ясновидцев, упомянем только о фольклорно-легендарных преданиях, которым можно приписать роль преамбулы футурологических воззрений. Затем обратимся к собственно футурологическим текстам, которые воплотились, во-первых, в утопических трактатах, во-вторых, в художественно-литературных сочинениях.

1.1.1. Фольклорно-легендарная преамбула «информационной футурологии» обнаруживается в волшебных сказках и мифах, пытающихся выйти за пределы обыденного жизненного пространства, чтобы в особом невидимом (скажем, «виртуальном») мире добыть источники могущества и изобилия. Так, древние славяне, кроме неба и земли, то есть мира видимого, признавали наличие блаженного тридесятого царства, где зреют золотые «молодильные» яблоки, дающие вечную молодость, здоровье и красоту, и многоглавые змеи стерегут криницы живой воды¹.

¹ Шуклин В. В. Мифы русского народа. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. – С. 70–77.

Российские «легенды о праведных землях» и «сказания о роскошном житие и веселие» исчерпывающе полно представлены в книге историка и литературоведа Б. Ф. Егорова¹. В древнеегипетской религии магической силой наделялись не съедобные предметы, а «волшебная книга» (Книга мертвых), якобы принесенная из царства мертвых. Источником этого мифа является «истинно египетское представление, что тот, кто хочет добыть высшее знание и тем самым высшую силу, должен стать богом, и становится им через странствование через мир усопших или через небо»². Мне кажется, что фольклорные сюжеты о сокровенных незримых мирах, о скатертях-самобранках, о магической силе знания, покоренной мифическими героями, удовлетворяли ту первичную потребность в самоопределении и самоутверждении, которую ныне удовлетворяет идея информационного общества в её мифическо-идеологической интерпретации.

В эпоху зарождения Галактики Гутенберга (XV – XVI вв.) возникает мысль искусственного сотворения человекоподобных сказочных существ, способных интегрироваться в естественное человеческое общество. Эта мысль чаще всего получала воплощение в фольклорных легендах, хотя предпринимались попытки и практической её реализации. Примером такой попытки может служить *гомункулус* (*homunculus* – человек) – в представлении средневековых алхимиков существо, подобное человеку, которое можно получить искусственным путём. Известен рецепт швейцарского медика Парацельса (1493–1541) по выращиванию в колбе человеческого эмбриона ростом до 12 дюймов, но свидетельства продуктивности этого рецепта до нас не дошли.

Типичным легендарным героем является *Голем* – глиняный великан, созданный, согласно преданию, главным раввином Праги для защиты еврейской общины от зла и несправедливости. Голем мыслился как искусственно одухотворенный механизм, не случайно Н. Винер использовал псевдоним «Голем» для обозначения кибернетической машины³. Гомункулы и Голем – ранние проявления технологического детерминизма, исходящего из уверенности, что машины способны обеспечить благосостояние общества. Эту уверенность, воплотившуюся в наши дни в *принцип технологического детерминизма*, разделяют многие

¹ Егоров Б. Ф. Российские утопии: Исторической путеводитель. – СПб.: Искусство – СПб, 2007. – 416 с.

² Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – С. 294.

³ Винер Н. Творец и Голем. Обсуждение некоторых проблем, в которых кибернетика сталкивается с религией // Винер Н. Творец и будущее. – М.: Изд-во АСТ, 2003. – С. 225–292.

зарубежные и отечественные энтузиасты информационного общества (см. параграф 3.2).

В заключение преамбулы приведу строки гениального поэта и естествоиспытателя Иоганна Вольфганга Гёте (1749–1832):

Нам говорят «безумец» и «фантаст»,
Но, выйдя из зависимости грустной,
С годами мозг мыслителя искусный
Мыслителя искусственно создаст.¹

Разумеется, Гёте имел в виду создание искусственного интеллекта, подобного человеческому интеллекту, а может быть, даже и превосходящий его. Реализация подобного безумно-фантастического проекта по силам только высокоинтеллектному² обществу, которое отождествляется сейчас с грядущим информационным обществом. Теперь обратимся к произведениям мыслителей-утопистов.

1.1.2. Утопические трактаты по содержанию делятся на *социально-политические*, рисующие перспективы данного общества в зависимости от мудрости правителей и активности населения, и *научно-технические*, исходящие из принципа технологического детерминизма. В западноевропейской культуре утопии получили распространение в XVI веке, в эпоху интеллектуального подъема, характерного для эпохи Возрождения. В это время просвещенный гуманизм выступил как широкое течение общественной мысли, провозгласившее ценность человека как личности, его право на свободу, счастье, развитие и творческое самовыражение. Гуманисты-утописты, разоблачая невежество и обскурантизм средневековья, утверждали разумное общественное устройство, свободомыслие и человеческое достоинство. Классикой утопизма стали трактаты Томаса Мора (1478–1535) «Весьма полезная, а также и занимательная, поистине золотая книжечка о наилучшем устройстве государства на новом острове Утопия» (1516), Антона Дони (1513–1574) «Миры небесные, земные и адские» (1552), Томмазо Кампанеллы (1568–1639) «Город Солнца» (1623), Френсиса Бэкона (1561–1626) «Новая Атлантида» (1627).

Общества, созданные фантазией утопистов-классиков, конечно, не практикуют информационные технологии, но в остальном напоминают

¹ Цит. по: Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 1.

² Я использую термин «интеллектуальный» для обозначения субъекта, обладающего развитым интеллектом. Интеллектуальными субъектами могут быть *интеллектуалы* или *интеллигенты*, которые различаются этическими качествами. Термины «интеллектуальный», «интеллектуальность» будем использовать тогда, когда можно пренебречь этическими различиями.

рекламные образы информационного общества. Это общества свободных людей, компетентно и увлеченно реализующих себя в творческом труде; нет богатых и бедных, отсутствуют социальные конфликты, поскольку классы формируются в зависимости не от денежного, а от интеллектуального капитала; каждый трудящийся живет достойно и безопасно, используя свой досуг для самосовершенствования, и все счастливы. Подлинным «обществом знания» является Новая Атлантида Ф. Бэкона. Интеллектуальным центром этого благословенного острова служит Дом Соломона – обитель талантливейших ученых и инженеров, занятых «познанием причин и скрытых сил всех вещей и расширением власти человека над природой, покуда все не станет для него возможным». Благодаря Дому Соломона общество процветает, потому что уничтожены причины мятежей – голод и нищета. Выведены новые высокопродуктивные сорта растений и породы животных, синтезированы целебные питательные вещества и искусственные материалы с заданными свойствами; созданы приборы, многократно увеличившие природные способности зрения, слуха, обоняния, осязания людей; построены подводные лодки, летательные аппараты и наземные механизмы, «движущиеся быстрее мушкетной пули». Подобно современным информационным технократам, Бэкон не связывает научно-технический прогресс с обновлением социально-политического устройства. Его Новая Атлантида – это просвещенная монархия, включающая знать, христианскую церковь, чиновников разных степеней, частную собственность, денежное обращение.

Не будем обращаться к другим классикам утопизма – Анри Сен-Симону (1760–1825), Шарлю Фурье (1772–1837), Роберту Оуэну (1771–1858), но мимо «мирного коммунизма» Этьена Кабе (1788–1856) я пройти не могу. Свою коммунистическую утопию Кабе изложил в социально-философском романе «Путешествие в Икарию» (1840), который пользовался в Европе большой популярностью в 40-е годы¹. Автор исходил из убеждения, что «неравенство есть причина, порождающая нищету и богатство, все пороки, проистекающие из первой и второго, жадность и честолюбие, ненависть и зависть, раздоры и войны всякого рода, одним словом, все зло, которое угнетает отдельных людей и нации» (Т. 1. С. 4). Поэтому в гипотетической Икарии торжествуют равенство и общность во всем, которые сочетаются с предельной рационализацией и огосударствлением всей жизни. Все икарийцы обязаны трудиться на государственных предприятиях; государство планирует и распределяет продукцию; торговля внутри страны

¹ Каабе Э. Путешествие в Икарию. Философский и социальный роман. В 2-х тт. – М. – Л.: ACADEMIA, 1935. Т. 1. – 586 с.; Т. 2. – 496 с.

.....

категорически запрещена. Вся жизнь до малейших деталей регламентирована законами. Законы предписывают икарийцам иметь сугубо одинаковые жилища, одинаковую мебель, одежду, пищу, какие-либо отклонения от установленной нормы не допускаются. Горячо приветствуется научно-технический прогресс, особенно развитие железных дорог, «которые все революционизируют и подготавливают объединение государств и народов» (Т. 2. С. 423).

Проект Кабе отличается от прочих утопий тотальным контролем книжной коммуникации и журналистики. Типографии печатают только книги «известных людей», так же как «только фармацевтам дозволяется изготавливать лекарства». Все старые книги, признанные вредными или бесполезными, подлежат сожжению (за исключением нескольких экземпляров, сохраненных для того, чтобы напоминать о невежестве и безумии прежних времен и прогрессе настоящего времени). Существует только государственная пресса: одна газета для каждой коммуны, одна газета для каждой провинции, одна национальная газета для всей Икарии. При этом требуется, чтобы газеты содержали только объективные описания фактов, без какого-либо комментирования со стороны журналистов. Коммунистический проект Э. Кабе – превосходный материал для язвительной антиутопии, и в XX веке социально-политические антиутописты воспользовались им в полной мере.

1.1.3. Научная фантастика – характерный продукт европейского индустриального общества XIX–XX веков, да и в наши дни она не утратила привлекательности. Пограничным произведением, разделяющим фольклорно-легендарную прамбулу и художественно-литературный жанр научной фантастики, является роман-антиутопия Мэри Шелли (1797–1851) «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818). Герой романа студент Виктор Франкенштейн создаёт живое существо из неживой материи, для чего собирает из фрагментов тел умерших подобие человека, а затем находит «научный» способ оживить его. Ожившее существо – *Чудовище Франкенштейна* оказывается ужасным гигантом, ненавидящим своего создателя и всех людей. Глубинный смысл романа заключается в осуждении дерзких попыток человека взять на себя божественную функцию сотворения человека (этическое прочтение – ответственность ученого за последствия сделанных им открытий).

Научно-фантастические сюжеты довольно отчетливо разделяются на оптимистические утопии и пессимистические антиутопии, причем в обоих случаях просматриваются черты гипотетического информационного общества. Оптимисты, воодушевленные стремительным ростом

Жюль Верн (1828–1905), безусловно, относится к числу оптимистов-утопистов, верящих в беспредельную мощь научно-технического прогресса. Он обладал богатейшей научной эрудицией и конструкторской интуицией. Поэтому его утопии не были бесполезными фантазиями, они трезво учитывали технические возможности, например, создание самолетов, вертолетов, подводных лодок. Не случайно, по подсчетам футурологов, около 90 % сделанных им предсказаний впоследствии были реализованы. Ж. Верн замечал негативные следствия технократической информатизации общества, хотя сам термин «информация» он никогда не употреблял. Так, описывая Францию 1960 года, он пророчил, что «образование просочится даже в самые низшие слои социальной лестницы», но привычка к чтению будет утрачена; что «сам процесс постижения наук будет механизирован», но преимущественным спросом будут пользоваться «курсы предпринимательской практики, торговли, финансов, промышленности, которые имеют отношение к спекулятивным тенденциям дня», что коммерческие банки будут располагать машинами, способными «немедленно посчитать суммы, остатки, произведения, коэффициенты, пропорции, амортизацию и сложные проценты за какие угодно сроки и по любым мыслимым ставкам», а электрическая связь позволит «отправителю напрямую общаться с получателями и самые крупные сделки совершать на расстоянии»¹. Таким образом, молодой автор (писателю было только 35 лет) стал пророком телевидения и коммерческого Интернета.

¹ Верн Ж. Париж в XX веке. – М.: Международные отношения, 1995. – С. 22, 25, 70–71.

.....

(1874), — это подлинное «общество знания» в миниатюре, коммуна трудолюбивых и отважных умельцев, способных на необитаемом острове не только наладить процветающее земледелие и животноводство, но и создать небольшие фабрики и даже обзавестись телеграфом.

Герберт Джордж Уэллс (1866–1946) приобрел славу искусного мастера научной фантастики, способного сделать правдоподобной самую невероятную утопию: путешествие во времени, человек-невидимка, вторжение марсиан. В своих фантазиях Уэллс преследовал цель не предвидение будущего, а мысленное экспериментирование по поводу судеб человечества. Уже в первом романе «Машина времени» (1895) автор рисует ужасную деградацию человечества: разделение его на две антагонистические расы: *морлоки* — не переносящие солнечного света потомки рабочих, всю свою жизнь обитающие в Подземном мире и обслуживающие многочисленные машины и механизмы, и *элои* — потомки прежней элиты общества, изнеженные существа, совершенно не приспособленные к труду. Обе расы за долгие тысячелетия существования практически лишились разума, превратившись в полуживотных.

В общей сложности на протяжении долгой творческой жизни Уэллс написал около 40 романов, более десятка полемических сочинений по философской проблематике и примерно столько же работ о перестройке общества, около 30 томов с политическими и социальными прогнозами. В некоторых произведениях он выступал в роли публициста-утописта, например в романе «Мир освобожденный» (1914) он сочетал научную достоверность с политическими прогнозами о грядущем всемирном государстве. Новаторским следует признать роман «Люди как Боги» (1923), где показано социальное устройство и технологические достижения людей, построивших, говоря современным языком, *виртуальное ноократическое* общество, существующее не в реальном, а в параллельном мире. Новаторство автора заключается в использовании идеи параллельных миров в художественном произведении. Во всех книгах Уэллса неизменно присутствует страстная вера в человеческий Разум, способный создать всемирное государство, в котором человек сможет разумно пользоваться благами цивилизации. Писатель-мыслитель выдвигал идею построения Всемирного Разума, предполагающую глобальную информационную сеть. К сожалению, рациональный оптимизм Уэллса сокрушила Вторая мировая война. Он дал волю отчаянию и в антиутопии «Разум на краю своей натянутой узды» (1945) предсказал гибель человечества.

Советская научная фантастика отличается неизменным оптимизмом, который подпитывался пафосом социалистического строительства.

Выдающимся представителем отечественной фантастики 20-х – 30-х годов является **Александр Романович Беляев** (1884–1942), которому удавались как научные предвидения в стиле Жюль Верна (например, управление дождями и туманами, искусственные спутники Земли), так и социальные утопии в уэллсовском духе («Человек-амфибия», «Продавец воздуха», «Властелин мира» и пр.).

Иван Антонович Ефремов (1907–1972) кажется мне ученым-писателем масштаба Герберта Уэллса. Всемирную славу принес ему роман «Туманность Андромеды», опубликованный в 1957 году еще до полетов в космос. Действие романа происходит в далёком будущем, в то время, когда на Земле наступит эра коммунизма. Коммунистическое общество характеризуется высочайшим развитием науки, искусства, педагогики, покорением космоса, искусственным улучшением земного ландшафта и климата, изменением психологии человека. Люди активны, дружелюбны, правдивы и откровенны. Предельно рационализированы представления И. А. Ефремова относительно вербального общения между людьми. Он предсказывает, что выйдут из употребления сложные речевые обороты, предназначенные для украшения речи и демонстрации образованности, отомрет бессмысленное остроумие, речь будет служить основной своей задаче – передаче информации. Сформируется общепланетарный язык – простой по структуре, логичный, очищенный от грамматических архаизмов и метафор. Несмотря на прогресс электроники при коммунизме книги традиционного вида и ручная запись сохранятся, – очередной проект перевода всей письменности на электронную основу герои романа решительно отвергают. Зато автор высказывает предположение, что получит развитие третья сигнальная система, обеспечивающая взаимопонимание людей без использования речи.

Оптимисты-утописты воспевали в своих фантазиях техническое могущество и материальное процветание будущего общества, в то время как авторы пессимистических антиутопий опасались деградации духовности в среде материального изобилия. В XX столетии наибольшее распространение получили два антиутопических сюжета: 1) порабощение людей машинами – бунт роботов, преемственно связанный с «Франкенштейном» М. Шелли; 2) духовное порабощение – превращение людей в живые механизмы путем трансформации их сознания. Обратим внимание, что местом действия обоих сюжетов служит технически вооруженное информационное общество, предоставляющее коммуникационные средства для воздействия на массы и располагающее парком интеллектуальных роботов. Обратимся к роботам.

В начале XX века писатели-фантасты перешли от отдельных чудовищных экземпляров к описанию целых колоний (поселений) роботов. Термин «робот» (от чешского *robota*) впервые применил чешский писатель **Карел Чапек** (1890–1938) в пьесе R.U.R. (*Rossum's Universal Robots*) для обозначения человекоподобных механизмов, выполняющих рутинную работу. Во избежание нежелательных эксцессов **Айзек Азимов** (1920–1992) сформулировал в 1942 году *три закона робототехники* – обязательные правила поведения для роботов, которые гласят:

1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.
2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые дает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат первому закону.
3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит первому и второму законам.

В 1985 году Азимов предложил начальный нулевой Закон: 0. Робот не может причинить вреда человеку, если он не докажет, что в конечном счете это будет полезно для всего человечества. Законы робототехники, по словам А. Азимова, «совпадают с основными принципами большинства этических систем, существующих на Земле... попросту говоря, если кто-то исполняет все Законы робототехники, он – или робот, или очень хороший человек». Мне кажется, что законы Азимова должны войти в этический кодекс информационного общества, если он когда-нибудь будет создан.

Предприимчивые сочинители бестселлеров и кинематографисты нещадно эксплуатируют сюжеты о бунте роботов. Большое влияние на развитие кинофантастики оказал кинофильм Майкла Крайтона «Бунт роботов» (1984). Несколько штрихов его сценария. Роботы (не человекообразные, а в основном в виде ящиков на колёсах или на гусеницах) прочно вошли в жизнь человечества и активно помогают во всех сферах деятельности: при строительстве, в сельском хозяйстве, в офисе, в быту, и т. д. Внезапно в городе появляются роботы-киллеры, запрограммированные убивать людей. Выясняется, что их программирует доктор Чарльз Лютер – злодей, который направил технологическую мощь своих разработок против полиции: самонаводящиеся миниракеты запрограммированы найти и убить их; ужасные стальные пауки запрограммированы впрыснуть яд, а потом заживо сжечь жертву; на автостраде полицейские машины преследуют самовзрывающиеся роботы-камикадзе. Храбрый сержант Джек Рэмси после серии приключений убивает злодея, бросив его на растерзание его же адским паукам. Американская киноиндустрия активно разрабатывает открывшуюся золотую жилу. Наибольший успех

выпал на долю фильмов «Терминатор» (1984), «Короткое замыкание» (1988), «Терминатор 2: судный день» (1991), «Киборг 2: Стеклоанная тень» (1993), «Искусственный разум» (2001), «Я, робот» (2004).

Несмотря на «бунташную» репутацию, реальные, а не фантастические роботы в настоящее время все шире используются в промышленности, на опасных производствах, в медицине, в домашнем хозяйстве, изучают другие планеты и развлекают детей. Не случайно в ознаменование заслуг робототехники в 2003 году в Академии компьютерных наук Университета Карнеги-Меллона (США) был открыт Зал славы роботов. Интеллектуальный уровень роботов постоянно увеличивается, но никаких признаков своеволия они не проявляют и не покушаются на устои нашей цивилизации. Более серьезную озабоченность мыслителей-гуманистов вызывает дегуманизация (расчеловечивание) высоко рационализированного и механизированного общества будущего.

1.1.4. Антиутопические романы выражают тревожные предчувствия, навеянные не только трагическим опытом европейского тоталитаризма 20-х – 40-х годов, но и техногенными угрозами. Что такое антиутопия? Современный культуролог И. Д. Тузовский предложил следующее, на мой взгляд, удачное определение: «Антиутопия – художественное произведение (не обязательно литературное), в котором представлена ценностно и эмоционально неприемлемая для автора и читателя социальная модель, номинально несущая гуманистические функции предупреждения негативных вариантов будущего развития общества на основе альтернативных социально-политических, экономических и культурфилософских концепций»¹. Согласно этому определению, классиками антиутопической футурологии являются Е. И. Замятин, О. Хаксли, Дж. Оруэлл. Обратим внимание, что в их произведениях зловещую роль играют различные научно-технические средства расчеловечивания личности, попавшие в руки тоталитарной власти. Замятина беспокоила агрессивная формализация образа жизни; О. Хаксли опасался биотехнологического порабощения людей; Дж. Оруэлл тревожило господство информационных технологий.

Евгений Иванович Замятин (1884–1937) по праву считается первооткрывателем жанра. Его роман-антиутопия «Мы» (1920) рисовал отталкивающий образ казарменного коммунизма, уничтожающего во имя обезличенного коллективизма живое разнообразие индивидуальностей. Психологическая драма героев романа разворачивается на фоне

¹ Тузовский И. Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий / Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2009. – С. 149.

.....

строительства и последующего опытного запуска грандиозного космического корабля «Интеграл». Цель проекта – «стеклянным, электрическим, огнедышащим Интегралом проинтегрировать бесконечное уравнение Вселенной» с тем, чтобы «благодетельному игу разума подчинить неведомые существа, обитающие на других планетах, быть может, еще в диком состоянии свободы. Если они не поймут, что мы несем им математически безошибочное счастье, наш долг заставить их быть счастливыми».

В РСФСР роман не публикуют, тогда рукопись передается в Прагу, где она издается на чешском языке. В 1924 г. появляется английский перевод романа, а в 1927 году «Мы» выходит на русском языке в той же белогвардейской Праге. После этого Замятин утратил возможность печататься на родине. После длительных хлопот, при помощи Горького и с разрешения Сталина в 1931 году он уезжает за границу и через шесть лет умирает в Париже. Главный пафос романа – в протесте против уродливой формализации и регламентации общественной и личной жизни. Замятин не использует термин «информация», но очевидно, что «заставить людей быть счастливыми» и создать монолитное Мы-общество во главе с «тяжелым, каменным, как судьба» Благодетелем, невозможно без информационной обработки психики. Поэтому правомерно считать футуристическое творение Е. И. Замятина предтечей антиутопий информационного общества.

Олдос Хаксли (1894–1963) – английский писатель-интеллектуал, выразил свои тягостные предчувствия в сатирическом романе «О дивный новый мир» (1932). В предисловии к переизданию романа в 1946 году автор писал, что жизнь может быть радикально изменена в своем качестве только с помощью наук о жизни. Науки же о материи, употребленные определенным образом, способны либо уничтожить жизнь, либо сделать ее донельзя сложной и тягостной. Освобождение атомной энергии означает великую революцию в истории человечества, но не наиглубиннейшую и окончательную (если только мы не взорвем, не разнесем себя на куски, тем самым положив конец истории). Революцию «действительно революционную», по убеждению О. Хаксли, следует осуществлять не во внешнем мире, а в душе и теле человека. В качестве радикального средства преобразования человеческого общества Хаксли выбирает рационально и научно обоснованные биотехнологии¹.

Действие этого романа-антиутопии происходит в вымышленном Мировом Государстве семь столетий спустя после нашего времени. Государством управляет тоталитарная технократия, руководствующаяся принципами

¹ Хаксли О. О дивный новый мир. – СПб.: Амфора, 1999. – 541 с.

целесообразности и стабильности. Для того, чтобы обеспечить социальную стабильность, верховная власть с помощью биотехнологий осуществляет последнюю, внутриличностную, «поистине революционную» революцию. Цель этой революции состоит в том, чтобы превратить население в покорных рабов, которых не надобно принуждать, ибо они будут любить свое рабство. Любовь к рабству может утвердиться только как результат глубинной, внутриличностной революции в людских душах и телах. Чтобы осуществить эту революцию, считает Хаксли, требуются, во-первых, значительно усовершенствованные методы внушения через привитие малым детям условных рефлексов и соответствующих лекарственных средств для старших возрастов; во-вторых, детально разработанная наука о различиях между людьми, которая позволит государственным администраторам определять каждого человека на подходящее ему место в общественной и экономической иерархии; в-третьих, заменитель алкоголя и других наркотиков, менее вредный, и дающий большее наслаждение, чем джин или героин; в-четвертых, надежная система генетической селекции, предназначенная для того, чтобы врожденно дифференцировать людей и тем самым облегчить задачу администраторов.

В дивном новом мире, спроектированном Хаксли, перечисленные задачи успешно решены. Дети здесь не рождаются натуральным путем, а выращиваются в специальных инкубаторах «ин витро» (вспомним легендарных гомункулусов). Причем выращиваются они в разных условиях, поэтому получаются совершенно разные особи. Уже на стадии развития эмбриона будущие граждане дивного мира разделяются на пять каст, различающихся умственными и физическими способностями: от «альф», людей первого сорта, обладающих максимальным умственным развитием, до примитивных «ипсилон», способных лишь к однообразному физическому труду. Зародыши появляются на свет из стеклянных бутылей — это называется Раскупоркой. Дети разных каст воспитываются по-разному. Посредством гипнопедии (гипнотического воздействия во сне) у них фиксируется в подсознании пиетет перед более высокой кастой и презрение к кастам низшим. С полутора лет начинается «смертовоспитание». Каждый малыш дважды в неделю проводит утро в крематории. Там его ожидают самые интересные игрушки и шоколадные пирожные. Ребенок приучается воспринимать умирание, смерть как нечто само собою разумеющееся. Короче говоря, даже после раскупорки особи дивного мира продолжают находиться в бутылки — в невидимой бутылки рефлексов, привитых эмбриону и ребенку.

Дивный мир беззаботно живет сегодняшним днем, забыв об истории человечества. «История — сплошная чушь». Эмоции, страсти — это то, что

.....

может лишь помешать человеку. Зачем любовь, к чему переживания и драмы? Поэтому детей с самого раннего возраста приучают к эротическим играм, учат видеть в существе противоположного пола партнера по наслаждениям. Здесь нет искусства, есть только индустрия развлечений. Синтетическая музыка, электронный гольф, «синоощущалки» – фильмы с примитивным сюжетом, смотря которые реально ощущаешь то, что происходит на экране. Развлечения, связанные с уединением, не поощряются, поэтому в библиотеках хранится только справочная литература. Если же почему-то испортилось настроение – это легко исправить: надо принять один-два грамма сомы, легкого наркотика, который немедленно успокоит и развеселит. «Сомы грамм – и нету драм».

Хаксли довольно выразительно описывает разделение труда между разными кастами на заводском предприятии: холодную штамповку выполняли восемьдесят три чернявых, круглоголовых и почти безносых дельтовика; Полсотни токарно-револьверных автоматов обслуживались полусотней горбоносых рыжих гамм; персонал литейной составляли сто семь сенегальцев-ипсилон, с бутылки привычных к жаре; резьбу нарезали тридцать три желто-русые, длинноголовые, узкобедрые дельтовички, ростом все как одна метр шестьдесят девять сантиметров (с допуском плюс-минус 20 мм) и т. д. Проверку собранных изделий производили восемнадцать схожих как две капли воды курчавых шатенок в зеленой гамма-форме; упаковкой занимались тридцать четыре коротконогих левши из разряда «дельта-минус», а погрузкой в ожидающие тут же грузовики и фургоны – шестьдесят три голубоглазых, льнокудрых и веснушчатых ипсилон-полукретинов. Администрация завода с удовлетворением констатировала, что не знает никаких забот со своими рабочими, ибо все находятся в генетически предопределенной привычной жизненной колее, и поэтому все счастливы. Главная интрига антиутопии заключается в случайном появлении Дикаря – юноши, воспитанного не гипнопедией, а произведениями Шекспира. Разумеется, его протест против бесчеловечности «дивного нового мира» заканчивается трагически.

Уместно вспомнить, что термин «футурология» получил распространение в начале 1940-х годов, благодаря энергичной пропаганде со стороны Олдоса Хаксли. На его счету также введение в оборот термина «психоделика» (психоделика – творчество под воздействием наркотиков или других искусственных возбудителей). По-видимому, призрак «дивного мира» неотступно преследовал его творца. В 50-е годы певец биологических технологий решил испытать их действие на себе: он принял участие в экспериментах с психоделическими препаратами. Эссе «Двери

восприятия» (1954) и «Рай и ад» (1956), посвященные описанию его ощущений, в 60-е годы приобрели широкую популярность и создали их автору репутацию апостола «психоделической революции». Печать психотропного вдохновения лежит на двух его последних романах. В 1958 году О. Хаксли издал роман «Возвращение в дивный новый мир», где «дивный мир» предстает перед читателями гораздо более чудовищным порождением тоталитаризма, чем четверть века назад. А через несколько лет в романе «Остров» (1962) рисуется мажор-утопия, прямо противоположная антиутопическому «дивному миру». На вымышленном острове Пала люди живут свободно и счастливо, не прибегая к рецептам западной цивилизации, а руководствуясь буддистским и индуистским учениями. Хаксли скончался от передозировки наркотика в Лос-Анджелесе (США).

Джордж Оруэлл (настоящее имя Эрик Блер) (1903–1950) имел перед глазами и «опыт Гитлера» и «опыт Сталина». Главная отличительная черта творчества Оруэлла – поиск правды и провозглашение правды, несмотря ни на что. Он признавался: «Когда я сажусь писать книгу, я не говорю себе „Хочу создать произведение искусства“. Я пишу её потому, что есть какая-то ложь, которую я должен разоблачить, какой-то факт, к которому нужно привлечь внимание, и есть желание – главная моя забота – постараться быть услышанным». Оруэлл обладал удивительным даром предвидения. Еще в 1934 г. в рецензии на «Майн кампф» он поставил рядом имена Гитлера и Сталина. В 1939 г. в романе «На свежий воздух» он предрекает, что после войны (её еще не было, но он её предчувствовал) наступит век тоталитаризма, век резиновых дубинок и очередей за продуктами, лозунгов и садизма. Главными предметами его раздумий были «власть» и «социализм». Эти раздумья воплотились в 1948 году в роман «1984», ставший вершиной «тоталитаристской» антиутопии XX века.

Если Е. И. Замятин первый ощутил, что коллективистское «мы» может подавить свободу и счастье человеческого «я»; если О. Хаксли мучился опасениями, что данный природой многоцветный мир катится к мрачной одноцветности и стандартизации, то опасность, о которой предупреждал Дж. Оруэлл, – это неограниченный и циничный разгул самодовольной и жестокой тирании. Действие романа происходит не в отдаленном будущем, а через 35 лет – в 1984 году, когда Англия окажется в составе тоталитарной империи Океания. Коварные властители насаждают «двоемыслие», «новояз», тотальный обман и тотальный контроль. Автор вкладывает следующее откровение в уста одного из идеологов «внутренней партии» О'Брайена: «Партия стремится к власти исключительно в своих интересах. Нас не интересует благо других. Нас интересует только власть.

.....

Ни богатство, ни роскошь, ни долголетие, ни счастье — ничто, только власть, власть в чистом виде.... Немецкие нацисты и русские коммунисты были близки к нашим методам, но даже им не хватило смелости осознать собственные побуждения. Власть — цель, а не средство, а революцию делают для того, чтобы установить диктатуру. Цель насилия — насилие. Цель пытки — пытка. Так вот, цель власти — власть».

В отличие от О. Хаксли, Оруэлл вооружает тоталитарную власть не биотехнологиями, а информационными технологиями. Главным средством тотального управления огромной империей служит «телеэкран» — плоский дисплей во всю стену, который может принимать и посылать изображения в вездесущее Министерство Любви (министерство внутренних дел). Электронная коммуникация позволяет слышать каждое слово и видеть каждое движение обывателей. Журналист Оруэлл не забывает об идеологическом воспитании населения, которое осуществляет Министерство Правды (министерство пропаганды). В задачи этого министерства входят фальсификация истории, укрепление любви к Старшему Брату и ненависти к его противникам. Для решения этих задач требуется мощный механизм дезинформации, который детально, убедительно и публицистически ярко раскрыт в романе. Оруэлл — мастер убийственных афоризмов и парадоксов антиутопического толка. Например: «Если вам нужен образ будущего, вообразите сапог, топчущий лицо человека. Лицо для растаптывания всегда найдется»; «Кто контролирует прошлое, — контролирует будущее, кто контролирует настоящее, контролирует прошлое»; «Статистика в первоначальном виде — такая же фантазия, как и в исправленном» и т. д.

Роман “1984” интересен для нас в том отношении, что представленное в нем общество можно рассматривать как *информационное общество тоталитарного типа*. Оруэлл показывает, что информационные средства могут использоваться для полицейского контроля, для управления общественным сознанием, для идеологической интоксикации общества. Собственно говоря, тоталитаризм невозможен без служащего ему развитого информационного обеспечения. Так было в середине XX века, но появление персональных компьютеров и демократизация сети Интернет нарушили монополию власти на распространение информации. Старший Брат уже не может цензурировать электронную коммуникацию и безнаказанно дезинформировать мировое сообщество. Теперь не только Старший Брат наблюдает за народом, но и народ получает возможность наблюдать за Старшим Братом, поскольку правительствам волей-неволей приходится обнародовать больше информации о своей деятельности. Отсюда можно сделать оптимистический вывод, что антиутопия Оруэлла

устарела, поскольку современное информационное общество не может быть тоталитарным, а Всемирная паутина – гарантия демократии¹. Боюсь, что если бы Оруэлл услышал вывод о конце информационных антиутопий, он бы изрек: «Антиутопия суть утопия; утопия суть антиутопия».

Наш краткий обзор литературных утопий и антиутопий показывает, что, начиная с пробуждения в XVII веке исследовательского духа Нового времени и до середины XX столетия, загадка будущего общества интриговала европейских мыслителей. Большинство оптимистов уповали на могущество человеческого разума и научно-технический прогресс. Но были и пессимисты-скептики. Например, Жан-Жак Руссо (1712–1778) в трактате «Рассуждение по вопросу „Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов?“» (1750) пришел к выводу, что за деньги можно приобрести все, кроме добрых нравов и обычаев добрых граждан². Правда, гениальные ученые XX столетия, стоявшие у истоков идеи информационного общества, редко задумывались над этическими последствиями реализации их открытий. Обратимся теперь непосредственно к истории зарождения и развития идеи информационного общества.

1.2. ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИДЕИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Идея информационного общества зародилась в лоне индустриальной цивилизации, которая, надо признать, довольно богата техническими новациями цивилизационного масштаба. Как известно, в XIX столетии произошла транспортная революция, и человечество обрело железные дороги, пароходы, автомобили, авиацию. В XX веке радиоэлектроника и микроэлектроника преобразили массовую коммуникацию. Идея построения информационного общества не уступает им ни в значимости, ни в масштабности, и её позволительно поставить в ряд фундаментальных цивилизационных проектов. Отличие последней от предыдущих техногенных социокультурных изменений в том, что она представляет собой футурологическую гипотезу, а предыдущие идеи уже социализированы, то есть стали элементом образа жизни современного общества. Опыт реализованных техногенных преобразований интересен для нас в том отношении, что он показывает те этапы, которые, вероятно, предстоит пройти идее информационного общества на пути к её социально-культурному воплощению. Вот эти этапы:

¹ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. – М.: Изд-во АСТ, 2008. – С. 14–15.

² Руссо Ж.-Ж. Трактаты. – М.: Наука, 1969. – С. 22.

.....

1. *Зарождение идеи (эмбриональный этап)* – появление в научных публикациях понятия информации и обсуждение научным сообществом связанной с ним информационной проблематики. В практической области искусными умельцами изготавливаются первые опытные образцы электронных вычислительных машин (1940-е – 1950-е годы) и появляются отдельные специалисты (программисты, инженеры-электронщики) – предвестники будущих профессиональных информационных групп. Писатели-фантасты и футурологи красочно описывают общество будущего под различными псевдонимами, ибо понятие «информационное общество» отсутствует.

2. *Культивация идеи (концептуальный этап)* – осмысливающие перспективы человечества ученые и философы, рассматривая информацию как важнейший социальный фактор, предлагают неологизм «информационное общество» и начинают разработку концепций грядущего информационного общества¹. Мысль об информационно-технологической революции и становлении «информационной эпохи» одобрительно воспринимается академическими кругами. В популярной массовой литературе тиражируются книги и журнальные статьи, посвященные информационной тематике вообще и идее информационного общества в частности. На этом этапе (1960-е – 1970-е годы) начинается подготовка дипломированных информационных работников и формирование профессионального самосознания социальных групп, связанных с радиоэлектронной, информационно-вычислительной, телемеханической техникой в военной и гражданской сферах. Формируется субкультурная группа любителей-энтузиастов, практикующих, как правило, в инициативном порядке доработку и практическое использованием информационных технологий. (Вспомним, первых автомобилистов, радиолюбителей, аквангистов, планеристов). На этапе культивации идеи информационного общества оно реально предстает в качестве *социальной группы*, то есть в узкосоциологическом его понимании.

3. *Утилизация идеи (государственно-коммерческий этап)* – время признания полезности идеи информационного общества государственной властью и структурами бизнеса. Информационные технологии трансформируются согласно требованиям массового производства, формируется рынок компьютерной аппаратуры и информационных услуг, возникает информационный сектор национальной экономики. Решающее значение

---

¹ *Культивацией* в агрономии называется рыхление и обработка вспаханной почвы с подрезанием сорняков. Мы используем этот термин в качестве метафоры, обозначающей подготовку социально-культурной среды к восприятию идеи информационного общества и соответствующую разработку самой идеи

[illegible][illegible]

[REDACTED]

[illegible]

каналов и, соответственно, социально-профессиональных групп, которые можно считать первыми профессионалами в области информационного обслуживания¹. Мануфактурное книгопечатание, основанное на технологии Иоганна Гутенберга, породило профессии книгопечатников (типографских работников) и книготорговцев, обеспечивших расцвет просвещения и литературы в эпохи Возрождения и Просвещения. XIX век стал свидетелем развития газетно-журнального дела и появления профессиональных литераторов и журналистов. Изобретение телеграфа (1837) и телефона (1876), образование всемирных телеграфных агентств знаменовали первый шаг к становлению глобальной информационной инфраструктуры, основанной на проводной электросвязи. Второй шаг состоялся в первой половине XX века, благодаря развитию радиовещания, телевидения и других отраслей радиотехники. Теперь образовался достаточно весомый и представительный информационный сектор в экономике индустриально развитых стран, располагающий многотысячным корпусом научных и инженерно-технических работников. Они осознавали свою профессиональную общность и создавали добровольные общества (союзы, ассоциации) инженеров-электриков, радиотехников, связистов и т. д. с собственными уставами, этическими нормами, специальной коммуникацией, но о формировании особого «информационного общества» речи не было.

Третьим шагом к социальному признанию профессиональной категории информационных специалистов стали 40-е – 50-е годы, отмеченные явлением «информационного кризиса» (информационного взрыва, информационного бума). В обстановке «холодной войны» была осознана решающая роль науки в соперничестве великих держав, научные исследования и разработки (особенно военно-промышленного профиля) получили приоритетное развитие. Это стимулировало научно-техническую революцию, одним из главных направлений которой стали вычислительная техника и кибернетика. В зарубежной и отечественной науке произошло знаменательное событие: функциональная специализация ученых на теоретиков, прикладников-разработчиков, управленцев и специалистов в области научно-информационной деятельности. Именно последние взяли на себя задачу преодоления кризиса научной коммуникации путем содержательного отбора, аналитико-синтерической переработки, поиска, хранения и доведения до пользователя релевантной научной информации. Для решения этой задачи им потребовались вычислительные машины,

¹ Лопатина Н. В. Информационные специалисты: социология управления. – М.: Академический проект, 2006. – С. 80–97.

A

A

[illegible][illegible]

Винер рассуждал так: «Удел информации в типичном американском мире состоит в том, чтобы превратиться в нечто такое, что может быть куплено или продано.... Эта точка зрения приводит к неправильному пониманию информации и связанных с ней понятий и к дурному обращению с ними». Далее, иллюстрируя свою мысль на примере патентного права и реальной практики изобретательства, он категорически утверждает: «Информация и энтропия в равной мере непригодны для того, чтобы быть товарами»¹. Следовательно, будущее информационное общество, по Винеру, не должно строиться на основе частной собственности на информацию и по законам информационного рынка. Ученый-гуманист высказывал надежду, что «новые возможности будут использоваться во благо человека, в интересах увеличения его досуга и обогащения его духовной жизни, а не только для получения прибыли и поклонения машине как новому идолу»².

Технократическая установка «отца кибернетики» проявляется тогда, когда он рассматривает человека как «специфический тип машины» и последовательно руководствуется постулатом, что «физическое функционирование живых индивидуумов и работа некоторых из новейших информационных машин совершенно параллельны друг другу в своих аналогичных попытках управлять энтропией путем обратной связи». Отсюда он делает вывод, что «понимание общества возможно только на пути исследования сигналов и относящихся к нему средств связи и что в будущем развитию этих сигналов и средств связи, развитию обмена информацией между человеком и машиной, между машиной и человеком и между машиной и машиной суждено играть все возрастающую роль»³. Действительно, человеко-машинный интерфейс имеет важнейшее значение в современных информационных системах, но утверждение о том, что понимание общества возможно только путем исследования циркулирующих в нем информационных потоков, — явное технократическое преувеличение.

Технократической по существу является также идея количественного измерения информации, получившая признание в классической кибернетике. Норберт Винер, характеризуя информационные процессы в кибернетических системах, писал: «Понятие количества информации совершенно естественно связывается с классическим понятием статистической механики — понятием энтропии. Как количество информации

¹ Винер Н. Кибернетика и общество // Винер Н. Творец и Будущее. — М.: Изд-во АСТ, 2003. — С. 129–130; 133.

² Винер Н. Кибернетика и общество // Винер Н. Творец и Будущее. — М.: Изд-во АСТ, 2003. — С. 188.

³ Винер Н. Творец и Будущее. — М.: Изд-во АСТ, 2003. — С. 17.

Необходимо отметить, что Клод Шеннон был очень осторожен в употреблении термина «информация» и свою основополагающую статью он озаглавил не «теория информации», а «теория коммуникации». Дело в том, что теория Шеннона, получившая впоследствии название «шенноновская теория информации», на самом деле касается больше передачи кодированных сигналов, чем информации в обыденном понимании (сведения, смыслы). Она заботится об обеспечении надежной техники связи, а не о понимании адресатом смысла сообщения. Поэтому в её пределах «совокупность 100 букв, выбранных случайным образом, фраза в 100 букв из газеты, из пьесы Шекспира или теоремы Эйнштейна имеют в точности одинаковое количество информации»².

¹ Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. – М.: Сов. радио, 1968. – С. 55.

²Бриллюэн Л. Наука и теория информации. – М., 1960. – С. 29.

.....

день окажется, что при помощи нескольких магических слов, таких как *информация, энтропия, избыточность*, нельзя решить все нерешенные проблемы»¹. Формальные интерпретации информации нашли широкое применение в технике связи и в вычислительной технике, но создать формализованную семантическую теорию информации не удалось.

Имя английского математика **Алана Тьюринга** (1912–1954) неразрывно связано с мировоззренческой проблемой «Могут ли машины мыслить?», изначально волновавшей кибернетическое сообщество. Его работы по сооружению первых ЭВМ и развитию методов программирования послужили основой для многих исследований в области искусственного интеллекта, и он заслуженно включается в когорту основоположников теории искусственного интеллекта. Увлеченный перспективами вычислительной техники и уверенный в том, что «машины в конце концов будут успешно соперничать с людьми во всех чисто интеллектуальных областях», А. Тьюринг в 1950 году в статье «Вычислительные машины и разум» предложил элементарный критерий определения «разумности» компьютера, известный как «тест Тьюринга»: побеседуйте с машиной, и пусть она убедит вас, что она — человек. Не углубляясь в детали, критерий Тьюринга можно сформулировать так: если в случае диалога «человек — машина» человек не может определить, является ли его собеседник другим человеком или машиной, то последнюю можно считать «разумной»².

Дискуссия вокруг интеллектуальных способностей вычислительных машин в 50-е — 60-е годы привлекла всеобщее внимание, и даже Норберт Винер не смог остаться в стороне. Правда, он занял более сдержанную позицию, чем его молодой английский коллега. На вопрос настырного журналиста «Существует ли опасность, что вычислительные машины когда-нибудь возьмут верх над людьми?» «отец кибернетики» саркастически ответил: «Такая опасность, несомненно, существует, это опасность умственной лени... Машины предназначены для службы человеку, и если человек не изобретательнее машины, то это уже слишком плохо. Но здесь нет убийства нас машиной. Здесь просто самоубийство»³.

Академик **Андрей Николаевич Колмогоров** (1903–1987) по праву имеет в мировом научном сообществе репутацию одного из классиков кибернетики. Не случайно Н. Винер однажды признался журналистам: «Вот уже в течение тридцати лет, когда я читаю труды академика Колмогорова,

¹ Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. — М., 1963. — С. 668.

² Тьюринг А. Могут ли машины мыслить? // Информационное общество: сб. статей. — М.: Изд-во АСТ, 2004. — С. 221–284.

³ Винер Н. Машины изобретательнее людей? // Информационное общество: сб. статей. — М.: Изд-во АСТ, 2004. — С. 208–209.

■ ■

[illegible][illegible][illegible]

.....

«высокоорганизованных живых существ», можно было бы говорить о создании информационного общества, но в 60-е годы академик А. Н. Колмогоров, видимо, не считал такой разговор своевременным.

В отличие от своих современников-математиков, канадский профессор в области английской филологии **Герберт Маршалл Маклюэн** (1911–1980) представляет гуманитарную элиту середины XX века. Автор блестяще написанных и оригинально оформленных книг «Галактика Гутенберга» (1962), «Медиум – это Послание» (1967), «Война и мир в глобальной деревне» (1968), он приобрел репутацию «пророка из Торонто», писателя-постмодерниста, предсказавшего становление информационного общества, основанного на электронике и компьютерной технике. Исходя из постулата, что духовный и материальный прогресс человечества определяют не орудия труда или освоение природы, не экономика или политика, а *коммуникационные каналы*, которыми располагают люди, Маклюэн предложил в зависимости от доминирующих средств массовой коммуникации (mass media) делить историю человечества на четыре эпохи.

Первобытная эпоха *«дописьменного варварства»* характеризуется наивно-непосредственным отношением людей к окружающей среде. Их высшим коммуникационным достижением была членораздельная речь, воспринимаемая слухом, отсюда – формирование «человека слушающего». «Человек слушающий», использующий естественные коммуникационные каналы, жил в открытом акустическом пространстве, был лично причастен происходящим вокруг событиям, что способствовало гармоническому развитию его психического мира. Эпоха *письменной кодификации* нарушила духовную гармонию и «сенсорный баланс» неграмотного варвара; теперь в коммуникации главенствует не слух, а зрение, не акустическое сообщение, а умопостигаемые тексты, закодированные письменами. Начал формироваться новый антропологический тип – homo legens, человек читающий. Г. М. Маклюэн заметил, что приобщение к умственным операциям кодирования-декодирования смыслов сделало человека рационалистическим и расчетливым «сторонним наблюдателем исторического процесса». На смену племенному братству пришла феодальная раздробленность (детрибализация). Однако вплоть до XV в. ороакустический (устный) и визуальный (письменный) каналы коммуникации находились в относительном равновесии.

Эпоха *Гутенберга* окончательно покончила с природной гармонией нашего первобытного предка. Наступила «типографская эра», давшая возможность обращаться к массовой «безличной» аудитории. Человек становится «умнее» не за счет общения с другими людьми, а за счет

A

[illegible][illegible][illegible]

.....

информационно-техническая среда обитания должна изменить образ жизни людей и вызвать формирование стереотипов, поведенческих установок, ценностных ориентаций, которые были неведомы предыдущим поколениям. Правда, «Пророк из Торонто» не учитывал появления персональных компьютеров, банков данных с дистанционным доступом, электронной почты, «мировой паутины» Интернет, но он предвидел «гипермедиа» – единство звука, статических и динамических изображений, реализованное ныне в системах мультимедиа.

Я полагаю, что есть основание считать Герберта Маршалла Маклюэна *пророком информационно-технологической, мультимедийной коммуникационной культуры*, хотя он не использовал термин «информация» в своих произведениях. Логично также формирующуюся на наших глазах глобальную информационно-коммуникационную среду назвать не «глобальной деревней», а *Галактикой Маклюэна*. Заслуга «пророка из Торонто» состоит в том, что он отметил этапы большого пути изобретательного человечества из первобытного варварства к техногенной цивилизации и актуализировал интригующую коммуникационно-культурологическую перспективу: исход современного человечества из Галактики Гутенберга в Галактику Маклюэна, преобразование односторонне развитого корыстного эгоиста в антропологически полноценную личность. Собственно говоря, Галактика Маклюэна – это то самое мифическое информационное общество, которое рекламируют производители информационной техники.

1.2.2. Культивация идеи информационного общества происходит тогда, когда эта идея используется для описания, объяснения и прогнозирования социально-культурных процессов, то есть для решения *познавательных проблем*, лежащих в русле социальной философии. Творческое осмысление идеи, как правило, вскрывает возможности практического её применения вне сферы научно-философского познания и культивация идеи информационного общества естественным образом сращивается с её *утилизацией* (см. далее). Культивация и утилизация идеи информационного общества тесно связаны с впечатляющим прогрессом наукоемких информационно-компьютерных технологий и потенциала вычислительной техники, о которых скажем несколько слов.

В середине 60-х годов появились компьютеры третьего поколения, реализованный на миниатюрных *интегральных схемах* (чипах – от chip «тонкий кусочек»). Благодаря переходу от транзисторов (элементной базы компьютеров второго поколения) к интегральным схемам уменьшились стоимость и размеры, возросли надежность и производительность электронных вычислительных машин. Еще одно кардинальное технологическое

новшество состояло в переходе на выпуск машин *семействами*, включающими ряд моделей, различающихся стоимостью и физическими параметрами, но имеющими одинаковую логическую структуру и технологию обработки информации. Внутри семейства стал возможен обмен программами и данными, благодаря чему были созданы предпосылки для построения распределенных *информационных сетей*. Всемирное признание получило семейство IBM 360, включающее несколько десятков программно-совместимых моделей (отечественный аналог – единая серия машин ЕС ЭВМ).

В первой половине 70-х годов происходит переход от обычных интегральных схем к схемам с большой плотностью монтажа – *большим интегральным схемам* (БИС). Если обычные интегральные схемы заменяли тысячи транзисторов, то одна БИС эквивалентна сотням тысяч и даже миллионам транзисторных элементов. Новые технические возможности предопределили разделение прогресса вычислительной техники на два направления: разработка уникальных суперкомпьютеров повышенной мощности и массовое производство персональных микрокомпьютеров. В русле первого направления находятся компьютеры четвертого поколения, представленные семейством IBM 370 и отечественной разработкой «Эльбрус». Известен заявленный в начале 80-х годов японский проект компьютеров пятого поколения, предусматривавший компьютерное самопрограммирование и человеко-машинный диалог на естественном языке. Однако полностью реализовать проект не удалось до сих пор. Второе направление оказалось более востребованным. В 1971 был изготовлен первый микропроцессорный чип Intel 4004, затем другие микропроцессоры, которые послужили элементной базой для персональных компьютеров. С 80-х годов началась эра персональных компьютеров, мощности которых быстро возрастали. Получили распространение сетевые интерактивные технологии, которые вытеснили информационные системы с централизованным хранением и обработкой данных. При этом стоимость вычислений упала приблизительно с 75 долл. на 1 операций в 1960 г. до менее 0,01 цента в 1990 г. Мощные чипы в 80-е – 90-е годы получили широкое распространение в повседневной жизни – от стиральных машин до автомобилей. В области коммуникационной техники были достигнуты крупные успехи в развитии оптоэлектронных технологий (волоконная оптика и лазерные передачи), цифровой пакетной передачи по линиям связи, освоении широкого спектра микрорадиоволн.

Надо признать, что, хотя авторство термина «информационное общество», как уже отмечалось, принадлежит японским информатикам,

.....

трудившимся над компьютером пятого поколения, для общественного признания идеи информационного общества более убедительным аргументом послужило не строительство гигантских и уникальных суперкомпьютеров, а массовое распространение доступных микрокомпьютеров индивидуального пользования. Первоначально микрокомпьютеры применялись для управления сложными технологическими процессами, находящимися (по объему информации или скорости протекания) за рамками непосредственного контроля человеком-оператором, но вскоре вошли во все социально-культурные сферы экономики, политики, коммуникации, обыденной жизни. Информационно-вычислительная техника, наряду с ядерной энергетикой и космическими полетами, стала общепризнанным символом научно-технической революции и, по словам восторженных энтузиастов, «ярчайшей демонстрацией возможностей человеческого гения».

Собственно говоря, эти факты можно расценивать как неопровержимое свидетельство трансформации промышленной цивилизации, сложившейся в европейских странах в Новейшее время (XX столетие), в новую общественно-экономическую формацию, которую резонно назвать «информационным обществом». Культивация, то есть всестороннее осмысление идеи информационного общества и аккумуляция её массовым сознанием, действительно, подталкивает к такому выводу. Тем более, что фантастический прогресс информационно-вычислительной техники стимулировал не только взлет научной фантастики, но и серьезные социально-философские раздумья относительно будущего человечества. В качестве иллюстрации остановимся на трудах трех выдающихся мыслителей второй половины XX века – писателя и футуролога Станислава Лема (Польша), математика и кибернетика Никиты Моисеева (Россия), философа-социолога Жана Бодрийара (Франция).

Станислав Лем (1921–2006) – автор более 30 научно-фантастических романов и сборников рассказов, многие из которых экранизированы в разных странах («Солярис», «Следствие», «Звездные дневники Ийона Тихого» – неоднократно). Увлекательно и остроумно написанные художественные произведения С. Лема посвящены внеземным цивилизациям, формам существования интеллекта, робототехнике, биотехнологиям, будущему технологическому прогрессу. Одним из первых польский мыслитель в романе «Футурологический конгресс» (1971) затрагивает тематику *виртуальной реальности*. Согласно сюжету, иллюзорная виртуальная реальность, создаваемая благодаря химическим препаратам, постоянно распыляемым в воздухе, скрывает от людей ужасную действительную

B

[illegible][illegible][illegible]

В заключении, специально написанном для советского издания 1968 года, помимо прочего, рассматриваются проблемы кибернетического моделирования цивилизационных процессов, в которых обнаруживается «далеко идущее совпадение с гуманистической мыслью, стремящейся отыскать оптимальные условия человеческого существования». Выступая в качестве «кибернетика-гуманиста», С. Лем приходит к выводу, что «этика, поддержанная информационным, экономическим и инструментальным расчетом» должна стать основой социалистического гуманизма¹. Призывая «отречься, наконец, от принципа неприкосновенности частной собственности», он прогнозирует, что «общественный строй, покоящийся на фундаменте частной собственности, будет все более устаревать не только в моральном, но и в чисто инструментальном смысле по мере дальнейшего хода технологической эволюции» (с. 501). По его мнению, «усиливающийся процесс технической и информационной интеграции цивилизации всего земного шара» приведет человечество на путь «этически правильный в чисто гуманистическом понимании», что позволяет смотреть в будущее «с обоснованным оптимизмом» (с. 502). Эти утверждения показывают, что автор «Суммы технологии» представлял будущее общество, во-первых, обладающим развитой информационно-технической базой; во-вторых, основанном не на принципе неприкосновенности частной собственности, а на социалистических принципах коллективного сотрудничества. Короче говоря, опираясь на кибернетическое моделирование, Станислав Лем оптимистически предвидит формирование *социалистического информационного общества*. Так было в 1968 году, но тридцать лет спустя писатель-футуролог рисует не столь радужную картину.

В 1999 году вышла в свет последняя книга С. Лема, названная им «Мегабитовая бомба»², где бывший кибернетик-романтик призывает: «В любом случае не следует доверять опытным специалистам, погрязшим с головой в гуще информационной электроники.... Рано или поздно слишком односторонне и слишком внезапно вспыхнувшие восторги и ожидания поблекнут, миллиардные прибыли растают». Поскольку «в даровой общедоступности информации капитал, несомненно, не заинтересован», Лема беспокоит тенденция «отоваривания» информационных ресурсов человечества», «глобальная приватизация информационного рынка разными преуспевающими Майкрософтами», ибо она ведет к установлению бесчеловечной «экономико-политической власти» всемирной Сети. В итоге Сеть

¹ Лем С. Сумма технологии. — М.: Мир, 1968. — С. 500.

² Фрагменты книги были оперативно опубликованы на русском языке: Лем С. Из книги «Мегабитовая бомба» // Новый мир. — 2000. — № 7. — С. 156–165.

.....

что такое чрезвычайное богатство самых разнообразных, рекламируемых как самые наиновейшие серверно-провайдерно-компьютерно-программно-дисковых приспособлений обязано своим непрерывным лавинообразным умножением, прежде всего, погоне за барышами» (с. 164–165).

Приходится констатировать, что оптимизм «Суммы технологий» уступил место пессимизму «Мегабитовой бомбы». Автор пребывает в растерянности: он по-прежнему не может примириться с капиталистической погоней за барышами, но и социалистические принципы его не привлекают. Самое неожиданное — его разочарование во всемогуществе информации. При чтении Вступления к «Мегабитовой бомбе» невольно вспоминается меланхолический романс: «Я разлюбил свои мечты». Умудренный писатель-фантаст пишет: «Большинство из нафантазированного мной воплощается в реальности. В 1975 году я позволил себе написать, что из информации возник космос. Сам я в это не верил, но написал, так как можно это было себе представить. Номер журнала *“New Scientist”* от 30 января 1999 года открывается статьей известного физика Пола Дэвиса (*Paul Davies*), который, правда с вопросительным знаком, утверждает, что вселенная является проделкой первоначальной информации, причем материя — только что-то наподобие миража, и этот ученый завершает текст написанными серьезно (но выдуманными мною двадцать с лишним лет назад не совсем серьезно) словами: «Если информация действительно должна заменить материю как самая первейшая субстанция Космоса, то нас может ожидать еще большая награда. Одной из самых старых проблем бытия является его двойственность, возникающая между душой и материей. С современной точки зрения мозг (материя) рождает мысли (ментальную информацию). Никто не знает как, но если материя является формой организованной информации, то тогда и сознание уже не так таинственно, как нам казалось». Мне кажется, что во времена «Суммы технологии» Лем возрадовался бы подтверждению своего интуитивного пророчества, теперь же он ворчит: «Не верю в то, что плод моего фантазерства явился результатом прикосновения к окончательной истине бытия, и так же не верю в окончательную первородность концепции известного физика».

Я объясняю для себя разочарованность С. Лема тем, что он так и не нашел ответа на вопрос «что такое информация?» и для него остались загадочными природа и сущность информации. Не уяснив, что есть информация, нелепо рассуждать об информационном обществе. Поэтому Лем не идеализирует, а напротив, весьма скептически оценивает идею информационного общества. Его опасения связаны с «рисками» Интернета,

искусственного интеллекта и широким распространением информационных технологий. Вот некоторые из его аргументов.

Информационно-компьютерная технология является своего рода «оргией деградации», потому что ничто не обесценивает труд больше, чем его замена автоматизированной системой. Вдобавок от внедрения сетевой автоматизации девальвируется человеческое сочувствие, в котором остро нуждаются дети, старики, больные. Компьютерная мышь не может ни накормить ребенка, ни окружить заботой умирающего. Информационную среду загрязняет страшное количество глупости и вранья. Глупость своим распространением обязана наземным и спутниковым телевизионным сетям с постоянно увеличивающимся количеством передатчиков. Типичны такие глупости, как паранормальные явления, начиная от телепатии и телекинеза, заканчивая ясновидением и астрологией, «звездные войны», когда Вселенная показывается как межкультурная гиперсупербойня. Любимая тема кинематографистов – криминальные расследования, в которых все «начинается с трупа», а далее речь идет о транспортировке наркотиков, нападениях, похищении заложников, поиске взрывных устройств, управляемых (часто) на расстоянии, и т. п. Официально не провозглашается, что «телевидение призывает к преступлению и насилию», но мы движемся в этом направлении с нарастающим ускорением.

Станислав Лем приходит к заключению, что человечество никогда не объединится ради собственного блага. Этому воспрепятствуют тщеславные и властолюбивые политики, от которых, как от руководителей, возросла сверх их умственных способностей и талантов зависимость человеческого бытия. Возможно, – предсказывает автор, – XXI век будет более жестоким по сравнению с предыдущими столетиями, и он будет существенно отличаться от «его многочисленных предвидений, украшенных жемчужинами удивительных идей». Гипотеза информационного общества как раз одно из подобных «предвидений». Мне кажется, что в глазах престарелого футуролога-гуманиста информационное общество – это руины человечества, оставшиеся после взрыва «мегабитовой бомбы».

Никита Николаевич Моисеев (1917–2000), академик Российской Академии наук и Российской Академии сельскохозяйственных наук, считается специалистом в области общей механики и прикладной математики, фактически же в круг его творческой деятельности входили не только теория управления, оптимизации и моделирования сложных систем (он известен как разработчик математических моделей возможных последствий ядерной войны, полученных в 1983 году и названных «ядерная зима» и «ядерная ночь»), но и теория эволюции, экологическая коэволюция

.....

человека и биосферы, перспективы ноосферы, философия естествознания, политологические и этические проблемы постсоветской России. В обширном библиографическом списке его научных и научно-популярных трудов фигурируют книги «Люди и кибернетика», «Слово о научно-технической революции», «Алгоритмы развития», «Социализм и информатика», «Человек и ноосфера», «Цивилизация на переломе. Пути России», «Быть или не быть ... человечеству», «Судьба цивилизации. Путь разума», названия которых говорят сами за себя. Во многих из них уделено внимание проблематике информационного общества. Эту проблематику Н. Н. Моисеев рассматривает с позиции компетентного эксперта в области кибернетики и информатики и гуманиста-энциклопедиста. Поэтому его взгляды имеют немаловажное значение для понимания процесса культивации идеи информационного общества.

Академик Моисеев исходил в своих рассуждениях из постулата, что информационное общество «действительно стоит на пороге нашей истории», но «можно говорить с полной определенностью», что оно «не сможет утвердиться на планете само по себе, без целенаправленного действия людей». По мнению академика, широкое использование вычислительной техники и информационных технологий, перестройка социальных структур и геополитической обстановки, свойственные современной *постиндустриальной* цивилизации, служат «сверхнеобходимой», но недостаточной предпосылкой перехода к информационному обществу. О становлении информационного общества можно будет говорить лишь тогда, когда сформируется общепланетарный Коллективный Интеллект.

Коллективный Интеллект (или Коллективный Разум) Н. Н. Моисеев понимает как природное явление, результат сложнейшего эволюционного процесса человека и общества, корни которого в необходимости людей думать вместе и действовать сообща, т. е. в обмене информацией, без которого развитие общества невозможно. В постиндустриальных условиях возникает возможность построения глобальной информационной системы, благодаря которой отдельным лицам становятся доступны и общие знания, и возможность вносить личный вклад в коллективную память. Коллективный Интеллект представляет собой объединение локальных интеллектов; он напоминает мозг, только в нем роль нейронов играют люди. В результате функционирования глобальной информационной системы неизбежно возникают общие оценки происходящего и формулируются коллективные решения. В итоге Коллективный Интеллект становится инструментом, преобразующим множество индивидуальных суждений, открытий, изобретений в целостную программу действий, которая позволит успешно противостоять

Академик Моисеев отдает себе отчет в том, что информационное общество должно не только опереться на все достижения компьютерной техники и средств связи, но и во многом изменить структуру существующих сейчас социальных институтов. Эти изменения он характеризует как революционные, «качественные изменения самих основ цивилизации и природы общественных отношений». По его мнению, они должны заключаться, во-первых, в объединении цивилизаций Востока и Запада в единую систему, в которой каждая цивилизация сохранит присущее ей своеобразие; во-вторых, в утверждении демократического устройства планетарного сообщества; в-третьих, в глубокой либерализации общественной жизни, прежде всего, экономики, основанной на различных формах собственности и свободной конкуренции; в-четвертых, на планете сложится ассоциация государств, суверенитет которых неизбежно будет ограничен, да и государства не будут национальными; в-пятых, ООН должна взять на себя создание международной программы становления глобального информационного общества с учетом экологических и технологических императивов, а также многочисленных проблем социальной сферы.

Моисеев предвидит, что либеральная свобода неизбежно будет порождать неравенство как внутри общества, когда «лица, не владеющие элементарной компьютерной грамотностью, окажутся на обочине общественной жизни», так и на международной арене, когда «народы, не сумевшие овладеть информационными технологиями, неизбежно окажутся на периферии исторического процесса». «Прорыв в информационное общество будет труден, – предупреждает академик. Он откроет этап истории с более острой конкуренцией, может быть, лишенной сполохов войны, но не менее жесткой для отдельного человека. Смягчение последствий такого прорыва произойдет лишь в том случае, если возникнет общепланетарное гражданское общество». Не исключаются и опасные последствия революционных преобразований постиндустриального общества. Достаточно представить себе ситуацию, которая возникнет при монополизации планетарной информационной системы и её подчинении эгоистическим интересам отдельных групп людей. Поэтому Н. Н. Моисеев завершает свой проект построения информационного общества призывом: проблемы формирования информационного общества – коллективная забота всего человечества!¹

¹ Концепция Н. Н. Моисеева изложена по его произведениям: Моисеев Н. Н. Информационное общество: возможность и реальность // Информационное общество:

В футурологической концепции Никиты Николаевича Моисеева, которую он сам называл «конструктивной утопией», социально-информационная революция выступает не в качестве самоцели, а в качестве вспомогательного средства. Информационные технологии, хорошо известные академику Моисееву, он предложил использовать для построения Коллективного Интеллекта, который необходим не для дальнейшего роста экономических ресурсов, а для того, чтобы остановить самоубийственную эксплуатацию природы безумным человечеством. Общество, управляемое Коллективным Интеллектом, Н. Н. Моисеев предпочел назвать «информационным», хотя логичнее было бы именовать его *«интеллектуальным обществом»*, поскольку в нем должен доминировать Интеллект, а Информация – обслуживать его потребности. По сути дела идея информационного общества трансформируется в идею интеллектуального общества. Но этого мало. Главная забота гуманиста Моисеева, которая тревожила его даже на смертном одре, – это разработка стратегии устойчивого развития грядущего человеческого общества. В своем предсмертном обращении к российской общественности он пророчески говорил:

«Вся планета, как и наша страна, находится на пороге неизвестности и непредсказуемости. Необходимо признать, что в результате человеческой деятельности нарушилось естественное равновесие природных циклов, восстановить которые известными нам методами невозможно. Деятельность человечества, вероятнее всего, ведет к деградации биосферы и не способна гарантировать существование Человека в её составе. Причина этого заключается в том, что антропогенная нагрузка на биосферу возрастает стремительно и, вероятно, близка к критической. Человек подошел к пределу, который нельзя переступать ни при каких обстоятельствах. Один неосторожный шаг – и человечество сорвется в пропасть. Одно необдуманное движение – и биологический вид *homo sapiens* может исчезнуть с лица Земли. Хочу подчеркнуть, что такая катастрофа может случиться не в каком-то неопределенном будущем, а, может быть, уже в середине наступившего XXI века»¹.

Условие предотвращения надвигающейся губительной угрозы Н. Н. Моисеев видел в гуманистическом перевоспитании нового поколения: «Человечество должно научиться жить в согласии с Природой, с её законами. Люди должны воспринимать себя не господами, а частью Природы. Новые

сб. статей. – М.: Изд-во АСТ, 2004. – С. 428–451; Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 84–90.

¹ Обращение академика Н. Н. Моисеева к участникам «круглого стола» на тему «Быть или не быть ... человечеству?» // Вопросы философии. – 2000. – № 9. – С. 5.

моральные принципы должны войти в кровь и плоть Человека. Для этого необходимо иметь не только специальное, но и гуманитарное образование. Я убежден, что XXI век будет веком гуманитарного знания, подобно тому, как XIX век был веком пара и инженерных наук». Если согласиться с этим оптимистическим убеждением Никиты Николаевича, то прогнозируемое им утопическое информационное общество правильно будет называть не только «интеллектуальным», но и «гуманистическим», поскольку в нем должен господствовать Гуманистический Интеллект, управляющий информационными технологиями во благо человечества.

Значение «конструктивной утопии» Н. Н. Моисеева для культивации идеи информационного общества заключается, на мой взгляд, в её интеллектуализации и гуманизации, то есть в преодолении одностороннего технократизма. Это весьма важный вклад в теорию информационного общества. Однако для познания сущности информационного общества необходимо соотнести идею этого общества с социально-философскими идеями нашего времени. Здесь придется преодолевать терминологический барьер, ибо философы способны рассуждать об информационных в сущности проблемах, не используя слова «информация». В этом отношении преуспели *французские постмодернисты* (постструктуралисты) Жан – Франсуа Лиотар (1924–1998), Жиль Делёз (1925–1995), Мишель Фуко (1926–1984), Жак Деррида (1930–2004). Они посвящали свои труды соотношениям вещей и знаков (смыслов), оригиналам и их копиям (симулякрам), взаимосвязям социальной реальности и виртуальной реальности. Идеи информационного общества особенно созвучны концепции Жана Бодрийара (1929–2007)¹.

Жан Бодрийар приобрел репутацию «гуру постмодернизма», «апостола технокультуры», «авангардного high-tech мыслителя», хотя сам он решительно отказывался от этой чести. Тем не менее, его произведения «Система вещей» (1968), «Общество потребления: его мифы и структуры» (1970), «К критике политической экономии знака» (1972), «Символический обмен и смерть» (1976), «Симулякры и симуляция» (1981), «В тени молчаливого большинства, или Конец социального» (1982), «Экстаз коммуникации» (1983), «Прозрачность зла» (1990) стали классикой постмодернистской философии. Бодрийар – широко и оригинально мыслящий исследователь современного буржуазного общества. В его творчестве, по словам

¹ В русскоязычной литературе практикуется транслитерация «Бодрийар». Мы не будем её использовать, так как по нормам французского языка фамилия Baudrillard звучит как «Бодрийар», а сочетание букв «йя» эквивалентно «ййа», что избыточно. Тем не менее, в ссылках на литературу сохраним авторские написания.

.....

отечественного философа В. Ю. Кузнецова, присутствуют «переходы от кибернетических моделей к информационным потокам, от биологических метафор к образам идеологии, от концепций языка к маркетинговым исследованиям, от циркуляции даров к отсрочке смерти, от метафизики кодов к ускользающему эротизму повседневности, и т. д., и т. п.»¹. Бодрийяр не углублялся в информационную проблематику и не употреблял термин «информационное общество». Несмотря на это, его социально-философские обобщения имеют методологическое значение для культивации идеи информационного общества.

Эволюцию человечества Бодрийяр делил на три стадии: 1) «Первобытное» (докапиталистическое) общество; 2) Стадия «политической экономии», соответствующая буржуазно-капиталистическому (индустриальному) обществу; 3) Современная стадия общества потребления, для которой характерно вытеснение социальных реалий симулякрами – фантомами социальных явлений и событий. Остановимся на двух ключевых понятиях социально-философской концепции Жана Бодрийяра: симулякр и гиперреальность.

Понятие *симулякра* (видимости, подобия) восходит к учению Платона об эйдосах – исходных идеях вещей, по отношению к которым в реальном мире возможны верные или неверные воплощения. Симулякры представляют собой неверные воплощения идеального образца, тем не менее, порожденные им и в чем-то с ним сходные. Платоновскую интерпретацию симулякра реанимировал постмодернист Жиль Делёз в книге «Логика смысла» (1969), затем, по-своему его переосмыслив, понятие «симулякр» взял на вооружение Жан Бодрийяр. Бодрийяр обнаружил в европейской культуре последовательную смену «трех порядков симулякров»: *подделка*, которая господствует со времен Возрождения до промышленной революции; *производство*, тиражирующее серийные дубликаты промышленной эпохи; *симуляция* – источник симулякров современного типа². Автоматы-андроиды, представляющие собой «театральную подделку человека средствами часовой механики» и стремящиеся как можно точнее уподобиться реальному человеку, Бодрийяр называет «симулякрами первого порядка», а серийно производимые роботы, ориентированные не на сходство с человеком, а на «механическую эффективность», представляет в качестве примера симулякра второго порядка. Наступление

¹ Кузнецов В. Бодрийяр и симулякры // Бодрийяр Ж. К критике политической экономики знака. – М.: Академический проект, 2007. – С. 6.

² Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, Издательство КДУ, 2011. – С. 113.

эпохи серийного производства симулякров второго порядка автор связывает с утверждением «рыночного закона стоимости и свойственного ему расчета сил». Основным событием современности Бодрийар объявляет «агонию реального и рационального, открывающую эру симуляции и симулякра».

Французский мыслитель в своих трудах довольно ярко охарактеризовал отличительные особенности новой эры развития западной цивилизации. В конце 50-х – начале 60-х годов быстро богатеее западное общество стало именовать себя «обществом изобилия, обществом благоденствия», а в европейской науке закрепился термин «общество потребления». В книге «Общество потребления. Его мифы и структуры» Бодрийяр выступил решительным критиком иллюзорного благополучия. Он показал, что непрерывный рост производства при капитализме не может привести к всеобщему благоденствию и изобилию, так как он порождается и неизбежно сопровождается социальным неравенством и стимулирует, с одной стороны, расточительство, а с другой стороны, обнищание.

Главное открытие философа-социолога заключается в обнаружении явления *знакового потребления*, когда потребителя привлекают не реальные качества объекта, а присущая ему знаковость (знак престижности, моды, фирменный знак, бренд и т. п.). Знаковое потребление в экономически развитых обществах охватывают не только рыночные отношения и материальные ценности, но и труд, досуг, историю, науку и культуру в целом. Вся личная и общественная жизнь превращается в симуляцию реальной деятельности, в манипулирование не реальными объектами, а их знаками, то есть симулякрами. В результате разрушаются социальные, политические, культурные ценности и традиции, и их место занимает движение знаков-симулякров. Сама власть, как и политическая оппозиция, превращаются в симулякры и не производят ничего, кроме знаков своего подобия. Превращение культуры в потребляемый симулякр Бодрийяр демонстрирует на примере поп-арта, цель которого заключается в том, чтобы низвести произведения искусства до уровня предметов потребления.

Эра «симуляции и симулякра» отличается от эпохи индустриального общества, практиковавшей более-менее адекватное отражение некоей фундаментальной реальности, свойственным постиндустриальному обществу разрывом связей с какой бы то ни было реальностью. Этот разрыв «знаменуется переходом от знаков, которые что-то скрывают, к знакам, которые скрывают, что ничего и нет; если первые еще отсылают к теории истины (на горизонте которой остается и теория идеологии), то вторые возвещают эру симулякров и симуляции». В результате фундаментальная реальность подменяется своей симуляцией, которая воспринимается как

«более реальное, чем сама реальность», и поэтому именуется *гиперреальностью*. В настоящее время оригинал и его симулякр сосуществуют в одном культурном контексте, когда статус знака и его денотата неразличимы. В дальнейшем же фундаментальная реальность завершит свою историю, уступив место симулятивной гиперреальности симулякров.

Опасным симптомом «конца истории», по Бодрийару, является феномен «молчания масс», когда народные массы оказываются апатичными, равнодушными к призывам благоразумных лидеров. Распространяющийся уход масс в область частной жизни есть форма пассивного сопротивления симулякру политической власти. Формой активного сопротивления является терроризм. Философ пророчит, что треугольник «масса – СМИ – терроризм» может стать пространством катастрофы современной цивилизации. «Молчаливое большинство» – это бездна, разверзшаяся перед властью и бесследно поглощающая всю её энергию. Всякое горение осталось в прошлом, сохраняется лишь фикция политического универсума – власть превращается в свой собственный симулякр.

Апокалипсические предчувствия переполняют эссе «Прозрачность зла» (1990) и другие публикации 90-х годов. По мысли Бодрийара, человечество утратило ориентиры и «спешит в пустоту»; «идея прогресса исчезла, но прогресс продолжается»; привлекательность фирменного знака важнее качества товара; все сущее продолжает функционировать, тогда как смысл существования давно исчез. Люди разочаровались в своем уме; они загоняют его в машины, чтобы иметь возможность играть с ним и насмехаться над ним, Доверить свой интеллект машине – значит отказаться от претензии на знание. Стареющий философ пишет: «Как очки и контактные линзы стали нашими родовыми протезами, так и компьютер становится искусственным протезом теряющих способность мыслить людей». «Наш Апокалипсис не реальный, а виртуальный, – утверждает он. – И он не в будущем, а имеет место здесь и теперь.... Из-за вмешательства числовых, кибернетических и виртуальных технологий мы уже по ту сторону реальности, а вещи уже по ту сторону их разрушения.... Мы – в апогее информации. Погребенные в глубине media, мы больше не можем сказать, произошло ли что-то или нет»¹.

Проблему информации Бодрийар рассматривал не комплексно, а только на уровне массовой информации. Отсюда его вывод о том, в нашем мире «становится все больше и больше информации и все меньше и меньше смысла». «Утрата смысла напрямую связана с растворяющим,

¹ Грицанов А. А., Кацук Н. Л. Жан Бодрийар. – Мн.: Книжный дом, 2008. – С. 232, 243, 246.

.....

а симуляцию как информационный процесс. Правда, затруднительно, хотя и допустимо, считать информационными явлениями симулякры, представляющие собой подделки или продукты серийного индустриального производства, однако имеющие знаковую форму современные симулякры, несомненно, обладают информационной сущностью.

Если так, то провозглашенную постмодернистом Бодрийаром «эру симуляции и симулякров» правомерно считать «информационной эрой». Отсюда следует, что при культивации идеи информационного общества возникают интригующие вопросы: можно ли постмодернистскую гиперреальность считать средой существования постиндустриального информационного общества? можно ли информационное общество трактовать как симулякр, созданный воображением ученых и имиджмейкеров? Если Н. Н. Моисеев представлял будущее человечества в виде причинно-следственной цепочки «постиндустриальное общество – Коллективный Интеллект – интеллектуально-гуманистическое общество», то Жан Бодрийар рисует совершенно иную последовательность: «общество потребления – симулякры – гиперреальность». Совместимы ли эти две траектории? Мне кажется, что они не только совместимы, но и удачно дополняют друг друга. Теоретики информационного общества, как правило, акцентируют перспективы научно-технического прогресса, не углубляясь в социально-культурные и политические тенденции; постмодернистов же интересуют в первую голову закономерности социально-культурного развития человечества, разумеется, с учетом техногенных факторов. Поэтому в рамках футурологии интеграция информатики и постмодернизма представляется плодотворным методологическим решением. Кстати, кинематографисты уже успешно освоили эту интеграцию.

В марте 1999 года на американские экраны вышел фантастический фильм в жанре пост-киберпанк «Матрица», снятый братьями Энди и Ларри Вачковски. Согласно сюжету фильма, созданный людьми глобальный искусственный интеллект вышел из повиновения и подчинил своей воле человеческое общество. В качестве источника энергии он решил использовать тепло и электрохимические импульсы живого человеческого тела. С этой целью людей помещали в специальные коконы, изолированные от внешней среды. Для поддержания физиологической жизнеспособности им внутривенно вводились питательные вещества, а для умиротворения психики их подключали к компьютерной программе «Матрица» при помощи вживленных в мозг имплантатов. «Матрица» симулировала мир, представляющий собой точную сенсорную копию участка Земли конца XX века. Благодаря «Матрице», заключенный в кокон человек

ощущал себя живущим полноценной и свободной жизнью в мире своей мечты. (Невольно вспоминается антиутопия О. Хаксли «О дивный новый мир»). Реальная же планета далекого будущего, находящаяся под властью Искусственного Разума, была погружена в вечный сумрак («ядерная ночь» – следствие ядерного взрыва), города лежали в руинах. В качестве вдохновителей авторов фильма невольно выступил Жан Бодрийар, книга которого «Симулякры и симуляция» демонстрируется в начале картины.

Культивация идеи информационного общества не ограничивалась абстрактными научно-футурологическими и философскими размышлениями. Они выполняли очень важную роль, пытаясь «заглянуть за горизонт», предвосхитить черты будущего человеческого общества, предупредить общество о проблемах и рисках, связанных с информационными технологиями. Однако их старания были бы тщетными, если бы они не подкреплялись практическими научно-техническими проектами и разработками в области кибернетики, вычислительной техники и техники связи. Кардинальное значение для реализации информационного общества имеют, во-первых, персональные компьютеры, во-вторых, сетевые взаимосвязи между ними в режиме реального времени. В принципе только люди, вооруженные персональными терминалами национальной или глобальной компьютерной сети могут образовать постиндустриальное информационное общество.

1.2.3. Утилизация идеи информационного общества осуществляется тогда, когда информационно-коммуникационные технологии компьютерных сетей используются государственными и коммерческими структурами для достижения собственных целей. Наиболее колоритными фигурами, символизирующими переход от культурации к утилизации идеи информационного общества, являются, на мой взгляд, В. М. Глушков (СССР), Б. Гейтс (США), Т. Бернерс-Ли (Великобритания).

Виктор Михайлович Глушков (1923–1982) – личность гениальная: талантливый математик (решил одну из задач, поставленных в начале XX века корифеем математической науки Давидом Гильбертом), всемирно признанный лидер кибернетики (недаром редакция энциклопедии «Британика» в 1973 году заказала именно ему статью о кибернетике), конструктор специализированных электронных вычислительных машин (ЭВМ), выдающийся организатор науки (почти 20 лет руководил Институтом кибернетики Украинской Академии наук, носящим ныне его имя), государственно-мыслящий реформатор социалистической экономики – инициатор и главный идеолог разработки и внедрения Общегосударственной автоматизированной системы учёта и обработки информации

.....

(ОГАС), трансформирующей управление всей экономикой СССР в целом. Диапазон его творчества чрезвычайно широк: от теории цифровых автоматов, языков программирования, архитектуры вычислительных систем и формирования компьютерных сетей до имитационного моделирования интеллектуальной деятельности, автоматизации проектирования ЭВМ, искусственного интеллекта и безбумажной информатики. Для нас многогранная научно-практическая деятельность академика, Героя Социалистического труда, лауреата Ленинской премии В. М. Глушкова интересна в двух аспектах: аспект культурации (научно-исследовательской разработки) идеи информационного общества и аспект утилизации (практической реализации) этой идеи.

Источником вдохновения академика В. М. Глушкова неизменно оставалась кибернетика, не случайно он озаглавил одну из своих статей «Кибернетика – любовь моя». В этой статье, опубликованной в год его кончины, он раскрыл свое жизненное кредо. Прочитую некоторые признания кибернетического гения. «Проблема искусственного интеллекта, моделирование интеллектуальной деятельности – вот что интересует меня в кибернетике больше всего.... Кибернетика привлекательна для меня тем, что в настоящее время она является одной из наиболее важных и перспективных наук для развития экономики, науки, техники в целом, т. е. её отличает большая общественная значимость. Повсеместное использование кибернетических методов приведет к тому, что мы сможем выявить и поставить на службу социалистическому и коммунистическому строительству огромные резервы, которые содержатся в нашей экономике»¹.

Персональная библиография В. М. Глушкова насчитывает более 600 названий, в том числе книги: «Синтез цифровых автоматов» (1962), «Введение в кибернетику» (1964), «Введение в АСУ» (1972), «Современная культура и математика» (1975), «Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС» (1975), «Сети ЭВМ» (1977), «Основы безбумажной информатики» (1981). В 1974–1975 гг. вышла в свет двухтомная «Энциклопедия кибернетики», инициатором, организатором и главным редактором которой был академик Глушков. Непостижимым образом он находил время для чтения публичных лекций и руководства научными семинарами, многочисленными (более сотни) аспирантами и соискателями, для регулярных выступлений с докладами на различных симпозиумах и конференциях, для консультирования десятков организаций и выполнения обязанностей советника по кибернетике Генерального секретаря

---

¹ Глушков В. М. Кибернетика – любовь моя // Глушков В. М. Кибернетика. Вопросы теории и практики. – М.: Наука, 1986. – С. 476–477.

ООН, для редактирования созданных им журналов «Управляющие системы и машины» и «Кибернетика».

Огромный вклад академика в развитие любимой кибернетики и в приобретение ею имиджа научного лидера одновременно был вкладом в культивацию идеи информационного общества. Хотя Виктор Михайлович не использовал в своих публикациях термин «информационное общество» (в советские времена это общество было объектом идеологической критики), он постоянно разрабатывал информационную проблематику как на философско-теоретическом, так и на конкретно-прикладном уровне. В отличие от кибернетиков-технократов, прагматично понимающих информацию в качестве сигналов, сведений, данных, циркулирующих в кибернетических системах, академик Глушков еще в начале 60-х годов выдвинул материалистическую концепцию сущности информации, которая до сих пор привлекает внимание наших философов. В статье «Мышление и кибернетика», опубликованной в журнале «Вопросы философии» (1963, № 1, с. 36–48) он писал: «Понятие информации является одним из основных понятий современного естествознания. Информация в самом общем её понимании представляет собой меру неоднородности распределения материи и энергии в пространстве и во времени, меру изменений, которыми сопровождаются все протекающие в мире процессы. Совершенно не обязательно непременно связывать с понятием информации требование её осмысленности, как это имеет место при обычном, житейском понимании этого термина. Информацию несут в себе не только испещренные буквами листы бумаги или человеческая речь, но и солнечный свет, складки горного хребта, шум водопада, шелест листвы и т. д.».

Методологическое значение концепции информации В. М. Глушкова заключается в том, что область бытия информации не ограничивается кибернетической техникой, а распространяется на неживую и живую природу, включая человеческое общество на всех стадиях его развития, а также процессы мышления. Первобытное племя оказывается столь же «информационным», как и общество XX века, вооруженное кибернетической техникой. Однако между этими обществами есть существенная разница, состоящая, по мнению автора статьи, в том, что «в чисто информационном плане кибернетические машины не только могут, но и обязательно должны превзойти человека, а в ряде пока еще относительно узких областей они делают это уже сегодня. Но в плане социально-историческом эти машины есть и всегда останутся не более чем помощниками и орудиями человека». Следовательно, благодаря кибернетической технике, «информационная мощь» человечества значительно возрастает: над естественным

.....

(исходным) информационным обществом надстраивается искусственная техногенная информационная система, к тому же превосходящая человеческий интеллект «в чисто информационном плане». Обрисованная академиком В. М. Глушковым структура будущего общества перекликается с концепцией Коллективного Интеллекта, выдвинутой в 90-х годах академиком Н. Н. Моисеевым (см. предыдущий раздел). Однако позиция первого более утилитарна, ибо она ориентирована на практическую реализацию в соответствии с проектом ОГАС. Опыт утилизации идеи информационного общества в условиях развитого социализма будет рассмотрен несколько ниже. Здесь же подчеркнем, что попытка раскрытия сущности информации, предпринятая В. М. Глушковым, имеет фундаментальное значение для культивации идеи информационного общества, потому что нельзя рассуждать о природе и сущности информационного общества, не уяснив предварительно, что такое информация. Поэтому сущности информации посвящена глава 2 нашей книги.

Теперь обратимся к практической деятельности Виктора Михайловича, нацеленной на утилизацию идеи информационного общества в его понимании. На счету В. М. Глушкова разработка в 1961 году цифровой управляющей вычислительной машины на полупроводниковых элементах «Днепр», которая находилась в серийном производстве в течение 10 лет. В 1963 году была разработана машина «Проминь», в которой использовалось изобретенное Глушковым ступенчатое микропрограммное управление. Этот принцип программного обеспечения был использован и в МИР-1 – Машине для Инженерных Расчетов (1965). В 1967 году на выставке в Лондоне, где демонстрировалась машина МИР-1, она была куплена американской фирмой IBM, являющейся поставщиком почти 80 % вычислительной техники для всего капиталистического мира. Это была первая и единственная покупка советского компьютера американской кампанией.

В 1969 году была принята в производство новая более совершенная ЭВМ МИР-2. Затем была разработана ЭВМ МИР-3. По скорости выполнения аналитических преобразований им не было конкурентов. ЭВМ МИР-2, например, успешно соревновалась с универсальными ЭВМ обычной структуры, превосходящими ее по номинальному быстродействию и объему памяти в сотни раз. На этой машине впервые в практике отечественного математического машиностроения был реализован диалоговый режим работы, использующий дисплей со световым пером. Таким образом, появился первый отечественный персональный компьютер. Правда, от привычного сейчас настольного компьютера его отличали гораздо большие

размеры. Еще не наступил звездный час микроэлектроники, и полупроводниковая элементная база машин серии МИР определяли их размеры. Тем не менее, пользователи получили возможность решать свои задачи в режиме непосредственного взаимодействия с машиной. Выдающийся вклад В. М. Глушкова в разработку ЭВМ в Институте кибернетики Украинской Академии наук выразился не только в том, что он сформулировал и теоретически обосновал опередившие свое время концепции, но и в созданной им атмосфере творческого подъема, которая способствовала эффективной реализации проектов.

Вооружение пользователей средствами вычислительной техники – необходимый шаг на пути к утилизации идеи информационного общества, но этого шага недостаточно. В. М. Глушков осознавал, что нужно сделать следующий шаг – наладить сетевое взаимодействие между территориально удаленными центрами. В 1962–1964 гг. совместно с академиком-экономистом Н. П. Федоренко Глушков разработал первый в мире эскизный проект компьютерной сети – Единой Государственной сети вычислительных центров (ЕГС ВЦ). Создание такой сети позволило бы собирать и оптимальным образом использовать экономическую, научно-техническую и любую другую информацию, а также обмениваться ею в интересах потребителей. Однако столь масштабный проект не был одобрен. Правительство приняло решение сосредоточиться на разработке локальных автоматизированных систем экономического управления крупными предприятиями и отраслями промышленности, а также автоматических систем управления различными технологическими процессами.

Однако В. М. Глушков продолжал настаивать на создании ОГАС – Общегосударственной автоматизированной системы учета и обработки информации. Суть ОГАС заключалась в иерархической сети соединенных между собой каналами дистанционной связи автоматизированных систем управления (АСУ) различных уровней – от Совета Министров и Госплана до регионов и предприятий на местах. Сеть должна была обеспечивать непрерывную и оперативную доставку информационных массивов с низовых терминалов в вышестоящие звенья, обобщение и обработку информации, а также передачу принятых решений на места. В будущем предусматривался переход на «безбумажную» диалоговую систему переработки информации и организационного управления¹. Были мобилизованы колоссальные материально-технические и кадровые ресурсы, и построение АСУ в 60-е – 70-е годы шло широким фронтом

¹ Глушков В. М. Технологические проблемы социально-экономического управления // Кибернетика. Становление информатики. – М., 1986. – С. 173–187.

по всей стране. Развал плановой социалистической экономики положил конец проекту ОГАС.

Можно предположить, что успешная автоматизация общегосударственного управления промышленным производством неизбежно повлекла бы за собой компьютеризацию других секторов социалистического хозяйства и общественной жизни в целом. ОГАС могла бы стать ядром информационного общества в Советском Союзе, но этого не произошло. Помешали этому некомпетентность высшего руководства страны, саботаж среднего бюрократического звена, отсутствие подготовленных кадров, несовершенство существовавших в то время технических средств, непонимание, а то и противодействие ученых экономистов новым методам управления. Ставя задачу компьютеризации и информатизации страны, академик Глушков был, конечно, прав. Но он опередил время: государственная власть и общество в целом были не готовы к восприятию ОГАС. Это обернулось трагедией для ученого, не желавшего смириться с господствующим невежеством. Его здоровье резко ухудшилось, и 30 января 1982 года он скончался.

Свое представление о будущем обществе В. М. Глушков обрисовал в своем последнем труде «Основы безбумажной информатики». Он предсказывал, что возникнут «центры накопления экспериментальной научной информации в безбумажном виде». Наряду с ними появятся вычислительные центры, «в которых будут накапливаться рефераты книг, научных статей и докладов. Эти центры объединятся в сеть. Сидя за терминалом подобной сети, научный работник сможет получать любую интересующую его информацию на экране терминального дисплея (а в случае необходимости – и бумажную копию этой информации). По мере удешевления памяти ЭВМ в подобной безбумажной форме будут предоставляться полные тексты книг, статей и отчетов. Все в большей мере безбумажная информатика будет проникать в медицину, культуру, спорт, контроль окружающей среды и в другие области человеческой деятельности»¹. Эти пророческие слова были написаны в 1981 году, когда об Интернете не знала ни одна живая душа.

Подытоживая сказанное, можно сделать вывод, что информационное общество в соответствии с концепцией академика Глушкова – это *сетевое кибернетическое общество социалистического типа*. Самого Виктора Михайловича можно назвать *генеральным конструктором* социалистического информационного общества. Преждевременный уход из жизни гениального кибернетика прервал реализацию его грандиозных

¹ Глушков В. М. Основы безбумажной информатики. – М.: Наука, 1987. – С. 13.

проектов. Впрочем, они не соответствовали условиям рыночной экономики, ориентированной не на централизованное управление, а на свободное предпринимательство. Утилизация идеи информационного общества в условиях капиталистического рынка востребует развитые сетевые взаимосвязи, но отказывается от иерархической организации сети, поскольку главную роль играет не государство, а коммерческие транснациональные корпорации (ТНК). Показательна в этом отношении фигура Билла Гейтса.

Билл Гейтс (род. 1955) прославился тем, что за несколько десятилетий прошел путь от студента-вундеркинда до главы крупнейшей компьютерной компании мира и богатейшего человека на Земле. «Я могу сделать все, к чему приложу свой интеллект», — часто повторял Гейтс. По словам его учительницы средней школы, он однажды дословно воспроизвел трехстраничный текст, пробежав его глазами один раз. Вот некоторые вехи его жизненного пути.

В 1973 году будущий миллиардер поступил на первый курс Гарвардского университета. Во время своего пребывания в университете Билл Гейтс разработал язык программирования Бейсик, который быстро стал самым популярным и используемым языком программирования. Однако талантливый студент не стал продолжать обучение. На третьем курсе Гейтс оставил Гарвард, решив полностью посвятить себя Майкрософт — компании, которую он основал в 1975 году вместе со своим другом детства Полом Алленом. Твердо уверенные в том, что персональные компьютеры станут незаменимыми на каждом рабочем месте и в каждом доме, они начали разрабатывать для них программное обеспечение. К июлю 1980, когда фирма IBM решила вступить на рынок персональных компьютеров, Гейтс уже завоевал репутацию одного из ведущих специалистов по микропроцессорному программированию в США. IBM заключила с Майкрософт контракт на проектирование операционной системы MS-DOS. Гейтс создал MS-DOS и догадался зарезервировать авторские права, чтобы иметь возможность продать ее кому-нибудь из конкурентов IBM. Гейтс искусно воспользовался этой возможностью, что обеспечило Майкрософт положение доминирующей силы на мировом рынке компьютеров.

По характеру глава Майкрософт очень напорист, что также явилось немаловажным фактором успеха его бизнеса. Он получил у конкурентов репутация «сверхманьяка», который хочет одержать победу во всем, что бы ни делал. В 1991 году журнал «Форбс» поместил фото Гейтса на обложку с подписью: «Может ли кто-нибудь остановить его?» Никто не смог пре-
взойти Билла Гейтса и за ним на долгие годы закрепились репутация

.....

«самого богатого человека в мире». В 90-х годах его личное состояние оценивалось в пределах 85–60 миллиардов долларов.

В 2000 году Гейтс сменил пост главного администратора «Майкрософт» на должность президента компании, имеющего звание «главный разработчик структуры системы программного обеспечения. Теперь он получил возможность сосредоточиться на том, что он любил более всего — на «технологиях будущего». Это будущее ему видится в еще более тесном сближении персонального компьютера и сети Интернет. Помимо страсти к компьютерам, Гейтс проявляет интерес к биотехнологиям и живописи. Он основал специальную корпорацию, которая занимается созданием полного цифрового архива изображений произведений искусства и фотографий из государственных и частных коллекций всего мира. Билл и его супруга Мелинда щедро занимаются благотворительностью и даже получили в 2005 году титул «персоны года» за усилия по борьбе с бедностью в мире и по улучшению здоровья людей. Их пожертвования за первые пять лет XXI века составили 5,5 миллиардов долларов.

В 1994 году Гейтс написал книгу «Дорога в будущее», в которой изложил свои взгляды на то, в каком направлении движется общество в связи с развитием информационных технологий. Книга была издана более чем в 20 странах¹. Четыре года спустя появилась еще одна книга талантливого предпринимателя — «Бизнес со скоростью мысли»². Эти книги довольно хорошо характеризуют личность программиста-миллиардера и раскрывают секреты его успеха, один из которых заключается в неустанном трудолюбии. Билл пишет: «Я в основном работаю до полуночи с перерывом на обед в компании кого-нибудь из сотрудников. Затем я отправляюсь домой и где-то около часу читаю книги или журнал 'Экономист'. В офис я обычно возвращаюсь к девяти часам следующего дня». Другой секрет состоит в самокритической сдержанности: «Успех — скверный учитель. Он кружит голову. Он ненадежен». Поэтому исключаются эйфория и успокоенность: «Каждый день, когда я прихожу в офис, я спрашиваю себя: Мы все еще хорошо работаем? Опередел ли кто-нибудь нас? Действительно ли тот или иной продукт принимается хорошо? Что мы можем сделать еще для его усовершенствования?»³.

¹ Гейтс Б. Дорога в будущее. — М.: Изд-во отделения «Русская редакция», 1996. — 312 с.

² Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли. — М.: ЭКСМО, 2001. — 480 с.

³ Кстати, десять «секретных факторов успеха Билла Гейтса», сформулированные для «тех, кто хотел бы пойти по его стопам», детально рассмотрены в книге Деарлав Д. Билл Гейтс: 10 секретов самого богатого в мире бизнес-лидера. — М.: Smart Book; Изд-во Омега-Л, 2009. — 192 с.

Гейтс постоянно настороже: «Конец для лидера рынка может наступить очень быстро. Когда тебя вдруг выбросит из цикла положительной обратной связи, тогда зачастую уже слишком поздно что-то менять: в игру вступают все прелести отрицательной спирали. Самое трудное поэтому — уловить первые признаки кризиса и начать действовать, когда, казалось бы, дела идут превосходно. Лично я стараюсь всегда быть начеку. Сейчас моя цель — доказать, что и процветающая компания способна эффективно обновляться и не уступать лидерства». С этой целью «мы вынуждены неустанно совершенствовать свои программные продукты, чтобы не отставать от прогресса аппаратных средств. Майкрософт обязана делать новые версии настолько привлекательными по цене и своим возможностям, чтобы ими захотели заменить старые версии. Механизм положительной обратной связи помогает всем, а значит, нельзя почитать на лаврах — конкуренты не дремлют». Важно постоянно наблюдать за ними, и Билл Гейтс признается: «Посещение сайтов наших конкурентов превратилось в неперенный утренний ритуал. Я и сейчас его соблюдаю. Один из ПК в моем кабинете используется специально для этой цели — он настроен на циклический переход по ряду сайтов, включая принадлежащие нашим конкурентам». Поскольку возможны неприятные неожиданности, «важнейшее качество хорошего менеджера, — замечает Гейтс, — решимость грудью встречать любые плохие новости, самому искать встречи с ними, а не прятать голову в песок. Настоящий менеджер сначала выясняет, что плохо, а уже после — что хорошо».

Однако трудолюбия, настороженности и даже мужества не достаточно для победы в конкурентной борьбе. Нужна ясная голова для оригинальных решений, нужна интуиция, чтобы предвидеть будущее, поэтому — пишет руководитель Майкрософт, — «я провожу Недели Уединенных Размышлений по два раза в год — откладываю в сторону все другие дела и усиленно обдумываю наиболее сложные технические и коммерческие проблемы компании». Вместе с тем трудоголик Гейтс искренно увлечен своей работой: «Мне кажется, наступают интересные времена, — пишет он в послесловии „Дороги в будущее“. — Никогда еще не было столько возможностей делать то, что раньше казалось просто невероятным. Сейчас лучшая пора, чтобы открывать новое дело, двигать вперед науки». Важно, чтобы эту увлеченность разделяли сотрудники, поэтому подбор кадров — гарантия процветания фирмы. Одним из первых предпринимателей Билл Гейтс понял, что главное в бизнесе — интеллектуальный капитал. Он вывел закономерность: «Когда в компанию приходит один умный человек, вскоре появляется и другой — талантливые люди любят работать в кругу себе

.....

равных. Возникает чувство общего подъема. Потенциальные партнеры и клиенты обращают на Вас все большее внимание, и спираль устремляется к следующему витку, расчищая путь новому успеху».

В книгах Б. Гейтса можно найти немало полезных советов руководителям по формированию сплоченного и работоспособного коллектива специалистов в области информационных технологий, работающих в компании, подобной Майкрософт. Этот коллектив с социологической точки зрения представляет собой социально-профессиональную группу, соответствующую локальному информационному обществу (можно сказать информационному «микрообществу»). По отношению к микрообществу специалистов гражданское общество, выступающее в качестве потребителя информационных услуг, представляет собой «макрообщество», которое априори не является информационным. Деятельность компании Майкрософт и других аналогичных компаний заключается в том, чтобы информатизировать макрообщество, то есть расширить круг своих потребителей и тем самым увеличить свою прибыль.

Научно-футурологическая идея информационного общества нацелена не на микрообщество информационных работников, а на информатизацию общественной жизни в национальном или даже глобальном масштабе. Майкрософт, являясь транснациональной корпорацией, несомненно, способствует достижению этой важной цели. В книге «Бизнес со скоростью мысли» содержится особенно много соображений по этому поводу. В частности, Билл Гейтс предсказывает: «В ближайшие десять лет бизнес изменится сильнее, чем за предыдущие пятьдесят» (с. 12), «Электронные энциклопедии уже опередили по популярности своих печатных предшественников» (с. 73), «Мы обмениваем физические запасы на информацию» (с. 114), «Переход к веб-стилю – это серьёзный культурный переворот, и он в значительной степени связан со сменой поколений» (с. 128), «Правительства получают небывалые возможности вовлечения избирателей в управление обществом» (с. 142), «Электронная почта делает иерархическую структуру организации более плоской» (с. 185), «Бумажная цифра – мертвая цифра, а цифра в электронной форме способна рожать мысли и действия» (с. 225), «В электронный век необходимо переводить каждого наемного работника, как только возможно, в категорию работников интеллектуального труда» (с. 302), «Граждане, все шире приобщающиеся к благам Сети, больше не желают соглашаться с тем, что государственная машина непременно должна быть неповоротливой и неисповедимой в путях своих» (с. 376), «Инвестиции в электронную инфраструктуру и сферу образования являются

[illegible][illegible][illegible]

[REDACTED]

и задача межсетевой интеграции приобрела актуальность. Для решения этой задачи в 1983 году был установлен стандартный протокол IP (Internet Protocol), рассчитанный на глобальное объединение локальных сетей. Именно это событие знаменует рождение Интернета, ставшего колыбелью Всемирной коммуникации.

В течение нескольких лет Тим Бернерс-Ли отработывал технологию взаимодействия между узлами Всемирной паутины. Была принята клиент-серверная организация, предусматривающая разделение вычислительной нагрузки между включенными в состав сети компьютерами-клиентами (как правило, персональными компьютерами) и центральным сервером, а также мультимедийная (текст, звук, изображение) и гипертекстовая ориентация. В августе 1991 года в Интернете открылся первый в мире веб-сайт. На этом сайте описывалось, что такое Всемирная паутина, как установить веб-сервер, как заполучить браузер и т. д. Впоследствии этот сайт стал первым Интернет-каталогом, где Тим разместил и поддерживал список адресов других сайтов. Таким образом, произошло слияние глобальной компьютерной сети и универсальной коммуникационной технологии. Теперь Интернет стал называться «Всемирная паутина», а Всемирная паутина стала именоваться «Интернет» или «Глобальная сеть Интернет».

Почти десятилетний опыт реализации своей концепции Бернерс-Ли описал в книге «Плетя паутину: Зарождение и будущее Всемирной паутины» (1999). В этом произведении сформулированы важнейшие принципы развития сети Интернет: возможность не только искать, но и редактировать информацию; каждый аспект Интернета должен работать как паутина, а не иерархия (исключение – система имен доменов); ученые-компьютерщики несут не только техническую, но и моральную ответственность. Конечная цель Паутины виделась в обеспечении взаимодействия человека и гипертекста на таком интуитивном уровне, чтобы информационное поле, создаваемое машиной, было способно в точности воспроизводить работу человеческого сознания. В 1994 году Бернерс-Ли основал в Массачусетском технологическом институте (США) Консорциум Всемирной паутины, который пытается координировать развитие её во всем мире. Цель Консорциума – реализовать полный потенциал Всемирной Сети, осуществляя необходимые революционные преобразования и вместе с тем гарантируя её преемственность и стабильность.

В общественном сознании Тим Бернес-Ли является основоположником Всемирной Сети Интернет. Не случайно королева Великобритании Елизавета II в июле 2004 года возвела его в рыцарское звание «за службу во благо глобального развития Интернета». Оправдывая это звание,

[illegible][illegible][illegible]

A

.....

культуры, а значит, и в цивилизационном процессе. Фигурально говоря, человечество покидает Галактику Гутенберга и начинает обживать Галактику Маклюэна. Существенные трансформации коммуникационной культуры, несомненно, вызовут цивилизационные, а возможно, и антропологические изменения, о которых предупреждают пророки и антагонисты информационного общества.

В заключение главы, посвященной истокам информационного общества, резонно задаться вопросами: стало ли информационное общество в наши дни социальной реальностью? насколько подтвердились научно-футурологические гипотезы? наконец, пора, хотя бы в первом приближении, определить понятие информационного общества, которого мы будем придерживаться. Чтобы ответить на первый вопрос, начнем с наиболее простой и достоверной *социологической интерпретации информационного общества* как совокупности профессиональных и любительских социальных групп, неразрывно связанных с информационно-коммуникационными технологиями.

Чтобы выделить этот тип информационного общества, необходимо задаться критерием отграничения перечисленных групп от прочей социальной популяции. Таким критерием не может быть пассивное потребление электронных средств массовой коммуникации – радиовещания и телевидения, ибо в роли радиослушателя или телезрителя выступает сегодня каждый житель земного шара, но это не способствует созданию интеллектуального информационного общества. Скорее, наоборот. Психологи и культурологи обращают внимание на то, что усиление роли аудиовизуальных средств массовой информации отрицательно сказывается на интеллектуальном уровне той части общества, которая привыкла обучаться не по книгам, а по преподносимым ей с экрана картинкам. Несвязность мысли и нелогичность речи, неосмысленность используемых слов и понятий – обычное следствие «телеэфирного» мировоззрения. «Информированность, простая осведомленность становится чуть ли не синонимом знания и понимания, а возможность что-то увидеть собственными глазами ценится больше, чем собственное мнение»¹. В результате бездумного восприятия визуальной информации массовая аудитория теряет способность самостоятельно рассуждать по поводу увиденного. Типичный телезритель видит, но не понимает, зрит, но не мыслит. В силу исключения книжного чтения он отучается жить в мире слов с их невидимыми обычному глазу значениями и смыслами, и все более погружается в мир

---

¹ Межуев В. М. Феномен книги и национальное в культуре // Общество и книга: от Гутенберга до Интернета. М., 2000. – С. 97–98.

самодостаточных в своем восприятии зрительных и звуковых образов. Вместо «сенсорно сбалансированного homo televisionis», о котором мечтал Маклюэн, вырастает новый, духовно и телесно деформированный антропологический тип. Есть основания подозревать, что властвующую политическую элиту такое положение устраивает, потому что умственно пассивной аудиторией легче манипулировать.

К счастью, у нас есть Сеть Интернет, которая требует от своих пользователей не пассивного созерцания, а информационной грамотности и интерактивности типа «человек – машина». Высокие информационные технологии (мультимедиа, компьютерная графика, гипертекст, виртуальные пространства и др.) открывают необыкновенные возможности для реализации творческого потенциала личности. Они развивают ассоциативность и системность мышления, конструктивную интуицию, пространственное воображение и чувство нового. Гражданину информационного общества для самостоятельной жизнедеятельности существенно необходим Интернет. Следовательно, именно владение Интернет-технологиями целесообразно считать отличительной особенностью информационного социума XXI века. Поэтому остановимся кратко на социальной значимости Сети Интернет и тенденциях формирования Интернет-общества.

1.3.1. Интернет – супермагистраль информационного общества. В отличие от космической связи или железной дороги, Всемирную коммуникационную сеть никто не проектировал и не строил. Она представляет собой огромную социально-культурную ценность, но собственник этой ценности (Сети в целом) отсутствует. Вместе с тем содержание Сети признается «интеллектуальной собственностью», поскольку каждое сообщение имеет своего автора. Интернет – *самозародившееся*, то есть естественно возникшее, детище индустриальной цивилизации. Этот вундеркинд, родившийся в 90-е годы, вырвался из своей колыбельки на глобальный простор, озадачивая философов и обществоведов своими необычайными способностями. Учитывая его натуру, можно ожидать, что, начиная с XXI века, Интернет станет таким же естественным и необходимым спутником человечества, как естественный язык, на котором мы говорим и мыслим. Отличие в том, что национальных языков много и они разделяют человечество межкультурными барьерами, а Интернет – общечеловеческое достояние и мощное средство консолидации рода человеческого.

Имеется немало различных определений Сети, например: «система систем, информационная супермагистраль, глобальное средство коммуникации, созданное миллионами участников»; «сеть сетей – не застывшая форма людской мудрости, не мощный банк данных, не элитарный клуб

.....

интеллектуалов, а все это вместе взятое, плюс процесс познания, движение вперед и навстречу друг другу с надеждой на лучшее будущее»; «метасистема соединенных по единым правилам компьютерных распределенных сетей, содержащих разнообразные, динамично развивающиеся информационные ресурсы и услуги». Принимая последнюю дефиницию, принадлежащую профессору О. В. Шлыковой, как наиболее конструктивную¹, сделаем несколько комментариев.

Интернет представляет собой стихийно растущий информационно-поисковый конгломерат. Подчеркиваю: не систему – целостность, образованную взаимосвязанными элементами, а именно *конгломерат*, то есть беспорядочная смесь, механическое соединение разнородных частей. Идейной основой «Всемирной паутины» является хорошо структурированное математическое обеспечение, сопряженное с территориально распределенной и постоянно обновляемой компьютерной и телекоммуникационной базой. Эти два системных компонента поддерживают работоспособность Сети. Но ими системность Интернета исчерпывается, поскольку два других информационно-поисковых компонента – информационный массив и лингвистическое обеспечение – системными качествами не обладают.

Информационное содержание неупорядоченной массы сайтов – поистине «беспорядочная смесь» и «механическое соединение» разнородных смыслов. Зависимость от технического обеспечения, недолговечность существования электронных публикаций, недостаточная достоверность и хаотичность размещаемой в Интернете информации (адреса сайтов часто меняются, сайты могут бесследно исчезать из сети), отсутствие редактирования и безответственная анонимность многих публикаций подрывают доверие к «Всемирной паутине». Особенно удручает слабость поисковых языков (поисковых машин), используемых в Сети. Все они ведут поиск по критерию наличия ключевых слов запроса в тексте документа, без учета синонимии, неоднозначности выражения смысла, логических связей и психологических ассоциаций в естественном языке. Отсюда – колоссальные потери информации, как правило, остающиеся неизвестными пользователю.

Разумеется, менеджеры Интернет понимают необходимость усиления семантических средств; новые возможности для семантического поиска предусматривает Интернет 2.0 (Web 2.0), идеология которого активно дебатруется; над концепцией семантической паутины несколько лет

¹ Шлыкова О. В. Интернет-ресурсы и услуги в социокультурной сфере: учеб. пособие. – М., 2000. С. 7–8.

Духовно-культурный потенциал сети Интернет огромен. Она представляет собой глобальный коммуникационный канал, обеспечивающий во всемирном масштабе передачу мультимедийных сообщений, и вместе с тем является общедоступным хранилищем общечеловеческого культурного наследия (библиотекой, архивом, информационным агентством одновременно), наконец, служит всепланетным клубом деловых и досуговых партнеров, не говоря об услугах электронной почты. Несмотря на все попытки регулировать, приватизировать и коммерциализировать Интернет, он интенсивно расширяется, привлекая многомиллионную армию пользователей глобальными масштабами, простотой доступа, демократической децентрализацией. Особенно важно, что, в отличие от СМИ, в Интернет технологически встроены свойства интерактивности и индивидуализации. В этом заключается революционное воздействие компьютерных технологий на социальную коммуникацию. К сожалению, Интернет может стать источником психического недуга, известного как Интернет-зависимость, но зато пользователь сети может свободно получать любую информацию и выбирать партнеров по общению.

Материально-техническая и организационная основа для реализации социологической интерпретации информационного общества налицо, но достаточна ли она для того, чтобы воплотить футурологические ожидания? Обратимся к современной футурологической науке.

1.3.2. Исследования будущего – современный этап футурологии, когда будущее не предсказывается с помощью фантазии, апперцепции и ясновидения, а рассматривается как предмет изучения при помощи современной научной методологии. Футурология, попросту говоря, – это изучение истории будущего. Футурологи экстраполируют сегодняшние научно-технические, экономические и социальные тенденции и пытаются предсказать возможные сценарии будущего. Практический смысл футурологических исследований состоит в том, чтобы, отказавшись от пассивного фатализма, перейти к активному и уверенному участию

¹ Более подробно см.: Шрайберг Я. Л. Библиотеки в электронной среде и вызовы современного общества // Научные и технические библиотеки. 2010. № 1. С. 7–46.

.....

в построении предпочтительного сценария. Подобно историкам и социологам, современные футурологи обрабатывают и обобщают документальные источники, данные статистики, социологических опросов и экспертных оценок, используют математические модели и компьютерную технику, не забывая, разумеется, об интуиции и здравом смысле. Накоплены огромные массивы футурологической информации, включающие различные сценарии, матрицы, экстраполяции наблюдаемых тенденций в виде трендов и мегатрендов. Трудно разобраться в этом противоречивом многообразии без посторонней помощи.

Надежным гидом-экспертом, так сказать, «футурологическим Вергилием», на мой взгляд, может послужить академик РАН, Почетный член Всемирной федерации исследований будущего, президент Российского отделения Международной Академии исследований будущего **Игорь Васильевич Бестужев-Лада** (род. 1927), к публикациям которого мы намерены обратиться. В предисловии к составленной им Антологии современной классической прогностики¹ Игорь Васильевич различает три поворотных пункта, три витка спирали футурологической мысли конца XX столетия: «неумный оптимизм» 60-х – глобалистика 70-х – альтернативистика 80-х – 90-х годов.

Оптимистические настроения в 60-е годы были в равной мере присущи и советским, и западным исследователям будущего, хотя они аргументировали их по-разному. Обществоведы-марксисты решительно критиковали взгляды буржуазных идеологов, согласно которым социальные идеалы человечества могут быть достигнуты без радикальных преобразований капиталистического строя только за счет научно-технического прогресса. Советские ученые предсказывали плодотворное соединение достижений научно-технической революции (НТР) с преимуществами социализма. Источником их оптимизма служила высказанная К. Марксом идея превращения науки в непосредственную производительную силу², которую НТР наглядно подтвердила. Объявлялись «технологическим фетишизмом» представления, будто человеческое общество является своеобразным механизмом, гигантским «компьютером», фатально предопределяющим сознание и поведение людей. Советские прогнозисты акцентировали решающую роль человеческого фактора в научно-техническом прогрессе и отдавали приоритет не развитию материально-технических мощностей, а совершенствованию человека как главной производительной силы

¹ Мир нашего завтра: Антология современной классической прогностики / редактор-составитель И. В. Бестужев-Лада. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 512 с.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 2. С. 215.

общества. Поэтому подчеркивалось первостепенное значение подготовки высококвалифицированных кадров и непрерывного повышения их научного и технического уровня¹.

Гуманистический оптимизм советской философии прекрасно выражен в книгах **Ивана Тимофеевича Фролова** (1929–1999)². Автор приходит к выводу: «Можно с полным основанием сказать, что если гуманистическая сущность науки и техники состоит в их способности создавать универсально-практический тип отношения человека к миру, то сущность нового (реального) гуманизма заключается в превращении этой способности в способность самого человека, в условие его индивидуального существования и развития.... И это будет новый Ренессанс человека и гуманизма, воплощение надежды на будущее для пострадавшего, но не разуверившегося человечества»³. Ясно, что интерпретация грядущего общества как совокупности пользователей Интернета ни в коей мере не могла удовлетворить советских футурологов.

Западные теоретики руководствовались провозглашенным еще Френсисом Бэконом принципом *технологического детерминизма*, согласно которому главным фактором, определяющим историческое развитие цивилизации, является «технологический императив», действующий спонтанно, независимо от воли людей и предопределяющий развитие общества. Признавая, что научно-технический прогресс сопровождается «негативными аспектами», такими как разрушение природной среды, технократы-оптимисты исходили из постулата, что «прогресс науки и техники в наши дни столь велик и настолько быстр, что практически больше не существует ничего невозможного. Благодаря достижениям науки и техники будничная жизнь человека станет в будущем более приятной и удобной. В будущем мы должны будем работать меньше, чем теперь, хотя наш доход будет расти»⁴. Убедительными аргументами в пользу оптимистических ожиданий служили данные конца 60-х, что «в последние 10 лет появилось изобретений и открытий больше, чем

¹ Араб-Оглы Э. А. Обозримое будущее. Социальные последствия НТР: год 2000. – М.: Мысль, 1986. – 205 с.; Косолапов В. В. НТР: мифы и иллюзии буржуазной футурологии. – Киев: Наукова думка, 1985. – 135 с.; Косолапов В. В., Гончаренко А. Н. XXI век в зеркале футурологии. – М.: Мысль, 1987. – 238 с.

² Фролов И. Т. Перспективы человека: Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. – М.: Политиздат, 1983. – 350 с.; Фролов И. Т. О человеке и гуманизме. Работы разных лет. – М.: Политиздат, 1989. – 559 с.

³ Фролов И. Т. О человеке и гуманизме. Работы разных лет. – М.: Политиздат, 1989. – С. 555–556.

⁴ Байнхауэр Х., Шмакке Э. Мир в 2000 году. Свод международных прогнозов. – М.: Прогресс, 1973. – С. 10.

.....

за предыдущие 2000 лет. Их число в ближайшие десять лет удвоится»¹. Приведу несколько примеров реализации «технологического императива» в футурологических сценариях.

Представителем американской оптимистической футурологии 60-х является **Герман Кан** (1922–1983), директор Гудзоновского института США, под руководством которого был разработан капитальный труд «Год 2000» (1967) и ряд последующих публикаций². Г. Кан рисует процветающее постиндустриальное общество массового потребления, которое очень похоже (вплоть до буквальных совпадений) на современную рекламу информационного общества. Читаем: большинство видов экономической деятельности относится к сфере обслуживания, гарантируется достаточно высокий минимальный уровень доходов и благосостояния, роль рынка в сравнении с общественным сектором и социальным обеспечением снижается, развивается «мир малых предприятий», широко распространяется кибернетизация (компьютеризация), обеспечиваются непрерывное образование для всех или почти всех членов общества и быстрое совершенствование образовательных институтов и методов обучения. Вместе с тем происходит эрозия ценностей, ориентированных на труд, достижения, прогресс, поскольку главную значимость приобретают ценности чувственные, светские, гуманистические и, возможно, потворствующие желаниям человека (с. 342).

США–2000 рисуется как «государство изобилия, гуманистическое, ориентированное на досуг, с частичным отчуждением его членов, 70–80 % которого – хорошо воспитанные люди, стремящиеся к различным формам саморазвития: спорту, играм (шахматам, бриджу), музыке, искусству, языкам или занятиям в области естественных наук, философии» (с. 353). Трудящиеся заняты 4 рабочих дня в неделю с 7–5 часовым рабочим днем; в год планируется 10 положенных по закону праздничных дней и 13 недель отпуска. В 70-е годы институт Г. Кана предсказал в грядущем «глобальном мегаполисе» господство коммерциализованной массовой культуры, распространяемой с помощью электронной массовой коммуникации. Эту культуру исследователи окрестили «мозаичной» поскольку её содержание должно быть «земным, натуралистическим, зримым, иллюзорным, занимательным, эротическим, сатирическим, новаторским, эклектичным, синкретичным, импрессионистским, материалистическим, коммерческим

¹ Байнхауэр Х., Шмакке Э. Мир в 2000 году. Свод международных прогнозов. – М.: Прогресс, 1973. – С. 12.

² Кан Г., Винер А. Год 2000 // Мир нашего завтра: Антология современной классической прогностики / редактор-составитель И. В. Бестужев-Лада. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – С. 340–354.

и профессиональным», чтобы удовлетворять досуговым вкусам и интересам массовых аудиторий.

Оптимистические прогнозы американских футурологов не ограничиваются 60-ми – 70-ми годами, они появлялись и позднее. Стимулом для оптимизма служили приметы становления «кибербудущего» – глобального информационного общества, которые обнаруживали те или иные авторы в окружающей среде. Более девяти десятков этих «примет» собраны и систематизированы в статье *Эдуарда Корниша*, опубликованной в 1996 году в журнале «Футурист»¹. Содержание статьи – своеобразный футурологический коллаж возможного и невозможного, реального и нереального, позитивного и негативного. Автор утверждает, что благодаря беспрецедентной мощи информационных технологий «человек уподобился Богу» и мы можем «совершить все, что только захотим». Что же хотят увидеть в грядущем информационном обществе американские оптимисты-футурологи?

Они предсказывают, что «киберсекс будет широко доступен уже в начале XXI века»; что в 2025 году «чип, вмонтированный в тело человека, будет служить одновременно кредитной карточкой, паспортом, водительским удостоверением», а «молекулярный компьютер» из фрагментов ДНК избавит от всех болезней и «позволит нам наслаждаться вечной молодостью». Благодаря информационно-коммуникационным технологиям, получив возможность работать дома, человек сможет выбирать для жительства любое место на планете и, если захочет, оснастит свой дом «оборудованием, способным сканировать посетителей посредством видеокамеры, автоматически поливать сад и домашние растения, когда они в этом нуждаются, регулировать систему отопления и охлаждения» и все это «с учетом строжайшей экономии ваших средств». С помощью системы мониторов обитатель «умного дома» будет получать «любые интересующие его сведения со всего света». Правда, надо иметь в виду, что «правительства и диссиденты станут активно использовать киберпространство и потребителям придется решать нелегкую задачу, как отличить правду от лжи». Обязательное условие – владение английским языком, ибо «глобальные компьютерные сети и телекоммуникации приведут к исчезновению сотен языков и превратят английский в доминирующий международный язык».

Ожидается, что в конце XXI века «комплексно автоматизированные системы возьмут на себя все технологические операции» и наступит «эра

---

¹ Корниш Э. Кибербудущее (92 изменения в нашей жизни к 2025 году) // Мир нашего завтра. Антология современной классической прогностики / редактор-составитель И. В. Бестужев-Лада. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – С. 200–219.

досуга», когда «люди смогут почти все свое время посвятить удовольствиям». С развитием информационных технологий станет все труднее защитить частную жизнь от внешних вторжений. Возникает опасность, что «многие люди захотят отказаться от реальной жизни в пользу привлекательного виртуального мира, созданного шоу-бизнесом», и тогда «виртуальная реальность практически полностью подменит действительность». Большой социальной проблемой могут стать неконтролируемые электронные игры через Интернет, где «выигрыш может достигать миллиард долларов». Во избежание иллюзий автор честно предупреждает, что в его информационном обществе не предвидятся никакие социально-экономические изменения. Хотя «производительность труда в глобальном масштабе резко возрастет», но «диспропорции в имущественном положении людей не только сохранятся, но и увеличатся. Богатые станут еще богаче, самые бедные – еще беднее». Негативные явления в информационном обществе обуславливаются тем, что, проводя целые дни в одиночестве перед телевизором и компьютером, человек утрачивает социальные связи (десоциализируется), ожесточается и склоняется к асоциальному, криминальному поведению.

Сравнивая оптимистические сценарии советского и американского производства, надо признать утопический характер и тех, и других. О научных методологиях ни в том, ни в другом случае говорить не приходится, но мне кажется, что гуманистический пафос советских философов более оправдан в исследованиях будущего, чем приземленный «технооптимизм» американских позитивистов, убежденных в том, что техническими средствами можно разрешить все проблемы человечества. Общий недостаток «первого круга» футурологических исследований заключается в ограниченности их горизонта локальными географическими и идеологическими рамками. Опыт показал необходимость выхода на более широкий, общемировой простор, учета глобальных угроз, «вызовов» и трендов. Другими словами, обнаружилась потребность в переходе на уровень *глобалистики* – вторую спираль футурологических исследований. Знаковыми вехами нового футурологического мышления стали «Футурошок» (1970) О. Тоффлера и публикации так называемого Римского клуба.

Олвин Тоффлер (род. 1928) преуспевающий американский журналист¹, обратил внимание на ускорение изменений в образе жизни

¹ Русскоязычные издания предлагают три варианта перевода имени Тоффлера «Alvin»: вариант транслитерации, т. е. замены латиницы кириллицей, когда получается написание «Алвин» или «Элвин», и вариант транскрипции, когда передаются особенности произношения, и Тоффлер именуется «Олвин». Мне кажется,

индустриального общества, которое представляет собой стихийную силу, неотвратно воздействующую на каждого человека. Столкновение с этой силой вызывает у психически неподготовленных людей стресс и дезориентацию, которые Тоффлер назвал «*футурошоком*» – шоком от столкновения с будущим. Футурошок, по словам автора, «продукт стремительного темпа перемен», который возникает «из-за наложения новой культуры на старую» и обуславливает «боязнь будущего в огромных масштабах», поскольку «большинство людей до нелепости не готовы к нему». В своей толково и компетентно написанной книге О. Тоффлер описывает разнообразные конфликтные ситуации, вызванные нашествием будущего, и приходит к выводу о формировании в Соединенных Штатах «супериндустриального общества». В качестве рецепта адаптации к грядущим изменениям он призывает наладить «фабрики утопий». Завершая свой «Футурошок», Тоффлер пишет: «Сегодня мы страдаем от недостатка утопических идей, вокруг которых можно организовать сопоставляемые картины предполагаемого будущего. Традиционные утопии рисовали простые и статичные общества – общества, которые не имели ничего общего с супериндустриализмом. Даже блестящие антиутопии «Дивный новый мир» и “1984” сегодня кажутся слишком простыми.... Мы нуждаемся в революции производства утопий – коллаборационном утопизме»¹. Спрос на утопии фактически представляет собой тоску о футурологии, способной выполнить функцию «футурошкотерапии». Бестселлер Тоффлера не был предназначен для выполнения этой функции. Скорее, он рассеял наивные оптимистические иллюзии и подготовил общественное мнение к неприятным неожиданностям при встрече с будущим. Исследования Римского клуба придали грядущим тревогам статус «глобальных вызовов человечеству». Вместо шокотерапии футурология породила *глобалистику*, которая в наши дни достигла статуса «междисциплинарной области философских, политологических, социальных и культурологических исследований различных аспектов глобальных проблем, а также практической деятельности по реализации их результатов, как на уровне отдельных государств, так и в международном масштабе»².

Современная глобалистика представляет собой обширный межнаучный комплекс (см. раздел 4.1.1), в котором центральное место принадлежит

что человека нужно называть так, как он сам себя называет, поэтому я пишу «Олвин Тоффлер».

¹ Тоффлер А. Футурошок. – СПб.: Лань, 1997. – С. 382.

² Чумаков А. Н. Глобалистика // Новая философская энциклопедия. Т. 1. – М.: Мысль, 2010. – С. 533.

.....

футурологической глобалистике. Зачинателем глобалистического направления в исследованиях будущего является **Аурелио Печчеи** (1908–1984), итальянский бизнесмен и общественный деятель, который называл себя «вольным мыслителем» и «гражданином мира». В апреле 1968 г. по его приглашению в Риме собрались около тридцати ученых – математиков, социологов, экономистов, которые образовали костяк так называемого Римского клуба. По замыслу Печчеи, Римский клуб был призван привлечь внимание мировой общественности к долговременным и обостряющимся социальным, экономическим, политическим проблемам человечества. К числу этих проблем были отнесены: перенаселение и бесконтрольное увеличение численности жителей Земли, расслоение общества на бедных и богатых, социальная несправедливость и голод, энергетический кризис, истощение природных ресурсов, деградация природной среды, неграмотность и устаревшая система образования, упадок нравственности и, конечно, милитаризм и угроза ядерной войны. Основанный Печчеи клуб представлял собой неформальную, негосударственную общественную организацию, не имеющую даже собственного бюджета, но он в кратчайший срок сумел приобрести международный авторитет благодаря публикации серии знаменитых «докладов Римскому клубу».

Первый доклад, подготовленный в Массачусетском технологическом институте США и названный «Пределы роста», был обнародован в 1972 году. Используя экономические модели и компьютерную технику, исследователи получили весьма мрачный прогноз. Если экономическое развитие не будет сведено к простому воспроизводству («нулевому росту»), и прирост населения Земли не будет поставлен под жесткий контроль, в середине XXI века будут исчерпаны сырьевые ресурсы, а нехватка продовольствия станет катастрофической. «Пределы роста» были восприняты как современный Апокалипсис, и они сильно встревожили мировое сообщество. Разразившийся осенью 1973 года энергетический кризис подтвердил реальность прогнозируемых угроз. Во втором докладе «Человечество на перепутье» (1974) была сформулирована дилемма: либо создавать глобальное сообщество, основанное на солидарности и справедливости, разнообразии и единстве, взаимозависимости и опоре на собственные силы, либо всем оказаться перед лицом распада человеческой системы, который будет сопровождаться сначала региональными, а потом и глобальными катастрофами. Третий доклад «Перестройка международного порядка» (1976) был посвящен поиску путей сокращения разрыва между доходами жителей богатых стран и населения бедных стран, но предложенные в нем экономические реформы оказались утопическими.

В 1991 году появился доклад «Первая глобальная революция», написанный тогдашним президентом Александром Кингом и генеральным секретарем Бертраном Шнайдером, где подводились итоги двадцатипятилетней деятельности Римского клуба. Авторы доклада обобщили научно-исследовательские материалы, полученные Клубом, и пришли к выводу, что под действием неуправляемых геополитических, социальных, технологических, культурных и этнических факторов в мире происходит *глобальная революция*, последствия которой трудно предсказуемы. Они пишут: «В мире бушует ураган противодействующих сил. Впервые в истории человечество столкнулось со столь грозными опасностями – несбалансированным экономическим ростом, утратой способности к управлению, нехваткой продовольствия и ресурсов, загрязнением среды, энергетическими кризисами, демографическим взрывом, усилением миграции, изменениями мировой геополитической ситуации. Традиционные управленческие структуры не могут справиться с клубком задач, люди беспомощны перед сложившейся ситуацией.... Человечество должно ответить на брошенный ему глобальный вызов»¹.

Авторы намечают три стратегических направления спасительных действий мирового сообщества: конверсия военной экономики, перевод её на мирные рельсы; решение проблем энергетики и потепления климата на Земле; преодоление бедности и неравенства стран. Они указывают также три фактора, способствующие решению проблем: 1) императив обучения, нацеленного не просто на приобретение знаний и развитие интеллектуальных способностей молодежи, но и на «обучение исполнению ответственных ролей в жизни общества, обучение общению, развитие глобального взгляда на мир», что необходимо для продуктивной деятельности в мире будущего; 2) вклад науки и техники, прежде всего, – фундаментальных исследований природы человека, его мотивов поведения, потенциала и ограничений; 3) роль средств массовой информации, которые должны преодолевать свою зависимость от эгоистических коммерческих интересов. Нетруднообразить, что в информационном обществе, вооруженном информационно-коммуникационными технологиями, перечисленные факторы обретут мощную техническую базу. Отсюда следует, что информатизация – ключ к решению глобальных проблем. Однако, отдавая себе отчет, что нельзя «игнорировать опасности того, что информационная техника углубляет пропасть между богатыми и бедными людьми и странами», лидеры Римского клуба оговаривают необходимость обязательного сохранения «моральных

¹ Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы / под ред. Д. М. Гвишиани. – М.: УРСС, 1997. – С. 230–231.

и духовных ценностей», которые «должны привести к новому гуманизму». Они высказывают сожаление, что «нравственный подход еще не победил в достаточной мере, если говорить применительно к политике и бизнесу» и обращаются к людям, «богатым знаниями, но бедным мудростью» с призывом к солидарности во всем мире.

Благородная и гуманная деятельность Римского клуба продолжалась в 90-е годы, продолжается и в наши дни. В июне 1992 года на Всемирном саммите ООН в Рио-де-Жанейро президент Клуба Риккардо Диес-Хохлайтнер призвал принять «Устав Земли» или «Мирный договор с Природой», определяющие обязанности, которые накладывают на современное человечество интересы будущих поколений и биосфера. Но политические деятели не сочли возможным узаконить утопические документы такого рода. В декабре 1993 года, выступая на ежегодной конференции Римского клуба с докладом «Европа на перепутье — взгляд в 2020 год» Диес-Хохлайтнер произнес мудрые слова: «Осознавшее свой долг юношество — лучший гарант расцвета новой цивилизации. От них зависит претворение в жизнь нынешней утопии — образа Европы 2020 года, ибо только утопия реально заставляет стремиться и работать ради достижения целей». В 1997 г. вышел очередной доклад Римского клуба «Фактор четыре. Затрат — половина, отдача — двойная», где доказывалось, что современная цивилизация достигла уровня развития, на котором рост производства фактически во всех отраслях хозяйства способен осуществляться в условиях прогрессирующей экономики без привлечения дополнительных ресурсов и энергии и поэтому человечество «может жить в два раза богаче, расходуя лишь половину ресурсов». Доклад был расценен властями как очередная прекрасная утопия. В тесном сотрудничестве с множеством научных и образовательных организаций, эксперты Римского клуба в мае 2008 года разработали трехгодичную программу «Новый путь мирового развития» (A New Path for World Development), в которой обозначены основные направления деятельности до 2012 года. Похоже, что Римский клуб стремится вырваться из мрачной колеи пессимистической глобалистики, начало которой сам же и положил в 1972 году докладом «Пределы роста», и выйти к более светлой и оптимистической, пусть даже утопической *альтернативе*.

Наступил новый поворот футурологической мысли, так сказать, «Час Оптимизма». В нашей стране пророком альтернативистики — нового поворота в исследованиях будущего стал И. В. Бестужев-Лада, еще в прошлом веке выступивший с монографией «Альтернативная цивилизация»¹.

¹ Бестужев-Лада И. В. Альтернативная цивилизация. — М.: ВЛАДОС, 1998. — 352 с.

В авторском вступлении он пояснял: *Альтернативистика* – междисциплинарное направление прогнозирования перспектив перехода к альтернативной цивилизации, которая могла бы спасти человечество от глобальной катастрофы, неизбежной, по мнению многих видных футурологов, при наблюдаемых тенденциях развития событий на мировой арене. Прогнозируются пять качественных характеристик новой цивилизации: энергетика, основанная на «чистых» (восполняемых) источниках энергии; восстановление глобальных балансов (от экологического до демографического); всеобщее и полное разоружение; органическое сосуществование человечества с окружающей его природной средой; «подлинная человечность», основанная на преодолении торжествующей пока что антикультуры. Для осуществления альтернативных исследований будущего нужны квалифицированные кадры. Подготовкой такого рода кадров занимается Гуманитарно-Прогностический институт (основан в 1997 г.) – первое в нашей стране и в мире высшее учебное заведение, выпускающее экономистов, социологов, юристов, инженеров, психологов, экологов, обладающих углубленными знаниями в области профессионального прогнозирования и управления. Ученый совет Института возглавляет патриарх мировой футурологии и зачинатель альтернативистики в России академик И. В. Бестужев-Лада.

Появление альтернативистики не означает, что сформировавшаяся в 70-е годы глобалистика как отрасль научного знания утратила свое значение. Напротив, в связи с нарастающей тенденцией глобализации постиндустриального общества актуальность глобалистики возрастает. Этому способствуют следующие факторы. Во-первых, методология системного моделирования, успешно использованная при разработке прогностических сценариев, несомненно, получит дальнейшее развитие. Во-вторых, пессимистические выводы глобалистики не сданы в архив истории и разделяются многими исследователями.

По сути дела, в наши дни глобалистика и альтернативистика сосуществуют как взаимодополняющие направления исследования будущего. Оба направления концентрируют внимание на губительных «вызовах», на глобальных проблемах, стоящих перед человечеством, и меньше акцентируют *средства* разрешения этих проблем, в том числе возможности информационно-компьютерной техники. Поэтому ни глобалистика, ни альтернативистика не уделяют особого внимания становлению информационного общества, развитию Интернет-технологий и интеллектуализации вычислительной техники. Я считаю это упущением, ослабляющим футурологическую мысль. Например, не к лицу футурологам пренебрегать перспективами развития искусственного интеллекта.

В 70-е и 80-е годы в области *искусственного интеллекта* был застой, так как наличные вычислительные средства позволяли моделировать реакции мозга насекомых, но никак не высших животных. Однако в 90-е годы мощность аппаратных средств существенно возросла, и оптимизм энтузиастов значительно повысился. Характерна в этом отношении довольно большая и технически аргументированная статья директора Института будущего человечества (Оксфорд, Великобритания) Ника Бострома под интригующим заглавием «Сколько осталось до суперинтеллекта?»¹. Автор исходит из определения: «Под *суперинтеллектом* мы понимаем интеллект, превосходящий лучших представителей человеческого разума практически в любой области, включая научное творчество, здравый смысл и социальные навыки.... Это может быть цифровой компьютер, совокупность взаимосвязанных компьютеров, культивированная мозговая ткань или нечто другое» (с. 313). Автор полагает, что аппаратные средства и программное обеспечение для построения эквивалентного человеку искусственного интеллекта будут доступны в начале XXI века. Как только искусственный интеллект достигнет человеческого уровня, начнет действовать положительная обратная связь, которая даст толчок разработке суперинтеллекта. Н. Бостром не сомневается, что суперинтеллект будет создан, потому что он принесет «громадные экономические выгоды», несмотря на то, что «организовать мотивационную систему суперинтеллекта таким образом, чтобы гарантировать послушание и подчинение людям, — спорный вопрос» (с. 336).

В настоящее время создание нейрокомпьютеров, моделирующих нейронные сети человеческого мозга, рассматривается как одно из наиболее перспективных направлений в решении проблем интеллектуализации новых моделей ЭВМ. Нейрокомпьютеры проектируются в виде супер-ЭВМ с параллельным решением задач разных классов. Активно ведутся теоретические и прикладные исследования в области проектирования мозгоподобных систем с большим числом элементов, аналогичных реальным нейронам, разрабатываются программы обучения нейрокомпьютеров и т. д. Стало очевидным, что успех интеллектуализации ЭВМ нового поколения в значительной степени определяется успехом работы над созданием более «нейроподобных» базовых элементов и расширением их функциональных возможностей. Здесь используются данные нейрофизиологии относительно минимального набора базовых свойств реальных нейронов, обеспечивающего реализацию основных информационных функций мозга животных и человека.

¹ Бостром Н. Сколько осталось до суперинтеллекта? // Информационное общество: сб. статей — М.: Изд-во АСТ, 2004. С. 313–338.

Интеллектуализация вычислительной техники часто связывается с построением так называемых *экспертных систем*. Если искусственный интеллект традиционно отводит человеку пассивную роль лица, перекладывающего на машину тяжесть умственного труда, то экспертные системы не только не предполагают вытеснения человека из каких-либо интеллектуальных сфер деятельности, а наоборот, ориентируются на творчество пользователя, самостоятельно принимающего ответственные решения с учетом профессиональных знаний, которые представляют ему экспертные системы. В идеале пользователь в процессе взаимодействия с экспертной системой сам постепенно становится экспертом в данной отрасли знания. Сейчас существуют мощные экспертные системы, содержащие тысячи правил и способные решить некоторые задачи лучше, чем писавшие для них программы программисты или специалисты соответствующего профиля.

Важнейшей и трудно решаемой проблемой моделирования функций человеческого мышления остается представление знаний в компьютерных системах. Тем не менее, есть оптимисты, провозглашающие, что трудности на пути создания искусственного интеллекта, превосходящего по мощи и творческим возможностям человеческий интеллект, носят временный характер и связаны лишь с техническими проблемами, принципиально устранимыми в обозримом будущем. Есть аргументы и у консервативных пессимистов, полагающих, что мышление является исключительной прерогативой живого человека, поскольку человеческий мозг располагает врожденными специфическими механизмами, уникальными, невозпроизводимыми искусственно, и к тому же непознаваемыми.

Исследования в области интеллектуализации ЭВМ чрезвычайно важны и интересны, ибо они ставят перед футурологией парадоксальные проблемы. Вот одна из них. Алан Тьюринг, Ник Бостром и другие энтузиасты искусственного интеллекта и суперинтеллекта не связывали их с идеей информационного общества, хотя такая связь напрашивается сама собой. Если искусственная система по своим интеллектуальным способностям конкурентоспособна с естественным человеческим разумом, то её можно считать таким же гражданином информационного общества, как живых людей, и логично предоставить ей «права человека», закрепленные в конституциях демократических государств. Этически неправомерно подвергать дискриминации эрудированный и креативный искусственный интеллект (суперинтеллект), лишать его свободы слова и права избирать и быть избранным в органы государственной власти. Ведь это злонамеренное насилие над человекоподобным мыслящим

.....

существом. Нетрудно предугадать, что если восторжествует «машинный гуманизм», то граждане информационного общества разделятся на две генетически противоположные диаспоры: естественную и искусственную, существующие в одном и тот же социальном пространстве. Нет гарантии, что обеспечится мирное сосуществование между ними и будет исключен кошмарный «бунт роботов». На основании нашего краткого обзора современных исследований будущего можно сказать, что все они исходят из ускорения темпов научно-технического прогресса вообще и информационно-компьютерных технологий в частности. Благодаря этому, предвидится значительный рост профессиональных и любительских социальных групп, связанных с информационно-компьютерной техникой, и образующих субкультурное информационное сообщество. Следовательно, социологическая интерпретация информационного общества подтверждается. Однако нельзя удовлетвориться материалом, полученным относительно научно-футурологической интерпретации информационного общества. Его недостаточно для того, чтобы получить достоверное представление о становлении и развитии грядущего социума. Тем не менее, уже на данном этапе нашего исследования желательно уяснить хотя бы предварительную, исходную идею информационного общества.

1.3.3. Общенаучное понятие и исходная идея информационного общества. Современные представления об информационном обществе, естественно, отразились в определениях, получивших распространение в наши дни. Обратимся к некоторым авторитетным публикациям. Первое слово по праву должно принадлежать специалистам *Института развития информационного общества (ИРИО)*, посвятившим свой талант информатизации России. В книге генерального директора ИРИО Татьяны Викторовны Ершовой, броско озаглавленной «Информационное общество – это мы!», приведены три определения, которые изначально (в 1998 году) были взяты на вооружение основателями Института:

1). «Общество, в котором решающую роль играют приобретение, обработка, хранение, передача, распространение, использование знания и информации, в том числе с помощью интерактивного взаимодействия и обеспечивающих его постоянно совершенствующихся технических возможностей;

2). Общество знания, в котором главным условием благополучия каждого человека и каждого государства становится знание, полученное благодаря беспрепятственному доступу к информации и умению работать с ней;

Эти определения страдают односторонностью: они акцентируют те или иные отдельные грани информационного общества, но не дают целостного о нем представления. Видимо, ощущая этот недостаток, сотрудники ИРИО в Русско-английском глоссарии по информационному обществу (апрель 2001) предложили комплексную дефиницию:

Оставим пока в стороне другие формулировки, разработанные зарубежными и отечественными теоретиками информационного общества, концепции которых будут рассмотрены в дальнейшем, и обратимся к трактовкам, пользующимся признанием в различных научных дисциплинах. Дело в том, что факт межнаучного распространения термина «информационное

²<http://www.iis.ru/glossary/infosociety.ru.html>

⁴Цыганов В. В., Бухарин С. Н. Информационный менеджмент: Механизмы управления и борьбы в бизнесе и политике: Словарь-справочник. – М.: Академический проект, 2009. – С. 161.

.....

общество» свидетельствует об актуальности и важности связанной с ним проблематики. Специалисты разных отраслей, предлагая свои отраслевые версии, акцентируют близкие им аспекты, и в итоге образуется целостное представление о понимании информационного общества в современной науке. Прочитируем типичные дефиниции, имеющие хождение в разных отраслях знания:

5). *Социологическая версия*: «Информационное общество – качественно новое состояние как всей цивилизации, так и отдельно взятой страны, обеспечивающее доступ каждого человека к информационным ресурсам и безопасным новым информационным технологиям»¹.

6). *Экономическая версия*: «Информационное общество – новейшая историческая фаза развития цивилизации посредством информации и знаний. Отличительными особенностями информационного общества являются: возрастание роли информационных коммуникаций, продуктов и услуг в ВВП; создание глобального информационного поля, обеспечивающего эффективное и рациональное информационное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресурсам и удовлетворение их потребностей в информационных продуктах и услугах; повышение роли информации и знаний в жизни общества»².

7). *Политологическая версия*: «Информационное общество – понятие, предполагающее взгляд на современное общество с точки зрения стремительно возрастающей, всепроникающей информации обо всех сторонах его жизнедеятельности. В понятии информационного общества стержневым является управленческий аспект развития современного общества в целом. Целостное человеческое общество, все стороны жизни которого повседневно взаимозависимы, предполагает требование оптимизации производства информации, средства распространения которой „ужимают“ земной шар до размеров деревни. Лидерство в развитии информационных технологий представляется как все более эффективное средство обеспечения господствующего положения в нынешнюю, переходную к информационному обществу, эпоху»³.

8). *Культурологическая версия*: «Информационное общество – один из терминов, предлагаемых в настоящее время для обозначения предвидимого в ближайшем будущем состояния западного общества и его культуры. Наиболее очевидны тенденции рационализации, гуманизации,

¹ Социологический словарь. – М.: Норма, 2008. – С. 164.

² Большая экономическая энциклопедия. – М.: Эксмо, 2008. – С. 263.

³ Политология. Энциклопедический словарь. – М.: Изд-во Моск. Коммерческого ун-та, 1993. – С. 129.

либерализации общественных отношений и всей культуры западного мира, переход от индустриальных технологий производства к информационным, компьютерным. В рамках рационализации происходит постоянное, принявшее взрывной характер, повышение значимости информации обо всех сферах жизни общества, всех сферах культуры»¹.

9). *Философская версия*: «Информационное общество – общество, в котором основным богатством и ресурсом служит информация. Новые информационные технологии кардинально изменяют характер труда в промышленности, резко снижают численность занятых в этой сфере работников, изменяют саму организацию производства. Все это влечет за собой в значительной степени непредсказуемые социальные последствия, во всяком случае, несомненно, что общество должно изменить свои ценности и выйти на истинно фундаментальные параметры человеческой экзистенции»². Обширная статья, посвященная информационному обществу, содержится в недавно опубликованной четырехтомной «Новой философской энциклопедии»³.

10). Наконец, приведем для полноты картины *толково-энциклопедическую версию*, адресованную широким кругам читателей. Здесь фиксируется два значения понятия «информационное общество»: 1. То же, что «постиндустриальное общество»; 2. «Общество, находящееся на этапе развития, следующим за постиндустриальным, в экономике которого приоритет перешел от преимущественного производства услуг к информационному сектору; основным фактором общественного развития признается создание, распределение и потребление информации и информационных технологий (компьютеров, микроэлектроники, коммуникационно-вычислительных сетей, национальных и межнациональных баз данных и т. д.), а также образование и научные исследования, основным объектом деятельности является торговля информацией»⁴.

Сопоставление приведенных определений показывает, что существенных отраслевых особенностей не наблюдается, и возможно выработать единое *общенаучное* понятие информационного общества. Неясно, какая научная дисциплина сможет выполнить эту миссию (историософия, футурология, социальная информатика, какая-то иная наука?), но очевидно, что при разработке этого понятия нужно учитывать следующие

¹ Энциклопедический словарь по культурологии. – М.: «Центр», 1997. – С. 160.

² Волков Ю. Г., Поликарпов В. С. Человек: Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 1999. – С. 162–163.

³ Соловьев Э. Г. Информационное общество // Новая философская энциклопедия: в 4-х тт. – М. Мысль, 2010. Т. 2. – С. 142–143.

⁴ Толково-энциклопедический словарь. – СПб.: Норинт, 2006. – С. 690.

.....

условия: а) информационное общество – это не фактическое, а *будущее* состояние человечества (историческая фаза, ступень развития цивилизации, общество нового типа); б) в ходе исторического прогресса информационное общество является *постиндустриальным*, поскольку хронологически следует за индустриальным обществом XX века, и значит, должно существенно отличаться от последнего¹; в) содержание жизни информационного общества определяется информационной деятельностью (информационными технологиями, информационным взаимодействием), поэтому главной движущей силой и социальной ценностью является *информация (знание)*.

Таким образом, в общенаучном определении информационного общества должны быть учтены три признака: Будущее + Постиндустриальный период + Информация. Словесная формулировка общенаучной дефиниции информационного общества может выглядеть так: ***Информационное общество – будущее постиндустриальное общество, основанное на информационных процессах.***

С логической точки зрения эта формулировка представляет собой типичное определение понятия, где перечислены существенные признаки информационного общества (определяемого субъекта S), но её нельзя считать суждением, так как не выполняется формула «субъект – предикат» ($S - P$), ибо отсутствует предикат P – истинные (ложные) утверждения относительно данного информационного общества. Следовательно, не обнаруживается явно выраженной идеи информационного общества, которая представляет собой, как было сказано в начале настоящей главы, не понятие, а суждение. Однако, в неявной форме в общенаучной формулировке понятия информационного общества имеется искомый предикат. Он заключается в утверждении истины, что всякое информационное общество – не реальный социальный факт, не разновидность исторически известных сообществ людей, а *предположение* о возможном (желаемом) будущем, то есть *гипотеза*, подобная прогнозу погоды на завтра. Таким образом, получается общее, утвердительное и категорическое суждение²: ***всякое информационное общество (S) по природе своей есть гипотеза (P).*** Теперь можно сформулировать исходную научно-футурологическую идею информационного общества

¹ Некоторые ученые предпочитают говорить, что информационное общество – это не особая, постиндустриальная разновидность человеческого социума, а своеобразная «фаза» индустриального общества. Думаю, что здесь спор о словах, а не о сущностях, ибо ничего не мешает назвать конечную «фазу» индустриального общества постиндустриальным обществом.

² Кондаков Н. И. Логический словарь. – М.: Наука, 1971. – С. 504.

.....

Глава 2.

Информационный подход и информационные реальности

О Информация, случайный псевдоним
Чего-то, что уму непостижимо!
В чем суть твоя? Ты пламя или дым?
А может быть, всего лишь тень от дыма?

Проблема природы, сущности и типологии информации неизбежно возникает, если мы хотим познать не какое-нибудь, а именно «информационное» общество, причем не поверхностно, а с учетом его сущностных отличий от других исторически сложившихся человеческих сообществ. В определениях, цитированных в главе 1, говорится, что в информационном обществе «основным фактором общественного развития станут создание, распределение и потребление информации», что «будет обеспечен доступ каждого человека к информационным ресурсам и новым информационным технологиям» и т. п. Не уточняется, какая информация имеется в виду: машинная в системе «человек — машина» или смысловая в системе «человек — человек»? Или оба типа информации сразу? Или другие типы информации? Однако уточнения необходимы, если мы анализируем информационные процессы в информационном обществе, потому что граждане этого гипотетического общества могут оперировать разнотипной информацией.

Для технократов-интеллектуалов информация — это электрический сигнал («рабочее тело»), подлежащий обработке, передаче, хранению посредством телекоммуникационной и компьютерной техники. Бизнесмен, торгующий информацией, воспринимает её как источник прибыли, которая зависит от уровня рыночных цен и величины себестоимости. И технократу, и торговцу неважно и неинтересно смысловое содержание информации, они понимают информацию как элемент материального мира, а не акт духовной жизни. Гуманистически ориентированные ученые, педагоги, литераторы оценивают сущность информации с точки зрения содержания, а не материального оформления. Для них бессмысленное сообщение информацией не является, а инженер или торговец готовы оперировать с любой бессмыслицей.

В зависимости от понимания информации варьируются представления об информационном обществе, и довольно отчетливо вырисовываются два противоположных лагеря: технократический и гуманистический. Технократы акцентируют формирование глобальной инфосферы, основанной на информационно-компьютерных технологиях и компьютерных сетях, связывают формирование информационного общества с превращением информации в товар массового спроса и сосредоточением в информационном секторе экономики более половины трудовых ресурсов. Технократы-глобалисты видят в глобальном информационном обществе широкие перспективы для экспансии корпоративного капитала и укрепления мирового господства «золотого миллиарда» населения планеты. Гуманистам близки ценности национальной культуры и традиционные нравственные устои, им важна демократическая организация общественной жизни, гарантированная свобода слова, печати, собраний, безусловное соблюдение прав человека. Гуманитариев информационное общество привлекает расцветом науки, образования, искусства, религиозных конфессий, становлением «новых людей» – всесторонне развитых личностей. Эти два лагеря отчетливо предстанут перед нами при рассмотрении концепций информационного общества (глава 3). В настоящей же главе сосредоточимся на sacramентальных вопросах «что такое информация по природе и по существу?», «какие типы информации реально существуют?», наконец, «какую реальность правомерно считать информационной?» Для ответа на эти вопросы необходимо уяснить методологию информационного подхода.

2.1. ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

2.1.1. Методология информационного подхода. Болгарский академик Тодор Павлов в 60-е годы не без удивления заметил: «Физиологи, психологи, социологи, экономисты, технологи, генетики, языковеды, эстеты и другие ищут и находят информацию почти во всех органических, общественных и умственных процессах»¹. Точно сказано; «ищут и находят»! Отталкиваясь от обыденной трактовки информации, пытливые исследователи стали называть информацией те явления, которые представлялись им на нее похожими. В результате стихийного терминотворчества появились десятки частнонаучных трактовок информации, приспособленных к нуждам физиологии, психологии, социологии и других частных наук. Важно подчеркнуть, что какие-либо информационные сущности

¹ Павлов Т. Информация, отражение, творчество. – М., 1967. – С. 16.

.....

не открывалась заново учеными новаторами, а информацией *назывались* уже известные вещи, свойства, процессы. Например, последователи великого физиолога И. П. Павлова его знаменитые «сигнальные системы», служившие для раскрытия механизма условных рефлексов, стали именовать «информационными системами» и занялись анализом деятельности мозга не с точки зрения электрохимических процессов, а с точки зрения переработки информации. Лингвисты начали понимать под информацией «все, что можно так или иначе сообщить, передать», а информатики превратили библиографические указатели во «вторичные источники информации».

Крупнейший отечественный фольклорист К. В. Чистов (1919–2007) в 1975 году использовал информационный подход для раскрытия специфики фольклора и его отличий от литературных произведений. Он применял метафору «эстетическая информация» для демонстрации их содержательного сходства. Культурологи открыли информационную природу социальной традиции, которая предстала не просто как определенная структура общественных отношений, а как средство ограничения хаоса, неорганизованности, средство уничтожения или устранения неопределенности. В педагогике образовалась «педагогическая информатика», которая трактует знание как учебную информацию. Ученые-наукоеды стали трактовать науку как информационную модель природы и общества. Короче говоря, как проницательно заметил Р. С. Гиляревский, «слово „информация“ стало настолько модным, что многие явления и процессы в природе, обществе и мышлении при самой отдаленной схожести с информацией называются её именем. А это, в свою очередь, порождает много заблуждений технократического толка»¹.

Стихийный информационный подход – не случайное поветрие в общественном сознании, а привлекательный эпистемологический инструмент. Привлекательность этого инструмента заключается, с одной стороны, в генетической связи с авторитетными идеями Н. Винера и К. Шеннона, а с другой стороны, в раскованности его использования, обусловленной неопределенностью понятия информации. Стихийный информационный подход я позволил себе назвать «*информационными очками*», вспоминая замечательную фантазию А. М. Волкова (1891–1977) «Волшебник Изумрудного города». Как известно, иллюзия изумрудности этого города создавалась благодаря специальным очкам, которые обязаны были постоянно носить все горожане. Если очки снимались, Изумрудный

¹ Гиляревский Р. С. Информационная культура в высшей школе // НТИ. Сер. 1. 2007. № 2. С. 19.

город исчезал. Стихийный информационный подход, выполняя функцию «информационных очков», представляет исследователям мир в «информационных красках». Допустим, раньше книгу считали «источником знания», а в свете информационного подхода она выглядит «источником информации»; раньше у любознательных детей были познавательные интересы, теперь – информационные потребности, раньше специалисты были опытными, теперь – информированными. Учащиеся приобретают «информационное мировоззрение», мир стремительно информатизируется, и через «информационные очки» после индустриального общества просматривается «информационное общество».

Означает ли информатизация мира, что информация приобретает вещественность и объективность, свойственные речи, книге, изумрудному колье? Разумеется, нет! Информация не существует вне информационного подхода, чтобы обнаружить информацию, нужно одеть «информационные очки». Что же представляет собой сия «информационная оптика»? Опыт использования информационного подхода в 70-х – 80-х годах добросовестно и компетентно осмыслен советским философом-информатиком Эдуардом Павловичем Семенюком¹. Э. П. Семенюк руководствовался следующими исходными положениями (с. 7, 8): «Подход к познанию в науке – это логико-гносеологическое и методологическое образование, предельно строго выражающее только направленность научного исследования, ограничивающее её, как правило, одним аспектом (в крайнем случае – несколькими взаимосвязанными направлениями), но в отличие от метода принципиально лишенное какого бы то ни было ограничения и даже четкой фиксации тех средств, которыми ведется исследование.... Характернейшая особенность *информационного подхода* к познанию – общая ориентация ученого на анализ именно информационного «среза» действительности. Задачей исследования, в конечном счете, является раскрытие специфически неповторимой *информационной роли каждого конкретного феномена* во всем богатстве его свойств и отношений» (курсив мой А. С.).

Установка на «анализ именно информационного среза действительности» означает, что *информационный подход первичен, информация вторична*. Сам философ-информатик на вопрос «Что же все-таки является первичным – само понятие информации или основанный на нем подход к познанию?» отвечал уклончиво: «В определенном смысле первичен

¹ Семенюк Э. П. Общенаучные категории и подходы к познанию (Философский анализ). – Львов: Вища школа, 1978. – С. 108–116); Он же. Информационный подход к познанию действительности. – Киев: Наук. думка, 1988. 240 с.

.....

информационный подход. Точнее, видимо, будет сказать, что между этими двумя феноменами науки — понятием информации и соответствующим подходом к познанию реальности — с самого момента их зарождения существует имманентная, органическая взаимосвязь, доходящая до взаимной детерминации»¹. «Взаимная детерминация», надо думать, заключается в том, что информационный подход является причиной информации, но и информация обуславливает информационный подход. Где начало этой причинно-следственной цепочки? На мой взгляд, исследователь сначала принимает решение использовать информационный подход (одеть «информационные очки»), затем обращает свой взор на изучаемую реальность и, наконец, обнаруживает (или не обнаруживает) в этой реальности информацию. Поэтому первичен информационный подход. Причем, как показывают приведенные выше примеры, главная особенность информационной эпистемологии состоит в том, что исследователь *не открывает* информацию в реальном мире, как открываются звезды или микробы, ибо информационный подход не оптический прибор, а всего лишь *называет информацией* те объекты или явления, которые *кажутся* ему соответствующими этому названию.

Стихийное распространение информационного подхода в естественных и общественных науках, начавшееся в 60-е — 70-е годы, обогащало их понятийно-терминологический словарь и расширяло методологический арсенал. Однако в силу стихийности этого процесса, не обеспечивалась *корректность информационного подхода*. Главный методологический недостаток заключался в том, что информация априори принималась в качестве объекта реальной действительности. Говоря философским языком, происходила онтологизация (объективизация, опредмечивание) понятия информации. Сигналы, импульсы, рефлексy, тексты, речь, жесты, изображения и т. д. назывались аудиовизуальной, буквенно-цифровой, текстовой, речевой и т. п. информацией. Некорректность заключалась в том, что вместо нового знания о предметах реального мира, вводились в оборот новые имена давно известных предметов. Благодаря «информационным очкам», объекты реального мира предстают в информационных красках, но никаких новых, собственно информационных качеств в этих объектах не обнаруживается. Вследствие этого информация становилась фантомом, призраком, двойником каких-то оригиналов, а не самостоятельным объектом реальной действительности. Некорректный информационный подход практиковали философские концепции информации: атрибутивная

¹ Семенюк Э. П. Информационный подход к познанию действительности и управление // Информация и управление. — М., 1985. — С. 230–231.

«информационными» и положил тем самым начало математической теории информации, но мог бы назвать их как-нибудь иначе, чтобы уменьшить полисемию термина «информация».

2) *Использование информации как количественной меры.* Вероятностно-статистическая мера количества информации, предложенная К. Шенноном, изначально была предназначена для технической коммуникации, где нашла широкое применение. Обращение к математическому аппарату теории информации представляет собой корректное использование информационного подхода, поскольку четко различаются количественные меры (количество информации) и то, что измеряется (реальные процессы). Логиками и лингвистами были предприняты попытки количественного измерения семантической информации, но они не увенчались успехом. Зато информационная трактовка памяти как «подсистемы, сохраняющей информацию во времени», позволила количественно измерить объем запоминаемого материала в зависимости от системы кодирования. Информационный подход к сфере бессознательного показал, что в общем балансе мозговых информационных процессов на бессознательном уровне перерабатывается 10^9 бит информации в секунду, в то время как на сознательном уровне только 10^2 бит.

В обществоведении накопление информации (обогащение социальной памяти) считается важным признаком общественного прогресса. Поэтому привлекают внимание количественные оценки роста информационных потоков, приводящие к представлениям о кризисе информации, об информационном взрыве, шокирующем общество. Несмотря на благоразумные предостережения Клода Шеннона, некоторые гуманитарии не удержались от злоупотребления впечатляющей цифирью. Например, Д. С. Робертсон (США), исходя из гипотезы взаимообусловленности цивилизационных и информационных процессов, провозглашает «закономерную» зависимость «цивилизация – это информация» и ранжирует цивилизации по количеству производимой ими информации следующим образом:

Уровень 0 – информационная емкость мозга отдельного человека – 10^7 бит;

Уровень 1 – устное общение внутри общины, деревни или племени – количество циркулирующей информации – 10^9 бит;

Уровень 2 – письменная культура: мерой информированности общества служит Александрийская библиотека, имевшая 532 800 свитков, в которых содержалось 10^{11} бит информации;

Уровень 3 – книжная культура: сотни библиотек, десятки тысяч книг, газет, журналов, совокупная емкость которых оценивается в 10^{17} бит;

Уровень 4 – информационное общество с электронной обработкой информации объемом 10^{25} бит.¹

Идея оцифровывать цивилизованность общества абсурдна, потому что нравственность, образованность, правопорядок или техническую вооруженность количественно оценить нельзя. Предложенные показатели цивилизаций в битах – образец технократической ограниченности, получившей, к сожалению, довольно широкое распространение.

3) *Конструктивная функция* – использование информационного подхода для практической реализации информационных систем, информационной техники, технологии, индустрии. Инженеры, конструирующие и эксплуатирующие информационную технику, применяют методы математической теории информации и называют информацией электрические сигналы, воспринимаемые ими как материальное «рабочее тело». Помимо информационного подхода, для реализации информационной техники требуется вещественно-энергетический подход, и не удивительно, что в сознании инженеров-конструкторов информация, вещество, энергия часто становятся равноправными системными компонентами.

4) *Описательно-объяснительная функция* информационного подхода часто реализуется в естественных и общественных науках. При этом имеет место своеобразное объяснение «неизвестного через неизвестное». Например, нам неведомы действительные механизмы памяти, понимания, мышления, но можно вразумительно обсуждать эти сложные психические явления посредством интуитивно постигаемого понятия информации: память – это хранилище информации, понимание – раскодирование информации, мышление – обработка информации. Очень удачно описываются и объясняются посредством информационных моделей общение между людьми и сигнализация животных, управление и связь в технических устройствах и биологических системах. Здесь реализуется потенциал обобщения, всегда присутствующий в понятии информации.

Особенно популярным оказалось применение стихийного информационного подхода в науках о живой природе, где функционирование живого существа отождествлялось с накоплением и использованием информации. Биологи-теоретики увидели в информационных процессах сущность жизни и критерий отграничения живых организмов от неживой материи. Ставился вопрос о формировании особой биологической дисциплины – теории биологической информации, которая не должна иметь ничего

¹ Робертсон Д. С. Информационная революция // Информационная революция: наука, экономика, технология: Реферативный сборник / ИНИОН РАН. – М., 1993. – С. 17–26.

.....

общего с математической теорией информации и не должна входить в состав кибернетики. Обозначились направления «информационная физиология» и «информационная психология», которые исходят из того, что нервно-психическая деятельность человека есть не что иное, как прием, обработка, накопление и выдача информации. В генетике видное место заняла *биоинформатика* — ветвь молекулярной биологии, занимающаяся раскодированием человеческого генома.

Приветствуя оживление биологической мысли, тем не менее, замечу, что объяснение появления и эволюции жизни как перехода от неинформационных систем к информационным с последующим развитием последних внушало бы доверие, если бы подкреплялось убедительной трактовкой информации. К сожалению, этого нет. Авторы информационных теорий жизни характеризуют её довольно сбивчиво как «свойство материальных систем», «меру организации», «воспроизводящую структуру», «существование явлений в несвойственной их природе форме». В результате эти теории превращаются в информационную версию витализма. Строго говоря, в описательно-объяснительных схемах конкретных наук информация — это не «снятая неопределенность», в качестве которой она предстает в математической теории информации, а «вечная неопределенность», общенаучный «умственный костыль», с помощью которого осуществляется восхождение от относительной к абсолютной истине.

5) *Моделирующая функция* — построение информационных моделей, компьютерное моделирование и вычислительные эксперименты занимают центральное место в проблематике современной информатики. Однотипные информационно-коммуникационные модели приняты в телеграфии, телефонии, радиосвязи, телевидении, автоматике и телемеханике; впоследствии они были распространены на метрологию и контрольно-измерительную технику. В 70-е годы сформировалась специальная «информационная теория измерений и измерительных устройств». Здесь, в соответствии с нормами корректного информационного подхода, информация понимается как продукт научного мышления (математическая абстракция) и не смешивается с материальными предметами.

В отличие от корректных математиков, биологи и обществоведы, надев «информационные очки», занялись оформлением информационных моделей не только в виде математических выражений, но и в виде функциональных зависимостей, в которых понятие информации использовалось в качестве *метафоры* с расплывчатым значением. Примером метафорического использования информационного подхода может служить «потребностно-информационная теория эмоций» нейрофизиолога академика

б) *Мистификационная функция* – использование категории «информация» для построения псевдонаучных учений теологического толка. Например, в информатиологии в качестве исходной предлагается дефиниция: «Информация – всеобщая генеративная основа природы и общества; это универсальное генеративное поле Вселенной и универсальное начало всех начал; информация первична, материя вторична. Информация – универсальный генеративный ресурс Вселенной, безальтернативный первоисточник развития и благосостояния народов Мира»¹. Что есть «всеобщая генеративная основа природы и общества»? Что представляет собой первичное «начало всех начал», породившее материю? Как понимать «безальтернативный первоисточник развития и благосостояния народов Мира»? Ответ очевиден: это Бог!

Фундаментальные науки, использующие информационный подход:

Экономика, Политология, Социология;
Математика, Информатика, Кибернетика;
Лингвистика, Логика, Семиотика;
Филология, Педагогика, Документология;
Культурология, Искусствознание, Эстетика;

¹Юзвишин И. И. Основы информатиологии: учебник. – М., 2001. – С. 587.

Биология, Психология, Физиология;
Астрономия, Геология, География;
Коммуникативистика, Эпистемология, Эвристика;
Синергетика, Когнитивистика, Футурология.

Прикладные дисциплины, использующие информационный подход:

Автоматика, Archivоведение, Библиотечковедение, Библиографоведение, Библиотерапия, Вычислительная техника, Документоведение, Журналистика, Имиджелогия, Искусственный интеллект, Клубоведение, Криминалистика, Музееведение, Программирование ЭВМ, Радиотехника, Реклама и PR, Телевидение, Фольклористика, и мн. др.

Распространению информационного подхода мало препятствует тот факт, что он является не универсальным, а довольно специализированным познавательным средством, которое должно сочетаться с другими, «неинформационными» подходами. Как-то не замечаются *два принципиальных ограничения*, свойственных информационному подходу. Во-первых, опасность *редукционизма*, то есть существенного упрощения изучаемой сложной системы в процессе её информационного моделирования. Например, модель живой человеческой памяти строится по образцу запоминающих устройств ЭВМ, и при этом не учитываются произвольность и непроизвольность запоминания, эмоциональные аспекты памяти, влияние потребностно-мотивационной сферы. Во-вторых, хорошо отражая структурно-функциональные свойства системных объектов, информационный подход плохо учитывает их изменения во времени; *принцип историзма, эволюции* ему чужд.

2.1.3. Информационный подход к социальной реальности используется в корректном и в некорректном режимах. Корректным является *информационное моделирование социальной реальности*, которое заключается в построении аналогов социальных объектов, воспроизводящих некоторые их свойства в форме, удобной для исследования. В середине 70-х годов философ и кибернетик Е. А. Седов (1929–1993), используя понятия «информация» и «энтропия», построил теоретическую модель эволюции общества, показывающую, что тоталитарная, жестко детерминированная система управления, имеющая минимальную энтропию, неспособна оптимально адаптироваться к изменениям окружающей среды¹. В современной социологии в виде математических, имитационных, графических моделей, пригодных для компьютерной обработки, представляются социальные структуры, социально-демографические процессы, особенности образа жизни, социально-политические тенденции и выявляются присущие им

¹ Седов Е. А. Эволюция и информация. – М.: Наука, 1976. – 232 с.

Некорректным использованием информационной методологии грешат многие исследователи *эволюции коммуникационной культуры*, которые довольствуются расплывчатым, фактически обыденным понятием информации. Некорректный информационный подход обнаруживается в капитальных историко-эволюционных обзорах, охватывающих всю социокультурную динамику человечества – от палеолита до Интернета включительно. Я имею в виду два произведения: «История языка и история коммуникации» Н. Б. Мечковской¹ и «Эволюция информационной деятельности» Б. А. Семеновкера². В этих произведениях информация и информационная деятельность предстают в качестве социально-коммуникационных универсалий, не ограниченных хронологическими рамками.

Информация (по умолчанию подразумевается – семантическая, то есть смысловая, информация) обнаруживается в ритуальных танцах, наскальных гравюрах, священных гимнах, с одной стороны, и в мобильных телефонах, мультимедиа, электронной почте и сайтах Интернета, с другой стороны. Нина Борисовна Мечковская считает информацией «все, что можно так или иначе сообщить, передать. Информацией является и то содержание, которое священник выражает в литургии, композитор – в музыке, художник – красками на полотне, хореограф – в танце, архитектор – планируя объемно-пространственные структуры будущего здания» (с. 17). Борис Арьевич Семеновкер понимает под информацией обобществленное знание («знание, которое существует для других людей»), а информационную деятельность он определяет как деятельность людей по операциям с информацией. Он подчеркивает общность и преемственность эволюционных этапов: бесписьменное общество – рукописная информация – полиграфическая информация – техногенная информация. Отсюда он делает вывод, что «информационная деятельность стала определяющим фактором глобального развития» и «встала в один ряд с другими важнейшими составными частями общественной жизни – религией, политикой, экономикой, наукой и искусством» (с. 5).

¹ Мечковская Н. Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: курс лекций по общему языкознанию. – М.: Флинта: Наука, 2009. 584 с.

²Семеновкер Б. А. Эволюция информационной деятельности: Бесписьменное общество. – М.: Пашков дом, 2007. 144 с.; Он же. Эволюция информационной деятельности: Рукописная информация. Часть 1. – М.: Пашков дом, 2009. 248 с.

.....

Возникает вопрос: если информационные процессы необходимо присущи и первобытным общинам, и средневековым государствам, и постиндустриальным цивилизациям, то почему Римскую империю или, допустим, Киевскую Русь нельзя считать информационным обществом? Вопрос закономерный. Технократически мыслящие теоретики информационного общества весьма просто отвечают на этот вопрос. Они настойчиво повторяют, что *только в наши дни* происходят беспрецедентные и качественные инновации, *революционный переход* от индустриального общества к обществу информационному, к глобальной информационной цивилизации, что информатизация является необходимым условием и основой для социально-экономического, политического и культурного прогресса, для обеспечения национальной безопасности и т. д. По их мнению, отличительными особенностями информационного общества являются: возрастание роли информационных коммуникаций, продуктов и услуг в ВВП; создание глобального информационного поля, обеспечивающего эффективное и рациональное информационное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресурсам и удовлетворение их потребностей в информационных продуктах и услугах; повышение роли информации и знаний в жизни общества. Преобразование неинформационного общества в информационное возможно *только благодаря* компьютерным технологиям и телекоммуникационной технике, которые обеспечивают рост информационного сектора в ВВП, дистанционный доступ к мировым информационным ресурсам и т. д. В Древнем Риме и Древней Руси не было компьютерных информационно-коммуникационных технологий, значит, их население нельзя назвать «информационным обществом», а безмашинная коммуникация не является информационной деятельностью.

Тогда получается странная логика: традиционная Галактика Гутенберга в мануфактурном и даже индустриальном виде — «неинформативна», а появление электронного набора и компьютерного редактирования — свидетельство вступления её в «век информации». Если собеседники непосредственно обмениваются друг с другом устными репликами, имеет место неинформационный процесс, а если они то же самое делают по телефону, то получается информационная деятельность. Если вы послали весточку по обычной почте, это не информация, а если по электронной, то информационное сообщение. Н. Б. Мечковская, Б. А. Семёновкер и многие другие гуманитарии подобную технократическую логику отвергают и считают информационными *все этапы* коммуникационной культуры, пройденные человечеством, а не только этап электронной коммуникации. Уместно отметить, что Норберт Винер, А. Н. Колмогоров

и другие классики кибернетики, предсказывая чудесный прогресс научного разума и интеллектуальной техники, никогда не утверждали, что информация техногенна и доступна только искусственному интеллекту. Наоборот, они распространяли информационно-кибернетическую методологию на живые организмы, биоценозы и естественные человеческие общества. Где же все-таки начинается и где заканчивается гипотетическое «информационное общество»? Некорректный информационный подход не может убедительно ответить на этот вопрос, потому что он не знает природу и сущность информации.

2.2. Природа и сущность информации.

Типы информации

Один из теоретиков информационного общества Том Стонье категорично утверждал: «Информация *существует*. Чтобы существовать, она не нуждается в том, чтобы её *воспринимали*. Чтобы существовать, она не нуждается в том, чтобы её *понимали*. Она не требует умственных усилий для своей интерпретации. Чтобы существовать, ей не требуется иметь *смысл*. Она существует» (курс. автора)¹. Критерии «существования» информации, не требующие, чтобы она обладала смыслом, чтобы её воспринимали и понимали, отождествляют её с материальным объектом вроде «черной дыры», которую нельзя воспринять, понять и смысл которой неведом. Наш критерий существования информации *прямо противоположен*: информация выражает смысл, она предназначена для восприятия и понимания, поэтому она не реальный предмет, а *средство выражения данного предмета* в реальности определенного типа. Этот критерий нужно обосновать. При этом следует отдавать себе отчет, что «общепринятая теория содержательного смысла информации до сих пор не предложена, и это не удастся сделать без предварительного философского анализа места информации среди других атрибутов бытия, без выяснения её всеобщей природы, т. е. без её качественного рассмотрения на категориальном уровне»². Что ж, задача не проста. Тем не менее, попытаемся осуществить «качественное рассмотрение информации на категориальном уровне».

2.2.1. Категоризация понятия информации. Все, что известно человеку о внешнем мире и о себе самом, в том числе и об информации, он знает в форме понятий, категорий, суждений (идей). *Понятие*, как уже

¹ Цитирую по книге: Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 35.

² Сагатовский В. Н. Вселенная философа. – СПб., 2008. С. 45.

.....

отмечалось, — это мысль о классе фактически имеющих или воображаемых предметов, фиксирующая их существенные признаки. Различаются *обыденные* понятия, сближающиеся с представлением о данных предметах (их узнаваемых образах в сознании человека), и *научные* понятия, выработанные в результате абстрагирующего логического мышления. *Категории* представляют собой предельно общие логические понятия, которые отражают в мысли законы реального мира, включая природу и сущность данных предметов. Информация давно уже вошла в лексику разговорного языка, и, следовательно, сделалась обыденным понятием; в кибернетике и в теории Шеннона информация играет роль научного понятия, а в информационных науках она достигает категорийного уровня обобщения. Поэтому напрашивается простое и, казалось бы, разумное решение: собрать и систематизировать типичные контексты, в которых используется слово «информация», и таким путем обнаружить понятия и категории, раскрывающие природу и сущность информации. Подобный контент-анализ был выполнен нами, и в результате оказалось, что понятия (категории) информации по содержанию своему делятся на пять групп:

А. *Абстрактная фикция*, элемент математической модели, создаваемой в процессе корректного информационного подхода (шенноновская трактовка информации): «результат выбора», «запомненный выбор одного варианта из нескольких возможных и равноправных», «мера разнообразия», «мера сложности структур», «мера организации», «уменьшаемая неопределенность», «средство создания порядка из беспорядка», «сведения, сообщения, которые снимают существовавшую до их получения неопределенность полностью или частично», «некий алгоритм, совокупность приемов, правил или сведений», «сущность, сохраняющаяся при вычислимом изоморфизме» и т. п.

Б. *Биологический сигнал или материальное «рабочее тело»*, передаваемое по каналам связи в техносфере (сигнальная трактовка информации): «обмен сигналами между живой и неживой природой, людьми и устройствами», «триединство энергии, движения и массы с различными кодовыми структурами», «используемые данные», «сообщения, рассматриваемые как объект передачи, хранения и обработки», «защита информации», «информационный канал», «информатизация народного образования» и пр.

В. *Семантические явления* — сведения, смыслы, знания (семантическая информация): «информационная телепрограмма», «научно-техническая информация», «информационно-поисковая система», «любые сведения о каких-либо ранее неизвестных событиях», «содержательное описание

Г. *Метафорический оборот речи*, получившийся в результате некорректного информационного подхода (атрибутивная трактовка информации): «отраженное разнообразие», «основное содержание отображения», «свойство материи, её атрибут, существующий наряду с материальными вещами и в самих вещах». Почему здесь использовано понятие «метафора»? Потому что «отраженное разнообразие», «содержание отображения», «атрибут материи» представляют собой использование слов не в прямом, а в переносном значении, это образ, условно приписанный информации. Заметим кстати, что метафоры широко распространены в языке науки: картина мира, мир книги, книга природы, зеркало жизни и пр.¹

Метафорические и мистические трактовки оставим в стороне, хотя именно они часто, но необоснованно претендуют на статус философской категории. Будем считать априори, что сущность информации не может быть ни метафорой, ни чудом. Стало быть, природа и сущность информации скрыты в понятиях групп А, Б, В. Присмотримся к содержанию этих групп.

Информация как математическая абстракция в информационных моделях (группа А) или как «рабочее тело» в кибернетических информационных системах (группа Б) интерпретируется в качестве общего научного понятия, содержание которого определено применительно к тем или иным условиям информационного подхода. В этих случаях информация

¹ Л. А. Микешина отмечает «явную экспансию метафоры в разных видах научного дискурса» и достижение некоторыми зрительными метафорами (отражение, образ, зеркало) значения универсалий культуры (Микешина Л. А. *Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания*. – М., 2009. С. 50).

.....

относится к частнонаучным категориям (максимально широким понятиям отдельной научной дисциплины), но не более того. Главное затруднение возникает в связи с категоризацией семантической информации (группа В). Философы обнаружили исключительную многогранность семантической информации, которая, помимо смыслового (семантического) аспекта, включает: аксиологический (ценностный), семиотический (знаковый), гносеологический (познавательный), материальный (физическое воплощение), каузальный (причинная связь) и другие немаловажные аспекты¹. Семантическая информация, понимаемая как смысловые сообщения в процессах познания и коммуникации, получила распространение в различных социальных, технических, психолого-биологических науках, что дало основание для отнесения информации к *общенаучным*, а может быть даже и к философским категориям.

В начале 80-х годов в советской философии развернулись дискуссии по вопросу о правомерности включения в состав философских категорий понятий информации, системы, структуры, элемента, функции, модели, вероятности и других, широко распространившихся абстракций². В результате дискуссий философы пришли к заключению, что возвращенные в кибернетическом лоне теоретические абстракции «надежно вошли в общественную практику» и в связи с этим «несравненно ближе к категориям философским, чем к частнонаучным». Однако они «не достигли уровня абстракции философских категорий», «не обладают логико-гносеологической универсальностью: нельзя сказать, что они превратились в необходимый компонент человеческого познания вообще, что каждый человек неизбежно мыслит с их помощью», не являются необходимыми для «решения и углубления основного вопроса философии», для «изучения действительности в аспекте субъект-объектных отношений», и поэтому «причислять их к категориям философии неправомерно». Было решено трактовать эти абстракции как «качественно новый тип понятий науки», как «общенаучные категории», получившие следующее определение:

«Общенаучные категории — это возникающие в эпоху научно-технической революции важнейшие, фундаментальные понятия науки принципиально нового типа, сочетающие в себе отдельные свойства как частнонаучных, так и философских категорий, а потому образующие своеобразный промежуточный, переходный вид научных категорий. Их качественная специфика заключается, прежде всего, в двух важнейших свойствах: они,

¹ Украинцев Б. С. Самоуправляемые системы и причинность. — М., 1972. С. 64.

² Эта дискуссия хорошо описана в монографии: Готт В. С., Семенюк Э. П., Урсул А. Д. Категории современной науки. М., 1984. С. 104–114.

с одной стороны, принципиально применимы во всех без исключения областях научного знания, с другой — в отличие от категорий философии, не обладают логико-гносеологической универсальностью, не являются необходимыми инструментами человеческого мышления. Каждая такая категория сама по себе или в соотношении с одной либо несколькими подобными категориями выступает основой особого, специфического по содержанию (но общенаучного по распространению и значению) подхода к познанию самых различных феноменов действительности»¹. Здесь имеются в виду информационный подход, а также системный, вероятностный, функциональный и другие методологические подходы.

Введение понятия «общенаучная категория», несомненно, является важной методологической новацией, однако, приведенное выше определение нуждается в уточнениях:

1. Категорическому требованию применимости «во всех без исключения областях научного знания» могут удовлетворить только математика, философия и богословие. Получается, что теория информации К. Шеннона обладает общенаучным статусом, а теория семантической информации — нет. Ощущая завышенность этого требования, А. Д. Урсул счел нужным сделать оговорку: «общенаучные понятия оказываются общенаучными в различном смысле» и предложил среди общенаучных выделить «региональные понятия», используемые не во всех областях знания, а во многих². В качестве примера «регионального» понятия он привел «управление», которое неуместно в науках о неживой природе. На этом же основании «региональный статус» обретает категория семантической информации, которая применима во всех человековедческих и обществоведческих науках. Я полагаю, что статус региональности заслуживают те категории, которые имеют *междисциплинарный*, то есть метатеоретический, уровень обобщения.

2. При рассмотрении категории информации наши философы не разграничивали абстрактно-математические, сигнальные и семантические трактовки информации (группы А, Б, В, приведенные выше). В результате общенаучная категория информации превращалась в эклектическую сумму несовместимых определений. Эта эклектика прикрывалась метафорической формулировкой: информация — атрибут материи, представляющий собой отраженное разнообразие. Эта формулировка имеет философский смысл, но для частнонаучного знания она непродуктивна. Я думаю, что понятие «общенаучная информация», соответствующее приведенному

¹ Готт В. С. Семенюк Э. П. Урсул А. Д. Категории современной науки. М., 1984. С. 122.

² Урсул А. Д. Философия и интегративно-общенаучные процессы. — М., 1981. С. 153.

.....

определению, невозможно разработать в принципе; можно только создать ряд общенаучных категорий.

3. Диалектично мыслящие авторы не закрывали пути к перерастанию общенаучных категорий в категории философские. «Со всей определенностью следует сказать, — писали они, — что возможность перерастания со временем общенаучных категорий в философские мы не только признаем, но и считаем её в достаточной степени реальной»¹. И далее: «Предпосылки трансформации в этом направлении имеются, поскольку общенаучные категории все шире входят в общественную практику человечества» (с. 238). Как понимать перспективу «перерастания» одной категории в другую? Можно подумать, что общенаучных категорий не будет, потому что все они трансформируются в философские категории. Известно, что бабочки рождаются из гусениц, но гусеницы при этом исчезают.

С тех пор, как были написаны цитированные выше строки, прошло четверть века, многое изменилось. Особенно большие изменения произошли в инфосфере, и они не могли не сказаться на категорийной структуре информации. Информатизация провозглашена государственной политикой, она приобрела глобальные масштабы и стала фактором, преобразующим образ жизни общества и формирующим общественное сознание. Сегодня нельзя утверждать, что категория информации не является «необходимым элементом человеческого познания вообще», не сделалась, подобно философским категориям, «категорией гносеологии и логики». Ни одна из философских категорий, как классических (бытие, материя, количество, качество, пространство, время), так и новых (система, структура, функция), не оказывает столь сильного, поистине завораживающего воздействия на психику современных людей. Современный человек ощущает себя обитателем не социосферы, а инфосферы, не социально-культурной, а информационной среды, «информационные очки» заменяют ему натуральную оптику. Информационная картина мира стала господствующей в общественном сознании, радостно предвосхищающем становление информационного общества и информационной цивилизации. Поэтому можно сказать, что понятие информации преодолело те барьеры, которые наши философы поставили на пути вхождения научного знания в философские владения.

Какой же категорийный статус можно сегодня присвоить информации? Оказывается, что таких статусов два: в области научного знания информация достигла уровня общенаучной категории, а в области философского знания претендует на статус философской категории. Для нас кардинальное значение имеет *философская категоризация информации*, потому

¹ Готт В. С. Семенюк Э. П. Урсул А. Д. Категории современной науки. М., 1984. С. 132.

.....

что именно на философском, а не на общенаучном уровне определяются природа и сущность информации.

2.2.2. Амбивалентная природа информации. В данном случае под природой информации имеется в виду её принадлежность к той или иной философской субстанции – материальной, идеальной, дуалистической, плюралистической. К сожалению, никто из классиков философии не заинтересовался информацией, видимо, считая её недостойной внимания серьезных мыслителей, поэтому информация ютилась на периферии философских дискуссий, оставаясь, как выражался в свое время Платон, «бесцветной, без очертаний, неосязаемой сущностью». Однако в начале XXI века в западной философии произошел «информационный поворот», и была признана актуальность философского осмысления природы и сущности информации. Естественно, начались дискуссии вокруг вопроса «What is the Philosophy of Information?». На первый план вышли информационно-коммуникационные технологии, особенно Интернет, и методология информационного подхода в науке и в философии. Знаменательно, что китайские философы начали рассматривать философию информации в качестве «основы будущей китайской философии науки и техники»¹. Мы не можем ожидать, пока зарубежные философы объяснят нам, что есть информация, и рискнем, как советовал Гораций, пораскинуть собственным умом (*saper aude* – дерзай знать).

Многочисленность и разнообразие трактовок информации, обнаружение информационных процессов и явлений практически во всех областях природы, общества и сознания наводит на мысль о том, что информация воплощает какие-то основополагающие начала мироздания. В философии, как известно, издавна обсуждаются два первоначала. Материалисты в качестве первоначала мира принимают материю (материалистический монизм), а идеалисты – идеальное (духовную субстанцию), отстаивая принцип идеалистического монизма. Дуалисты, занимающие промежуточную позицию, считают, что бытие образуют две равные, независимые друг от друга субстанции – материальная и идеальная. Какую мировоззренческую позицию выбрать?

Надо сказать, что творчески мыслящие советские философы, обязанные быть материалистами по долгу службы, беспощадно эксплуатировали диалектику, когда им приходилось определять местонахождение идеальных сущностей в материально едином мире. Например, Э. В. Ильенков толковал идеальное как «особую сверхприродную объективную действительность,

---

¹ Лю Ган. Философия информации и основы будущей китайской философии науки и техники // Вопросы философии. 2007. № 5. С. 45–57.

.....

как особый предмет, сопоставимый с материальной действительностью, находящийся с нею в одном и том же пространстве (и именно поэтому часто с нею путаемый)... Идеальность есть не что иное, как представленная в вещи форма общественно-человеческой деятельности»¹. Как понимать такое толкование? Если идеальная реальность сопоставима с материальной действительностью, если идеальность всегда присутствует в созданных человеком вещах, то идеальное и материальное взаимосвязаны, взаимообусловлены и образуют неразрывное единство двух равноправных начал, соответствующее дуализму, а не монизму.

Единство материального и идеального особенно убедительно проявляется при рассмотрении феномена культуры как «второй природы», искусственно созданной людьми. Материальная культура – это опредмеченная мысль, а духовная культура реализуется в материальной форме, – как втиснуть эти противоположные сущности в рамки материалистического монизма? Наконец, самый важный для нас вопрос: куда отнести информацию? Считать информацию материальной сущностью нельзя, так как она несет идеальное содержание, но и в духовную субстанцию она не вписывается, поскольку нуждается в материальном носителе. Получается, что информация – идеально-материальная сущность – странная амбивалентная мутация Вселенной. Как возможна *амбивалентность* (дословно «обе силы») информации, то есть двойственность, характеризующаяся одновременным проявлением двух противоположных качеств?

К счастью, обнаружилась философская концепция, разрешающая это противоречие и утверждающая, что материя и дух всегда интегрированы, всегда дополняют друг друга: материя не существует без духа, а дух без материи (природы). Я имею в виду так называемую *реалистическую философию*, развиваемую школой петербургского философа *Валерия Леонидовича Обухова*. Реалистическую философию В. Л. Обухов трактует как «философское направление, признающее равнозначность материальной и духовной составляющих мира. Она возникает вместе с появлением античной философии до её разделения на материализм и идеализм. В качестве диалектического синтеза (а не механического соединения, как в дуализме) односторонних, крайних философских направлений – материализма и идеализма, реализм восстанавливается в Германии – начиная с И. Канта и Ф. Шеллинга, в России – с А. И. Герцена»². Об авторитетности и привлекательности реалистических воззрений свидетельствует приведенный

¹ Ильенков Э. В. Проблема идеального // Вопросы философии. 1979. № 6. С. 140; 148.

² Реалистическая философия: учебник / под ред. В. Л. Обухова, В. П. Сальникова. – СПб., 1999. – С. 39.

Числится в этом списке и Д. И. Менделеев, всегда отличавшийся самостоятельностью мышления и склонностью к глобальным теоретическим обобщениям. Одну из своих исповедальных работ – «Заветные мысли» (1905) он завершил разделом «Мировоззрение», где есть такие слова: «По моему разумению, грань наук, донныне едва достигнутая..., сводится к принятию исходной троицы не сливаемых, друг с другом сочетающихся, вечных (насколько это нам доступно узнавать в реальностях) и все определяющих: вещества (или материи), силы (или энергии) и духа (или психоза). Признание их слияния, происхождения и разделения уже лежит вне научной области, ограничиваемой действительностью или реальностью. Утверждается лишь то, что во всем реальном надо признать или вещество, или силу, или дух, или, как это всегда и бывает, их сочетание, потому что одинаково немислимы в реальных проявлениях ни вещество без силы, ни сила (или движение) без вещества, ни дух без плоти и крови, без сил и материи»¹. Я не знаю, признал бы Д. И. Менделеев информацию амбивалентной реалией, но налицо несомненная амбивалентность материально-идеальных начал в его мировоззрении.

Согласно концепции реалистической философии, развиваемой школой В. Л. Обухова, «материя и дух, составляя единую субстанцию, представляют, тем не менее, два разных лика этой субстанции. Иными словами, реализм на место привычных монизма и дуализма с необходимостью ставит *дуалистический монизм*, признающий единую субстанцию, но с двумя противоположными ликами, несводимыми один к другому»². Подчеркну, что принципиальное отличие идеи «дуалистического монизма» от традиционного дуализма состоит в том, что отрицается параллельное сосуществование двух несводимых к единству противоположностей (дух и материя, душа и тело, мышление и протяженность (Р. Декарт), абстрактное и конкретное и т. п.), а утверждается неразрывное единство и взаимозависимость противоположных начал. Абсолютно дематериализованная идеальность в «чистом виде» существовать не может; аналогично нет совершенно однородной материи, лишенной каких-либо отличительных свойств.

Позволю себе проиллюстрировать суть дуалистического монизма натурным экспериментом. Возьмите лист бумаги и напишите на одной стороне листа «Материализм», а на другой «Идеализм». Теперь попробуйте

¹ Менделеев Д. И. К познанию России. – М., 2002. – С. 373–374.

²Обухов В. Л. Что такое реалистическая диалектика? // Мир философии – мир человека. – М., 2007. – С. 701.

.....

разделить материализм и идеализм. Не получится. Лист бумаги символизирует единую субстанцию, а две стороны листа — это «противоположные лики», не существующие в «чистом виде» и «несводимые один к другому». Можно сказать, что в дуалистическом монизме воплощается принцип дополнительности Нильса Бора и диалектический закон единства и борьбы противоположностей.

Аргументируя свой вывод о том, что «мир действительно и един и дуален, т. е. един в противоречии, т. е. подлинно диалектичен», В. Л. Обухов пишет: «дуальны все силы в природе (притяжение и отталкивание), все процессы (соединение и разъединение), все характеристики, что наиболее ярко схвачено в полярных парах категорий диалектики. Дуально устройство человеческого мозга, корпускулярно-волновой дуализм света» (с. 703). Добавлю, что в культурологии и семиотике развиваются идеи «парных символов», «бинарных оппозиций», «двоичных противопоставлений». В. В. Иванов в книге «Чёт и нечет» напоминает о дуализме пифагорейцев, которые постулировали десять начал, расположенных попарно: предел и беспредельное, четное и нечетное, единое и множество, правое и левое, мужское и женское, покой и движение, прямое и кривое, свет и тьма, хорошее и дурное, квадратное и продолговатое.

Продолжая ряд бинарных оппозиций, можно включить в него устную и письменную речь, изображение и текст, библиотеку и Интернет, все коммуникационные и познавательные процессы. Во всех явлениях естественного и искусственного происхождения обнаруживается *амбивалентная* (дуальная, двойственная) природа. Амбивалентность, дуальность и двойственность я считаю синонимами, но предпочитаю термин «амбивалентность», потому что он не только констатирует противоположность, разнородность двух начал, но и акцентирует их активное взаимодействие (*valentia* — сила), без которого невозможно развитие. Амбивалентность отчетливо проявляется в современных информационных технологиях, преобразующих, по словам Мануэля Кастельса, индустриальное общество в «информационное общество». Выдающийся экономист специально подчеркнул в своем фундаментальном исследовании: «Поскольку информационализм основан на технологии знания и информации, в информациональном способе развития имеется особо тесная связь между культурой и производительными силами, между духом и материей»¹.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что природа информации не идеальна и не материальна, а *амбивалентна*, то есть представляет

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — М., 2000. — С. 40.

собой воплощение дуалистического монизма. Благодаря амбивалентной природе, информация имманентно (необходимо) воплощает единство и взаимобусловленность материальных и идеальных начал, то есть идеального содержания и материального носителя. Но этого мало. Для соответствия требованиям, предъявляемым к философским категориям, она должна быть достаточно всеобъемлюща, чтобы выражать специфические смыслы живой и неживой природы, человеческого общества, сознания и техносферы, бытующие в реальностях разного типа. Таким образом, возникает проблема типизации информации и соотношения типов информации с типами реальностей.

2.2.3. Типы реальностей и типы информации. В информационных науках онтологическая проблема «где и каким образом существует информация?» дискутируется не одно десятилетие. Воспринимая действительность через призму «информационных очков», отважные теоретики обнаруживают информацию в генах мухи-дрозофилы, в шуме Ниагарского водопада и спорят по поводу наличия её в «темных формах материи (темной энергии и темной массы)». Сколько в действительности имеется типов информации, существующих в качественно различных реальностях? В чем заключается сущность разных типов информации, как она проявляется, и как мы можем познать эту сущность? Вопросов больше, чем ответов.

Я склонен согласиться с ученым-энциклопедистом А. А. Любищевым (1890–1972), который писал: «Можно сделать заключение, что слова Гамлета „Быть или не быть, вот в чем вопрос“ до крайности упрощают проблему. Проблема реальности имеет четыре аспекта: 1) аспект качества — имеются разные сорта реальности; 2) аспект количества — есть разные степени реальности, и весьма возможно, что крайности — абсолютное существование и абсолютное несуществование — вовсе не существуют; 3) аспект уровня реальности; 4) использование разных критериев реальности. Первый и четвертый аспекты очень родственны друг другу»¹. А. А. Любищев убедительно показывал ограниченность материалистического монизма, признающего только одну истинную реальность — движущиеся атомы². В размышлениях А. А. Любищева методологически важно упоминание о «разных сортах реальности» с «разными критериями реальности», то есть критериями принадлежности данного предмета к той или иной реальности. Если предположить, что информация может появляться в различных формах в разных «сортах» и на разных «уровнях» реальности, то

¹ Любищев А. А. О критериях реальности в таксономии // Информационные вопросы систематики, лингвистики и автоматического перевода. Вып. 1. М., 1971. — С. 72.

² Любищев А. А. Понятие системности и организменности // Наука и техника. — 1976. — № 8. — С. 10–12; 36–38.

.....

необходимо разобраться хотя бы в общей структуре реальностей, чтобы учитывать её в онтологии (областях бытия) информации.

В обыденном языке *реальностью* именуется нечто существующее или существовавшее фактически, объективно, на самом деле, а не в мысли (синоним – *действительность*, антонимы – *воображаемый, ирреальный, идеальный, фиктивный*). Получается, что чувственно воспринимаемые материальные объекты (вещи, процессы, явления) существуют реально, а субъективные суждения, переживания и желания ирреальны. Значит, аудиовизуальные сигналы (речь, изображение, текст) существуют фактически, а семантическая информация, несущая умопостигаемые смыслы, – фантом, призрак. Нельзя согласиться с подобным абсурдным заключением. Примем следующее рабочее определение: ***Реальность*** — *бесконечное множество однородных, но не тождественных элементов, движущихся в своеобразном, собственном хронотопе (времени и пространстве)*. В этом определении представлены следующие отличительные признаки реальности:

а) элементами являются относительно завершённые предметы (процессы, системы) существующие в пределах данной реальности сами по себе, независимо от того, познаны они или нет (бытие в себе);

б) количество элементов бесконечно, их невозможно подсчитать, поэтому они образует бесконечное несчетное множество;

в) однородность элементов, образующих реальность, обуславливается, во-первых, их субстанциональной общностью (*субстанция* понимается как абсолютное основание сущего, первопричина всех реальностей) и субстратным единством (*субстрат* – это неделимая и элементарная *частица (квант)*, обладающая основными свойствами данной реальности); различие между субстанцией и субстратом в том, что субстанция – активное начало, порождающее различные субстраты, а субстрат «строительный материал» в пределах данной реальности;

г) благодаря нетождественности элементов образуется *разнообразие* (неоднородность) – неотъемлемое и отличительное качество всякой реальности;

д) элементами являются только те предметы (процессы, системы), которые способны двигаться в своеобразном *хронотопе* (времени и пространстве), свойственном данной реальности; поэтому всякая реальность не статична, а динамична и постоянно эволюционирует¹.

---

¹ Термин ***хронотоп*** использовал в своих философско-литературоведческих трудах М. М. Бахтин (1895–1975), обозначив им единство двух древних универсалий: времени (chronos) и пространства (topos) (Бахтин М. М. К методологии гуманитарных

Сколько, вообще говоря, насчитывается реальностей? Несчетное множество, ведь о большинстве реальностей мы даже не догадываемся. Не будем углубляться в сложнейшую проблему систематизации реальностей, а ограничимся только теми реальностями, в которых различные исследователи обнаруживали информацию в качестве реального элемента. Судя по материалам параграфа 2.1, информационный подход практикуется при изучении трех естественных реальностей: А. Макрокосм, Б. Биосфера, В. Микрокосм, и трех искусственных реальностей: Г. Социальная реальность, Д. Духовная реальность, Е. Техносфера (буквенные индексы введены условно). Рассмотрим очень кратко отличительные качества перечисленных реальностей и свойственные им типы информации.

А. Макрокосм ученые-материалисты (физикалисты) мыслят как материально единый мир и склонны видеть в информации *атрибут материи*, подтверждающий материальное единство мира. Например, академик А. П. Ершов утверждал: Информация – «один из важнейших атрибутов материи, отражающий её структуру», и отсюда делал вывод, что «понимание единой природы информации вслед за установлением единой природы вещества и энергии стало важным шагом к осознанию материального единства мира»¹. Если признать, что другими атрибутами физической реальности служат, во-первых, её субстрат в форме вещества и энергии, во-вторых, пространственно-временной хронотоп, то получается формула:

$M \text{ (материя)} = I \text{ (информация)} + S \text{ (субстрат (вещество + энергия) + Хронотоп (время + пространство))}$.

Смысл этой формулы не в численных решениях, которых быть не может, а в утверждении фундаментальной значимости информации в материальном Макрокосме: она отражает его структуру. Ясно, что эта информация только тогда может иметь какое-то значение в бытии Макрокосма, если кто-то или что-то её воспринимает и на неё как-то реагирует. Можно, конечно, рассматривать механические, тепловые, гравитационные, электромагнитные взаимодействия между материальными телами в качестве информационных процессов в физическом хронотопе и даже моделировать их в виде уравнений. Но это будут знания о физической

наук // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986. – С. 381–393). В настоящее время «хронотоп» вошел в терминологию литературоведения, эстетики, психологии, культурологии. Этот термин символизирует нерасторжимую взаимосвязь времени и пространства, которая порой теряется из вида при отдельном рассмотрении одной из универсалий.

¹ Ершов А. П. О предмете информатики // Вестник Академии наук СССР. 1984. № 2. С. 113.

.....

реальности, добытые людьми, а вовсе не атрибут материи, то есть социальная, а не материальная информация. Физикалисты игнорируют тот факт, что информация должна иметь содержание, нечто отражающее, а вещество и энергия, пространство и время сами по себе никакого содержания не несут. Поэтому член «И» в формуле физической реальности является чужеродным включением. Об этом свидетельствует тот факт, что вещество и энергию, физическое пространство и время можно количественно измерить при помощи технических приборов, а инструменты для измерения информации отсутствуют. Имеются только средства для регистрации и обработки дискретных и непрерывных сигналов, энергетических излучений и полей, то есть материальных носителей, но нет устройств для понимания и интерпретации информации как атрибута материи, отражающего её структуру.

Таким образом, утверждение «информация – атрибут материи» есть плод недоразумения, результат некорректного информационного подхода, который априори постулирует материальную природу информации. В Макрокосме как физической реальности *нет объективно данной материальной информации*, но возможно моделирование движения и разнообразия вещества, энергии, пространства, времени с помощью аппарата математической теории информации. Из этого вывода следует, что информация – не естественный атрибут материи, а искусственно созданная математическая модель материи. Она не моделируемый объект, а средство моделирования, которое в данном случае представляет собой элемент человеческого знания и относится не к физической реальности, а к научному сознанию – элементу социальной духовной реальности, о которой речь пойдет в разделе Д.

Б. Биологическая реальность, именуемая «**биосфера**», в философском плане характеризуется как биологическая форма движения материи. Она имеет иерархическую структуру, в которой различаются уровни: молекулярно-генетический, клеточный, органо-тканевый, организменный, популяционно-видовой, биогеоценозный, биосферный. Заслуга создания целостного учения о биосфере принадлежит В. И. Вернадскому (1863–1945), который рассматривал биосферу как пространство жизни, включающее живые организмы (живое вещество) и среду их обитания. Активный элемент биологической реальности – живой организм, осуществляющий обмен веществ с внешней средой и способный к размножению и сигнальной коммуникации. В. И. Вернадский обращал внимание на то, что живому веществу свойственно «особое природное явление пространства – времени», где пространство не является геометрическим, а время

.....
проявляется не в виде четвертой координаты, а в виде смены поколений»¹. Необратимый процесс изменения живых организмов под действием генетических факторов (мутации) и естественного отбора представляет собой биологическую эволюцию. Таким образом, хронотоп биологической реальности – это единство биосферы как биологического пространства и эволюции как биологического времени.

Отличие живых организмов от косной материи заключается в их *динамических свойствах*, которые проявляются, во-первых, в механических и химических процессах, протекающих на клеточном, тканевом, внутриорганизменном уровнях; во-вторых, в способности размножения; в-третьих, в способности сигнальной коммуникации. Материальная природа механических и химических процессов достаточно очевидна и возможности использования здесь информационного подхода ограничены. Зато биологическое размножение часто представляется как генетический информационный процесс (генетическая коммуникация), в виде движения в биологическом пространстве и времени генотипов организмов, трактуемых как *генетическая информация*, закодированная при помощи нуклеиновых кислот (ДНК, РНК). *Сигнальная биокommunikация* – общение между особями одного или разных видов в биологическом пространстве посредством передачи сигналов. Сигнал понимается в данном случае как доступное чувственному восприятию единство материальной формы и смыслового (идеального) содержания. Материальное воплощение сигналов может быть в виде химических, механических, оптических, акустических, электрических и др. воздействий, воспринимаемых органами обоняния, зрения, слуха, осязания, вкуса, термо – и электрорецепторами. Реакции животных на полученные сигналы соответствуют безусловным и условным рефлексам, образующим первую сигнальную систему. Передаваемые сигналы имеют идеальное содержание (как правило, эмоция или побуждение), поэтому их можно рассматривать как *невербальные информационные сообщения*.

Если теперь задаться вопросом «что такое биологическая информация?», то легко, подобно биологу М. И. Сетрову, прийти к нигилистическому отрицанию объективности (онтологизации) информации, поскольку: «Никто еще не видел ни как субстанцию, ни как свойство эту загадочную информацию.... Везде мы обнаруживаем лишь взаимодействие материальных веществ, наделенных энергией, и нигде не обнаруживаем того, что обычно называем информацией. Почему? Да потому, что её не существует

¹ Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и её окружения. – М., 1965. С. 201.

.....

в природе, как не существует флюидов, флогистона, эфира и т. д.»¹. Действительно, опытным путем биологическую информацию зарегистрировать нельзя. Бытует она в сознании вооруженного «информационными очками» биолога, использующего некорректный информационный подход в описательно-объяснительных схемах и толкующего о «генетической информации» и «обмене информацией» в стаде оленей. М. И. Сетров понимает, что реально существуют генотипы и биокommunikация, но не может уразуметь, зачем называть их «информация».

Недоумение биолога-классика можно понять, но нельзя принять его безоговорочный нигилизм. Корректный информационный подход полезно и даже необходимо использовать в биологических исследованиях. В пространстве биосферы биологической информации нет (прав М. И. Сетров!), но в теориях, изучающих биосферу, категория биологической информации уместна и даже необходима. Эта категория имеет междисциплинарный и метанаучный статус. При осмыслении содержания философской категории информации биологическую информацию можно представить в качестве *одного из типов информации*, содержательно связанного с реальностью биосферы. Генетическая, сенсорная, сигнальная информация – суть *виды* биологической информации, которые существуют не в биологической среде, а в контекстах соответствующих биологических теорий.

В. Микрокосм – субъективная реальность. Еще античные мыслители неразрывно связывали Макрокосм (большой мир), Вселенную, объективно существующую реальность и Микрокосм (малый мир), отдельного человека, субъективную реальность. *Субстратом Микрокосма* является *мыслящая телесность* как амбивалентное единство идеального и материального начала. Проще говоря, *Микрокосм – это личность*. Содержание психических процессов образуют знания, образы, эмоции, желания, фантазии, то есть *смыслы*. В контексте информационного подхода смысл есть не что иное, как содержание *семантической информации*. Важно обратить внимание, что именно Микрокосм (субъективная реальность) является источником семантической информации, а психическая реальность – областью реализации её моделей. Генерирование семантической информации и её смысловая обработка происходят не спонтанно, а целесообразно. Принято считать, что этой целью является удовлетворение информационной потребности личности и, опосредованно, – коллектива, социума. Однако раскрытие информационно-психических механизмов оказалось весьма сложным делом.

¹ Сетров М. И. Информационные процессы в биологических системах. Методологический очерк. – Л., 1975. – С. 123–124.

В частности, анализ публикаций, лежащих в русле теории информационных потребностей показывает, что попытки определить место потребности в информации в структуре потребностей личности, коллектива или социума заканчиваются неудачей, потому что не удастся отграничить информационную потребность от коммуникационной или познавательной потребности. Приходится прибегать к словесным ухищрениям типа «средством удовлетворения информационных потребностей является коммуникация». При этом упускается из виду, что коммуникация удовлетворяет только коммуникационные, а не какие-либо другие потребности. Дело в том, что в психической реальности, как и в социальной реальности, *информационных потребностей нет*. В действительности существуют познавательные потребности и коммуникационные потребности, которые обусловлены генетически, социально и психологически, а иллюзия информационных потребностей возникают в сознании исследователя, вооруженного «информационными очками», когда он взирает на структуру актуальных потребностей отдельного человека или сообщества людей.

В 60-е годы в психологической науке заявила о себе *когнитология* в качестве нового направления, непосредственно связанного с компьютерной техникой. Главная методологическая новация когнитивной психологии заключается в использовании информационного подхода в качестве основного методологического инструмента. Когнитологи представляют Микрокосм как одну из областей информационной реальности и распространяют разработанные ими информационные подходы также на область искусственного интеллекта (тезис о «множественности реализуемости» психического). Однако «психическую информацию» в качестве особого типа информации они не постулируют.

Г. Социальная реальность – область бытия человеческого общества (социума). Субстрат социальной реальности – *социализированный индивид*. Это понимание соответствует формуле, данной К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Немецкой идеологии» (1845–1846), где они писали, что сущность человека «не абстракт, присущий отдельному индивиду», а «совокупность всех общественных отношений». В этой формуле акцентируется детерминированность членов общества окружающей социальной средой, что издавна утверждалось материалистической педагогикой как исходная аксиома. В дальнейшем марксисты уточнили, что член общества – продукт не только современных социальных отношений, но и всей предшествующей истории, а также своего собственного развития и самосознания. Социальный хронотоп образуют *социальное пространство* – интуитивно ощущаемая людьми многомерная система социальных

.....

отношений между ними и *социальное время* — ощущение течения социальной жизни, переживаемое современниками, которое зависит от интенсивности социальных изменений. Если в обществе изменений мало, социальное время течет медленно; если изменений много, время ускоряет свой ход.

Социальная реальность возникла не вдруг, она — *следствие антропогенеза* — эволюционно-исторического формирования и развития рода человеческого. Стадный, общинный, племенной, общественный образ жизни — характерные этапы антропологической эволюции, последним достижением которой является *homo sapiens*, субстрат современной социальной реальности. Отличительное качество *homo sapiens* — способность к творчеству психогенных (духовных) смыслов и искусственных материальных объектов (артефактов). Эта способность реализуется благодаря познавательной-коммуникационной деятельности, непременным компонентом которой служит *естественный язык* — орудие мышления и средство человеческого общения. С помощью языка происходит осмысление внешнего мира и самосознание человека, осуществляется духовное творчество, то есть создание (генерация) новых смыслов (культурных ценностей) и реализуется коммуникационный процесс — хранение и распространение созданных смыслов в социальном хронотопе (социальном времени и пространстве).

Социальная коммуникация, представляющая собой движение смыслов в социальном пространстве и времени, является *необходимым условием* существования социальной реальности. По этой причине антропогенез осуществлялся коэволюционно (в виде взаимообусловленного развития) с *глотогенезом* — становлением звукового естественного языка («глота» по-гречески «язык»). Исторически сложились три рода социальной коммуникации: *устная коммуникация* — непосредственное межличностное общение (технические средства типа телефона — не в счет), *документальная коммуникация* — общение, опосредованное искусственно созданными документами в виде книг, рукописей или материальных символов; *электронная коммуникация* — общение, опосредованное электронными техническими средствами (радиотехника, телевидение, компьютерная техника). Смысловые сообщения, передаваемые по каналам устной, документальной, электронной коммуникации, имеют общую для всех знаковую форму (сигналы, языки, изображения) и разные материальные носители. Можно выделить в социальной реальности, то есть в бытии человеческих сообществ, три коммуникационных сектора: *семиотический сектор* — область существования естественных языков и искусственно созданных

семиотик (знаковых систем), *книжный сектор* («мир книги») — область существования произведений письменности и печати, предназначенных для общественного пользования, *сектор массовой коммуникации*, в наши дни стремительно осваивающий средства электронной телекоммуникации.

Информационный подход (как правило, в некорректном режиме) весьма успешно применяется для описания и исследования социальной коммуникации, поэтому все коммуникационные сектора традиционно считаются областями существования социальной информации. Однако в социальной действительности обнаруживается не информация, а знаки, сообщения, смыслы, знания и другие коммуникационные явления. Подтверждается репутация информации как научной абстракции, разработанной исследователями для структурирования объекта изучения. Тем не менее, некорректный информационный подход является продуктивным познавательным средством, без обращения к которому невозможно изучение социальной коммуникации в наши дни (см. раздел 2.1.3).

Д. Духовная реальность. В результате коллективного творчества членов общества создается искусственный мир, материально-идеальный универсум, состоящий из духовной культуры и материальной культуры. Духовная культура и материальная культура неразрывно связаны друг с другом и их развитие взаимообусловлено. Языки, документы, средства массовой коммуникации обладают материальной формой и в силу этого входят в сферу социальной реальности, но им свойственно также духовное содержание, которое определяет их принадлежность к сфере духовной реальности.

Духовная реальность трактуется в современной философии следующим образом. «Духовная реальность — не меньшая реальность, чем природа вне нас. Её, в виде мысли, рождает каждый акт интеллектуальной деятельности. Человеческая мысль реальна, но её реальность духовна. Все феномены сознания, и личного, и общественного, обладают бытийным смыслом. Здесь возможны разные уровни и степени реальности»¹. Субстрат духовной реальности — умозрительно постигаемая *идея*, бытующая в *идеальном хронотопе*, границами которого служат вечность и бесконечность. Комплекс идей образует *духовность*. В зависимости от способа существования различаются три вида духовности: а) индивидуальная духовность, составная часть Микрокосма; б) трансцендентная духовность, обитающая в трансцендентной (запредельной) реальности; в) социальная духовность, представляющая собой общественное сознание и духовную культуру общества, существующие в социальной духовной реальности.

¹ Спиркин А. Г. Философия: учебник. — М., 1998. С. 256.

.....

Совокупность социально признанных идей, образующих социальную духовность, служит основанием универсума культуры общества. *Универсум культуры* включает формы (виды) общественного сознания: религия, наука, искусство, нравственность, литература, право, философия, а также прикладное технико-технологическое знание. Разные культурологические школы по-разному трактуют сущность культуры. В отечественной науке можно выделить пять концепций культуры: социоатрибутивную (функциональную), аксиологическую (ценностную), антропоцентристскую (гуманистическую), смысловую, информационно-семиотическую. Для нас особый интерес представляет последняя, потому что она изначально рассматривает культуру через «информационные очки».

В качестве активного пропагандиста этой концепции в 70-е годы выступил выдающийся отечественный литературовед и культуролог Юрий Михайлович Лотман (1922–1993). Он определил культуру как «совокупность всей ненаследованной информации, способов её организации и хранения»¹. Ясно, что «ненаследованной информацией» является информация социальная; отсюда вытекает, что культура возможна лишь в такой человеческой совокупности, где люди общаются. Человеческое общение осуществляется посредством знаков, отсюда уместность рассмотрения культуры с позиции семиотики – общей теории знаков. Знаками Ю. М. Лотман, следуя семиотическим традициям, называет «любое материальное выражение (слова, рисунки, вещи и т. д.), которое имеет значение и, таким образом, может служить средством передачи смысла». Следовательно, информационно-семиотическая концепция отождествляет культурные ценности со знаковыми сообщениями, а культурную деятельность – с информационно-семиотической коммуникацией. Акцент делается на коммуникативной стороне культуры (сохранение, распространение, освоение культурных ценностей в виде знаковых сообщений), а творческая сторона, то есть создание сообщений, остается в тени, но она, конечно, подразумевается. В итоге культура предстает как «надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых»², и духовная реальность преобразуется в семиосферу.

Е. Техносфера (техногенная среда, технико-технологическая реальность) имеет искусственное происхождение и амбивалентную природу, поскольку всякий техногенный объект есть единство идеального и материального начала. Материальное начало техносферы обуславливает генетическую связь её с социальной реальностью, а идеальное начало – генетическую

¹ Лотман Ю. М. Статьи по типологии культуры. Вып. 1. Тарту, 1970. – С. 5–6.

² Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. – СПб., 1994. – С. 6–8.

связь с духовной реальностью. В социальной реальности техносфера представлена *своим субстратом* – артефактами (изделиями), в частности, компьютерами, средствами связи, коммуникационными сообщениями. Техногенная реальность располагает *собственным хронотопом*: она существует в искусственном техногенном пространстве (техногенной среде) и во времени, определяемом динамикой научно-технического прогресса. Единицами техногенного времени являются промышленные революции, поколения техники, в том числе, поколения компьютеров, телефонов и т. п. При этом, – обратите внимание, – научно-технические знания и технологические умения, обеспечивающее производство артефактов, относятся к духовной реальности, потому что их субстрат идеален. Чрезвычайное развитие информационного сектора техносферы – отличительная особенность постиндустриального общества, которая стимулировала зарождение и развитие идеи информационного общества (см. параграф 1.2). Материально-техническое воплощение информационного сектора рассматривается в технократических концепциях (см. 3.2) в качестве главного аргумента, подтверждающего реализацию гипотезы информационного общества. В дальнейшем мы не раз вернемся к обсуждению этого аргумента.

Перечень реальностей, представленный в настоящем параграфе, конечно, не является исчерпывающим и не может быть таковым в принципе, ибо невозможно построить «воображаемую онтологию», включающую описания всех «возможных миров». Однако перечисленные шесть реальностей правомерно считать самодостаточными, или, используя юридический термин, *аутентичными* (подлинными), поскольку они могут служить основой для построения *генетической типизации* реальностей и *онтологической типизации* информации. На основе этих типизаций попробуем связать типы реальностей и типы информации.

Ж. Взаимосвязь типов реальностей и типов информации. Предыдущий материал показывает, что *генетические отношения* между реальностями можно выстроить в виде системы прямых и обратных связей. Прямые связи отражают эволюционную преемственность реальностей: $A \rightarrow B \rightarrow V \rightarrow \Gamma \rightarrow D \rightarrow E$. Физическая реальность в виде Макрокосма предшествовала всем остальным реальностям и послужила *первопричиной* и *необходимым условием* возникновения их элементов, начиная с биологических организмов и кончая техносферой. То же можно сказать относительно биологической, социальной и духовной реальностей. Человек биологический предшествует социальному индивиду (община кроманьонцев предшествует организованному социуму), социальная жизнь порождает социальную духовность, а техносфера немыслима вне научно-технического сознания.

Генетическое отношение представляет собой *смысловую* причинно-следственную связь, *смысл* которой состоит в том, что родитель – причина, дети – следствие. Физическая реальность не является следствием какой-либо причины (оставим в стороне гипотезу божественного творения Вселенной). Поэтому в ней не реализуются смысловые причинно-следственные связи, и понятие «смысл» к ней применимо лишь метафорически для обозначения закономерных взаимодействий в неживой природе¹. *Смысл* будем понимать как *причину существования и изменения* биологических, психических, социальных, духовных *реалий* естественного или искусственного происхождения. Смысл отвечает на вопрос: почему, вследствие чего возник и существует данный предмет? Каждая реальность обладает смыслами своего рода, которые закономерно обуславливают движение её элементов в соответствующем хронотопе. Специфика смыслов является столь же важной отличительной особенностью реальности данного типа, как и субстрат или хронотоп. Для нас смыслы особенно важны, потому что они связаны с сущностью информации.

Конечно, предложенная генетическая схема груба и прямолинейна. Несомненно, отношения между Микрокосмом, социальной реальностью и духовной реальностью более точно выражает символ $\leftrightarrow$, который показывает взаимообусловленность, взаимодействие между реальностями, а не однонаправленную связь. Так, субъективная реальность формируется в зависимости от социального окружения, но эта зависимость относительна, и личность, в свою очередь, воздействует на социально-культурную среду, так или иначе её изменяя. Эти смысловые взаимосвязи давно известны психологам, социологам, педагогам; они представляют собой коммуникационную деятельность, передающую духовные смыслы (знания, умения, эмоции, волевые воздействия, фантазии). Можно даже говорить о *триаде взаимосвязанных реальностей* «Микрокосм – Социальная реальность – Духовная реальность». Важно подчеркнуть, что целостность триады обеспечивается благодаря тому, что во всех трех реальностях господствуют духовные смыслы, которые выражает *один и тот же тип информации* – семантическая информация.

Обратные связи между реальностями разных типов представляет цепочка $E \rightarrow D \rightarrow G \rightarrow B \rightarrow A$. Эти связи имеют большое значение для эволюции общества и природы. Дело в том, что последующая

¹ Напомню известные строчки Ф. И. Тютчева:

Не то, что мните вы, – природа.
Не слепок, не бездушный лик.
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык.

Таблица демонстрирует *коэволюцию* (взаимосвязанное развитие) реальностей и информации. Двигаясь в хронологической последовательности от Макрокосма к Микрокосму, легко заметить, что в неживых объектах информативно их *разнообразие*, явленное в структуре и свойствах этих объектов; а в живой природе информация мыслится как *коммуникационный сигнал*, обладающий материальными и идеальными качествами. В физической реальности никакой «материальной информации» или «физической информации» не обнаруживается, но можно оценить «количество информации», используя математические формулы.

В биосфере также возможно использование математической теории для моделирования генетической и сигнальной коммуникации, но главная новация заключается в появлении *биологической информации* как особого амбивалентного (идеально-материального) единства. В биосфере это единство представлено в виде отдельных сигналов (крик птицы) или в виде ансамблей сигналов (генетическая запись). Микрокосм – область бытия не только биологической информации, но и особого «человеческого» типа информации – *информации семантической*, выраженной в форме социальных знаков. Семантическая информация служит для отражения познавательных, коммуникационных, творческих процессов не только в психосфере, но и в социальной или духовной реальности. В качестве её носителей выступают естественно возникшие невербальные сигналы и устная речь, а также искусственно созданные письменные и печатные документы. Технический прогресс привел к появлению электротехнических (телеграф, телефон), затем радиоэлектронных средств связи и машиночитаемых электронных документов. Так возник еще один тип информации – *машинная информация*.

Таким образом, выявляются три типа информации: биологическая, семантическая, машинная, каждый из которых представляет собой идеально-материальное единство, то есть единство смыслового содержания (значения) и материальной формы, соответствующее субстратам и хронотопам реальности данного типа. Особенности различных типов информации заслуживают специального рассмотрения, которое, надо

Итоговая онтологическая таблица.

Типы реальностей и типы информации

Характеристика реальности			Условия информационного подхода			
Типы реальности		Субстрат	Область бытия	Научные дисциплины	Реальные объекты информирования	Типы информации
Естественные реальности	Макрокосм, физическая реальность	Элементарная частица	Вселенная	Информология, Мат. теория информ. Синергетика	Материально-энергетические процессы	Математические модели
	Биосфера	Живая телесность	Живая природа	Генетика, зоосемиотика, теория биоинформации	Генетическая связь, биокоммуникация	Биологическая информация
	Микрокосм, психическая реальность	Мыслящая телесность	Личность	Бихевиоризм, Когнитология	Познание, мышление, память, творчество	Семантическая информация
Искусственные реальности	Социосфера, социальная реальность	Индивид	Социум	Семиотика, соц. информатика, теория масс. коммуникации	Социальная коммуникация, общение	Семантическая информация
	Духовная реальность	Идея	Духовная культура	Семантическая информатика	Социальное сознание, коммуникация, творчество	Семантическая информация
	Техносфера	Артефакт, (изделие)	Материальная культура	Компьютерная информатика	Прием, обработка, хранение, передача информации	Машинная информация

2.2.4. Сущность информации. Как известно, *сущность* – это скрытое за многообразными внешними явлениями внутреннее, *истинное содержание* познаваемого предмета. Содержание понимается как главный признак или совокупность таких признаков в объекте или системе, определяющих качественное отличие от других объектов и систем. Выявление сущности предмета завершается его истинной дефиницией, в которой должны быть представлены сущностные признаки, выражающие его содержание. Только зная сущность информации, мы сможем ответить на сакраментальный вопрос «что такое информация?». Можно выделить три *интерпретации сущности информации*: 1) философская, соответствующая философской феноменологии; 2) натуралистическая, соответствующая некорректному информационному подходу; 3) фикциональная (от слова «фикция»), или абстрактно-математическая, соответствующая корректному информационному подходу. В результате каждой интерпретации получаются различные дефиниции информации.

Первооткрывателем философской феноменологии был Г. Гегель, написавший трактат «Феноменология духа». В современной западной философии феноменология, представленная трудами Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, М. Мерло-Понти, является крупнейшим течением философской мысли (наряду с экзистенциализмом, философией жизни, аналитической философией, критическим рационализмом). Немаловажно, что современная феноменология представляет собой не замкнутую философскую школу, а широкое мировоззренческое движение, проявившееся в психологии и психиатрии, этике и эстетике, праве и социологии, даже в математике, естествознании, истории. Популярность феноменологической методологии объясняется тем, что она ставит во главу угла познание не фактов, а сущности вещей и провозглашает своим принципом поиск «стабильных

очевидностей», «неопровержимых данных», очищенных от словесных нагромождений.

Основоположник современной феноменологии Эдмунд Гуссерль (1859–1938) пояснял: «Чистая, или трансцендентальная, феноменология получит свое обоснование не как наука о фактах, но как наука о сущностях (как наука „эйдетическая“), как наука, которая намерена констатировать исключительно „познания сущности“ – никакие не факты»¹. Суть вещей открывается сознанию исследователя в результате *феноменологической редукции (упрощения)*, когда он наблюдает свой объект незаинтересованно, когда он умеет видеть и интуитивно улавливать универсальное, благодаря которому факт таков, каков он есть. Интуитивно уловленное универсальное представляет собой не эмпирически наблюдаемый факт (явление сущего), а *феномен*, то есть то же явление, но «очищенное» при помощи феноменологической редукции от факультативных, случайных включений, не отражающих сущность явленного объекта. Поэтому феномен воплощает сущность, истинное знание об объекте (истина понимается как тождество объекта самому себе: истинный друг, истинное положение дел и т. п.).

Стандартная трактовка термина «феномен» в современной философии науки выглядит так: «*Феномен* – основная категория феноменологической философии, обозначающая дискретную единицу (атом) мира сознания, мира психической реальности, внутреннего мира субъекта познания. Феномен в отличие от предметов внешнего мира дан сознанию непосредственно и выступает в форме ощущения, перцепции, переживания, «идеи» (эйдоса)»². В науке понятие «феномен» используется в значении «сущность» какого-либо сложного явления. Именно так использовал это понятие известный антрополог и богослов Тейяр де Шарден (1881–1955) в своем труде «Феномен человека», посвященном эволюции человечества на Земле³. Поясняя причины выбора термина «феномен», автор подчеркивал необходимость «охватывать не только внешнюю, но и внутреннюю сторону вещей, не только материю, но и дух.... Человек – не статический центр мира, как он долго полагал, а ось и вершина эволюции, что много прекраснее» (с. 40).

Теперь я вынужден сделать *важное уточнение*. Феномен, по Гуссерлю, – акт «чистого сознания», имеющий идеальную природу. Природа же

¹ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. – М., 2009. С. 20–21.

² Лебедев С. А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). – М., 2008. – С. 563.

³ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. – М.: Наука, 1987. 240 с.

.....

«жизненного мира», отраженными в их содержании. Отсюда следует, что семантической информации свойственна *вторичность* (производность) содержания и она не исходная, самодостаточная «вещь в себе», а феномен *вторичный*, производный от первичного оригинала. Это свойство присуще и всем другим типам информации, что показывает Итоговая онтологическая таблица, где каждому типу информации поставлены в соответствие *первичные* реальные явления, служащие объектами отражения¹.

Каждый феномен принято рассматривать с двух сторон: во-первых, со стороны акта его осознания; во-вторых, со стороны его интенциональности, то есть связи с предметным миром. В качестве актов сознания, то есть *смыслов*, феномены существуют не во внешнем «жизненном мире», а в субъективном сознании человека, и, следовательно, информацию правомерно считать *идеальным* образованием (даже «смыслом в чистом виде»). Кажется, что информация – акт сознания, существующий в субъективной реальности, ибо без субъекта нет информации. Однако, с другой стороны, и без объекта (интенции) осмысленной информации быть не может (нельзя информировать «ни о чем»). Не зря же Э. Гуссерль утверждал объективность *Lebenswelt*, существующего независимо от познающего этот мир субъекта. Отсюда следует, что информации присущ «конкретный предметный смысл», она имеет содержание, выражающее что-то, сообщающее о чем-то. Значит, информация не может существовать не только без субъекта, но и без объекта. Идеальное содержание семантической информации образуют существующие в сознании субъекта *смыслы* (знания, эмоции, желания, фантазии и т. п.), так или иначе отражающие объективно данные «вещи в себе». Имеет место следующая причинно-следственная цепочка: Реальные объекты («жизненный мир») – Отражение – Субъективные смыслы (сознание субъекта) – Выражение² – Семантическая информация (коммуникационное сообщение).

¹ Поясню значение философского термина «отражение». Всякий реально существующий объект обладает присущим ему сочетанием свойств, которое образует его своеобразие или, говоря философским языком, **разнообразие**. **Отражение** понимается как способность объектов воспроизводить в своем разнообразии разнообразие взаимодействующих с ними других объектов. Предполагается участие в отражательном процессе двух сторон: отражаемой и отражающей. Первая выступает в качестве оригинала, вторая в качестве носителя образа (отображения) оригинала. Смыслы, образующие сознание субъекта, являются результатом отражения «жизненного мира».

² **Выражение** понимается как внешнее проявление смыслового содержания сознания субъекта (идеального разнообразия), могущее служить коммуникационным сообщением. Отражение может быть активным и пассивным; выражение всегда активно.

Семантическая информация есть не идеальное, а *выражение* идеального, причем не любого идеального явления, а явления *осмысленного* одухотворенным субъектом. Осмысленное выражение предполагает использование языковых и познавательных норм, принятых в данной культуре. Бессмысленный (спонтанный и случайный с позиции культурных норм) набор звуков, излучений, действий не есть семантическая информация. Только культурно нормированные продукты сознания в виде духовных смыслов могут выступать в качестве *смыслового содержания* семантической информации. Отсюда следует заключение, что *осмысленность* (часто трактуемая расширительно как *идеальность*) является таким же сущностным признаком семантической информации, как амбивалентность и вторичность (интенциональность). Нетрудно обнаружить еще один сущностный признак информации, тесно связанный с амбивалентностью, вторичностью, осмысленностью, – это *знаковость*. Эта связь достаточно очевидна: всякий знак – специально созданное средство выражения смысла. Благодаря знаковой форме, обеспечивается материальное воплощение смыслового содержания семантической информации и возможность его понимания другими членами общества. Эта возможность реализуется в процессе социальной коммуникации. Отсюда свойство *коммуникабельности*, присущее семантической информации. Под коммуникабельностью здесь понимается способность сообщения возбуждать в сознании реципиента смыслы, подобные смыслам в сознании коммуниканта.

Обобщая сказанное, можно сформулировать следующее *сущностное определение*: **семантическая информация** – амбивалентный феномен, выражающий духовные смыслы в коммуникабельной знаковой форме. В этом определении учтены пять сущностных свойств феномена семантической информации: а) амбивалентность – материально-идеальная природа; б) вторичность (интенциональность) – обусловленность содержания первично данными смыслами «жизненного мира»; в) смысловое (духовное) содержание; г) знаковая форма выражения смыслов; д) возможность использования в социальной коммуникации. Перечисленные свойства взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Данное определение феномена семантической информации является *субстанциональным*, потому что в его основе находится амбивалентная (дуалистическая) субстанция всего сущего, обусловившая амбивалентность природы информации и её знаковую форму. Вместе с тем оно учитывает *функциональное* свойство коммуникабельности, обуславливающее информационно-коммуникационные процессы в реальностях

.....

разных типов. Чтобы продемонстрировать разнообразие этих процессов, обратимся к явлению индивидуальной памяти (реальность Микрокосма) и явлению книги (социальная реальность).

В психологии принято следующее толкование: *память* — функция сознания (форма психического отражения действительности), позволяющая индивиду хранить свой опыт (обеспечивающая накопление впечатлений об окружающем мире, служащая основой приобретения знаний и умений и их последующего использования). Выдающийся отечественный психолог, автор культурно-исторической концепции развития высших психических функций Л. С. Выготский (1897–1934) видел сущность человеческой памяти в активном запоминании с помощью знаков. Подвергая приведенные толкования феноменологической редукции, то есть пытаясь «интуитивно уловить универсальные», «стабильные очевидности», легко обнаружить уже известные нам *субстанциональные* свойства индивидуальной памяти: амбивалентность (единство идеального сознания и его материального субстрата — мозга); вторичность (отражение действительности, окружающего мира); осмысленность (содержание памяти — опыт, знания, умения и прочие смыслы); наконец, знаковость, которую настойчиво подчеркивал Л. С. Выготский. Вместе с тем память благодаря *функциональному* свойству коммуникабельности реализует хранение (накопление) смыслов. Стало быть, можно констатировать, что память, которой располагает Микрокосм, представляет собой *субстанционально-функциональный феномен семантической информации, обеспечивающий движение смыслов во времени*.

Теперь, выходя за пределы Микрокосма, проанализируем такой типичный коммуникационный феномен социальной реальности как *книга*. В современном книговедении книга трактуется как «материальная субстанция, цель которой способствовать оптимальному распространению и восприятию вполне определенного произведения науки, литературы, искусства», как «опубликованный документ (единство информации и вещественного носителя)» и т. п. Феноменологическая редукция легко обнаруживает в этих трактовках субстанциональные качества семантической информации: амбивалентность (единство идеального содержания и материального носителя), вторичность (информация о каком-то предмете), осмысленность (произведения науки, литературы, искусства), знаковость (текст, иллюстрации). Таким образом, книга, подобно живой человеческой памяти, предстает субстанциональным феноменом семантической информации. Коммуникабельность книги реализуется в двух сущностных функциях: *мнемическая* функция (функция памяти) — движение

смыслового содержания во времени и *коммуникативная* функция – движение смыслов в социальном пространстве.

Стало быть, живая память и продукт книгопроизводства – два субстанционально и функционально подобных феномена, представляющих семантическую информацию в Микрокосме и социальной реальности. Принадлежность реальностям разных типов обуславливает чувственно воспринимаемые различия между памятью и книгой (разные субстраты, разные хронотопы) при фактической реализации одной и той же сущности семантической информации, которую раскрыл феноменологический анализ.

Определив в общих чертах сущность семантической информации, обратимся к другим типам информации, представленным в Итоговой онтологической таблице, – биологической и машинной. Попробуем анализировать их по образцу семантической информации, исходя из презумпции реального их существования в биосфере и техносфере. Начнем с биологической информации, часто упоминаемой в биологических теориях и философских трудах кибернетиков.

Позитивно мыслящие исследователи исходят из того, что биологическая информация выражает естественные генетические, сенсорные, биокоммуникационные (сигнальные) смыслы. Отсюда следует, что биологической информации, как и прочим информационным феноменам, свойственны амбивалентность и вторичность (интенциональность). Содержание генетической связи «родители – дети», сенсорных воздействий и биокоммуникации, разумеется, различно, но оно не бессмысленно, а воплощает естественно сложившийся биологический смысл. Этот смысл выражается в знаках, имеющих вид генетических формул ДНК и РНК или сигналов – аморфное (неструктурированное) значение + материальная (аудиальная, визуальная, тактильная, вкусовая, обонятельная, электромагнитная) рецепция. Объективно существующие в биологической реальности смыслы обеспечивают важнейшие жизненные функции, включая размножение (творческий процесс), ориентацию в среде (познавательный процесс), поддержание гомеостаза (самоуправление организма), взаимодействие с другими организмами (зоокоммуникация). Важно иметь в виду, что смыслы – не монополия человеческого разума, они бытуют во всех типах реальностей, кроме первичной неживой материи. В том факте, что курица снесла яйцо, выражен биологический смысл. Отсюда следует, что биологическая информация имеет субстанциональную структуру, подобную семантической информации (амбивалентность, вторичность, осмысленность, знаковость), обеспечивает важные коммуникационные функции в биологической реальности и необходимо в ней существует.

.....

Значит, семантическая информация и биологическая информация – два изоморфных типа информации, сущностно подобных друг другу. Следовательно, в философском контексте *биологическую информацию* можно определить как *амбивалентный феномен, выражающий биологические смыслы в коммуникабельных биологических знаках*.

Еще одним особым типом информации является машинная информация, представляющая собой искусственно созданный артефакт техносферы. В Итоговой онтологической таблице указаны очевидные параметры машинной информации: вхождение в систему материальной культуры и выполнение функций приема, обработки, хранения, передачи. Принадлежность к материальной культуре обуславливает субстанциональные свойства данной информации. Подобно всякому сознательно созданному изделию человеческих рук и разума, машинная информация обладает: а) амбивалентностью, то есть является единством идеального начала (идея артефакта) и материального начала (форма воплощения); б) вторичностью, поскольку отражает замысел своего создателя; в) осмысленностью, так как служит носителем замысла, соответствующего её функциональному назначению. Функциональное назначение (прием, обработка, хранение, передача информации) детерминирует свойства: г) знаковость, представленную в виде кодов – искусственного языка техники связи и д) коммуникабельность. Стало быть, машинная информация обладает субстанционально-функциональным комплексом, типичным для типов информации. А. А. Воронин отлично сформулировал информационную сущность машинных артефактов: «Инструкции к машине могут быть написаны на любом языке, но сама машина – это *универсальный язык*, понятный без переводчика, объединяющий людей из разных стран, времен и культур одинаковыми пользовательскими процедурами, символическими значениями, записанными в „генотипе“ машины. Техническое средство – это свернутый акт коммуникации, в нем рутинизировалась чья-то находка, изобретение, нетривиальное преобразование одной субстанции в другую (движения воды в электроэнергию, а затем в тепло утюга)»¹.

Для определения специфики машинной информации нужно определить место информационной техники – искусственных устройств, функционирующих с помощью машинной информации – в структуре техносферы. Информационная техника может использоваться и фактически используется в материальном производстве, на транспорте, в военном деле и т. д., но в качестве не основного, а *вспомогательного* средства. Машинная информация в информационных системах этого класса выступает в качестве

---

¹ Воронин А. А. Миф техники. – М., 2004. С. 8–9.

Самостоятельную, и все более увеличивающуюся роль информационная техника играет в социальной коммуникации (телефонно-телеграфная связь, книгоиздание, пресса, радиовещание, телевидение, электронная коммуникация, Интернет и т. д.) и духовном производстве, включая науку, искусство, религию, образование, идеологию. Здесь она выполняет функции посредника между коммуникантом и реципиентом, обработки коммуникационных сообщений, выполнения интеллектуальных операций (например, математических расчетов). Сюда относятся информационно-поисковые системы, системы машинного перевода, системы искусственного интеллекта, которые оперируют не отдельными управленческими сигналами или их ансамблями, а семантически нормальными текстами. В качестве знаковой формы машинной информации выступают все виды знаков, известные семиотике: сигналы-символы, образы и изображения (иконические знаки), кодированные тексты. Интеллектуальный уровень информационных систем этого класса иногда позволяет им поддерживать правдоподобный диалог с пользователем-человеком.

Идеальное значение и материальная форма присущи как радиотехническим сигналам, так и текстовым базам данных. Однако смысловое содержание и знаковое оформление телемеханической и компьютерной информации различно. Оно обусловлено тем, что в первом случае решается задача автоматического управления, а во втором – имитации семантических процессов. Несмотря на внешние различия, все информационные машинные системы оперируют в соответствии с алгоритмическими программами и представляют собой амбивалентное идеально-материальное единство. В этом заключается специфика машинной информации. Принципиальное отличие семантической информации от машинной информации состоит в том, что первая – естественный продукт человеческой духовности (разума, эмоций, воли), а вторая – искусственный продукт человеческого мастерства (технологических умений). Поэтому

.....

первая — феномен, то есть акт сознания, а вторая — артефакт, предназначенный для имитации подобных актов. Область бытия семантической информации — триада «Микрокосм — Социальная реальность — Духовная реальность», а область бытия машинной информации — техносфера, возникшая в качестве искусственного продукта упомянутой триады. С учетом перечисленных различий получается дефиниция: **машинная информация** — амбивалентный артефакт, осуществляющий телеуправление техническими объектами и имитирующий по алгоритмическим программам семантические процессы. В относительно завершенном виде философская типизация информации выглядит так:

А. семантическая информация — амбивалентный феномен, выражающий духовные смыслы в форме коммуникабельных социальных знаков;

Б. биологическая информация — амбивалентный феномен, выражающий биологические смыслы в форме коммуникабельных биологических знаков;

В. машинная информация — амбивалентный артефакт, осуществляющий телеуправление техническими объектами и имитирующий по алгоритмическим программам семантические процессы.

Перечисленные философские типы информации соответствуют следующим эпистемологическим категориям: семантическая информация — общенаучная категория; биологическая информация — региональная или междисциплинарная категория, если распространить её на всю биосферу; машинная информация — междисциплинарная категория в пределах техносферы. Теперь созрели условия для того, чтобы определить, наконец, сущность информации как философской категории.

Следуя методологии феноменологической редукции, поступим следующим образом. Примем за основу дефиницию общенаучной категории семантической информации и очистим её от включений, мешающих распространению за пределы триады «Микрокосм — Социальная реальность — Духовная реальность». Для этого нужно отказаться от привязки к духовным смыслам и социальным знакам, сохранив понятия «смысл» и «знак», чтобы обеспечить включение в содержание сущностной дефиниции информации всех видов смыслов (биологических, химических и пр.) и всех видов знаков. Тогда получается следующая *формулировка философской категории информации*:

информация в сущности — амбивалентный феномен, выражающий смыслы в форме коммуникабельных знаков.

2. Натуралистическая интерпретация. Научные категории информации. Натуралистический подход представляет собой некорректный информационный подход, который является главным методологическим

инструментом информационных наук и широко применяется во всех отраслях знания. Результатом натуралистического подхода являются разнообразные определения информации, которые несогласованны и несистематизированы. Поэтому для построения системы научных категорий информации примем за основу представленную выше философскую типизацию. В научном обиходе философски важные проблемы субстанциональной природы информации не актуализируются, поэтому такое сущностное свойство, как амбивалентность, можно не принимать во внимание. Зато важно акцентировать способность информации «быть средством». Остальные же сущностные свойства информации, выявленные в результате феноменологического анализа, сохраняют свое значение. Тогда получается следующий *ряд научных категорий*:

а. семантическая информация — междисциплинарная категория, охватывающая естественные средства выражения духовных смыслов в форме коммуникабельных социальных знаков;

б. биологическая информация — междисциплинарная категория, охватывающая естественные средства выражения биологических смыслов в форме коммуникабельных биологических знаков ;

в. машинная информация — междисциплинарная категория, охватывающая артефакты (системы, средства), осуществляющие телеуправление техническими объектами и имитирующие по алгоритмическим программам семантические процессы.

Научная трактовка **информации вообще**, обобщающая перечисленные категории, смыкается, даже совпадает с философской дефиницией «информации в сущности» и может быть сформулирована как *«средство выражения смыслов в форме коммуникабельных знаков»*.

Натуралистическое мировоззрение исходит из презумпции объективного существования информации в реальностях разного типа. Эта презумпция воплощена в Итоговой онтологической таблице, которая показывает, что типы информации распределены по типам реальностей, и каждой реальности, за исключением Макрокосма, соответствует определенный тип информации. Впрочем, и физические явления Макрокосма допускают информационную интерпретацию. Если простодушному инженеру-радиотехнику или электронщику задать каверзный философский вопрос «информация — факт или фикция?», он ответит, не задумываясь: конечно, факт! Мы можем уточнить — «артефакт», имея в виду машинную информацию, подлинную «кровеносную систему» электронной информационной техники. Здесь сомневаться не приходится: машинная информация — материально явленный, наблюдаемый и осязаемый объект,

.....

ставший мощной движущей силой постиндустриальной цивилизации, она, действительно, представлена в техносфере. Но машинная информация – лишь один из типов, а не «информация вообще».

Натуралисты, практикующие некорректный информационный подход, обычно трактуют информацию как «сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления»¹ или как «данные, определенным образом организованные, имеющие смысл, значение, ценность для своего потребителя»² и т. п. Отталкиваясь от подобной трактовки, экономисты рассматривают информацию как ресурс, предмет и продукт человеческого труда и обнаруживают следующие существенные отличия её от материальных благ:

– Увеличение числа материальных благ требует почти всегда пропорциональных затрат, а информация благодаря компьютерным сетям (например, Интернет) тиражируется и оперативно доставляется сколь угодно значительному числу потребителей без пропорциональных затрат труда и материалов;

– Владение материальным благом возможно лишь одним лицом, а информацией может обладать неограниченный круг лиц;

– Потребление материальных благ производственного или личного назначения связано их исчезновением или утратой полезных свойств (сырье преобразуется в конечный продукт и перестает существовать как сырье, машины и механизмы изнашиваются и выходят из строя, продовольствие уничтожается и т. д.), а информация при её использовании может обогащаться, корректироваться, дополняться;

– Добыча информации из природы, например, открытие законов естествознания, не наносит вреда экологии, в отличие от вырубки леса или добычи полезных ископаемых.

Учитывая перечисленные закономерности, ученые экономисты пришли к мысли расширить четырехфакторную модель экономики, добавив к труду, капиталу, природным ресурсам, предпринимательству пятый фактор – информацию³. Некорректность подобного «сравнения несравнимого» заключается в том, что игнорируется онтологическое различие между материей и мыслью. Воспринимаемые чувственно

¹ Информатика: учебник. Т. 1. Концептуальные основы / под ред. В. А. Минаева, А. Ф. Фисуна, С. В. Скрыля и др. – М., 2008. С. 200.

² Основы информатики: учеб. пособие / Г. В. Алёхина, А. В. Анастасьин, И. М. Годин и др. – М., 2009. С. 434.

³ Кононова Е. Н. Информационное общество: теория и проблемы становления в России // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 7 (66). С. 20.

предметы, факты, события, лица и пр. существуют либо в физической, либо в биологической, либо в социальной реальности, а смыслы, сведения, данные – умозрительно постигаемые элементы духовной реальности. Натуралисту известны только материальные реальности, данные в ощущениях, а умопостигаемую духовную реальность, где бытуют смыслы, значения, ценности, выражаемые информацией, он в расчет не берет. Зато оперирование духовными реалиями свойственно абстрактно мыслящим ученым, практикующим корректный информационный подход. В связи с абстрактными интерпретациями информации уместно вспомнить о фикционализме.

3. Фикциональная интерпретация. Информация как научная фикция.

Фикционализм – философская концепция, согласно которой познание и человеческая деятельность основаны на *фикциях* (от латинского «выдумка, вымысел») – представлениях, которым в действительности ничто не соответствует и оправданных лишь с точки зрения их практической применимости. Наиболее последовательная концепция фикционализма была разработана немецким философом Х. Файхингером в книге «Философия как если бы» (1911). Автор доказывал, что познание должно ориентироваться не на адекватное отражение действительности, а лишь на практическую применимость выводов. К числу полезных научных фикций он относил атомы и другие идеальные объекты¹. Идеи фикционализма получили развитие в американском *инструментализме*, где доказывается, что научные законы и теории – результат творческого воображения ученых, не зависящего от реалий действительно существующего мира.

Абстрактно-математические теории информации, начиная с теории Шеннона, – типичный пример научного фикционализма. Они оперируют понятием информации, отражающим вероятностно-статистические абстракции, а не конкретные явления. Отсюда умозрительные трактовки информации как «результат выбора», «запомненный выбор одного варианта из нескольких возможных и равноправных», «мера организации», «уменьшаемая неопределенность» и т. п. Математические теории информации широко применяются при исследовании Макрокосма, биосферы и техносферы, причем используемое ими понятие информации весьма специфично. Оно выражает не натуральные, а *искусственные фиктивные* смыслы, созданные в научном секторе духовной реальности. Эти смыслы представляют собой относительно истинное знание, представленное учеными субъектами в придуманных ими символах, понятиях и категориях.

¹ Современная западная философия. Энциклопедический словарь. – М., 2009. С. 197.

.....

К. Шеннон предложил формулу для вычисления «количества информации», Л. Бриллюэн ввел понятие «негэнтропия», их последователи разработали целую отрасль математики, которую называли «теория информации». Какие реалии отражает используемое ими понятие информации? В данном случае информация — это *фикция*, постигаемая умозрительно. Содержание этой фикции чаще всего согласуется с натуралистическим пониманием информации как «средства выражения смысла в форме знаков», и в силу этого математическая информация может рассматриваться как *разновидность семантической информации*.

Оправданием «фикционального» информационного подхода являются научные и практические достижения, полученные с его помощью. Так, в биоинформатике, занимающейся раскодированием человеческого генома, геном предстает как биологический текст, обрабатываемый с помощью компьютерной техники, причем широко используется Интернет и получены весьма важные результаты¹. Означает ли этот факт, что биоинформатики обнаружили в биосфере явление генетической информации? Нет, они просто посмотрели на геном через «информационные очки». Биологическими теориями (теории жизни, теории биологической информации, динамические теории информации и др.) широко используется информационная лексика для описания и анализа субстанциональных и функциональных свойств явлений, действительно существующих в биологическом пространстве и времени. Можно сказать, что в биологической науке утвердилось понятие «биологическая информация», символизирующее информационный подход к исследованию живой природы. Но это вовсе не означает информатизацию биологической реальности и превращения биологической информации в её элемент.

Известно теоретическое обоснование преодоления экологического кризиса в информационном и постинформационном обществе путем информатизации промышленного производства. Приводятся следующие аргументы. «Принципиальное значение имеет тот факт, что создание и распространение информации как некоторого ресурса требует гораздо меньших энергетических затрат, чем какая-либо другая форма деятельности. Расчеты показывают, что при переходе от материальной к информационной деятельности происходит качественный скачок. Его суть состоит в том, что если процесс материальных преобразований требует максимальных

---

¹ Леск А. Введение в биоинформатику: пер. с англ. — М.: Бином. Лаборатория знаний, 2009. 324 с.; Игнасимуту С. Основы биоинформатики. — М.: НИЦ РХД, 2007. 320 с.; Бородовский М., Екишева С. Задачи и решения по анализу биологических последовательностей (задачник по биоинформатике). — М.: НИЦ РХД, 2008. 440 с.

затрат энергии, а следовательно, ведет к возрастанию энтропии, то при переходе к информационным преобразованиям энергетические затраты минимизируются, а тем самым информационная деятельность — это деятельность по созданию порядка». Делается вывод, что «особо важное, приоритетное значение приобретает резкое повышение эффективности информационной деятельности, структурно упорядочивающей и минимизирующей энергетическо-вещественную составляющую техногенного давления на социо-природную среду и самого человека»¹. Должен признать, что сочинение научных фикций — увлекательное занятие, но при этом не следует забывать мудрое предостережение классика информационного фикционализма Клода Шеннона: «Здание нашего несколько искусственно созданного благополучия слишком легко может рухнуть, как только в один прекрасный день окажется, что при помощи нескольких магических слов, таких как *информация, энтропия, избыточность*, нельзя решить все нерешенные проблемы»².

Итак, необходимо различать три интерпретации сущности информации: *философская*, раскрывающая сущность информации как философской категории; *научно-натуралистическая*, показывающая содержание общенаучной и междисциплинарных категорий информации; *научно-фикциональная*, дополняющая натуралистическое познание информационно-теоретическими фикциями. Какую интерпретацию информации целесообразно использовать для раскрытия сущности информационного общества?

Всякое человеческое общество (надо думать, включая информационное) понимается в современной социологии как «объективная социальная реальность», представляющая собой «относительно устойчивую систему социальных связей и отношений»³. Отсюда следует, что информационное общество неразрывно связано с социальной реальностью, и, следовательно, подлежит натуралистической, лингво-семиотической интерпретации, примеры которой представлены в разделе 2.1.3. Возможна также фикциональная интерпретация в случае моделирования социальной реальности. Философская же интерпретация гипотезы информационного общества кажется излишней и избыточной.

¹ Паршин С. А. Ахлибининский Б. В. Экология человека в информационном и постинформационном обществе // Россия: прошлое, настоящее, будущее: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. М. С. Уваров. — СПб.: Изд-во БГТУ, 1996. — С. 102–108.

² Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. — М., 1963. — С. 668.

³ Осипов Г. В. Общество // Социологический словарь. — М.: Изд-во Норма, 2008. — С. 294–295.

.....

Можно было бы довольствоваться сказанным, но есть один камень преткновения — понятие «информационная реальность», получившее распространение в последнее время. Логично предположить, что, если существует «информационная реальность», то именно она, а вовсе не социальная реальность, должна стать областью бытия информационного общества. Кроме того, «информационная реальность» объявляется то философской, то теологической, то научно-технической категорией. Необходимо разобраться в этом вопросе.

2.3. ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕАЛЬНОСТИ

Типизация реальностей, представленная в разделе 2.2.3, ограничена шестью типами аутентичных, взаимосвязанных, но самодостаточных реальностей, для изучения которых принято использовать информационный подход. Информационная реальность в нашей типизации отсутствует. Правомерно ли это? Логика допускает существование *бесконечного множества «возможных миров»*. «Возможным» считается мир, неизвестный нам сегодня, но теоретически способный существовать. Отрицается непреодолимый барьер между действительностью и возможностью; более того, между ними усматривается важная внутренняя связь. Как отмечает С. С. Гусев, «всевозможные конструкты (формально-символические средства описания предполагаемых объектов, существование которых может быть и фикцией) не являются простым порождением человеческой фантазии, в скорее, наглядно выражают скрытые свойства физического мира, опосредованно представленные человеку в его чувственно-практическом взаимодействии с тем, что его окружает». И далее: «Усиление ориентации современного человечества на предвидение возможных результатов его взаимодействия с окружающим миром привело к широкому распространению в самых различных областях познавательной деятельности понятия „возможный мир“, как раз и выражающего в конкретных формах представление о том, что могло бы осуществиться в условиях, еще пока не реализованных, но мыслимых»¹. Современные философы признают, что «наряду с существованием реальностей магнитного, гравитационного и т. п. полей, то есть реальностей физических, материальных, существуют и разные уровни и типы реальностей идеальных — различным образом связанных с объективной реальностью и столь же различных по типу образования и степени объективности своего существования. И можно, таким образом, говорить не только о многомодельности объяснения мира,

¹ Гусев С. С. Концепция «возможных миров» и мировое единство // Метафизика: учеб. пособие. — СПб., 2008. С. 297, 298.

но и многореальности самого его бытия, о его полионтичности»¹. Не найдется ли в бесконечной «полионтичности» место и для информационных реальностей?

Обращение к литературе показало, что обнаруживаются несколько разновидностей информационных реальностей, в том числе мистическая, когда информационная реальность выступает в качестве первоначала мироздания, и технократическая, когда информационная реальность ограничивается сферой информационных технологий и информационной техники (информационная техносфера). В качестве субстрата во всех информационных реальностях, естественно, выступает информация, которая трактуется по-разному. Различны также хронотопы, то есть пространственно-временные координаты, принятые в данной реальности.

2.3.1. Мистическое начало мироздания. Существуют три версии информационной реальности в качестве первоначала мироздания: философско-материалистическая, теологическая и промежуточная между ними. Философствующие материалисты-информатики, ссылаясь на то, что в научном обиходе начали использоваться термины «физическая реальность», «биологическая реальность», «языковая реальность», предложили включить в философский лексикон категорию *информационная реальность*, которую отнесли к «предельно общим философским понятиям»². В философском аспекте информационная реальность понимается ими как «информационная форма движения материи» (с. 137). Информация решительно объявляется философской категорией, поскольку она «не только отражает всеобщие формы бытия, их связи и взаимообусловленности, но и является фактором развития от низшего к высшему в природе, обществе и познании» (с. 139). «Активная роль информации в возникновении и развитии новых форм движения и информационных структур», — утверждают авторы, — «особенно четко проявляется в двух переломных скачках развития материи — от неживой природы к жизни и от высших животных к человеку, к человеческому обществу» (с. 139). Получается, что «информационная форма движения материи» является источником и генетическим фактором биологической, психической, социальной, технической форм движения материи, то есть информационная реальность — демиург всех остальных реальностей.

¹ Самохвалова В. И. Виртуал. К вопросу идентификации реальностей разного генезиса и уровня // Теоретическая виртуалистика: новые проблемы, подходы и решения / Ин-т философии РАН. — М., 2008. С. 94.

² История информатики и философия информационной реальности: учеб. пособие для вузов / под ред. Р. М. Юсупова, В. П. Котенко. — М.: Академический проект, 2007. 429 с.

.....

Почему-то общенаучного определения информации авторы не дают, а ограничиваются социальным контекстом. Ссылаясь на ЮНЕСКО, они предлагают следующую «научную практически-действенную» дефиницию: информация – «это универсальная субстанция, пронизывающая все сферы человеческой деятельности, служащая проводником общения, взаимопонимания и сотрудничества, утверждения стереотипов мышления и поведения» (с. 142). При этом наши философы придерживаются принципа материального единства мира и апеллируют к материалистической диалектике. Они вскрывают «принципиальную неполноту той картины действительности», которую рисовали предшествующие материалисты. Их «палитра» была ущербна, ибо они использовали только категории материи, движения, пространства, времени и не ведали об информации. Философия информационной реальности ликвидирует этот пробел. Опираясь категорией информации, она обещает разрешить «вечные вопросы» биологии (возникновение живых существ), антропологии и богословия (появление homo sapiens), культурологии и футурологии (построение искусственного интеллекта). Правда, не раскрывается механизм этих эпохальных научных открытий.

Информационная реальность привлекла мыслителей-материалистов возможностью подтвердить материальное единство мира (принцип материалистического монизма). Характерно в этом отношении высказывание одного из прорабов всесоюзной демократической перестройки 1980-х годов Александра Николаевича Яковлева (1923–2005), который на склоне лет написал в своих мемуарах: «В основе всего *информация*. Материя как застывшая энергия есть, так сказать, ресурсное энергетическое обеспечение информации, а дух суть информация, которую получает, адаптирует, систематизирует и производит человеческий мозг. Элементарная частица, атом, молекула, нация, общество, человек, страна, мир, Вселенная – это, прежде всего, *информационные системы*. Информационная система включает в себя и весь дух, и всю материю, известные человеку на сегодняшний день. И все это называется природой и обществом, то есть бесконечно развивающейся, совершенствующейся или деградирующей информационной системой». Далее выясняется, что «высшая форма информации – совесть в качестве мерила нравственности и оправдания самого существования человека»¹. Поскольку никаких «неинформационных» обществ в данном случае не допускается, ибо во всеобъемлющей информационной реальности все объекты имеют информационную природу, проблема определения

¹ Яковлев А. Н. Горькая чаша. Большевизм и реформация в России. – Ярославль, 1994. – С. 91, 92.

информационного общества вообще снимается. Поэтому подобный «возможный мир» — родной брат первобытной мифологии, одушевляющей все и вся, и не представляет для нас познавательного интереса.

Промежуточной, точнее, материально-теологической версией информационной реальности, назовем *тонкоструктурный мир*, постулированный *биоэнергоинформатикой*. Здесь информация понимается как тонкоматериальная структура, существующая не в плотноматериальном мире вещества и энергии и не в нематериальной духовной сфере (мире идей), а в физически определяемом пространстве торсионных (спиновых) полей между ними, именуемом Тонкий мир. Торсионные поля отличаются способностью переносить информацию без переноса энергии, передавать информацию со сверхъестественной скоростью, проникать через любые экраны, распространяться не только в будущее, но и в прошлое. Эти свойства торсионных полей обуславливают такие паранормальные явления, как телепатия, телекинез, ясновидение и пр.¹ К сожалению, теория Тонкого мира чересчур «тонка» для объяснения не паранормальных, а нормальных социальных явлений типа социального неравенства или социальной справедливости. Поэтому биоэнергоинформационные реалии оставим за пределами нашего рассмотрения.

Обожествляющие информацию теологи отрицают первичность материи и исходят из того, что вся Вселенная первоначально была полностью, от начала до конца, мысленно создана Творцом в духовной реальности, которая затем стала воплощаться в формы материального мира. Таким образом, по их мнению, сосуществуют первичная и всеобъемлющая духовная реальность и вторичный материальный мир — физическая реальность. Эти две реальности принципиально различны. Первичная реальность является «внепространственной, вневременной и обладающей голографическим свойством подобия каждой её части единому целому». Сведущие люди — астрологи и ясновидцы могут считывать информацию, хранящуюся в духовной реальности, и постигать смыслы событий в материальном мире. Благодаря свойствам внепространственности и вневременности информации, можно видеть прошлое и будущее, далекие страны и города, проникать сознанием во времени и пространстве на любые расстояния и даже в другие миры. Особенно искусны маги, владеющие технологией воздействия на информационную реальность. Поскольку материальный мир является проекцией мира духовного, то магическое информационное воздействие неизбежно вызывает соответствующие изменения физической

¹ Свияш А. Как получить информацию из Тонкого мира. — СПб., 1999. 224 с.; Шипов Г. И. Теория физического вакуума. Новая парадигма. — М., 1993. 362 с.

.....

реальности¹. Следовательно, информационного общества на Земле быть не может, ибо оно должно находиться в мире информации, то есть во «внепространственном» и «вневременном» хронотопе. Подобный «вероятный мир» нам не интересен.

Мистификационная суть представленных версий состоит в том, что и философско-материалистическая, и теологическая, и промежуточная версии не имеют ни эмпирических, ни логических доказательств существования информационных реальностей и апеллируют к некритическому доверию, а не к трезвому рассудку. «Информационная форма движения материи» – философский абсурд; «перенос информации без переноса энергии» противоречит законам физики; «внепространственная и вневременная информация, способная беспрепятственно проникать в прошлое и будущее Вселенной», напоминает волшебную сказку. Предлагаемые авторами определения информации и трактовки информационной реальности – мистификационный продукт информационного подхода. Они не могут быть областями бытия информационного общества в любых его интерпретациях, и поэтому не входят в предмет нашего рассмотрения.

2.3.2. Инфосферная реальность. Рекламно-идеологические интерпретации информационного общества, получившие распространение в конце XX столетия (см. параграф 1.2), исходят из постулата, что наступила «информационная эпоха» и человечество переживает *информационно-технологическую революцию*, охватывающую все области нашего бытия. Благодаря этой революции, социальная реальность преобразуется в новое состояние, которое натуралисты-информатики, практикующие некорректный информационный подход, именуют *информационная реальность*. Информационной реальности, называемой также «*инфосфера*», посвящены многочисленные научные публикации, форумы и учебные пособия, утверждающие, что в инфосферной реальности производство материальных благ, осуществление власти и развитие культуры зависят от информационных технологий, основанных на оцифрованных электронных документах. В качестве субстрата инфосферной реальности выступает информация, которая трактуется неоднозначно: то как содержание сигнала, поступившего извне, то как совокупность сведений, данных, сообщений, то как снятая неопределенность (в духе теории К. Шеннона), то как знания, стимулы, смыслы и т. п.

Как и всякая реальность, данная разновидность информационной реальности характеризуется пространством и временем, которые подробно

¹ Тимашев А. Что такое ясновидение, астрология, магия, гадание? <http://www.waylove/ezoterika.ru>

рассмотрены М. Кастельсом в его книге¹. *Пространство инфосферы* он представляет как сеть потоков капиталов, технологий, сообщений, смыслов, которыми обмениваются физически разъединенные деятели в экономических, политических и символических структурах социума. Это пространство базируется на трех слоях материальной поддержки: 1) средства электронной телекоммуникации и высокоскоростного транспорта; 2) глобальная иерархическая сеть коммуникационных компьютерных центров; 3) территориальное распределение доминирующих менеджерских элит. Поскольку характерными особенностями инфосферной реальности являются мгновенные трансакции капитала, варьируемое рабочее время, размывание жизненного цикла, прямые репортажи с места событий и т. п., время, по словам Кастельса, становится *вневременным*. *Вневременное время* принадлежит пространству потоков и проявляется в возможности сжатия промежутков между событиями, изменении их последовательности, варьировании прошлым, настоящим и даже будущим. Пространство потоков, как утверждает автор, «растворяет время, разупорядочивая последовательность событий и делаая их одновременными, помещая общество в вечную эфемерность» (с. 434).

Трудно сформулировать адекватное определение столь экзотической реальности. Известно описание техногенной информационной реальности в качестве «сложной динамической системы», включающей науки, изучающие информацию (кибернетика, семиотика, синергетика, искусственный интеллект и др.), отрасли, использующие информацию (радиоэлектроника, телевидение, образование, медицина и др.), средства производства, передачи и хранения информации, потребителей информации, сеть научно-исследовательских, учебных, административных, коммерческих и других организаций и социальных институтов, содействующих использованию информационных ресурсов². Легко заметить, что здесь инфосферная реальность совпадает с информационным обществом, основанном на машинной информации.

В качестве главной отличительной особенности инфосферной реальности объявляется *информационная коммуникация* – новейший вид социально-культурной коммуникации, включающий широкий круг коммуникационных каналов, в виде проводной и радиосвязи, магнитной и оптической записи. Некорректность информационного подхода

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000. – С. 354–434.

² История информатики и философия информационной реальности: учеб. пособие для вузов / под ред. Р. М. Юсупова, В. П. Котенко. – М., 2007. С. 135–137.

.....

в данном случае проявляется в том, что информационная коммуникация отождествляется с социальной коммуникацией, познание — с информированием, чтение — с декодированием информации и т. д. Техногенные информационные новации не отменяют социальные связи и отношения, присущие социальной реальности, а наслаиваются на них в качестве вспомогательной технической подсистемы. «Сжатие» пространства и «растворение» времени, о которых говорит М. Кастельс (см. выше) означают количественные, а не качественные изменения социального хронотопа, присущего человеческому обществу. Следовательно, инфосфера — не самостоятельная реальность, а *результат информационного подхода к техносфере*, в свою очередь являющейся производной социальной реальности. «Инфосферное информационное общество» не что иное, как совокупность профессиональных и любительских социальных групп, неразрывно связанная с информационно-коммуникационными технологиями, то есть *информационное общество в социологической трактовке*. «Инфосферная реальность» оказывается типичной научной фикцией. Итак, критический анализ «информационных реальностей», представленных в цитированных выше сочинениях, убеждает в отсутствии самостоятельной (аутентичной) информационной реальности. Дело в том, что информация не может выступать в качестве субстрата какой-либо реальности в силу своей вторичности (первичен смысл, который выражает информация).

Можно было бы на этом месте поставить точку и закончить невразумительный разговор об «информационных реальностях», если бы не выяснилось, что многие авторы связывают инфосферную реальность с виртуальной реальностью. Зачастую информационная и виртуальная реальности просто отождествляются, особенно когда они основаны на компьютерной технологической базе. Из подобного отождествления следует, что общество, бытующее в виртуальной реальности, превращается в информационное общество. Необходимо разобраться в этой метаморфозе.

2.3.3. Информационное общество в виртуальной реальности. Обратимся к фактам. С 2003 года в нашей стране функционирует «Виртуальная справочно-информационная служба публичных библиотек», объединяющая ресурсы многих книгохранилищ¹. Доводом в пользу «виртуализации» послужил тот факт, что взаимодействие пользователей и персонала службы, в том числе диалог в реальном масштабе времени, происходит

---

¹ Михнова И. Б., Пурник А. А., Пурник А. В., Самохина М. М. Поручи поиск человеку: виртуальные справочные службы в современных библиотеках. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2005. — 304 с.

без физического контакта, благодаря использованию компьютеров и Интернет-технологий. Виртуальные справочные службы создаются в академических библиотеках России¹. На Международном библиографическом конгрессе, состоявшемся в сентябре 2010 года, говорилось о Корпоративной виртуальной справочной службе универсальных научных библиотек (ВСС КОРУНБ), о Виртуальном справочном бюро Государственной публичной исторической библиотеки России, виртуальных библиографических службах в вузовских, научно-технических, общедоступных библиотеках. Многообещающим является проект Русской виртуальной библиотеки, ставящий целью филологически полноценное воспроизведение всего пространства русской литературы за последние три столетия.

Виртуализация библиотечно-библиографической деятельности не отдельный эпизод, а проявление виртуализации всего информационного мира и даже шире – виртуализации образа жизни современного общества. Еще в 90-е годы некоторые проницательные авторы высказывались в том смысле, что «мощь создаваемой посредством компьютера виртуальной реальности позволяет утверждать, что переход к информационному обществу сопоставим лишь с изменением общества, вызванным овладением огнем»². Виртуальная реальность Интернета давно уже охватила практически все социальные институты. Никого не удивляют виртуальные салоны красоты и виртуальные свадьбы (Дворец виртуальных бракосочетаний существует в России с 2000 года; за десять лет в нем виртуально обвенчались около 140 тысяч пар), так же как виртуальные выставки «Сезоны моды: женственность и элегантность», открываемые предприимчивыми украинскими библиотекарями. Понятие «виртуальный» становится брендом, торговой маркой, обозначающей принадлежность к престижной и прогрессивной корпорации.

Следует признать, что наши библиотечно-библиографические службы успешно овладевают этим эффективным средством продвижения своих услуг, позиционируя себя в качестве элементов не только информационного мира, но и виртуального общества XXI века. Казалось бы, нужно радоваться этому факту. Ведь римляне обозначали термином *virtus* силу, мужество, воинскую доблесть, а средневековые схоласты называли *virtus* способность мыслить. Почему бы не зафиксировать в бренде современной

¹ Леонов В. П., Колпакова Н. В., Баженова Н. М. Об организации академической виртуальной справочной службы // Наука о книге. Традиции и новации: материалы междунар. науч. конф. Часть 2. – М., 2009. – С. 237–240.

² Гневашев О. В. Виртуальная реальность и информационное общество // Россия: прошлое, настоящее, будущее. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. М. С. Уваров. – СПб.: Изд-во БГТУ, 1996. – С. 108–112.

библиотеки обслуживание мощи и доблести человеческого мышления? Беда в том, что термин «виртуальный» имеет и другие значения. Латинское *virtualis* (возможный) обозначает потенциальные явления, которые сейчас не существуют, но могут возникнуть при определенных условиях. Именно в этом смысле философы толкуют о «виртуальности», бытие которой «неметрично, не имеет определенной локализации в вещах и событиях, вневременно, бесплотно и вездесуще»¹. Ясно, что такая интерпретация не годится для виртуальных библиотек, ибо обесмысливаются сообщения СМИ о том, что «Дмитрий Медведев побывал в виртуальном филиале Президентской библиотеки имени Бориса Ельцина, который в сентябре 2010 года открылся в Китае». Не может глава государства посетить «неметричное, вневременное и бесплотное» учреждение, хотя бы оно и было отмечено брендом «виртуальное». Рассмотрим более внимательно соотношение между информационными службами и виртуальной реальностью.

О том, что виртуальные реальности серьезно беспокоят информатиков и психологов, философов и культурологов, свидетельствует формирование особого межнаучного направления, именуемого «*виртуалистика*», которое позиционирует себя как *тип мировоззрения*, соответствующий *постнеклассической* стадии развития науки. Автором термина «виртуалистика» и научным руководителем созданной в 1991 году в системе Академии наук Лаборатории (с 1997 года Центра) виртуалистики был *Николай Александрович Носов* (1952–2002). Он является автором официально принятого в 2001 году «Меморандума виртуалистики» и остается признанным идеологом этого направления².

Теория виртуалистики базируется на категории «виртуальная реальность», которая понимается как область бытия виртуальных объектов, которые порождаются объектами других реальностей (физических, психологических, социальных и др.). В квантовой физике обнаружили виртуальные частицы, которые нельзя зафиксировать экспериментально; в механике виртуальными называют бесконечно малые перемещения точек механической системы около положения равновесия, не изменяющие структуру системы, например, колебания Земли около орбиты её движения вокруг Солнца; в психологии были открыты виртуальные состояния человека (сон, галлюцинации); для обучения летчиков был

¹ Пивоваров Д. В. Виртуальное, Виртуал, виртуальная реальность // Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова. – М.: Академический проект, 2004. – С. 108.

² Носов Н. А. Манифест виртуалистики. – М.: Путь, 2001. – 17 с.; Теоретическая виртуалистика: новые проблемы, подходы и решения / Ин-т философии РАН. – М.: Наука, 2008. 316 с.

создан тренажер, воспроизводящий виртуальный полет самолета; пространство компьютерных сетей стали ассоциировать с виртуальным пространством; метафора «виртуальности» привлекла теоретиков социологии и эстетиков Постмодерна. Историки философии раскрывая связи новоявленной виртуалистики с философскими традициями, вспомнили, что в средние века Фома Аквинский и Николай Кузанский использовали понятие *virtus*.

Виртуалистика установила, что виртуальным реальностям присущи следующие отличительные свойства: *порожденность* (проще говоря, вторичность) – виртуальная реальность продуцируется активностью какой-либо другой реальности, внешней по отношению к ней; *автономность* – в виртуальной реальности свое время, пространство и законы существования (своя «природа»); *интерактивность* – виртуальная реальность может взаимодействовать со всеми другими реальностями, в том числе и с порождающей, как независимая от них. Важно обратить внимание, что перечисленные «свойства» присущи и феномену информации: информация «вторична» по отношению к выражаемому смыслу (порождающей реальности); она существует по собственным законам, которые не зависят от какой-либо «неинформационной» реальности, и вместе с тем способна взаимодействовать с реальностями всех типов. Учтем это немаловажное замечание.

В нашу задачу не входит обсуждение теоретических и практических достижений виртуалистики. Отметим только, что механизмы виртуализации признаны неотъемлемой составляющей социокультурных, политических и экономических процессов. Была обоснована возможность управления со стороны психологических структур (виртуальных моделей организма) физиологией человека и даже его генетическим аппаратом; был разработан новый тип психологии – виртуальная психология, преодолевающая традиционное субъект-объектное различие на социальное – психическое и психическое – телесное; было предложено теоретическое и методическое обоснование для включения технологии компьютерных виртуальных реальностей во все сферы человеческой жизни: воспитание, образование, медицина, политика и пр. Благодаря виртуалистике приобрела актуальность проблема сущности и типизации реальностей, их генетических и иерархических взаимосвязей, определение последовательности возникновения в человеческой культуре различных виртуальных явлений. Оказалось, что техногенная виртуальность, создаваемая компьютерной техникой, не является единственным видом виртуальной реальности и существуют естественные психогенные и социогенные виртуальные

.....

реальности, возникшие в докомпьютерную эпоху. Охарактеризуем некоторые виды виртуальных реальностей.

1. Психогенные виртуальные реальности (измененные состояния психики) – область произвольных воспоминаний, сновидений, галлюцинаций¹. Воображение, подобно мышлению, одна из высших психических функций, свойственных психической реальности человека. Под воображением в данном случае понимается способность создавать и произвольно манипулировать образами предметов в отсутствии самих предметов. И. Кант обратил внимание на существование двух видов воображения: репродуктивное, воспроизводящее предметы, чувственно воспринимавшиеся ранее, и продуктивное (трансцендентное) – «способность представлять предмет также и без его присутствия в созерцании»². При этом измененные состояния сознания, например, сон, воспринимаются как особая реальность со своими пространственно-временными характеристиками. Остается дискуссионным вопрос о соотношении субъективной реальности (осознания индивидуального Я) и психогенной виртуальной реальности (иллюзии, галлюцинации, обман памяти, сновидения), порождаемой продуктивным воображением при измененных состояниях сознания³. Информационный подход вполне можно использовать для описания и объяснения психогенных виртуальностей, но широкого распространения в данной области он не получил.

2. Техногенная виртуальная реальность является продуктом использования мультимедийных информационно-компьютерных технологий, которые служат основой для формирования мультимедийной коммуникационной культуры⁴. Мультимедийные технологии являются эффективным средством психологического воздействия на людей, благодаря аудиовизуальным образам, объединяющим сейчас текст, речь, музыку, изображения, анимацию (ведутся работы по имитации обоняния, осязания, вкусовых ощущений) и интеракции (человеко-компьютерный интерфейс). Они используются для имитации а) субъективной реальности индивидуальной личности; б) содержания электронных технических устройств.

¹ Антонова О. А., Соловьев С. В. Теория и практика виртуальной реальности: логико-философский анализ. – СПб., 2008. – С. 92–121.

² Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. – СПб., 2002. – С. 200–201.

³ Антонова О. А., Соловьев С. В. Теория и практика виртуальной реальности: логико-философский анализ. – СПб., 2008. – С. 92–112.

⁴ Елинер И. Г. Мультимедийная культура и современное общество. – СПб.: Родные просторы, 2008. – 529 с.; Елинер И. Г. Развитие мультимедийной культуры в информационном обществе. – СПб.: Искусство России, 2010. – 278 с.

Виртуальная субъективная реальность представляет собой искусственно созданную (техногенную) симуляцию объективной материальной реальности. Проблематика симуляции психических процессов относится к области искусственного интеллекта, которая является традиционной сферой реализации информационной методологии. Здесь речь идет об использовании компьютерного моделирования и симуляции, которое позволяет личности взаимодействовать с искусственным трехмерным визуальным или другим сенсорным окружением. Средства виртуальной реальности в виде специальных очков, шлемов, перчаток, комбинезонов погружают пользователя в порожденную компьютером среду, которая посредством интерактивных устройств симулирует привычную ординарную реальность. Глубокое погружение воздействует не только на органы чувств индивида, но и на его воображение, интуицию, творческие способности. Психологи опасаются, что постоянный переход от ординарной к виртуальной реальности и обратно приведет к шизоидному раздвоению сознания пользователя мультимедиа.

Техногенной виртуальной реальностью считается информационно-символическое содержимое Интернета, персональных компьютеров, телевизионной, аудио – и видеоаппаратуры. Поэтому компьютерные коммуникационные сети часто именуют виртуальной коммуникацией, а справочно-библиографическое обслуживание, опосредованное Интернет-ресурсами, – виртуальным обслуживанием. Поскольку люди проводят все больше и больше времени в техногенной виртуальной реальности, есть основания говорить о «миграции в виртуальное пространство», что, несомненно, приведет к важным изменениям в мировоззрении, экономике, культуре, досуге. Распространение виртуальных компьютерных игр – одна из примет грядущего информационного общества. Другой приметой можно считать виртуальные библиотеки, бурно распространяющиеся во всем мире, в том числе нашу Президентскую библиотеку имени Б. Н. Ельцина. Возможность информационного подхода к объектам техногенной виртуальной реальности очевидна.

3. Социогенная виртуальная реальность особенно интересна для нас, потому что она имеет прямое отношение к информационному обществу. Рассмотрим эту реальность, следуя концепции петербургского социолога Д. В. Иванова¹, которая представляет собой развитие социально-философской концепции Жана Бодрийара (см. раздел 1.2.2). Автор исходит

¹ Иванов Д. В. Виртуализация общества. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. – 96 с.; Иванов Д. В. Общество как виртуальная реальность // Информационное общество: сборник статей. – М.: Изд-во АСТ, 2004. – С. 355–427.

.....

из тезиса, что виртуализация – это любое замещение социальных реалий, их симуляция, *не обязательно* с применением компьютерной техники. Для выхода в социогенную виртуальную реальность не требуется никаких технических средств. Например, виртуальной можно назвать экономику, где спекуляции на фондовой бирже преобладают над материальным производством, или демократию, имитирующую народовластие. В духе Бодрийара поясняется: «Виртуальная реальность предполагает взаимодействие человека не с вещами, а с симуляциями. Реальность общества эпохи Модерн – это овеществленная институциональная структура, делающая практики независимыми от устремлений индивидов. Индивид, находясь в социальной реальности институтов, воспринимает её как естественную данность, в которой приходится жить. В эпоху Постмодерн индивид погружается в виртуальную реальность симуляций и во все большей степени воспринимает мир как игровую среду, сознавая её условность, управляемость её параметров и возможность выхода из неё» (с. 387). Перспективу виртуализации общества проницательный социолог видит в том, что социальные отношения между людьми примут форму отношений между образами, что означает разрушение традиционных представлений об объективности социальной реальности.

Напомню, что французские постмодернисты представляли европейское общество конца XX столетия как общество эфемерное, иррациональное, симулятивное, деструктурированное, абсурдное, где люди взаимодействуют не с вещами, а с симуляциями. Ж.-Ф. Лиотар констатировал девальвацию гуманистических идеалов свободы, самореализации личности, социального прогресса, достижения истинного знания, ориентацию науки на производство знаний, потребных рынку и т. п. Ж. Бодрийар доказывал, что в обществе потребления покупка и продажа материальных товаров и услуг заменяется торговлей знаками и имиджами, что рыночные отношения определяют иллюзорную культуру Постмодерна. Его понятие «гиперреальность» близко понятию «виртуальная реальность», но он предпочитал толковать о симуляции, а не о виртуализации. Развивая идеологию постмодернизма, Д. В. Иванов пришел к выводу, что «различение старого и нового типов социальной организации с помощью дихотомии „реальное / виртуальное“ позволяет ввести понятие виртуализации как процесса замещения институционализированных практик симуляциями» (с. 387–388).

В современной российской действительности также заметна тенденция виртуализации, но наши мыслители вместо жесткого термина «симулякр» предпочитают использовать более мягкое слово «*имитация*».

По мнению академика Т. И. Заславской, «имитируется все: демократия, конкурентный рынок, правосудие, гражданское общество, права человека, но под внешне обновленными институциональными формами»¹. Другой академик – Д. С. Львов пришел к выводу, что новый правящий класс лишь декларирует либерально-демократические ценности, в действительности эксплуатируя все общество². Известный писатель С. Н. Есин, опубликовавший в начале перестройки роман «Имитатор» (1985), четверть века спустя удивлялся: «Я-то думал, что ушло время и сами описанные ситуации, типы. Но – наоборот! Сейчас надо писать другой роман, который показывает, насколько выросла сама проблема, насколько она изощрилась, стала элегантней. Я сам поражаюсь тому, как вдруг расширилась семантика этого слова „имитация“. Это как кипящее молоко: сначала оно вылилось из кастрюли на плиту, потом на пол, а теперь расплескалось уже так далеко, что тотальная имитация затронула и политику, и нашу государственную и общественную жизнь»³.

Мне кажется, что имитационное, то бишь виртуальное, общество довольно легко представить в качестве информационного общества. Однако отечественный идеолог социальной виртуализации Д. В. Иванов не считает виртуальное общество обществом информационным, приводя следующие доводы. «Социальное содержание виртуализации – симуляция институционального строя общества первична по отношению к содержанию техническому.... Не компьютеризация жизни виртуализирует общество, а виртуализация общества компьютеризирует жизнь. Распространение технологий виртуальной реальности вызывается стремлением компенсировать с помощью компьютерных симуляций отсутствие социальной реальности» (373–374). Поэтому автор призывает считать приоритетным «развитие не информационных, а симуляционных технологий – технологий виртуальной реальности» и выдвигает тезис «информационное общество – фантом постиндустриальной эпохи» (с. 363–364). Вместе с тем он сообщает, что микропроцессорные технологии должны сыграть важную роль «инфраструктуры развешествления / виртуализации общества» (с. 410), подчеркивает, что «метафора виртуальности отлично „схватывает“, то есть соединяет в одной модели постмодернизм, компьютеризацию, развитие сети Интернет» (с. 413), и, следовательно, ратует за интеграцию информатизации (компьютеризации) и виртуализации.

¹ Заславская Т. И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. – М., 2004, – С. 26.

² Львов Д. С. Экономический манифест. Будущее российской экономики. – М., 2000. – С. 23.

³ Некабинетный писатель // Литературная газета. – 2010. 15–21 декабря.

.....

Можно согласиться с тем, что виртуализация социальных институтов первична, ибо началась задолго до изобретения персональных компьютеров и формирования Всемирной паутины (достаточно вспомнить о бумажных деньгах и ценных бумагах). Но постиндустриальная сеть Интернет не симулякр, а мультимедийное средство социальной коммуникации, которое возникло независимо от виртуальной реальности, и, следовательно, не может считаться вторичной по отношению к социогенной виртуализации. Поэтому утверждение «виртуализация общества компьютеризирует жизнь» неверно. Скорее справедливо суждение о том, что компьютеризация, точнее – информатизация жизни *способствует* виртуализации общества. Благодаря информационным технологиям стало возможно формирование таких виртуальных «социогенных» институтов, как «электронная коммерция», «электронное правительство», дистанционное обучение, электронные библиотеки и музеи, а также «виртуальные» справочные службы и библиотеки, которые осуществляют (с точки зрения постмодернизма – симулируют) библиотечно-библиографическое обслуживание с помощью дистанционных средств связи.

Как соотносятся виртуализация и информатизация общества? Оказывается, что объемы понятий «информационное общество» и «виртуальная реальность» находятся в *отношении пересечения* и, следовательно, образуются три логические области, в которых (внимание!) обнаруживаются уже известные нам три интерпретации (три типа) информационных обществ, а именно:

А. Информационные сообщества, *не являющиеся виртуальными*, такие, как социально-профессиональные группы информационных специалистов (программисты, веб-дизайнеры и пр.). Сюда относятся также любительские общественные объединения, разделяющие идею глобального информационного общества, например, основанное в 1992 году Интернет-общество (Internet Society), ставящее целью совершенствование, развитие и использование Интернета во благо всех народов мира. Эти «информационные общества» являются структурными элементами не особой «информационной реальности», а реальности социальной, ибо их субстратом служит не информация, а индивидуальные личности.

Б. Социогенные и психогенные виртуальные явления, *не охваченные информационным подходом*, например, все виды искусства, мифы, реклама. Искусствоведы замечают: «для того, чтобы ощутить себя героем, живущим в иной реальности, вовсе не обязательно включать электронное устройство; простое прочтение книги или просмотр кинофильма также может выступить источником переживания и воссоздания

новой субъективной реальности»¹. М. С. Каган разъяснял: «Искусство воссоздает жизнь, конструируя «искусственных человечков», которые сущностно подобны реальным людям и поставлены в определенные жизненные ситуации, в которых они должны так или иначе действовать. Это значит, что искусство ставит своеобразные «эксперименты» над человеком в конкретных предлагаемых обстоятельствах»². Можно сказать, что искусство – абориген виртуальной реальности, создающий фантастический «возможный мир». Именно в этом виртуальном «мире искусства» уготовано место для рекламно-идеологических мифов, рисующих иллюзорные и привлекательные «информационные миры». Если считать, что произведения искусства представляют собой эстетическую информацию, то можно рассматривать мир искусства как один из «возможных» информационных миров и разрабатывать проблемы информационной эстетики и информационного искусствознания. Но подобная методология практикуется редко.

В. Научно-футурологические гипотезы информационного общества представляют (симулируют) вероятные, возможные, но актуально не существующие социальные реалии. Они соответствуют критерию виртуальности, провозглашенному виртуалистикой: порожденность (проще говоря, вторичность), автономность, интерактивность (см. выше). Поэтому можно вслед за Д. В. Ивановым назвать эти интерпретации информационного общества *«симулякром постиндустриальной эпохи»*. Этот вывод подтверждает совпадение отличительных свойств виртуальных реалий (порожденность, автономность, интерактивность) и признаков социальной информации, выражающей духовные смыслы (смыслы духовной реальности) при помощи коммуникабельных социальных знаков. Отсюда следует немаловажное следствие, что информатизация – дорога в виртуальное общество, так же как виртуализация – предпосылка формирования информационного общества. В перспективе просматривается *синкретическое информационно-виртуальное* (виртуально-информационное) общество, то есть информационное общество, существующее не в социальной, а в виртуальной реальности.

Исследователь социально-экономических трансформаций в информационную эпоху М. Кастельс пришел к мысли, что «исторически специфичным в новой коммуникационной системе, организованной

¹ Мелков Ю. А. Виртуальная реальность как феномен культуры // Теоретическая виртуалистика: новые проблемы, подходы и решения / Ин-т философии РАН. – М.: Наука, 2008. – С. 125.

² Каган М. С. О структуре современного антропологического знания // Очерки социальной антропологии. – СПб., 1995. – С. 39.

.....

вокруг электронной интеграции всех видов коммуникации, является не формирование виртуальной реальности, а строительство реальной виртуальности». Он предложил определение реальной виртуальности: «это – система, в которой сама реальность (т. е. материальное / символическое существование людей) полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, мир, в котором внешние отображения находятся не просто на экране, через который передается опыт, но сами становятся опытом»¹. Замечание М. Кастельса побуждает нас вернуться к вопросу о типизации реальностей. Наличие виртуальных миров (психогенных, техногенных, социогенных), симулирующих (имитирующих) аутентичные миры, позволяет поставить вопрос о включении виртуальной реальности в типизацию аутентичных реальностей. Строго говоря, виртуальную реальность точнее именовать *аутентичной ирреальностью*, ибо она существует не в фактической действительности, а в иллюзорной возможности, но не будем отступать от сложившейся терминологии. Я полагаю, что для полноты картины следует в Итоговую онтологическую таблицу (см. раздел 2.2.3), наряду с естественными и искусственными реальностями, включить виртуальную реальность. Синкретические информационно-виртуальные объекты, в том числе научно-футурологические образы информационного общества, именно в виртуальной реальности обретают область своего бытия.

Синкретическое информационно-виртуальное общество особенно интересно для нас, ибо оно позволяет уточнить исходную идею информационного общества, предложенную в разделе 1.3.3. Напомню формулировку исходного суждения:

Информационное общество есть гипотеза о будущем постиндустриальном обществе, основанном на информационных процессах. Учитывая локализацию научно-футурологической интерпретации информационного общества в виртуальной реальности, объектами которой являются симулякры социальных реалий, мы можем предикат «гипотеза» заменить предикатом «симулякр». Тогда получаем следующую «виртуальную» формулировку:

Информационное общество есть симулякр постиндустриального интеллектно развитого социума, удовлетворяющего посредством машинных информационных технологий материальные и духовные потребности личности, социальных групп и государства. Нет уверенности, что это определение является завершенным. Поэтому назовем

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000. – С. 351–352.

его «вторым приближением» к идее информационного общества. Обратим внимание, что в нем присутствуют (подразумеваются) следующие *сущностные* (необходимые) признаки информационного общества:

а) симулятивное представление экономики, социальных структур, политического устройства, культурных процессов, свойственных оригинальным историческим обществам;

б) постиндустриальный высокопроизводительный уровень материального производства (добывающая и обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство, транспорт, строительство, коммунальные услуги и т. д.);

в) высокий интеллектуальный уровень (образованность и творческая креативность населения);

г) высокий уровень развития электронно-цифровой техносферы, основанной на машинной информации;

д) симулятивное удовлетворение материальных и духовных потребностей социума.

За рамками данного определения остались такие важные социальные переменные, как экономический строй (капитализм или его альтернативы), политическое устройство (либерализм, демократия, тоталитаризм), интеллектуальная иерархия (элита, масса, чернь), этические нормативы, национально-культурные традиции и т. д. Эти переменные правомерно считать уже не симулякрами гипотетического информационного общества, а *оригинальными характеристиками* грядущего социума, соответствующими потенциям современной футурологии. Чтобы из виртуальной реальности перейти в социальную реальность, нужно пополнить «виртуальную формулировку» недостающими сущностными признаками и оригинальными социальными реалиями. С этой целью обратимся к концепциям информационного общества, разработанным авторитетными футурологами.

.....

Глава 3.

Концепции информационного общества

Причуды будущего людям не известны,
Но верим мы в оптимистический финал
И в то, что, если симулякры столь прелестны,
Не хуже должен быть и их оригинал.

В XXI веке жаловаться на невнимание к проблемам информационного общества не приходится. Наоборот, возникает проблема ориентации в стремительно растущем потоке книг, статей, интернетовских публикаций, пытающихся разгадать причудливый облик будущего информационного общества и так или иначе симулировать его. Сбивает с толку терминологический разнобой: мелькают наименования «сетевое общество», «киберобщество», «электронное общество», «креативное общество», «цифровое общество», «постсовременность», «эпоха гибкой специализации», даже «общество плати за все» (Винсент Моско, канадский философ). По-разному понимается соотношение между понятиями «информационное общество», «постиндустриальное общество», «постэкономическое общество», «общество знаний», «общество постмодерна». Некоторые авторы, простоты ради, их отождествляют, другие доказывают, что информационное общество — первая стадия постиндустриального общества, третьи называют общество знаний высшей стадией постмодерна, четвертые считают, что Россия когда-нибудь достигнет кондиций информационного общества, пятые им возражают и т. д.

Кто-то полагает, что становление информационного общества означает утверждение цивилизации нового типа, кто-то рассматривает информатизацию как одну из новаций в рамках индустриальной цивилизации, кто-то скептически оценивает идею информационного общества как очередной социальный миф. Споры между теоретиками информационного общества не всегда имеют академический характер, зачастую их стимулируют коммерческие расчеты транснациональных корпораций или политические интересы великих держав. Наблюдательный Фрэнк Уэбстер справедливо заметил: «Читая литературу об информационном обществе, просто диву даешься, сколь велико число авторов, оперирующих

неразработанными определениями предмета, о котором пишут. Они все пишут и пишут об особенностях информационного общества, но при этом их собственные операционные критерии остаются непроясненными»¹.

Массив публикаций (научных статей, монографий, сборников докладов, обзоров и т. д.), так или иначе связанных с информационным обществом, поистине необозрим, и было бы непростительным легкомыслием претендовать на более-менее полный охват соответствующих футурологических произведений. Поневоле придется ограничиться анализом только тех концепций, которые, по моему, разумеется, субъективному мнению, являются авторитетными и типичными интерпретациями грядущего информационного общества, бытующими в мировом научном сообществе. Отечественные подходы к интерпретации информационного общества в постиндустриалистском, синергетическом и постмодернистском контекстах подробно рассмотрены в статье О. Б. Скородумовой².

Надо заметить, что типология существующих интерпретаций информационного общества – особая научно-исследовательская задача, которая уже начинает беспокоить научное сообщество. К примеру, в журнале «Социологические исследования» недавно появилась статья Н. В. Литвака, посвященная классификации концепций информационного общества³. Совершенно справедливо отмечая, что «обществоведы имеют лишь мозаичный набор концепций, отражающих различные подходы, среди которых доминирует технократический», автор предлагает свою «классификацию концептуальных направлений». Классификация Н. В. Литвака состоит из шести классов, которые характеризуются научно-практическими взглядами их создателей, а именно: документалисты, сигнальщики, экономисты, сетевики, социологи, виртуалисты. Достоинство этой метафоричной классификации в том, что она наглядно иллюстрирует мозаичность в области познания информационного общества. В силу мозаичности концепций невозможно их классифицировать, ибо классификация – это не перечень метафор, а форма логической систематизации знания, где таксоны упорядочены в виде иерархической (древовидной) структуры. Предварительный этап классифицирования – типологизация, когда объекты группируются

¹ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 13.

² Скородумова О. Б. Отечественные подходы к интерпретации информационного общества: постиндустриалистская, синергетическая и постмодернистская парадигмы // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2009. № 4 [Электронный ресурс] Режим доступа <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Skorodumova/>

³ Литвак Н. В. К вопросу о классификации концепций информационного общества // Социологические исследования. – 2010. – № 8. – С. 3–12.

.....

на основе выработанной исследователем обобщенной, идеализированной модели. Современный уровень познания информационного общества сводится к конкуренции различных гипотетических моделей, которые можно, хотя бы в первом приближении типизировать, но преждевременно ставить вопрос о классификации соответствующих концепций. Поэтому «классификацию» Н. В. Литвака мы не можем принять за основу.

На мой взгляд, концепции информационного общества делятся на историософские и прогностические. Историософские исходят из глобального взгляда на историю человеческой цивилизации, а прогностические ограничиваются рассмотрением конкретного образа информационного общества. Прогностические, в свою очередь, в зависимости от исходных установок их авторов, подразделяются на технократические, исходящие из принципа технократического детерминизма, и гуманистические, отдающие приоритет гуманистическим идеям. Причем надо учитывать разные понимания гуманизма, по словам П. С. Гуревича, разные «виды гуманизма».

Виртуальная природа грядущего информационного (постиндустриального, постмодернистского или другого) «постобщества» достаточно очевидна, хотя далеко не все футурологи отдают себе в этом отчет. Практически все научно-футурологические концепции соответствуют «виртуальному» определению, данному в конце предыдущей главы, то есть все они строят *симулякры* неведомого будущего информационного общества, которые предлагается принять на веру. Для удобства рассмотрения разделим концепции на три группы: 1) историософские, 2) технократические, 3) гуманистические. Будем надеяться, что знакомство с различными футурологическими сценариями уважаемых специалистов позволит нам получить представление о вероятных экономических, политических, социальных, культурных изменениях, ожидающих нас в будущем.

3.1. ИСТОРИОСОФСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

Историософия (философия истории) – раздел философского знания, связанный с постижением смысла и закономерностей исторического процесса. Предметом историософии является соотношение прошлого, настоящего и будущего. Гипотеза информационного общества как «чаемого грядущего» нуждается в историософском осмыслении. Классическая философия истории опирается на три основополагающих принципа: а) единство судеб человечества, которое выражается понятием «всемирно-исторический процесс»; б) целостность и преемственность исторического процесса во времени; в) ответственность человеческого общества как исторического субъекта. Эти принципы, начиная с эпохи Возрождения

и века Просвещения, служили обоснованием непрерывного социального и культурного *прогресса*, наглядными достижениями которого были урбанизация и книгопечатание, университеты и литература, промышленная революция и информационно-технологическая революция¹.

«Виртуальная» дефиниция информационного общества, представленная в предыдущей главе, хорошо согласуется с историософскими принципами единства всемирно-исторического процесса и преемственности его последовательных этапов. С точки зрения классической историософии выглядит обоснованной и логичной симуляция информационного общества как очередного, постиндустриального этапа (исторической фазы, стадии) эволюции цивилизации или прогресса человечества, характеризующегося высоким уровнем материального производства, интеллектуальности населения и, обязательно – развитием электронно-цифровой техносферы. Эти *сущностные* (необходимые) характеристики присутствуют (или подразумеваются) во всех концепциях информационного общества. Но «виртуальная дефиниция» отвлекается от конкретных экономических, политических, социальных, культурных реалий будущего социума, которые играют определяющую роль в социальной, а не виртуальной среде обитания людей. Именно эти реалии пытались предвосхитить авторы концепций, представленных в настоящей главе. Начнем их рассмотрение с историософских трудов таких признанных теоретиков постиндустриального общества, как Д. Белл, О. Тоффлер, В. Л. Иноземцев.

3.1.1. Грядущее постиндустриальное общество Д. Белла. Даниел Белл (род. 1919), основоположник концепции постиндустриального общества, имеет репутацию одного из крупнейших социологов XX века. Его отличает широчайшая эрудиция (от истории классической древности и теории культуры до истории науки и экономической теории) и взвешенная (центристская) мировоззренческая позиция. Известна его самопрезентация: «я был социалистом в экономике, либералом в политике и консерватором в культуре». Начиная с 60-х годов, главным направлением исследований Д. Белла стала *социальная футурология*, в частности, проблема воздействия научно-технического прогресса на образ жизни и социальную структуру общества. Полученные результаты были изложены в двух книгах, получивших признание в научном мире в качестве выдающихся достижений социологической мысли: «Грядущее постиндустриальное общество»

¹ Заметим попутно, что теоретики современного постмодернизма отрицают наличие в истории какого-либо смысла и ставят под вопрос научный статус историософии вместе с её основополагающими принципами. См.: Панарин А. С. Философия истории // Новая философская энциклопедия. Т. 4. – М.: Мысль, 2010. – С. 212–213.

.....

(1973) и «Культурные противоречия капитализма» (1976). В первой монографии, имеющей подзаголовок «Опыт социального прогнозирования» и изданной в 1999 году на русском языке, содержится интересующая нас концепция постиндустриального общества¹.

Роль исходного постулата в теории Даниела Белла выполняет стройная и логичная *историчесофская триада*: доиндустриальная – индустриальная – постиндустриальная стадии (эпохи) развития человеческой цивилизации. Обосновывая эту триаду, Д. Белл сопоставляет отличительные признаки каждой стадии. Суть доиндустриального общества видится ему во «взаимодействии человека с природой» в форме традиционных, передаваемых из поколения в поколение приемов неквалифицированного труда, обеспечивающих добычу и обработку натуральных продуктов для удовлетворения самых настоятельных потребностей. Индустриальное общество представляет собой «взаимодействие человека с преобразованной природой», когда добыча натуральных продуктов вытесняется искусственным производством востребованных обществом изделий и услуг, которое требует квалифицированных работников и соответствующего энергетического обеспечения. Наконец, обитатели постиндустриального общества практикуют «игры между людьми», где все сферы человеческой деятельности неразрывно связаны друг с другом, основной производительной силой становятся инженеры и ученые, а главным социальным ресурсом – информация и знание.

Если обмен информацией и знаниями, как отмечает Д. Белл, происходит в постиндустриальном обществе «в основном при помощи телекоммуникации и компьютеров», то резонно назвать это общество *информационным*. Сам Белл иногда допускал в своих публикациях отождествление постиндустриального общества с информационным, а классики информационного общества превратили это отождествление в норму. Напомню, что один из них – Ё. Масуда в 1981 году написал книгу «Информационное общество как постиндустриальное общество» (см. параграф 1.2). Собственно говоря, для идеологов информационного общества иного решения быть не может: если информационное общество должно в будущем существовать в качестве особого социального образования, то оно будет хронологически располагаться *после* ныне существующего индустриального общества, то есть обязано быть «постиндустриальным». Другое дело, если отрицается вероятность преобразования современного индустриального общества в качественно иное

---

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 956 с.

постиндустриальное состояние. Тогда информационное общество либо трактуется как особая фаза развития индустриальной цивилизации, либо вообще исключается из рассмотрения. Мы исходим из гипотезы грядущего наступления информационного общества, поэтому, солидаризуясь с Масудой, не будем искать существенных отличий информационного общества от общества постиндустриального.

Обратимся к особенностям постиндустриального (информационного) общества, представленного в теории Д. Белла. На мой взгляд, наиболее важными являются следующие:

- Центральная роль теоретического знания и интеллектуальных технологий, основанных на электронной компьютерной технике, в модернизации производства и внедрении технологических новшеств; отсюда – беспрецедентное влияние *науки* на рост ВВП (валового национального продукта) и социально-культурный прогресс, которое позволяет квалифицировать постиндустриальное общество как *общество знания*; Д. Белл подчеркивает: «Если капитал и труд – главные структурные элементы индустриального социума, то информация и знание – основа общества постиндустриального»¹;

- Преимущественное развитие *сферы услуг* (третичный сектор) по сравнению с первичным сектором (добывающие отрасли и сельское хозяйство) и вторичным сектором (обрабатывающая промышленность и строительство); к сфере услуг относятся торговля, финансы, транспорт, здравоохранение, индустрия развлечений, а также области информационной деятельности – научные исследования, образование, государственное управление; суммарное число работников в различных областях сферы услуг составляет более 50 % общей занятости в народном хозяйстве; появляются новые виды услуг, прежде всего в гуманитарной области (образовании, здравоохранении, социальном обслуживании); Д. Белл специально подчеркивает, что постиндустриальный сектор предоставляет широкие возможности занятости для женщин, которые «впервые получили надежную основу для экономической независимости»;

- Во всех секторах значительно возрастает доля «белых воротничков» – квалифицированных специалистов умственного труда, причем образованные специалисты представляют собой не столько новую социальную группу лиц наемного труда, сколько особый *интеллектуальный слой*, который может рассматриваться как *профессионально-технический класс*; этот класс состоит из четырех сословий: научного, технического,

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – С. CLI.

.....

административного и культурного, которые объединяет общая этика, но взаимопонимания между ними нет;

- Повышающаяся роль образования и науки открывает путь для зарождения *меритократии*, когда человек может занять престижное положение не столько по праву наследования или собственности, как было раньше, а благодаря личным талантам и квалификации; соответственно, должна трансформироваться политическая система, унаследованная от индустриального общества;

- Политическая система постиндустриального общества должна обеспечить рациональное управление социальным организмом, разумное распределение и перераспределение благ и гарантировать максимальную личную свободу всем гражданам; судя по описанию автора, эту систему я бы назвал «*демократической меритократией*»;

- Коренным образом изменяется характер труда: если в индустриальном обществе в процессе производства товаров люди по необходимости становились придатками машин, то в постиндустриальном обществе труд впервые в человеческой истории становится главным образом *межличностной коммуникацией*, свободным общением, приносящим работникам удовлетворение трудовой деятельностью;

- В индустриальном обществе постоянно ощущался дефицит товаров, что обуславливало конкуренцию людей за недостающие блага и порождало социальную напряженность; в постиндустриальном обществе недостатка товаров не будет, но зато будет иметь место недостаток информации и свободного времени для удовлетворения духовных потребностей и совершенствования личности.

Краткая характеристика постиндустриального симулякра, приведенная выше, показывает, что Даниел Белл – автор капитального вклада в современную социологию, который до сих пор не утратил научного значения. В своих книгах Белл выступает в качестве методологически строгого исследователя будущего, а не фантазера-утописта. В отличие от прямолинейно мыслящих коллег, пытающихся как можно точнее предвосхитить реалии виртуального социума, Д. Белл исходит из того, что «понятие постиндустриального общества является аналитической конструкцией, а не картиной специфического или конкретного общества», неким «идеальным типом» (в смысле М. Вебера), отражающим «различные изменения в обществе»¹. Другими словами, вдумчивый теоретик отдает себе отчет *в гипотетической природе* постиндустриального общества

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – С. 655, 661.

и решительно возражает против рассмотрения его в качестве социальной системы, идущей на смену капитализму или социализму. Гипотетическое постиндустриальное общество преемственно связано не с реальными социально-политическими системами, а с «идеальными типами» индустриального и доиндустриального общества, хотя последние – исторические факты, а не научные гипотезы.

Воздерживаясь от конструирования футурологических сценариев, Д. Белл очень внимательно анализирует достижения научно-технического прогресса и сопутствующие ему социально-экономические изменения для того, чтобы выявить в настоящем реальные приметы будущего. Его трудно упрекнуть в технологическом детерминизме, ибо обнаруженные им особенности доиндустриального, индустриального, постиндустриального общества он связывает не с орудиями труда и машинной техникой, а с уровнем познания, квалификацией работников, развитием социального интеллекта. В своей концепции Д. Белл выступает не как агрессивный технократ, а как трезвомыслящий гуманист. Подкупает его научная честность, когда маститый профессор, ставя фундаментально важные и актуальные проблемы, откровенно признается: «на этот вопрос у меня нет ответа». Например, он не сомневается в грядущем переходе существующей в США «частнопредпринимательской рыночной системы» к «нерыночному, политическому принятию решений», но оставляет открытым «щекотливый метафизический вопрос» будет ли такой переход «прогрессивным». В постиндустриальном обществе он предвидит формирование «нерыночной экономики благосостояния», поскольку, в отличие от изделия промышленности, невозможно оценить рыночную стоимость информации и знания. Исходя из того, что знание представляет собой «общественный продукт» и «коллективное благо», которое, даже будучи проданным, остается также у своего производителя, Белл ставит перед экономической наукой нетривиальную задачу разработки «теории стоимости, основанной на знании». Как жаль, что этой теории у нас нет, и мы не умеем оценить гениальную идею в денежном эквиваленте!

Историософская триада Даниела Белла быстро получила признание, хотя наименования стадий варьировались разными авторами по своему вкусу. Пожалуй, в части историософских метафор больше всех преуспел Олвин Тоффлер, уже прославивший свое имя бестселлером «Футурошок» (см. раздел 1.3.2). Обратимся теперь к другим, не менее замечательным произведениям талантливого футуролога-журналиста.

3.1.2. Информационное общество как «третья волна» О. Тоффлера. Солидные по объему и стилистике монографии Г. Кана, Д. Белла и других

.....

футурологов, изданные в 70-е годы, были адресованы академическим кругам и не привлекли внимание широких читательских кругов. Бестселлером стала увлекательно и доступно написанная книга О. Тоффлера «Третья волна» (1980), которая довольно оперативно, хотя и в сокращенном виде, была переведена на русский язык¹. Невозможно было не прислушаться к голосу автора, который утверждал: «В то время, когда повсюду происходят крутые перемены, когда рушатся личные жизни и существующий социальный порядок, а фантастический новый стиль жизни маячит на горизонте, – ставить самые большие вопросы относительно нашего будущего – это не проявление одной лишь интеллектуальной любознательности; это – проблема выживания»². Историософскую триаду О. Тоффлер представил в виде последовательности *трех волн* человеческой цивилизации:

Первая волна – доиндустриальная аграрная цивилизация, эра которой началась около 8 тыс. лет до н. э. и безраздельно господствовала по всей Земле примерно до 1650–1750 гг. н. э.;

Вторая волна – эра индустриальной цивилизации (середина XVII – середина XX вв.) достигла своего пика в США в середине 1950-х годов, когда количество «белых воротничков» и работников сферы обслуживания стало превышать число «синих воротничков»;

Третья волна – супериндустриальная «цивилизация, рождающаяся среди нас», основанная «на самой передовой технологии и постматериалистической системе ценностей» По словам Тоффлера, рождение новой цивилизации – «единственный и обладающий наибольшей взрывчатой силой факт времени, в котором мы живем», ибо «новая цивилизация несет с собой новые семейные отношения; иные способы работать, любить и жить; новую экономику; новые политические конфликты, и сверх этого – измененное сознание». Искусно драматизируя «столкновение волн», автор пишет: «Миллионы людей уже настраивают свою жизнь в соответствии с ритмами завтрашнего дня. Другие люди, боящиеся будущего, бегут в безнадежное, бесполезное прошлое; они пытаются восстановить умирающий мир, в котором появились на свет»³.

О формировании в США агрессивного «супериндустриального общества» Олвин Тоффлер говорил в своем предыдущем бестселлере «Футурошок» (1970), где предлагал наладить «фабрики утопий», чтобы психологически подготовить общество к разрушительному «нашествию будущего». Теперь он отказывается от утопий и антиутопий и выдвигает

¹ Тоффлер Э. Третья волна // США: экономика, политика, идеология. – 1982. – № 7–11; Тоффлер Э. Третья волна. – М.: Изд-во АСТ, 1999. – 784 с.

² Тоффлер Э. Третья волна. – М.: Изд-во АСТ, 1999. – С. 28.

³ Тоффлер Э. Третья волна. – М.: Изд-во АСТ, 1999. – С. 31.

.....
концепцию *практопии* в качестве образа цивилизации третьей волны. По его словам, «практопия — не лучший и не худший из возможных миров, но мир практичный и более благоприятный для человека, чем тот, в котором мы живем. В отличие от большинства утопий она не статична, словно застывшая в нереальном совершенстве, и не воплощает в себе некий воображаемый идеал прошлого. Но практопия — это не воплощение концентрированного зла, что характерно для антиутопии. В ней нет безжалостной антидемократичности, милитаризма, она не обезличивает своих граждан, не нападает на соседей и не разрушает окружающую среду»¹.

Нарисованный О. Тоффлером «практопический симулякр третьей волны» представляет собой, на мой взгляд, «реализацию мечты» американца среднего класса. Вот её отличительные признаки. «Это цивилизация, поощряющая индивидуальное развитие, приветствующая (а не подавляющая) расовое, региональное, религиозное и культурное разнообразие. Цивилизация, в значительной степени организованная вокруг дома. Цивилизация, которая не отдает все свои силы и энергию рынку. Цивилизация, способная направить сильные страсти в искусство.... И наконец, это демократическая и гуманная цивилизация, поддерживающая равновесие с биосферой и не попадающая в опасную экономическую зависимость от остального мира»². Автор убежден, что «сверхборьба» между второй и третьей волнами неизбежно закончится победой последней, на стороне которой «нарастание темпа исторических изменений».

О. Тоффлер называет четыре главных источника могущества третьей волны: компьютерные технологии, космические исследования, освоение ресурсов океана, генная индустрия. Объединение этих источников вместе «высвободит поток инноваций, непохожий ни на что виденное прежде в истории человечества» и создаст «драматически новую техносферу для третьей волны цивилизации». «Сердцем этой цивилизации, — прогнозирует автор, — станут умные, научно обоснованные, крупнопоточные предприятия, действующие под жестким экологическим и социальным контролем, а также «умные» малопоточные предприятия, действующие в меньшем, более «очеловеченном» масштабе. Оба типа предприятий будут базироваться на принципах, совершенно отличных от тех, что управляли техносферой второй волны. Эти два пласта индустрии вместе образуют «командные высоты» завтрашнего дня»³. Можно ли нарисованный Тоффлером симулякр «завтрашнего дня» назвать «информационным обществом»? Несомненно. Ведь не зря пророк третьей волны называет

¹ Тоффлер Э. Третья волна. — М.: Изд-во АСТ, 1999. — С. 569.

² Тоффлер Э. Третья волна. — М.: Изд-во АСТ, 1999. — С. 570.

³ Тоффлер Э. Третья волна. — М.: Изд-во АСТ, 1999. — С. 261.

.....

информацию «популярным и важным бизнесом в мире», толкует о «революции, охватившей сферу информации», об «информационной бомбе», о «третьей волне информации», которая влияет на «нашу работу, наши семьи, церковь, школы, политические институты»¹. Правда, он игнорирует коммерческие аспекты производства и распространения информации, которые следовало бы учесть в его «практопии».

Значительную часть своей книги автор посвятил изменениям в образе жизни населения супериндустриальной цивилизации. Он предвидит *«дестандартизацию и демассовизацию»* производства – выпуск не крупных серий стандартной продукции, а мелких, частично или полностью индивидуализированных серий. Например, швейная машина, оборудованная компьютером и лазерным вводом, учитывающим индивидуальные особенности фигуры, позволит отказаться от стандартных размеров одежды. Демассовизация социальной коммуникации произойдет благодаря увеличению числа радиостанций и телевизионных каналов, распространению кабельного телевидения и видеокассет. Миллионы телезрителей научатся «играть с телевизором», взаимодействовать с ним. Они перестанут быть пассивными зрителями и слушателями; вместо того, чтобы оставаться объектами манипуляции, они сами начнут манипулировать телевизионным приемником. Произойдет распад массовой аудитории и подрыв власти крупных телекомпаний, осуществляющих контроль над общественным сознанием. На каждого человека низвергнется поток фрагментарных образов и представлений, не связанных друг с другом и часто противоречивых. Они предстанут в виде «блипов» – вспышек на экране. В итоге зритель попадет в мир «блип-культуры», или «мозаичной культуры». О. Тоффлер надеется, что компьютеры послужат противовесом против блип-культуры. Компьютеризованные фонды библиотек и архивов обеспечат не только хранение и поиск, но и обработку (отбор, систематизацию, сопоставление) накопленной информации. В результате должен ускориться интеллектуальный прогресс, и общество «стремительно поумнеет».

Приметами супериндустриальной цивилизации Тоффлер называет также *«деконцентрацию»* и *«децентрализацию»*. Деконцентрация заключается в перемещении рабочих мест из контор в личные «электронные коттеджи», т. е. в жилище работника. Работник, имеющий электронные средства производства в виде компьютера и репрографической техники, превращается, по словам футуролога, из наемного рабочего в предпринимателя, предлагающего свои услуги. Смену места работы он может осуществить простым переключением телеканала. Тоффлер полагает, что,

¹ Тоффлер Э. Третья волна. – М.: Изд-во АСТ, 1999. – С. 263.

если бы 10–20 % работников перешли на режим надомничества, то вся экономика города, окружающая среда, семейная структура, даже политика изменились бы до неузнаваемости. Дети смогли бы подключаться к работе родителей, жена и муж были бы постоянно рядом. Трудовая занятость могла бы распределяться по гибкому графику, в удобное для работника время, в том числе в ночные часы. Десинхронизируются прием пищи, время сна и работы, которые сейчас осуществляются большинством населения синхронно (одновременно). Таким путем уменьшатся стрессовые нагрузки, и повысится комфортность труда. Децентрализация проявит себя в устранении громоздких иерархических структур управления, связи, торговли. Их место займут самостоятельные функциональные блоки, которые можно легко объединить во временные комплексы любого назначения и столь же легко разукрупнить. Информационно-коммуникационные технологии позволят избавиться от многоступенчатого рыночного посредничества за счет приближения друг к другу очагов производства и потребления.

В Заключении «Третьей волны» Олвин Тоффлер специально останавливался на проблемах политической жизни в супериндустриальной цивилизации. Являя себя убежденным демократом и продолжателем традиций, заложенных отцами-основателями еще в XVIII веке в Конституцию Соединенных Штатов, он призывает начать построение «новой политической системы, настроенной на нужды цивилизации третьей волны». Каким образом? Футуролог-революционер советует: «дать волю потоку свежих идей» и с этой целью «использовать самые передовые из доступных нам инструментов – от спутников и компьютеров до видеодисков и интерактивного телевидения». Таким образом, революция в области информационно-компьютерных технологий становится инструментом для политических преобразований в духе информационного общества и должна обеспечить мирный переход к Демократии Двадцать Первого Века. Он заканчивает свою книгу призывом: «Если мы начнем сейчас, мы и наши дети сможем принять участие в волнующей перестройке не только наших устаревших политических структур, но и самой цивилизации. Как поколению первых революционеров, нам досталась судьба творить»¹.

Поскольку О. Тоффлер не имел возможности углубляться в проблематику управления обществом, он посвятил им свою очередную монографию – «Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI века» (1990)². Объявив источниками власти физическую силу, деньги,

¹ Тоффлер Э. Третья волна. – М.: Изд-во АСТ, 1999. – С. 654–697.

² Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI века. – М.: АСТ, 2009. – 669 с. В ходу также другой вариант перевода заглавия на русский язык – «Сдвиг власти».

информацию, автор предложил следующую периодизацию истории: в доиндустриальную эпоху доминирует физическая сила; в индустриальную эпоху – денежный капитал; в постиндустриальную эпоху – знание, которое производит «мощь высшего качества». Основное внимание в книге сосредоточено на решительном изменении отношения знание – власть в эпоху «третьей волны» и трансформациях, происходящих в бизнесе, экономике, политике и мире вообще. Большое внимание уделяется информационным войнам между корпорациями и между политическими силами в локальном и в глобальном масштабе. Автор приходит к выводу, что конфликт – неизбежное социальное явление. Социальный симулякр, рисуемый Тоффлером, – суровый мир, полный борьбы и тревоги. Эта книга завершает трилогию, начатую в 1970 году «Футурошоком» и продолженную «Третьей волной» (1980). Все книги трилогии неизменно пользовались успехом интеллектуальной публики. Но и критика не обходила их своим вниманием.

Легко понять, что «практопия» О. Тоффлера – это симулякр благополучия не всего населения нашей планеты, а только того «золотого миллиарда», который проживает в экономически развитых странах, в первую очередь в США. Для остальных 80 % жителей Земли интеллектуальное предпринимательство в собственном «электронном коттедже» – недостижимая фантастическая утопия. Поэтому масштаб исследований будущего в трилогии О. Тоффлера глобальным признать нельзя. Строгие критики обвиняют автора в прекраснодушном прожектерстве, поскольку, обещая гражданам супериндустриальной цивилизации творческий труд в электронном коттедже, решение моральных и экологических проблем, чрезвычайное повышение роли науки, он мало задумывается о путях реализации этих обещаний, вследствие чего «в трактате Тоффлера нет ни истории, ни социологии, а только оптимизм»¹.

Однако эти упреки нельзя адресовать многолетнему итоговому исследованию четы Тоффлеров, изданному в 2006 году². Здесь нашли отражение актуальные сюжеты футурологии XX столетия – динамика богатства и бедности в мире, глобализация и научно-технический прогресс, нанотехнологии и биотехнологии, взрыв потребления и будущее капитализма, конкуренция Китая и США и многие другие угрозы и надежды будущего. Эпилог книги авторы завершают гуманистическим пророчеством: «Революционное богатство Третьей волны все больше зависит от знания, и экономика оказывается поставлена на место – как часть более всеобъемлющей

¹ Землянова Л. М. Современная американская коммуникативистика. – М., 1995. – С. 230.

² Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. Как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь. – М.: АСТ, 2008. – 569 с.

системы, которая, к добру или к худу, выдвигает снова на передний план культурную идентичность, религию и мораль. У революции Третьей волны технологический фасад, поскольку она порождает поистине невероятные технологии. Но она также означает всеобъемлющую смену цивилизации. Поистине мы живем в захватывающее время! Добро пожаловать в XXI век!» (С. 558–559).

3.1.3. Постэкономическая концепция В.Л. Иноземцева представляет собой талантливо и компетентно выполненную интерпретацию исторической триады в футурологии наших дней. **Владислав Леонидович Иноземцев** (род. 1968) – российский экономист и социолог, научный руководитель Центра исследований постиндустриального общества, наиболее активный, оригинальный и продуктивный отечественный исследователь будущего¹. По достоинству оценив своих предшественников-классиков Д. Белла и О. Тоффлера, молодой российский ученый выдвинул собственную концепцию эволюции цивилизационного процесса. Он пришел к заключению, что технологический прогресс невозможен без развития самого человека, так же как становление творческой личности невозможно без высокого уровня материального благосостояния. В.Л. Иноземцев утверждает, что история цивилизации подразделяется на три огромные эпохи:

доэкономическую, когда основным занятием людей была предтрудовая активность, позволяющая противостоять природе в борьбе за выживание;

экономическую, основанную на труде как осмысленной деятельности по созданию комфортной и безопасной среды обитания; расцвет и начало кризиса экономической эпохи связаны с формированием мощного индустриального сектора материального производства в XX веке;

постэкономическую, соответствующую современности, когда все более весомая часть валового продукта создается благодаря творческой деятельности интеллектно развитых людей. Творчество особенно ярко проявляет себя в *информационном* секторе хозяйства. Здесь главным производственным ресурсом становится информация, требующая иных, чем прежде, способов организации людей, работающих с нею, иных общественных отношений, иных качеств личности, производящей и потребляющей информацию. Поскольку информация является основой постэкономического общества, правомерно считать последнее *информационным обществом*.

¹ В 2010 г. список публикаций В.Л. Иноземцева насчитывал более 600 книг и научных статей, изданных в России и за рубежом. Наиболее значительные из них: К теории постэкономической общественной формации. – М.: Таурус, Век, 1995. 336 с.; Очерки истории экономической общественной формации. – М.: Таурус, Век, 1996. 400 с.; За пределами экономического общества. – М.: Academia – Наука, 1998. 614 с.; Расколота цивилизация. – М.: Academia – Наука, 1999. 740 с.

В. Л. Иноземцев убежден, что сегодня мировая цивилизация находится на пороге перемен, которые «вполне могут оказаться более глобальными и судьбоносными, чем все, ранее пережитое человечеством». Главное различие он видит в том, что основным источником прогресса выступает не взаимодействие человека и природы, а *внутреннее развитие личности, её самосовершенствование*. Субъектом прогресса становится не социум (общность людей, спаянных экономическими интересами), а совокупность свободных личностей, руководствующихся не утилитарными мотивами, а нематериальными гуманистическими потребностями, ценностными ориентациями и моральными установками.

Для достижения гипотетической постэкономической стадии необходимо осуществить *постэкономическую революцию*, которая, по мнению В. Л. Иноземцева, должна заключаться в следующих кардинальных преобразованиях:

- а) преодоление товарного производства и устранение рыночных механизмов как основных регуляторов общественного хозяйства;
- б) ликвидация частной собственности, которая обуславливает отчуждение работника от средств производства; нужно, чтобы эти средства рассматривались производителями как личная собственность;
- в) исключение эксплуатации, поскольку бескорыстное творческое самовыражение не может быть объектом экономической эксплуатации.

В результате подобной «революции» капиталистическое экономическое общество преобразуется в постэкономическое и посткапиталистическое общество, которое можно рассматривать в качестве одной из гуманистических гипотез информационного общества. Подтверждению этой гипотезы В. Л. Иноземцев посвящает свои солидные публикации, используя обширный научный и статистический материал, относящийся к социально-экономическим процессам, происходящим в США и Западной Европе. У нас нет возможности их анализировать, но нельзя не остановиться на прогнозируемых автором особенно колоритных изменениях в будущих информационных обществах и симулякрах постэкономического мирового сообщества.

1. Герой постэкономического общества — это личность, обеспечивающая осуществление постэкономической революции, которую Иноземцев именует также «революцией интеллектуалов». Отличительные особенности постэкономических интеллектуалов заключаются в следующих личностных качествах:

Во-первых, высокая *интеллектность* (от слова «интеллект»), то есть добротное образование и развитые творческие способности. Потребность в интеллектности объясняется тем, что основным содержанием

Во-вторых, для героя постэкономической формации существенно важны и приоритетны не материальное богатство и социальная карьера, а потребность в *самоактуализации* (А. Маслоу), стремление «соответствовать своей внутренней природе». Материальные ценностные ориентации, типичные для индустриального общества, вытесняются «постматериалистической», – точнее, постэкономической мотивацией. Другими словами, материальные стимулы и интересы вытесняются желанием саморазвития и самосовершенствования.

Творчество становится экономическим феноменом при выполнении условий: материальные потребности общества удовлетворяются за счет сравнительно небольшой части рабочего времени; наука и знания становятся непосредственной производительной силой, а образованность и духовное творчество признаются общественными ценностями. Эти условия обеспечиваются благодаря «революционной» деятельности постэкономических интеллектуалов. В ходе постэкономической революции происходит интеллектуальный раскол вновь возникающего общества.

Высшая страта, представители которой происходят, как правило, из образованных и обеспеченных семей, отличаются высоким уровнем образованности, служат носителями постматериальных ценностей, заняты в высокотехнологичных отраслях хозяйства, имеют в собственности или свободно распоряжаются необходимыми им условиями производства и при этом являются руководителями промышленных или сервисных

.....

компаний, либо занимают высокие посты в корпоративной или государственной иерархии.

Низшую страту образуют выходцы из среды рабочего класса или неквалифицированных иммигрантов, которые не отличаются высокой образованностью и не рассматривают образование в качестве значимой ценности. Они подвижны, главным образом, материальными нуждами, заняты в массовом производстве или примитивных отраслях сферы услуг, зачастую бывают временно или постоянно безработными.

Между полярными стратами располагается масса людей, образующих промежуточный *«средний класс»*.

Доминирующее положение высшей страты обусловлено тем, что его представители контролируют ресурс, который становится важнейшим фактором современного производства – информацию и знание. Раскол постэкономического общества подкрепляется имущественным неравенством и неравенством в распределении национального богатства. Так, с 1973 по 1990 гг. ВВП США вырос почти на 55 %, но реальная заработная плата рабочих увеличилась чуть более 10 %, в то время как прибыль коммерческих компаний подскочила в 2,5 раза. Похожие данные наблюдаются и в других развитых странах. Таким путем создается почва для острого социального конфликта.

3. Антагонистическое противоречие постэкономического (информационного) общества. В симулякре постэкономического общества, разработанной В. Л. Иноземцевым, антагонизм между социальными стратами существенно отличается от классовых противоречий, типичных для известных истории экономических обществ, страдающих пороками частной собственности, товарного обмена и эксплуатации человека человеком. Отличия состоят в следующем:

а) социальный конфликт разворачивается не вокруг собственности на средства производства, как в индустриальном обществе, а вследствие неравномерного распределения человеческих сил и способностей, то есть имеет не экономические, а социально-психологические причины;

б) господствующая высшая страта руководствуется нематериальными мотивами, стремясь к саморегуляции, а не обогащению; трудящаяся низшая страта по-прежнему продает свой труд ради получения материального вознаграждения; но поскольку умственное творчество ценится гораздо выше, чем физическое исполнительство, то высшая страта получает от своей деятельности материальные блага, к которым не стремится, а представители низшей страты, несмотря на все старания, не могут обрести желаемое благополучие.

в) если в экономическую эпоху низшая страта обязательно участвовала в индустриальном производстве, то в постэкономическом обществе высшая страта способна самостоятельно производить конечный продукт (информацию и знание) с минимальным участием рабочих масс; исполнительский труд, являющийся уделом низшей страты, обесценивается, и поэтому претензии низшей страты на свою долю в распределении национального богатства, которые ранее казались обоснованными, теперь выглядят сомнительными.

В. Л. Иноземцев приходит к заключению, что в недрах постэкономической формации изначально заложено антагонистическое противоречие, которое представляется гораздо более фундаментальным, чем противостояние пролетариата и буржуазии. Дело в том, что способности, обеспечивающие процветание представителей высшей страты, не могут быть не отчуждены, ни перераспределены. Дополнительный драматизм ситуации придает то, что рабочие не имеют шансов присоединиться к высшей страте, потому что интеллектность и образованность достигаются с детского возраста и определяются средой воспитания и генетической наследственностью индивида. Поэтому низшая страта обречена на материальное обнищание и духовную деградацию, а высшая страта постепенно превращается в замкнутую касту, отторгающую пришельцев и воспроизводящую сама себя. Постэкономический социальный конфликт нельзя разрешить демократическим путем, потому что интеллект и творческие способности не даны людям в равной мере, а являются «редким производственным фактором», пользующимся большим спросом при ограниченном предложении. В лучшем случае постэкономическое политическое устройство может быть «пародией на демократию». Сама собой напрашивается модель меритократии, где «меритократы» (лучшие люди) производятся исключительно высшей стратой.

Обобщая сказанное, симулякр постэкономического общества, нарисованный В. Л. Иноземцевым, можно представить так. Главными, противостоящими друг другу структурными составляющими являются: новая страта, воспринявшая в качестве основных постматериальные ценности (свободное творчество – основополагающая ценность) и старая, материалистически ориентированная страта, оставшаяся в наследство от экономического общества. Новая постматериалистическая страта является господствующей, так как устанавливает монополию на основной хозяйственный ресурс, которым являются информация и знания. Принадлежность к господствующей страте обуславливается не наследуемым социальным происхождением или материальным капиталом, а владением

.....

интеллектуальным капиталом — образованностью и творческими способностями. Интеллектуальный капитал — неотчуждаемая собственность воспитанников высшей страты, он недоступен духовно убогой низшей страте, стремящейся к материально-вещественным товарам, услугам, денежному капиталу, к движимой или недвижимой собственности. Отсюда — непримиримость антагонистического конфликта между стратами, которая отсутствует в экономическом обществе, где все классы в равной мере стремятся к материальному обогащению и сражаются ради него¹.

4. Новый мировой порядок в наступившем столетии обусловлен тем обстоятельством, что в последней трети XX века разработка новых информационных технологий оказалась сконцентрированной в постиндустриальных странах. Тем самым они обеспечили себе доминирование в информационном секторе, где фактически невозможна конкурентная борьба с использованием основного козыря индустриальных государств — дешевой рабочей силы. На рубеже тысячелетий США и Европейский Союз стали поставщиками во все остальные регионы Земли информационно-коммуникационных технологий, которые не могут быть произведены где-либо еще. Постэкономические страны завоевали особое привилегированное положение в мировой экономике, и им гарантировано процветание, ибо информация и знание становятся основным производственным ресурсом, а природные ресурсы и продукты массового производства обесцениваются. Поэтому беднеющие индустриальные страны оказываются в оппозиции к богатеющим информатизированным государствам, и возникает международное противоречие, которое имеет те же корни, что и социальное внутригосударственное противостояние. Следовательно, в планетарном масштабе воспроизводится раскол между слоем интеллектуалов и неинтеллектуальным слоем.

В отстающих странах растет неприязнь к лидерам постэкономизма, и развиваются националистические настроения. Чтобы сгладить этот опасный раскол, развитые страны вынуждены предпринимать экономические интервенции или военные акции. Приходит осознание взаимозависимости и взаимообусловленности всех членов мирового сообщества, населяющих нашу планету. Это осознание выражается в двух концепциях: гуманистической концепции устойчивого развития и технократической концепции экономической и политической глобализации.

---

¹ Аналогичная социально-экономическая система, обусловленная господством слоя технократов в постиндустриальном обществе, подробно анализируется в книге: Афанасьев С. Л. Будущее общество. — М.: Изд. — во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2000. — 568 с.

Встревоженный В. Л. Иноземцев приходит к выводу о нестабильности мирового порядка в начале XXI века. Он отмечает «беспрецедентное нарастание всех известных форм неравенства», которое проявляется в имущественном расслоении населения развитых стран, формировании интеллектуальной страты, монополизировавшей главную часть общественного богатства, резкое возрастание зависимости развивающихся стран от великих держав, феноменальный разрыв между постиндустриальным миром и остальными странами в области технологии. Все эти явления он понимает как рождение «нового мирового порядка», соответствующего обществу, «важнейшим производственным, социальным и даже политическим ресурсом которого являются информация и знания».

5. Невозможность модернизации России. Теоретик постэкономизма В. Л. Иноземцев скептически оценивает официальные концепции информатизации России¹. Он полагает, что в нынешних условиях «модернизационный потенциал России крайне ограничен». Это объясняется апатией и недоверием населения к власти и непрофессионализмом (бездарностью) властей. Иноземцев отмечает: 90-е и 2000-е годы усугубили провинциализм отечественной науки и обесценили высшее образование. Власть делает акцент на политически выгодное ей отупление молодого поколения, а не на повышение его образовательного уровня. За «деструктивные» 90-е страна деиндустриализировалась, утратила значительную часть промышленности и интеллектуального капитала, произошел гигантский отток финансовых средств за рубеж, который сопровождался «утечкой мозгов» и нравственной деградацией населения. В итоге исследователь приходит к выводу о невозможности модернизации, а следовательно, и информатизации России в обозримом будущем.

3.2. ТЕХНОКРАТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Отличительная особенность технократических концепций заключается в том, что они в соответствии с принципом технологического детерминизма исходят из определяющей роли интеллектуальной информационной техники в обществе будущего. Эти концепции опираются на богатые традиции европейской философии и футурологии, которые частично представлены в главе 1. Напомню идеи некоторых из основоположников этих традиций.

¹ Иноземцев В. Л. О невозможности модернизации России // Российская модернизация: размышляя о самобытности / под ред. Э. А. Паина, О. Д. Волкогоновой. – М.: Три квадрата, 2008. – С. 145–155.

Прежде других нужно вспомнить родоначальника материализма Нового времени **Фрэнсиса Бэкона** (1561–1626), о котором говорилось в разделе 1.3.2. Его утопический трактат «Новая Атлантида» (1627) – апология научному рационализму. Источником благосостояния Новой Атлантиды является научно-техническое знание, добываемое талантливейшими учеными и инженерами, обитателями «Дома Соломона» – прообраза современной Академии наук. «Дом Соломона» мыслился как верховная инстанция, управляющая всей хозяйственной и политической жизнью страны. Технократический замысел утопии Ф. Бэкона очевиден.

Идеологом морально ориентированного («все люди – братья») технократизма можно считать **Клода Анри Сен-Симона** (1760–1825), известного представителя утопического социализма. Целью общества, по его мнению, должен быть экономический прогресс, достигаемый благодаря использованию научно-технических знаний. Основой экономического прогресса Сен-Симон считал индустриальное производство, обеспечивающее создание возможно большего количества благ для трудящегося и производящего класса. Духовная власть должна принадлежать исключительно людям науки, воспитывающим подрастающее поколение в соответствии с принципом «каждый человек должен трудиться».

Символично, что основоположник философии позитивизма **Огюст Конт** (1798–1857) был учеником просветителя-утописта Сен-Симона. Однако, в отличие от своего учителя, Конт отрицал познавательную ценность умозрительного знания, презрительно именуя философию «метафизикой», и утверждал, что только «позитивные», то есть естественные науки, практикующие опытно-чувственное познание, способны разрешить проблемы, стоящие перед человечеством. Известен *закон интеллектуальной эволюции*, выдвинутый Контом. Согласно этому закону, человеческий интеллект, «как индивидуальный, так и родовой», должен пройти последовательно три стадии: теологическую, или фиктивную; метафизическую, или абстрактную; положительную, или реальную. На последней стадии «постепенно освобождающийся ум» приходит к «состоянию рациональной положительности». Основное правило этого состояния – безусловное подчинение воображения наблюдению, отказ от поиска абстрактных сущностей в пользу изучения реальных явлений и причинно-следственных связей между ними. Таким путем позитивное познание способно предвидеть ход событий, чтобы разумно управлять ими¹.

Рационалистическое позитивистское мировоззрение распространялось не только на методологию научного познания, но и на область морали.

¹ Конт О. Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении). – Ростов н/Д: Феникс, 2003. – 256 с.

О. Конт призывал «сделать мораль независимой от теологии и метафизики», установить «духовное господство положительной философии» и «устранить роковое противоречие между интеллектуальными и нравственными потребностями». Любопытно, что именно рационалист Конт ввел в научный оборот термин *альтруизм*, сформулировав принцип «жить для других». Он обосновывал этот принцип тем, что для разумного человека «деятельное искание общественного блага представляет способ, наиболее пригодный и обычный для обеспечения частного благополучия» и при этом «более полное проявление великодушных наклонностей станет главным источником личного счастья» (с. 186). Кстати, немецкий философ Н. Гартман (1882–1950), разрабатывавший теорию неизменных этических ценностей, заметил, что философию Конта следовало бы называть не позитивизмом, а *негативизмом*, ибо её сущностью является отрицание всех методов человеческого познания, кроме естественнонаучных. Аргументом в пользу предложения Гартмана может служить тот факт, что позитивизм сделался научной базой русского *нигилизма*, того же негативизма.

Научно-технический прогресс второй половины XIX века, прежде всего – труды Ч. Дарвина, способствовали распространению позитивистского культа научного знания не только в западноевропейских странах, но и в России. Позитивистские взгляды были близки Д. И. Писареву, Н. Г. Чернышевскому, П. Л. Лаврову, Н. К. Михайловскому, многим русским ученым и широким кругам интеллигенции¹. В конце XIX века материалистически, точнее – механистически ориентированный позитивизм оказался в кризисе из-за неспособности объяснить природу рентгеновских лучей и других излучений, а также непригодности для понимания психических явлений и этических ценностей (невозможность вывести «должное» из «сущего»). Приобрели популярность субъективно-идеалистические взгляды, представленные *эмпириокритицизмом* (*махизмом*), провозгласившим «материя исчезла, остались одни уравнения», и *интуитивизмом*, считающим источником человеческого творчества не разум, а иррациональную интуицию, которая как божественный дар дана лишь избранным (А. Бергсон).

В XX веке западные интеллектуалы отказались от позитивистского мышления в пользу мышления технократического. *Технократическое мышление*, по мнению авторитетных отечественных психологов, – это «мировоззрение, существенными чертами которого является примат средства над целью, цели над смыслом и общечеловеческими интересами,

¹ Влияние позитивизма на отечественную общественно-философскую мысль многосторонне рассмотрено в сборнике статей: Огюст Конт: взгляд из России. – М.: Изд-во Российской академии государственной службы при Президенте РФ, 2000. – 368 с.

.....

техники (в том числе и психотехники) над человеком и его ценностями. Технократическое мышление — это Рассудок, которому чужды Разум и Мудрость»¹. Опасность технократизма видится в том, что он означает деградацию гуманности и рост бездуховности в сознании интеллектуального общества. Х. Ортега-и-Гассет (1883–1955) сокрушался: «Интеллект интеллектуала ограничен, абстрактен, беден сильными чувствами. Он не знает великих дел, наслаждений, страстей, да его специализированный „физический разум“ и не пригоден для всей полноты жизни. Европейская культура становится все менее жизненной; утилитаризм и фарисейский морализм прикрывают духовную нищету варвара, готового сокрушить безразличную ему культуру»². Сказано, возможно, не без эмоциональных преувеличений, но нельзя не прислушаться к словам великого испанского мыслителя. Тем более что в современной России возрастает количество рационалистов западной школы с технократическим менталитетом.

Предпринятый исторический экскурс имел целью обозначить генетическую преемственность технократических концепций информационного общества с общими традициями европейского технократизма. Конечно, Сен-Симон, Огюст Конт, их последователи не обращались к категории информации и никогда не рассуждали о грядущей «информационной эпохе». Теперь ситуация изменилась. Нынешние технократы-позитивисты посвящают «информационной цивилизации» и «информационному обществу» свои книги и статьи, и мы не можем не обратить внимания на их творчество.

Нет необходимости дифференцировать технократические концепции информационного общества, ибо все они выглядят, так сказать, «на одно лицо» и заняты перечислением и предвосхищением технических средств, обогащающих грядущее информационное общество. Например, формирование информационного общества связывается с образованием «информационного пространства», которое «определяется следующими основными компонентами: информационными ресурсами, информационно-телекоммуникационной инфраструктурой, системой массовой информации, рынком информационных технологий, средств связи, информатизации и телекоммуникаций, информационных продуктов и услуг, сопряженностью с мировыми открытыми сетями, системой информационного законодательства»³.

¹ Зинченко В. П., Моргунов Е. Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. — М., 1994. — С. 211.

² Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. — М., 1997. — С. 31.

³ Информационное общество: Информационные войны. Информационное управление. Информационная безопасность / под ред. М. А. Вуса. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 5.

Другие авторы перечисляют фактически те же характеристики информационного общества, но в ином терминологическом оформлении: «наличие информационной инфраструктуры, состоящей из трансграничных информационно-коммуникационных сетей и распределенных в них информационных ресурсов как запасов знаний; массовое применение компьютеров, подключенных к трансграничным информационно-телекоммуникационным сетям; подготовленность членов общества к работе на персональных компьютерах; новые формы и виды деятельности, включая куплю-продажу товаров и услуг, связь и коммуникации, отдых и развлечения, медицинские услуги и т. д.; возможность каждому члену общества практически мгновенно получить полную, точную и достоверную информацию; возможность коммуникации каждого члена общества с каждым (электронная почта, „чаты“); трансформация деятельности средств массовой информации, создание единой среды распространения массовой информации — мультимедиа; нивелирование географических и геополитических границ между государствами, становление нового информационного права и законодательства, обусловленного взаимодействием членов мирового сообщества в трансграничных информационно-телекоммуникационных сетях»¹.

Достоинство приведенных описаний информационного общества в том, что они дают представление о постиндустриальной техносфере, находящейся в распоряжении данного общества. Но эти симулякры нельзя признать сущностным определением информационного общества, потому что они нестабильны и обусловлены арсеналом технических средств, известных их авторам. Технический арсенал постоянно изменяется: устаревшие поколения техники вытесняются новыми поколениями гораздо быстрее, чем сменяются поколения отцов и детей в человеческом обществе. На очереди внедрение нанотехнологий, которые обещают заменить информационно-коммуникационные технологии наших дней, включая Интернет 2.0 и последующие версии. С технократической точки зрения, замена информационной техносферы наносферой будет означать смену информационного общества более продвинутым обществом, подобно тому, как кроманьонцы вытеснили неандертальцев, хотя преимущество в физической силе было на стороне последних. Однако при этом сущность информационного общества, как и сущность общества, останутся нераскрытыми, потому что сущность — это «внутреннее содержание предмета, выражающееся в устойчивом единстве всех многообразных и противоречивых форм его бытия»².

¹ Копылов В. А. Информационное право: учебник. — М.: Юристъ, 2005. С. 21–22.

² Новая философская энциклопедия: в 4-х тт. М.: Мысль, 2010. Т. 3. С. 682.

.....

Познавательная ограниченность технократических концепций информационного общества заключается в позитивистской установке на внешнюю прагматическую эффективность, а не на скрытые внутренние взаимосвязи, то есть в ориентации на явление, а не на сущность. Типичным образцом отечественного «информационного технократизма» может служить концепция Рифата Фаизовича Абдеева, представленная ниже.

3.2.1. Концепция информационной цивилизации Р. Б. Абдеева изложена в монографии «Философия информационной цивилизации»¹. Автор посвятил свою книгу «духовному возрождению России» и раскрыл её замысел в подзаголовке «диалектика прогрессивной линии развития как гуманная общечеловеческая философия для XXI века». Нельзя не восхититься столь возвышенным стремлением дум «специалиста-кибернетика в духе воинствующего материалиста» (собственные слова автора, стр. 22). Поскольку «сегодняшнее [речь идет о 1994 г. А. С.] состояние нашей философской науки можно охарактеризовать одним словом – стагнация», что «является следствием длительной антиинтеллектуальной атмосферы, воцарившейся в обществе в послеленинский период», автор призывает философов «разбудиться», «вплести должным образом в ткань материалистической диалектики кибернетику и синергетику», признать информацию философской категорией, ибо «информация и энтропия сегодня стали основополагающими понятиями теории самоорганизации и теории развития» (с. 8–9). «Если мы хотим войти в число цивилизованных стран, – продолжает Р. Ф. Абдеев, – в первую очередь необходимо понимание значения информации, информационных технологий и новых знаний для ускорения прогресса» (с. 10–11). Философствующий кибернетик убежден, что «знание апорий Зенона, изучение «Критики чистого разума» Канта, «Науки логики» Гегеля или даже трудов Н. А. Бердяева еще не выводят нас на современный уровень мышления, равно как и возврат к религии, восстановление церквей не способствует постижению информационных технологий» (с. 11).

Позитивистская позиция автора «Философии информационной цивилизации» налицо: он хочет «духовно возродить Россию» и «войти в число цивилизованных стран» с помощью одних только информационных технологий, кибернетики и синергетики, отбросив за ненадобностью Канта, Гегеля и даже Бердяева. Сам Р. Ф. Абдеев, разумеется, позитивистом себя не считает. Он решительно отменяет измышления зарубежных неопозитивистов и иррационалистов, отрицающих научный статус философии, и категорически утверждает, что «по мере научно-технического прогресса

¹ Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. – М.: Владос, 1994. – 336 с.

Системно-кибернетический подход в книге Р. Ф. Абдеева обнаружить можно, а вот ожидания найти в солидном труде, названном «Философия информационной цивилизации», философскую интерпретацию понятия «информационная цивилизация» не оправдались. Р. Ф. Абдеев оказался не «воинствующим материалистом», а верным последователем атрибутивной концепции, с 60-х годов утверждающей, что «информация является атрибутом всей материи», что существуют три вида информации – физическая, биологическая, социальная, которые образуют информационную картину мира (см. стр. 149–193). Подобно большинству атрибутивистов, он подчеркивает, что информация, наряду с энергией, пространством, временем есть категория философская. Никаких «новых результатов» здесь нет. К сожалению, роль философа информационной цивилизации оказалась технократу-кибернетику не по плечу.

Мне не удалось обнаружить даже завершенной дефиниции базовой категории «информационная цивилизация». В самом начале своего труда автор восклицал: «Именно информация, управление и организация, как могучие локомотивы прогресса, умчали развитые страны в новую цивилизацию. Этот период начался в 60-х и завершился (для этих стран) к середине 80-х годов, совпав по времени с годами „застоя“ у нас. Теперь мы оказались уже в глубоком социально-экономическом тупике» (с. 7–8). В другом месте автор уточнил свою позицию: «уже нет того «звериного капитализма с беспощадной эксплуатацией, относительным и абсолютным обнищанием пролетариев, а есть цивилизованное правовое либеральное меновое общество, добивающееся благополучия для всех работающих и рвущихся к вершинам научно-технического и социального прогресса»

.....

(с. 221). Короче говоря, можно понять, что «информационная цивилизация» отождествляется с современным западным капитализмом, до уровня «информационной цивилизованности» которого советскому социализму с догматичной идеологией и плановой системой хозяйствования очень далеко. В этом выводе проявились либерально-демократические убеждения бывшего главного конструктора информационных моделей космических летательных аппаратов, но никак не философское обобщение.

Будучи патриотом России, Р. Ф. Абдеев предупреждает: «Страны, не вступившие своевременно на путь информатизации, обречены не только на экономическое, технологическое и политическое, но и на культурное отставание, причем это отставание, начиная с некоторого момента, может стать исторически необратимым». Чтобы избежать этой печальной перспективы, он призывает: «Энергично осваивать и внедрять в общественное производство технические средства кибернетики и информационные технологии; наладить оперативное использование обратных связей на всех уровнях управления; принять законодательные гарантии свободного доступа к любой жизненно необходимой информации; принять все меры для ускоренного развития рыночной экономики и демократического общественного строя» (с. 99–100). Это типичные рассуждения отечественного технократа «информационного профиля».

Оценивая концепцию Р. Ф. Абдеева в целом, нужно признать, что она примечательна в трех отношениях: во-первых, она является носителем духа либерально-демократических настроений 90-х годов, памятником исканий, отрицаний и иллюзий постсоветского времени; во-вторых, она служит свидетельством позитивистского снобизма, третирующего гуманитарное знание как собрание суеверий и заблуждений и вместе с тем претендующего на научно-философские открытия; в-третьих, заявленная в заглавии идея «информационной цивилизации» по сути дела не раскрыта и не обоснована, она представляет собой мифологический симулякр «информационного общества», получивший распространение в наши дни. Оптимистические утопии, как известно, уравниваются пессимистическими антиутопиями, часто содержащими зерна истины. Приведу примеры социально-информационных концепций такого рода.

3.2.2 Незатейливые утопии и затейливые антиутопии. Технократы-утописты мыслят прямолинейно и незатейливо. Они настойчиво и красноречиво внушают правительствам и массовым аудиториям, что информационная цивилизация — вершина могущества и счастья человечества. Типичным утопическим симулякром такого рода являются рассуждения **Бориса Борисовича Славина**, председателя правления Российского Союза

«Вытеснение рутинного труда за счет автоматизации и технологические достижения в части глобализации доступа к накопленной информации создают основу формирования будущего информационного общества, в котором будет возможно оперативно получать информацию обо всем, что происходит или происходило с любым человеком или сообществом в любой точке планеты. Причем такая информация будет доступна без ограничения каждому жителю планеты.... *Информационное общество*, – подчеркивает автор – это такая самоорганизация людей, в которой рутинная нетворческая деятельность автоматизирована, а вся информация, накопленная человечеством, доступна каждому»². В качестве «лозунга просвещенной части человечества», «лозунга движения к информационному обществу» председатель правления Российского Союза IT-директоров призывает принять «свободу распространения информации, равенство в доступе к информации, братство в общении». Отвергая подозрение в утопичности подобного информационного общества, автор ссылается на то, что «принципы его организации имеют исторические корни – общество первобытных людей было устроено аналогично: никто не утаивал информацию, не делил людей на хороших и плохих, бедных и богатых».

Появление эксплуататорских обществ, когда «человек потерял свободу перед другим человеком», Б. Б. Славин объясняет тем, что было утрачено «право на полный доступ к информации». Оказывается, что «смена общественных формаций и технологический прогресс – это результат

¹ Российский Союз IT-директоров был создан в целях поддержки и развития сообществ и объединений IT-специалистов, а также инновационных и перспективных разработок и внедрений в области ИКТ. Союз многое делает в рамках развития системы IT стандартов, IT образования, информационной безопасности, содействует обмену опытом на региональном и международном уровне, организует взаимодействие поставщиков решений и услуг в области ИКТ с потребителями, способствует диалогу с государственными структурами.

²<http://journal.itmane.ru/node/39>

.....

перераспределения доступа к информации и мотивации человека на улучшение качества своей жизни». «Именно процесс познания и связанный с ним рост информации, — уверяет Славин, — является вектором эволюции человечества.... Борьба за свободу от эксплуатации человека человеком может быть выиграна только в том случае, когда вся накопленная обществом информация станет реально доступной каждому индивиду».

Получается сказочная идиллия: автоматизируйте рутинный, нетворческий труд, вооружите каждого гражданина мобильным телефоном с доступом он-лайн к оцифрованным хранилищам информации, — и не станет бедных пенсионеров и богатых олигархов, исчезнут коррупция и национальная вражда, появится изобилие продовольствия, и будут сбалансированы рождаемость и смертность. Оказывается, очень просто исключить из жизни цивилизованного человечества экономические и политические кризисы, классовую и религиозную вражду, если повсеместно обеспечить «свободу распространения информации, равенство в доступе к информации, братство в общении», которыми наслаждались первобытные предки. Невозможно поверить, что подобный утопический симулякр «информационного общества» действительно кажется реальным здравомыслящему предпринимателю в области информационных технологий, каковым является Б. Б. Славин. Но здравомыслящий предприниматель кровно заинтересован в расширении рынка сбыта своей продукции, а идея всеобщей информатизации как универсальной панацеи — отличный рекламный трюк, которым грех не воспользоваться. Поэтому да здравствует свобода доступа к информации, накопленной человечеством!

Поэтика антиутопии, как известно, состоит в гипертрофии и доведении до абсурда благих ожиданий утопистов. Особенно интересны размышления пронизательных и бескомпромиссных мыслителей-диссидентов, к числу которых, бесспорно, относится российский логик и методолог науки, писатель «социологических романов» **Александр Александрович Зиновьев** (1922–2006). В одном из своих сочинений он приглашает читателя в общество XXI века, которое он именует «Глобальным человеком»¹. Прогулка оказалась познавательной, хотя и не столь приятной, как бы хотелось.

«Будущее есть кладбище несбывшихся надежд прошлого, — печально констатирует писатель-философ. — Никакого земного рая из информационного общества, как и из полного коммунизма марксистов, не получилось. Зато мусорные свалки прошлых эпох обогатились информационно-интеллектуальными устройствами» (с. 25). Автор безжалостно ошеломляет читателя симулякрами «человека». Вот некоторые из них.

¹ Зиновьев А. А. Глобальный человек. — М.: Центрполиграф, 1997. — 459 с.

Персональные компьютеры («исповедальники») стали неразлучными спутниками каждого человека, в их памяти материализована и хранится душа их хозяина, включая его сны и «неосознанные мозговые процессы, т. е. подсознание». Умение читать и писать перестало быть признаком культуры, поскольку «с современной техникой можно прослушать любой текст и продиктовать все то, что раньше писали, в особое пишущее устройство». Из глобальной информационной сети легко получить справку по любому вопросу, поэтому считается, что люди носят с собой (именно с собой, а не в себе!) все богатства познания, накопленные человечеством за всю прошлую историю, став таким образом всезнающими сверхлюдьми. «Но это ничуть не препятствует тому, — издевается автор, — что подавляющее большинство таких сверхлюдей являются дураками и невеждами».

Жители информационного общества, — продолжает ёрничать А. А. Зиновьев, — шагу не могут ступить, не пустив в ход всю информационную мощь цивилизации. Например, собираясь на десятиминутную прогулку, они требуют информацию о состоянии атмосферы на всей планете. Узнав, что содержание стронция в атмосфере Австралии увеличилось на одну тысячную процента, они тут же производят на личном «исповедальнике» расчет оптимально безвредной прогулки при этом условии и сокращают её на 17 секунд.

Автор предсказывает, что появятся компьютеры-ученые, компьютеры-писатели, компьютеры-детективы, компьютеры-гангстеры и представители всех прочих видов деятельности, профессий, характеров. Отличие этих роботов-двойников от человека-оригинала будет состоять в том, что первые по производительности интеллектуального труда многократно превзойдут вторых, обладая при этом полной неутомимостью. В конце концов, будут изобретены сексуальные дублеры, точная копия оригиналов. Станет обычной такая ситуация: дублеры занимаются сексом, а их хозяева спят, беседуют, делают что-либо, испытывая вместе с тем «сексуальное удовольствие в новых, искусственно изобретенных формах».

Однако научно-технический прогресс не может осчастливить человечество. Социальные различия, антагонизм богатых и бедных сохранятся в постиндустриальной цивилизации, а население незападного мира будет по-прежнему «влачить жалкое существование вне всяких эпох и постэпох». А. А. Зиновьев предвидит в Глобальном человеке ожесточенную борьбу между элитой и трудящимися массами, которая потребует мобилизации всех достижений цивилизации. Элита обособится в неприступных и комфортабельных поместьях, поскольку «гораздо легче защитить отдельные категории людей от испорченной природы, чем спасти природу от порчи, исходящей от этих людей».

Духовный мир обитателей информационного общества будет удручающе беден, ибо их мозг направлен «вовсе не на создание богатств внутреннего мира, а на борьбу за богатства мира внешнего». Эгоцентричное общество востребует не творческие личности, а дисциплинированные посредственности, которыми легко управлять. Так как будут открыты все тайны мироздания, творчество превратится в воровство идей у гениев прошлого. Стандартные и примитивные культурные потребности среднего человека с избытком удовлетворят телевидение, видео, кассеты. Сохранятся только те театры, концертные залы и выставки, которые способны вовлечь толпу в массовую истерию и принести доход своим владельцам. Проблема смысла жизни отпадет как бессмысленная и бесполезная. Восторжествует ложь, за счет которой будут кормиться легионы бездарностей, невежд, жуликов.

В конце книги А. А. Зиновьев ставит сакраментальный вопрос: «способны ли люди организовать более или менее разумно, контролируется ли вообще процесс жизни и эволюции человечества?». Ответ неутешителен: «Ни одна большая программа, сформированная сознательно, не осуществлена. Ни одна!... Нищета, голод, эпидемии, безработица, преступность, идейное и моральное разложение, душевная опустошенность — все это осталось и усилилось. Человечество бессильно перед океаном зол, обрушивающихся на него вследствие его же „разумного“ развития. И от этого нет и не может быть разумных защитных мер, потому что этот океан зол рожден именно человеческим разумом!» (с. 444–445).

Антиутопической симулякр А. А. Зиновьева — жестокое пророчество. Она утверждает, что созданная человеческим гением мощная техносфера, неотъемлемой составной частью которой является информационно-компьютерный сектор, представляет собой «океан зла», угрожающий существованию человечества. Как и положено антиутопиям, она отрицает рационально обоснованные технократические программы построения гипотетического информационного общества, где классы формируются в зависимости не от денежного, а от интеллектуального капитала, где свободные люди компетентно и успешно реализуют себя при помощи информационно-коммуникационных технологий, где каждый человек живет достойно и безопасно. Признаюсь, что «Глобальный человек» А. А. Зиновьева мне кажется более убедительным, чем безмятежные картины «информационной цивилизации», нарисованные оптимистами-технократами. Но жить в «человеке» очень не хочется. Может быть, удастся найти «золотую середину» между крайностями апологетической утопии и эсхатологической антиутопии? Возможно, концепция Мануэля Кастельса, признанного лидера современной социологии, подскажет правильное решение?

жена автором в солидном трехтомнике, увидевшем свет в 1996–1998 гг.¹. На русском языке он появился в сокращенном варианте в 2000 году², и с этих пор наши обсуждения проблем информационного общества не обходятся без упоминания труда *Мануэля Кастельса* (род. 1942 в Испании). Всемирное признание этого исследования обусловлено тем, что оно представляет собой «самое яркое описание основных характеристик и динамики развития современного мира, исполненное знаний, воображения и интеллектуальной строгости. Любой, кто стремится изучить роль и особенности информации – что предполагает попытку понять основные движущие силы социальной жизни, – не может не обратиться к труду Мануэля Кастельса»³. Главное достоинство исследования Кастельса заключается, на мой взгляд, в том, что оно не относится ни к утопиям, ни к антиутопиям. Этот труд – добротное и весьма представительное социологическое исследование, цель которого – выявление не гипотетических трендов, а фактически наблюдаемых в мире изменений вследствие наступления информационной эпохи.

Я отнес исследование М. Кастельса к технократическим концепциям, потому что он исходит из постулата, что реальным двигателем социально-экономических перемен в «информационную эпоху» послужила технологическая революция, построенная на информационных технологиях. Он отдает приоритет вопросам экономики и технологии, не сбрасывая, однако, со счетов и человеческий фактор, особенно при рассмотрении социальных и политических вопросов. Авторитетный социолог убежден, что «информационная эпоха» возвещает появление «нового общества», которое возникает благодаря разворачиванию информационно-коммуникационных сетей. Однако в новом обществе по-прежнему сохранятся капиталистические формы экономических отношений (стремление к прибыли, частная собственность, рыночные отношения).

Вновь возникающий постиндустриальный капитализм можно трактовать как *симулякр* постиндустриального общества. Кастельс предложил называть его не информационным обществом (information society), а *информациональным обществом* (informational society), поясняя

¹ Castels M. The Information Age: Economy, Society and Culture. 3 vol. – Oxford: Blackwell, 1996–1998.

²Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: Высшая школа экономики, 2000. – 606 с. См. также: Кастельс М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.

³Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 130.

.....

свою терминологическую новацию следующими доводами. Информация в широком смысле, т. е. передача знаний, имела критическую важность во всех обществах, включая средневековую Европу и другие цивилизации, поэтому «неинформационных» обществ не было в истории человечества. Однако, «в последние два десятилетия, — замечает М. Кастельс, — в мире появилась экономика нового типа, которую я называю информационной и глобальной. *Информациональной* — так как производительность и конкурентоспособность в этой экономике (будь то фирма, регион или нация) зависят в первую очередь от их способности генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию, основанную на знаниях. *Глобальной* — потому что основные виды экономической деятельности, такие как производство, потребление и циркуляция товаров и услуг, а также их составляющие (капитал, труд, сырье, управление, информация, технология, рынки) организуются в глобальном масштабе. И, наконец, *информациональной и глобальной*, потому что в новых исторических условиях достижение определенного уровня производительности и существование конкуренции возможно лишь внутри глобальной взаимосвязанной сети. Глобальная сеть появилась в последней четверти XX века как результат революции в области информационных технологий, предоставившей необходимую материальную базу для создания такой новой экономики»¹. Короче говоря, под *информационализмом* автор понимает «новую материальную и технологическую базу экономического развития и социальной организации», которую освоил современный капитализм благодаря информационно-технологической революции, начавшейся в 1980-е годы»².

Источник социально-экономического могущества информационализма Кастельс раскрывает следующим образом. «Переход от индустриализма к информационализму не является историческим эквивалентом перехода от сельскохозяйственной к индустриальной экономике и также не может приравниваться к возникновению экономики услуг. Существуют информационное сельское хозяйство, информационное производство и информационные услуги. Изменились не виды деятельности человечества, а технологическая способность использовать в качестве прямой производительной силы то, что отличает человека от других биологических созданий, а именно способность обрабатывать и понимать символы»³.

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — М., 2000. — С. 81.

² Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — М., 2000. — С. 36.

³ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — М., 2000. — С. 104.

Странам, не сумевшим освоить информационный потенциал, приходится жестоко расплачиваться за это. Развал Советского Союза Кастельс объясняет «неспособностью перейти к информационной парадигме и изоляцией от мировой экономики» и детально обосновывает этот вывод в главе, озаглавленной «Кризис индустриального этатизма и коллапс Советского Союза» (с. 435–490).

Хотя М. Кастельс отмечает, что почти все страны в конце XX столетия затронуты капиталистическим информационализмом, а многие государства уже являются информационными, он не считает завершенным процесс «информационализации» и пророчит, что «XXI век не принесет большинству людей щедрот, обещанных самой экстраординарной технологической революцией в истории. Скорее всего, он может быть охарактеризован как информированная неразбериха». В условиях «информированной неразберихи» довольно трудно уразуметь преимущества информационного общества перед другими социально-экономическими формациями, известными человечеству, однако попытаемся систематизировать те элементы информационализма, которые вдумчивый социолог сумел обнаружить в современном ему капитализме.

1. Одно из главных преимуществ информационной эпохи являются *сетевые связи* людей, институтов и государств, благодаря которым информациональный капитализм можно назвать «сетевым обществом». Начиная с 1970-х годов, капиталистические корпорации используют информационные сети для организации фирменного производства и для маркетинга в мировом масштабе. Благодаря информационным сетям деловая активность осуществляется в реальном времени и без пространственных ограничений, то есть в глобальном масштабе. Каждую секунду в информационном пространстве совершаются сделки на миллиарды долларов, почти мгновенно капиталы переводятся из одной экономики в другую, что влечет экономическую взаимозависимость всех стран и огромный рост объемов международных финансовых потоков. Рынки товаров и услуг становятся все более глобальными, поэтому стратегической целью любой фирмы является продажа продукции везде в мире напрямую или путем подключения к информационным сетям. Фирмы могут выбирать свою дислокацию в любых местах по всему миру в зависимости от наличия трудовых ресурсов и привлекать к себе высококвалифицированных работников из разных стран. Таким путем научно-технические достижения перемещаются по всем континентам вместе с переходом ученых, инженеров и менеджеров из одной организации в другую. В сетевом обществе не только сжимается пространство, но и время становится

«вневременным». Это означает, что сетевое общество может почти молниеносно собрать информацию по всему земному шару и свободно перемещаться в прошлых эпохах.

2. Индустриализм ориентирован на экономический рост, т. е. на максимизацию выпуска; информационализм ориентирован на технологическое развитие, т. е. на накопление знаний и более высокие технологии обработки информации. При информациональном способе развития источник производительности заключается в инновационной, научно обоснованной технологии генерирования знаний, обработки информации и символической коммуникации. Право собственности на технологическую информацию играет важнейшую роль в создании конкурентных преимуществ, поэтому *погоня за знаниями и информацией* является характерной чертой информационального капитализма.

3. Специфическим для информационального способа производства является воздействие знания на само знание как главный источник производительности. Решающее значение для становления и развития информационализма приобретают *информационные науки*, где центральное место должна занять научная дисциплина искусственный интеллект. К информационным наукам нового поколения эксперты относят также: робототехнику и конструирование искусственных органов (эффекторов, рецепторов); виртуалистику, предметом которой выступает создание искусственных сред (виртуальных реальностей); нейроинформатику – науку об искусственных нейронных сетях; компьютерную лингвистику, занятую проблемами диалога человека и компьютера на естественном языке и др.¹

4. Базовой единицей экономической организации в информатизированном обществе является не индивидуальный или коллективный субъект, а *распределенная сеть*, состоящая из различных субъектов и организаций, непрестанно варьируемых в зависимости от изменений во внешней среде. Использование информационных технологий позволило собирать и рассеивать рабочую силу по конкретным проектам и задачам и обусловило появление виртуальных предприятий, где производительность и прибыльность возросли, но труд потерял социально-правовую защиту и оказался в полной зависимости от индивидуальных условий сделок на постоянно меняющемся рынке труда. М. Кастельс констатировал: «Как это было на протяжении большей части человеческой истории, общество разделилось на победителей и побежденных в бесконечном

¹ Попов Э. В. О серии «Науки об искусственном» // Саймон Г. Науки об искусственном. – М., 2009. – С. 2.

5. Социальные последствия информатизации общества (изменения структуры занятости, требований к квалификации работников, отношений между трудом и капиталом) нельзя назвать вдохновляющими. Число рабочих физического труда постоянно сокращается, они вытесняются из сферы производства из-за своей негибкости, которая не позволяет им приспособиться к переменам. В лучшем случае традиционные рабочие находят низкооплачиваемую и непостоянную работу, в худшем – оказываются в области организованной преступности. Кастельс обосновывает упадок рабочего класса политико-экономической закономерностью: трудовая стоимость замещается информационной стоимостью.

6. В результате социально-экономического анализа положения дел в странах «большой семерки» М. Кастельс пришел к выводу, что в информационных обществах, как и ожидалось, значительно сократилась занятость в сфере материального производства (сельское хозяйство и промышленность) при увеличении и диверсификации сферы услуг как источника рабочих мест. Вместе с тем отмечались формирование пролетариата «белых воротничков», состоящего из конторских служащих и работников торговли, быстрый рост управленческих, профессиональных и технических рабочих мест и повышенный спрос на специалистов с высоким уровнем квалификации и образования. Однако отсюда не следует, что информационное общество в целом повысило свой уровень квалификации, образования, доходов или улучшило социальную структуру по сравнению с предыдущим индустриальным обществом². Этот вывод дискредитирует притязания «информационного общества» или «общества знания» на грядущую интеллектуализацию человечества.

7. Господствующей социальной силой в информационном обществе становятся информационные работники, владеющие знаниями и творческими способностями (топ-менеджеры, системные аналитики, финансисты-инвесторы, рекламщики и т. д.). Они обеспечивают конкурентоспособность капиталистических корпораций – от разработки технологических

¹Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000. – С. 267–268.

²Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000. – С. 222–225.

.....

систем и управления производством и сбытом, до давления на правительство в интересах своей компании. Кастельс предвещает конец класса собственников-капиталистов и переход экономической и политической власти в руки *меритократии* – информационной элиты. В результате сетевое информациональное общество трансформируется в «капитализм без капиталистов».

Перечисленные тенденции М. Кастельс подкрепляет обширными статистическими данными, характеризующими положение дел в различных странах. Его выводы хорошо согласуются с выводами других исследователей, например, В. Л. Иноземцева (см. раздел 3.1.3). По-видимому, панорама общества будущего, нарисованная авторитетным социологом, близка к тому, что нас ожидает в наступившем столетии, которое сам автор назвал «веком информационной неразберихи». Однако далеко не все исследователи разделяют технократические взгляды Кастельса, утверждающие вечность капиталистических отношений, господство меритократии, классовый антагонизм, технологический детерминизм и девальвацию гуманистических ценностей. Обратимся теперь к гуманистическим симулякрам информационного общества.

3.3. ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

В современном русском языке термин *гуманизм* имеет три значения:

а) *интеллектуально-культурное движение* эпохи Ренессанса (XV – XVI вв.), исповедующее свободное и всестороннее развитие личности, отрицающее схоластику и духовное господство церкви, стремящееся к возрождению античных идеалов красоты, мудрости и справедливости;

б) *мировоззрение*, основанное на принципах: человек – высшая ценность общества; благо человека – суть общественных отношений; человек – творческая индивидуальность, имеющая неотъемлемое право на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей;

в) *гуманное отношение между людьми*, которое характеризуется чуткостью, уважением, справедливостью, отзывчивостью, милосердием, человеколюбием, состраданием.¹

Смысловая связь между цитированными тремя значениями обусловлена тем, что именно ренессансные мыслители стоят у истоков гуманистического мировоззрения (идеологии гуманизма), которое на практике проявляется в гуманных отношениях между людьми. Идеи гуманизма

¹ Рыбин В. А. Гуманизм как этическая категория. – М., 2004. – С. 6–18.

представлены в античной философии, присутствуют они в христианской этике и средневековой схоластике, но именно в XV веке они оказались в центре внимания культурной элиты. Гуманизм эпохи Возрождения отличают: антропоцентризм – возвеличивание подобного Богу человека-творца, ставшего центром мироздания благодаря личным усилиям; познание и гармоничное совершенствование всех физических и духовных потенций индивида; утверждение смысла жизни в виде разумных наслаждений свободного и добродетельного человека, не забывающего о благе общества (утопический социализм Т. Мора, Т. Кампанеллы и др.). Главными добродетелями гуманного человека провозглашались: человеколюбие, справедливость, толерантность, милосердие, разум, независимость, умеренность, стремление к знанию.

Историческая заслуга ренессансных гуманистов видится в выработке принципов *гуманистического мировоззрения*, состоящих в следующем. Гуманизм – это светское, мирское мировоззрение, в центр которого поставлена идея человека как высшей ценности в ряду всех мыслимых духовных ценностей; оно утверждает достоинство личности, её самостоятельность и равноправие перед лицом общества и мира. Гуманизму присуща оптимистическая уверенность в неограниченных возможностях самосовершенствования человека, в неисчерпаемости его познавательных, преобразовательных и творческих способностей. Гуманистический идеал заключается в максимально возможной гармонизации отношений между человеком и человеком, человеком и обществом, человеком и государством, обществом и государством.

Идеология гуманизма тесно связана с доктриной Просвещения, которая восторжествовала в научно-философских кругах Западной Европы в XVII – XVIII веках. В 1784 году в статье «Ответ на вопрос, что такое Просвещение?» И. Кант характеризовал Просвещение как эпоху развития человечества, сущность которой состоит в широком использовании человеческого разума для обеспечения социального прогресса. Необходимое условие развития разума Кант видел в преодолении всех форм несвободы путем длительного морального совершенствования человеческого рода. Однако революционное устранение этих форм великий философ не допускал. Свой вклад в доктрину Просвещения внесли Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш. Монтескьё, Ж. Ж. Руссо, Д. Дидро, П. Гольбах, Г. Лессинг, Б. Франклин и другие просветители разных стран. Основное содержание доктрины Просвещения сводится к следующим положениям:

- освобождение человека от внешнего (природного и социального) гнета возможно только на основании рационального знания;

- рационализация природы и общества является необходимым условием гуманизации, то есть антропоцентризма;
- рационализация природы и общества достигается благодаря прогрессу науки и её технических применений;
- наиболее разумно устроено либерально-демократическое общество, в котором каждый человек может осознавать и отстаивать свои интересы;
- главными препятствиями на пути движения человечества к свободе являются мифы, религии, предрассудки, которые нужно устранить¹ (богословы именуют это положение «соблазн безбожия»).

Нетрудно видеть, что доктрина Просвещения не отрицает гуманистическое мировоззрение, а обогащает его, акцентируя свободу как условие гуманизации и научно-технический прогресс как инструмент гуманизма. Позитивистская философия, охарактеризованная в предыдущем разделе, является родным детищем доктрины рационального Просвещения и, в свою очередь, послужила питательной почвой для технократического мышления. Таким образом, технократические концепции информационного общества генетически связаны с гуманистическими концепциями информационного общества, но отдают приоритет научно-техническому прогрессу, а не развитию человека. Гуманистические концепции, напротив, не пренебрегают идеалами гуманизма и пытаются определить перспективы развития *homo sapiens* в искусственной информационной среде. Привлекают внимание концепции *постчеловека*, образующие содержание философско-антропологического направления, получившего название *трансгуманизм*. Мы поговорим о трансгуманизме в разделе 3.3.3

3.3.1. Критические и консервативные концепции информационного общества не отрицают постоянно растущее значение информации в современном капиталистическом обществе, но не разделяют оптимизма технократических программ. Я использовал эпитеты «критическая» и «консервативная» для того, чтобы оттенить скептическую сдержанность этих концепций. В зависимости от идейной позиции критиков технократических симулякров можно поделить на три группы: экономисты, марксисты, консерваторы. Представлю особенно ярких и широко известных представителей каждой группы.

1. **Питер Фердинанд Друкер (1909–2005)** – американский экономист, публицист, педагог, родился в Вене, образование получил в европейских университетах. Во время второй мировой войны он эмигрировал в Соединенные Штаты, где его фамилию стали в соответствии с нормами английского языка произносить «Дракер». Ученый иммигрант

¹ Исторические типы рациональности. Т. 1. – М., 1995. – С. 3.

.....

специализировался в области бизнес-экономики и в 50-е годы прославился в качестве основоположника новой экономической дисциплины «менеджмент», которая быстро завоевала признание научного сообщества. П. Ф. Друкер – автор 35 книг, получивших всемирное признание¹. Хотя содержание этих книг концентрируется вокруг проблематики фирменного и социально-экономического менеджмента, автор довольно охотно и весьма глубоко анализирует тенденции развития человеческой цивилизации в историософском и футурологическом аспектах. В частности, П. Друкер обращает внимание на появление слоя «информационных, или интеллектуальных, работников» (knowledge worker), затрагивая, таким образом, гуманистическую проблематику информационного общества. Непосредственное отношение к гипотезе информационного общества имеет книга «Посткапиталистическое общество» (1995), изданная в 14 странах на восьми языках. С содержанием этого бестселлера можно познакомиться по антологии постиндустриальных концепций, изданной в 1999 г.²

В первой главе, названной «От капитализма к обществу знания» Друкер излагает свою историософскую триаду, отражающую революционные изменения роли знания в обществе:

- промышленная революция XVIII века – «грандиозный переход от ремесла к технологии», мануфактуры стали областью приложения накопленных знаний, что «обеспечило неизбежность и доминирующую роль современного капитализма»;

- революция в производительности труда – «применение знания к организации труда обеспечило взрывной рост его производительности»; в первой половине XX века «производительность труда в развитых странах увеличилась раз в пятьдесят», что послужило «основой для повышения материального благосостояния и улучшения качества жизни населения»;

- революция в сфере управления (менеджмента) – изменение значения знания, начавшееся двести пятьдесят лет назад, преобразовало общество и экономику; знание превратилось в «реальную полезную силу, средство достижения социальных и экономических результатов»; «знание теперь используется для производства знания, это третий и, очевидно, последний

---

¹ Издательский дом «Вильямс» издал на русском языке важнейшие труды П. Ф. Друкера по теории менеджмента: Энциклопедия менеджмента (2004. 432 с.), Бизнес и инновации (2007. 432 с.), Управление в обществе будущего (2007. 320 с.), Эпоха разрыва. Ориентиры для меняющегося общества (2007. 336 с.), Задачи менеджмента в XXI веке (2007. 286 с.).

² Друкер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 67–100.

.....

шаг в его преобразованиях, иными словами, знание применяется для систематических нововведений и новаторства».

Последнюю революцию Друкер связывает с появлением слоя менеджеров-интеллектуалов, людей «отвечающих за применение и эффективность знания». Членами основанного на знаниях общества должны быть люди, обладающие специальными знаниями в различных областях, то есть «информационные (интеллектуальные) работники». Благодаря эффективному менеджменту, эти люди становятся «новыми движущими силами социального и экономического развития» и способны обеспечить переход от традиционного индустриального капитализма к экономической системе, основанной на знаниях и информации, другими словами, «превращение нашего общества в посткапиталистическое». Как понять этот вывод?

В книге «Задачи менеджмента в XXI веке» Друкер задается вопросами: «Что означает «капитализм» в условиях господства знания — только лишь деньги или нечто большее? И что означает «свободный рынок», когда подлинным капиталом становятся работники умственного труда, ибо только они владеют знаниями? Работников умственного труда нельзя ни купить, ни продать. Получается, что, представляя собой самую большую ценность, работники умственного труда не имеют «рыночной стоимости», а это означает, что они, конечно же, никоим образом не подпадают под определение капитала». Автор заявляет «с полной определенностью», что «возрастающая роль работников умственного труда и их производительности приведет в ближайшие несколько десятилетий к фундаментальным изменениям в структуре и природе нашей экономической системы». Важнейшие изменения видятся в устранении капиталистической частной собственности и формировании новой системы ценностей современного человека. В политическом отношении, констатируя «растущее несоответствие между экономическими и политическими реалиями, П. Друкер предвидит отказ от идеи национального государства в пользу глобальной экономики и глобального социума.

Посткапиталистический симулякр Питера Друкера можно с некоторой натяжкой отнести к концепциям «информационного общества» или «общества знаний», но точнее будет назвать его «менеджерской моделью». Гуманистическая сущность этой модели состоит в том, что главным двигателем социально-экономического прогресса признается не информационная техника и даже не абстрактно взятые информация и знания, а *менеджер* — активная человеческая личность, способная действовать эффективно в условиях данного предприятия (фирмы). Друкер против излишнего доверия компьютерным системам, против «компьютерной

эпидемии», он — за интуицию и опыт человека-менеджера. Именно менеджер выступает тем «фактором производства, который обеспечивает конкурентоспособность современных высокоразвитых обществ и экономик».

В своей «Энциклопедии менеджмента» практичный автор обращает внимание на следующий парадокс: «Корреляция между эффективностью работника и его интеллектом, его творческими способностями или его знаниями, по-видимому, не так уж высока. Обладатели блестящего ума зачастую оказываются поразительно неэффективными. Они не понимают, что величайшая мудрость, которую не удастся воплотить в действие, остается набором бесполезных и бессмысленных „данных“. И наоборот, в каждой организации встречаются высокоэффективные служащие, которые шаг за шагом упорно продвигаются вперед и всегда достигают желаемого результата первыми. Интеллект, творческое воображение и высокий уровень знаний, — делает вывод Друкер, — очень важные ресурсы, но только эффективность превращает их в реальные результаты. Сами по себе эти качества лишь указывают на границы потенциально достижимого»¹. В качестве одной из задач менеджмента в XXI веке он формулирует задачу *менеджмента собственной личности*, включающую самооценку способностей и сильных сторон, определение своего места в организации, выработку стиля работы, коммуникации с сотрудниками, моральных норм и даже планирование «второй половины жизни» после ухода на заслуженный отдых².

2. **Герберт Шиллер** (1919–2000) — американский социолог-марксист, не питает иллюзий относительно эффективного менеджмента, вооруженного информацией и знаниями. Он пишет: «Нет сомнения в том, что сегодня мы производим больше информации, чем когда-либо ранее. Нет сомнения и в том, что подобных средств для создания, хранения, поиска, обработки и распространения информации не было никогда раньше, и это относится как к их количеству, так и к качеству. Замечательна и сложившаяся инфраструктура создания, хранения и распространения информации. Однако, вопреки мнению, что капитализм меняет свою природу, основные императивы рыночной экономики остаются теми же самыми, какие бы изменения ни происходили в технологической и информационной сферах»³. Обосновывая свою точку зрения, Шиллер настаивает, что при

¹ Друкер П. Энциклопедия менеджмента. — М.: Изд. дом «Вильямс», 2004. — С. 234, 236.

² Друкер П. Задачи менеджмента в XXI веке. — М.: Изд. дом «Вильямс», 2007. — Гл. 6. Роль менеджмента в карьере и жизни.

³ Концепцию Г. Шиллера я излагаю по книге: Уэбстер Ф. Теории информационного общества. — М.: Аспект Пресс, 2004. — С. 165–216.

.....

анализе характера и перспектив новых информационных технологий нужно исходить из ответов на вопросы: кому эти технологии выгодны и в чьих руках сохраняется контроль над их применением? В поисках желаемых ответов ученый марксист руководствуется методологическими посылками:

1. При анализе развития информационной сферы следует использовать *рыночные критерии*, с точки зрения которых информация — это товар, которым можно торговать, чтобы получать прибыль. Следовательно, доступ к ней все чаще будет возможен на коммерческой основе.

2. В доступе к информации и праве её создавать большую роль играет *классовое неравенство*. От места в социальной иерархии зависит, кто проиграл, а кто выиграл в результате информационной революции. Существует также разрыв между богатыми и бедными странами.

3. Существенно, что в обществе, где происходит информационная революция, господствуют транснациональные корпорации (ТНК), которые развивают ИКТ *в интересах частного бизнеса*, а не в интересах общества.

Из этих посылок следует, что информационная революция была инициирована корпоративным капиталом и осуществляется в его интересах. Рыночные принципы, и прежде всего, стремление к максимизации прибыли, работают в информационной сфере. Давление рынка сказывается на решениях, какого рода информацию нужно производить, для кого и на каких условиях. Прогресс в области новых технологий также *предопределяется рынком*. Новые технологии не возникают спонтанно сами по себе, их ассортимент и функциональные возможности создаются по заказам ТНК. Не случайно крупнейшие ТНК направляют миллиарды долларов на создание новых поколений информационных технологий.

Коммерциализация информационной сферы приводит к тому, что информация и информационные технологии в капиталистическом обществе создаются для тех, кто может за них платить. Имущественное неравенство превращается в фактор, регламентирующий доступ к информации. В обществе «плати за все» на первый план выходит платежеспособность. Чем выше положение человека в социальной иерархии, тем богаче и разнообразнее информация, к которой он получает доступ. Наибольшим приоритетом пользуются: военно-промышленный комплекс, крупные частные корпорации, правительство, которые, по словам Г. Шиллера, выступают в качестве «трех главных исполнителей информационной революции». Шиллер отмечает, что в обществе усиливается дифференциация по признаку доступа к информации, превращающая подавляющее большинство населения в существа, зависимые от немногочисленных генераторов, обработчиков и передатчиков информации. Информационное

неравенство ощущается и на уровне государств. Промышленно развитые страны, в которых сосредоточена основная часть мирового богатства, получают основные преимущества от информационной революции.

С точки зрения Герберта Шиллера, больше всех от информационной революции выиграли крупные корпорации в передовых капиталистических странах. Дело в том, что без глобальных информационно-коммуникационных сетей глобальные корпорации не могли бы функционировать. Им приходится ежедневно посылать и получать сотни тысяч цифровых и текстовых сообщений. Развитие информационных сетей протекало так, как нужно ТНК, хотя в конечном счете судьба самих корпораций стала зависеть от функционирования сетей. Располагая мощной компьютерной техникой, эти корпорации могут позволить себе комфортный телекоммуникационный сервис на основе совершенной технологии электронной обработки информации. Однако информационные массивы, созданные корпорациями, являются их частной собственностью, и многие важные результаты маркетинговых и научных исследований остаются не доступны обществу. Интеллектуальная собственность, патентование и защита авторских прав являются наиболее процветающими разделами юриспруденции в информационную эпоху.

Каково содержание (каков контент) информации, собираемой в тысячах баз данных, которые доступны в диалоговом режиме с любого терминала? Оказывается, что большинство «информационных фабрик» ориентировано на потребности корпораций, способных к тому же щедро оплачивать информационные услуги. Львиную долю контента баз данных составляют биржевые курсы ценных бумаг, цены на биржах, обменные курсы валют. Герберт Шиллер с возмущением пишет, что «огромные частные информационные службы, масса посредников, невероятное количество перерабатываемой специальной информации служат только для того, чтобы заработать побольше денег на бирже, чтобы ввозить и вывозить деньги за рубеж». Помимо экономики, еще одна область специальной информации – военная сфера и военно-промышленный комплекс.

Социолог-марксист убежден, что информационная революция родом из классового общества, на ней лежит печать неравенства, и она только обостряет это неравенство. То, что называют информационной пропастью, имеет тенденцию становиться только глубже: более образованные и состоятельные люди получают дополнительные преимущества в виде доступа к развитым информационным ресурсам, а тех, кто находится на нижних ступенях социальной лестницы, постепенно погребает под собой «информационный мусор», который развлекает, отвлекает, содержит массу сплетен и очень мало ценной информации.

.....

Распространяется идеология *консюмеризма* (лат. *consumo* – потребляю), убеждающая людей, что потребление – важнейшая и необходимая составная часть их образа жизни. Распространению консюмеризма активно содействует телевидение, внедряющее в сознание телезрителей искусственные потребности, в которых заинтересованы корпорации. Г. Шиллер обращает внимание на то, что основная масса развлекательной продукции (голливудские фильмы, телевизионные программы, сенсации и боевики, «мыльные оперы» и сериалы, спортивные передачи), во-первых, доступны только на коммерческих (рыночных) условиях, во-вторых, служат для маркетинга товаров ТНК. Ясно, что американские СМИ, будучи сами порождением корпоративного капитализма, не могут не восхвалять капиталистический образ жизни. Именно развлекательные произведения массовой культуры позволяют лучше продавать товары, рекламируя капиталистическое общество потребления.

Г. Шиллер приходит к выводу, что информационное общество – это форма деятельности, в которой выражается неизменная рыночная сущность капитализма. Он пишет: «То, что называется информационным обществом, фактически не более чем производство, обработка, и передача очень большого количества данных обо всем: об индивидах и нациях, об обществе и процессах обмена в нем, об экономике и военном деле. Большая часть этой информации создается с тем, чтобы удовлетворить потребности гигантских корпораций промышленно развитых стран в очень специальных сведениях, а также их бюрократию и командование вооруженных сил». Информационная революция стимулировала развитие потребительского капитализма, продуктом которого является эгоистическая личность, кругозор которой ограничен личной жизнью, а не заботой об общем благе.

3. **Фрэнк Уэбстер**, профессор кафедры социологии Городского университета Лондона, прославился в качестве автора книги «Теории информационного общества», которая в 2004 году была переведена на русский язык¹. В книге впервые сведены и аналитически сопоставлены около двух десятков концепций американских и европейских исследователей, так или иначе затрагивающих проблематику информационного (постиндустриального) общества. Уэбстер разделил «теоретиков информационного общества» на две группы: А. Тех, «кто разделяет убеждение, что в последнее время мы были свидетелями возникновения информационных обществ с характерными признаками, которые отличают их от существовавших в прошлом»; Б. Тех, кто «признавая, что информация в современном мире приобрела особое значение, настаивают на том, что основной чертой

---

¹ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.

.....

настоящего является его преемственность относительно прошлого» (с. 11). Надо признать, что историософские и технократические концепции, представленные в предыдущих параграфах нашей книги, написаны учеными группы А. Среди футурологов-гуманистов также немало сторонников радикальных социальных преобразований, обусловленных «информационным взрывом», но Фрэнк Уэбстер к ним не относится. Он позиционирует себя в качестве *консерватора*, «информационного контрреволюционера», поскольку отвергает идею информационной революции, которая якобы привела к появлению совершенно нового социального устройства.

Уэбстер признает, что «информационный капитализм наших дней существенно отличается от корпоративного капитализма, который сформировался в первые десятилетия XX века» и добросовестно перечисляет эти отличия: господство огромных транснациональных корпораций, сокращение роли национального суверенитета, экономическая глобализация и другие. Но нет, и не предвидится *революционных, кардинальных* изменений капитализма как системы, основанной на частной собственности и рыночных отношениях. Уэбстер предсказывает (с. 367), что мир будет развиваться в соответствии с неизменными, традиционными принципами и нормами западного капитализма, а именно:

- выживет то, что приносит прибыль, а то, что приносит убытки, исчезнет;
- частная собственность будет преобладать над государственной;
- способность платить станет основным критерием, который определяет доступ к товарам и услугам;
- услуги будут преимущественно предоставляться частными фирмами, а не общественными службами;
- основным способом регулирования рынка будет конкуренция, а не административные меры;
- товарные отношения, то есть отношения, которые регулируются спросом и предложением, станут главной нормой социальных отношений.

Поскольку перечисленные принципы и нормы, по убеждению Уэбстера, сохранятся в будущем, то информационные преобразования не открывают новую стадию цивилизационного процесса, сравнимую с переходом от аграрного к индустриальному обществу, а представляют собой *очередную фазу* развития капитализма, устои которого информатизация не изменяет. «Глобальное сетевое общество, в котором мы сегодня оказались, — заявляет социолог-консерватор, — более полное воплощение или, если угодно, трансмутация хорошо известных принципов капиталистического общества» (с. 370). Уэбстер решительно отвергает доводы

.....

ученых радикалов, «которые считают, что информационное общество стало уже реальностью (или становится ею)» и призывает к дальнейшим исследованиям, чтобы понять «связан ли информационный взрыв с чем-либо существенным, выделить факторы, которые его вызвали, и контекст, в котором он произошел; выяснить, какого типа информация появилась, зачем она была нужна, какие группы в обществе её использовали и для каких целей» (с. 373). Мне представляется позиция Фрэнка Уэбстера разумно взвешенной и более убедительной, чем некритическая апологетика информационного общества.

3.3.2. Ноосферология А.Д. Урсула. Мысль о перерастании естественно сложившейся социальной духовности в ноосферу (сферу разума) более столетия волнует ученых-гуманистов. Идеей общечеловеческого мирового разума увлекались А. Эйнштейн, А. Бергсон, Г. Уэллс. Антрополог и богослов Пьер Тейяр де Шарден (1881–1955) понимал образование ноосферы как духовное объединение человечества, которое должно привести к Сверхжизни и Сверхчеловечеству – финальной стадии эволюции жизни, некоей «точке Омега», символизирующей слияние творения и Творца¹. Академик В. И. Вернадский (1863–1945), осмысливая идею ноосферы в атеистическо-натуралистическом контексте, трактовал её как естественную стадию развития биосферы Земли, по достижении которой окружающая людей природа будет рационально преобразована научной мыслью и коллективным трудом человечества для максимального удовлетворения его растущих материальных и духовных потребностей².

Вернадский обычно говорил о становлении ноосферы в будущем времени, но его последователи не были столь осторожны. Так, в «Философском словаре» (М., 1986) сказано без всяких оговорок, что ноосфера – «область планеты, охваченная разумной человеческой деятельностью». Следовательно, к ноосфере нужно относить не только материальную культуру и преобразованную природу, но и техногенные экологические угрозы, порожденные нерасчетливым корыстолюбием. В советское время идеи Вернадского были восприняты доброжелательно и политическим руководством, и научным сообществом. Но в 90-е годы стали раздаваться критические голоса, которые заявляли, что В. И. Вернадский не оставил четкой концепции, что идея ноосферы – утопия, аналогичная социально-политической

¹ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. – М.: Наука, 1987. 240 с.; Он же. Божественная среда. – М.: Ренессанс, 1992. XXIV, 311 с.; Семенова С. Г. Паломник в будущее. Пьер Тейяр де Шарден. – СПб.: РХГА, 2009. 672 с.

² Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста / сост. М. С. Бастракова. – М.: Наука, 1988. 520 с.; Он же. Научная мысль как планетарное явление. – М.: Наука, 272 с.

Было бы странно, если бы в современную информационную эпоху ноосферогенез происходил без участия информационного фактора. Закономерно, что наши философы-информатики А. Д. Урсул и Э. П. Семенюк уделили ноосферно-информационной проблематике повышенное внимание². Особенно глубоко продумана и философски обоснована концепция А. Д. Урсула, представляющая собой стратегическую программу выхода человечества из системного кризиса «на экономическом, экологическом, культурном, политическом и других уровнях». Причем автор не исключает, что «третье тысячелетие может оказаться последним для нашей цивилизации».

Угроза самоуничтожения человечества, несомненно, существует, и для нас особенно приятно и важно услышать, что в современной критической ситуации только гуманистически ориентированное информационное воздействие способно осуществить «антропоноосферную революцию» и превратить нынешнего порочного *homo sapiens* в разумного «ноосферного человека». Разумеется, это воздействие не может происходить стихийно. Ноосферогенез – управляемый процесс, который должен осуществляться под руководством хорошо информированной «ноосферной элиты», осознавшей пути преодоления кризиса и обладающей властными полномочиями, чтобы увлечь за собой массы. Урсул выделил три стадии ноосферогенеза, на каждой из которых человеческое общество (социосфера) трансформируется соответственно в информационное, экологическое, космическое общество.

Информационное общество, или инфосфера, по словам автора, представляет собой результат «гуманистически ориентированного процесса информатизации» в глобальном масштабе, который может реализоваться в первые десятилетия XXI века. Процесс информатизации общества должен послужить не только для повышения его интеллектуального

¹ См., например: Кутырев В. А. Утопическое и реальное в учении о ноосфере // Природа. 1990. № 11. С. 108.

²Урсул А. Д. Путь в ноосферу (Концепция выживания и устойчивого развития цивилизации). – М.: Луч, 1993. 275 с.; Он же. Переход России к устойчивому развитию. Ноосферная стратегия. – М.: Издат. дом «Ноосфера», 1998. 500 с.; Семенюк Э. П. Устойчивое развитие общества и информатика // Научно-техническая информация. Сер. 1. 2000. № 1. С. 1–10; Он же. Ноосферная перспектива человечества и информатика // Научно-техническая информация. Сер. 1. 2004. № 1. С. 1–9.

.....

потенциала, но и для создания материально-технической базы, необходимой для «появления совокупного „сверхразума“ цивилизации, который поможет решить глобальные проблемы, реализует рационально-гуманистическую перестройку как каждого человека, так и общества в целом». Видимо, «сверхразуму» предстоит разрешать извечное противоречие между самоубийственным эгоизмом человечества и необходимостью ограничения его вождлений.

Экологическое общество (эконоосфера) — следующая стадия развития ноосферы, когда будет устранена угроза экокризисов и экокатастроф. Для этого нужно сформировать такую стратегию взаимодействия природы и общества, когда информационные факторы превалировали бы над вещественно-энергетическими, а общество из информационного превратилось бы в информационно-экологическое. На этой стадии достигается органическая взаимосвязь «экологии культуры» и «экологии природы», гармонизация системы «человек — общество — природа». Разумеется, искусственный «сверхразум» человечества, созданный на информационной стадии, должен исполнять роль гаранта становления и развития эконоосферы.

Космическое общество (космоноосфера) — «качественно новое состояние человечества, которое может наступить в отдаленном будущем и которое будет основано на широком развитии производства за пределами планеты Земля и использовании космоса как ресурса и фактора общечивилизационного устойчивого развития» (с. 268). Это общество окажется межпланетной цивилизацией, значительная часть населения которой будет постоянно обитать за пределами Земли, используя для полетов в Солнечной системе новые поколения преимущественно безракетных транспортных средств. Космическое общество будет характеризоваться высокой «космической культурой», наиболее полной реализацией принципов гуманизма, нравственности и права. А. Д. Урсул не указывает, возможно ли появление «космического общества» в рамках нынешнего тысячелетия, но аналогия его с «точкой Омега» Тейяра де Шардена напрашивается сама собой.

На последней странице своего «Пути в ноосферу» Аркадий Дмитриевич раскрывает причину, побудившую его предпринять довольно-таки рискованное футурологическое упражнение. «Ноосферный выбор человечество еще должно сделать, — пишет он, — но это возможно лишь на основе достаточно обоснованной концепции движения в ноосферу, и поэтому задача автора заключается в создании контуров такой концепции» (с. 273). Возможно, и даже наверняка жизнь скорректирует «путь

в ноосферу», предложенный Урсулом, но уже сегодня есть основания увенчать его лаврами первооткрывателя новой научной дисциплины, которую он назвал *ноосферология*. Невозможно спокойно пройти мимо этой инициативы.

Выдвигая стратегическую программу пути в ноосферу, А. Д. Урсул прекрасно понимает, что не обойтись без научного обоснования этого пути. В связи с этим возникает потребность в особой науке, обеспечивающей разработку научных методов ноосферогенеза. «*Ноосферология* мыслится как междисциплинарное, интегративно-общенаучное направление научного поиска, выявляющее и изучающее закономерности и процессы становления сферы разума, возможности выживания и безопасного во всех отношениях, устойчивого развития цивилизации и наиболее полного воплощения гуманистических принципов и идеалов»¹. Поскольку предполагается на базе искусственного интеллекта создать такие информационные технологии, которые предотвратят «угрозу самоуничтожения человечества с помощью компьютерных средств» и смогут «предвидеть последствия, причем весьма отдаленные, крупномасштабных проектов преобразования природы и других результатов деятельности человека» (с. 60), очевидно, что ноосферология должна интегрировать в свое содержание все прикладные технологические дисциплины и фундаментальные теории, в предмет которых входит семантическая информация, машинная информация, математические теории информации.

3.3.3. Трансгуманизм и киборгизация. Постинформационное общество. Предыдущие симулякры неявно исходили из презумпции «мы будем те же — мир иным». Другими словами, в грядущем постиндустриальном обществе предполагались социологические, экономические, культурные модернизации, но антропологические изменения исключались. Однако неугомонные фантасты и упрямые натуралисты не желают мириться с завершенностью биологической эволюции вида *homo sapiens* (человек разумный) и предлагают разные версии будущего «постчеловека» и соответствующего «постчеловеческого общества». Систематизация этих версий — весьма сложная логическая задача. В качестве первого приближения к её решению выделим два главных направления «постчеловеческой трансформации» — трансгуманизм и киборгизация. Первое более-менее согласуется с традициями гуманизма, а второе тяготеет к технократическим воззрениям. Рассмотрим эти направления.

¹ Урсул А. Д. Путь в ноосферу (Концепция выживания и устойчивого развития цивилизации). — М., 1993. С. 76.

.....

1. Трансгуманизм исходит из постулата, что человечество далеко не исчерпало биологический потенциал своего развития и способно к дальнейшему (возможно, неограниченному) физическому и духовному совершенствованию личности. Важно использовать этот потенциал во благо человека. Еще в XIX веке последователи Ч. Дарвина уверяли, что есть основания ожидать появления нового вида семейства гоминид – *homo sapientissimus* («сапиентиссимус» означает «разумнейший»). Человек разумнейший виделся дарвинистам (Т. Гексли, например) как существо с огромной головой и фантастическим интеллектом, но малорослое и хилое физически. Предвосхищая издержки эволюции, футурологи-фантасты вроде Герберта Уэллса, предполагали, что у людей будущего исчезнут зубы, вовсе не нужные для пережевывания протертой пищи, отомрут волосы и часть кишечника, да и само человечество, интеллектуально и физически деградируя, в далекой перспективе разделится на изнеженных элоев и кровожадных морлоков, обитателей Подземного мира (см. раздел 1.1.3).

Ф. Ницше (1844–1900), напротив, предсказывал появление совершенных «сверхлюдей» и от имени Заратустры поучал: «Я учу вас о сверхчеловеке... Что такое обезьяна в отношении человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором... Сверхчеловек – смысл земли... Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, – канат над пропастью... В человеке важно то, что он мост, а не цель, в человеке можно любить только то, что он переход и гибель...»¹. Сверхчеловек Ницше – абсолютно свободное существо, не знающее никаких обязательств ни перед Богом, ни перед людьми.

Идеи Ф. Ницше о закономерной неотвратимости «конца человеческого» получили развитие в современных «постчеловеческих» или «постгуманистических» концепциях. Заявила о себе *гуманология* (*humanology*) — «наука о человеке, переступающем свои видовые границы, наука о трансформациях человеческого в процессе создания искусственных форм жизни и разума, потенциально превосходящих биологический вид *homo sapiens*»². В контексте гуманологии человечество трактуется как один из видов разумных существ, одна из фигур ноосферы, постепенно вытесняемая искусственным интеллектом на её периферию.

¹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 2. – М., 1990. – С. 8–9.

² Эпштейн М. Гуманология // Эпштейн М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – С. 606.

К счастью, фактическая эволюция не подтверждает пока пессимистические прогнозы. Начиная с 1960-х годов, вместо беззубых и безволосых карликов-интеллектуалов в молодежной среде населения развитых стран стали преобладать акселераты. Физиологи обнаружили, что послевоенная молодежь выше ростом и массивнее телосложением, достигает половой зрелости на 3–5 лет раньше своих предков, да и по умственному развитию заметно их опережает. Ясно, что причиной психофизиологической акселерации является культурная, то есть искусственно созданная, среда обитания современного поколения людей. Благодаря этой среде, более полно раскрывается потенциал биологической эволюции, заложенный природой в *homo sapiens*, и, может быть, поколение акселератов – это первый эшелон грядущих *homo sapientissimus*.

В середине XX века западные интеллектуалы стали именовать *трансгуманистами*, или *постгуманистами*, людей, целенаправленно использующих достижения науки и техники для развития своих «постчеловеческих» способностей. Суть трансгуманистического мировоззрения заключается в признании возможности и желательности фундаментальных изменений в организме человека, усиливающих физические, умственные и психологические возможности и исключающих страдания, старение и смерть. Главный принцип трансгуманизма звучит так: «Человек должен эволюционировать дальше любыми доступными методами».

В 1998 году была основана *Всемирная ассоциация трансгуманистов*, которая ставит задачи: изучать и оценивать с гуманистических позиций достижения науки и техники, особенно нанотехнологию, биотехнологию, информационные технологии, искусственный интеллект; как можно больше отдалить, а в идеале – отменить старение и смерть человека, дать ему право самому решать, когда умирать и умирать ли вообще (иммортиализм); противостоять учениям и организациям, отстаивающим антимодернизм и антипрогрессизм (религиозный фундаментализм, фанатичный традиционализм, возврат к природе). В трансгуманизме различаются а) *либеральное течение*, отстаивающее разумный эгоизм, свободу саморазвития личности в условиях рыночной конкуренции, исключение вмешательства государства в личную жизнь; б) *коммунистическое течение*, преследующее цель устранить угрозу расслоения человечества на бессмертную, неуязвимую и почти всемогущую финансово-политическую элиту и подконтрольную ей массу ординарных людей; в) *экологическое течение*, озабоченное восстановлением природной среды при помощи нанотехнологий и биотехнологий. В России заявило о себе *Российское трансгуманистическое*

.....
движение, продолжающее гуманистические идеи В. И. Вернадского, Н. Ф. Федорова, К. Э. Циолковского¹.

Для полноты картины упомяну еще о Международном трансгуманистическом движении иммортиалистов «Бессмертие». Особенностью идеологии этого движения является стремление объединить достижения академической науки с эзотерическим опытом йоги, паранауки, врачевания, психотерапии, различных религий. Ожидается, что подобный синтез позволит «одухотворить науку, наполнить её тайной, творчеством, использовать духовные феномены, наблюдающиеся на протяжении всей истории человеческой цивилизации» для решения главной задачи – обретение бессмертия всеми людьми на планете. Разработана программа «Пять шагов к реальному физическому бессмертию», предусматривающая «овладение и воспроизведение древних йогических технологий по выделению и переносу тонкого тела на другой альтернативный носитель (генетически модифицированный клон, не имеющий собственной души, биокиборг, тело-носитель, состоящее из нанороботов – разумной нано-пыли, управляемой сознанием, квантовое тело-голограмма)». В итоге появляется не дарвиновский *homo sapientissimus*, а *богочеловек*, наделенный сверхъестественными качествами: «мультителесность вместо нынешней монотелесности», «мультиреальность – способность жить одновременно в бесконечном множестве реальностей, свободно перемещая по ним свое сознание», «управление реальностью силой воли», «игра как спонтанная форма творческой активности вместо нынешней целеполагающей причинно-следственной деятельности», «парадоксальное интуитивное мышление в стиле запредельной алогичности вместо обусловленного логического мышления» и др.² Должен признать, что разработчики Программы физического бессмертия настолько мастерски владеют искусством «парадоксального интуитивного мышления в стиле запредельной алогичности», что по сравнению с нею сочинения профессиональных писателей-фантастов кажутся сказкой для детей среднего возраста.

2. Киборгизация. Цивилизованное человечество сумело избавиться от диктата естественного отбора, но зато мы попали во власть не менее беспощадного *искусственного отбора*. Социально-культурная среда, окружающая современного человека, испытывает его на усидчивость и умение работать с книгой и компьютером (не забывайте о неизбежном ухудшении зрения), на способность подчиняться социальным нормам,

¹ <http://www.transhumanism-russia.ru>

² <http://www.bessmertie.org>

на адаптацию к загрязненной природе, к гиподинамии, к умственным перегрузкам, к негативным эмоциям страха, беспомощности, тревожности. Выживают те, кто выдерживает требования искусственного отбора. Незаменима помощь медицины и фармакологии, но за нее приходится расплачиваться зависимостью от лекарственных препаратов, снижением иммунитета, протезированием естественных органов, короче говоря, постепенно идет *киборгизация* человечества, обусловленная изменением режима питания, образа жизни и научно-техническим прогрессом.

Киборгизация представляет собой искусственный процесс совершенствования (улучшения) генетически унаследованной природы homo sapiens. Результатом этого процесса является *киборг* – искусственно произведенный гибрид естественного человека и техногенных деталей. Строго говоря, человек с вставными зубами, в очках и с искусственной почкой – несомненный киборг. А интернетоман – еще более продвинутый киборг с техногенно деформированной психикой, так сказать, еще более совершенное произведение информационных технологий. Многие футурологи-технократы рассчитывают уже к 2050 году получить постчеловека с необыкновенными интеллектуальными способностями, основанными на генной инженерии, молекулярной нанотехнологии, нейропротезах и прямых интерфейсах «компьютер – мозг».

Наиболее решительные из них предвидят симбиоз нанокomпьютера и мозга путем вживления в мозг нанокибернетических устройств. Подобному гибриду будет предоставляться вся информация о состоянии Вселенной, он «будет обладать предельно полной информационной моделью мира, меняющейся вместе с миром в режиме реального времени»¹. Ясно, что киборгу, оборудованному подобным «сверхинтеллектом», не потребуются ни школа, ни университет, ни СМИ. Да и род человеческий его интересоваться не будет, за исключением тех умельцев, которые будут вживлять новые чипы и модернизировать старые. Поскольку кибернетическим органам износа не будет, на Земле воцарится популяция бессмертных сверхчеловеков. Судьба обыкновенных смертных – обслуживать ими же сотворенных нанокибернетических господ.

А. Н. Казанцев в повести «Остров молодых» (1964) описывает планету киборгов, по поверхности которой разъезжают оборудованные гибкими клешнями самоходные катафалки на гусеничном ходу, которыми управляет живой человеческий мозг. Люди на этой планете живут на особом «острове молодых». Когда кто-то из обитателей «острова» стареет, его

¹ Фрумкин К. Человеческая телесность в структуре будущего мира // Свободная мысль – XXI. – 2005. – № 1. – С. 192–203.

.....

сажают в «самоходку», отрезают все болезнетворные части тела и отправляют путешествовать по просторам планеты. Нетленным остается только мозг, который живет практически вечно. Рождаемость люди-островитяне регулируют четко: ребенка можно родить, если кто-то из его предков «посажен в катафалк».

3. Постинформационное общество — это, надо полагать, общество *постчеловеческое*, поскольку обитатели информационного общества мыслятся как *homo sapiens* современного вида, а постчеловеческий социум должны населять некие *posthomo sapientissimus*. Таким образом, гипотетическое информационное общество перерастает в еще более гипотетическое «постинформационное общество». Можно предположить, что, в силу социальной преемственности, будущее постинформационное общество сохранит и даже разовьет некоторые характерные экономические и социальные особенности нашей информационной эпохи. Какие именно?

Теоретики информационного общества полагают, что в последнем, благодаря научно-техническому прогрессу, произойдет свертывание аграрного и индустриального секторов, а преимущественное развитие получит сектор информационных услуг, где будет занято подавляющее большинство работоспособного населения (до 80 %). Фантасты-оптимисты уверяют, что в перспективе биотехнологии и нанотехнологии обеспечат изобилие материальных продуктов, достаточное для того, чтобы постлюди могли не заботиться о «хлебе насущном» и избавиться от «труда в поте лица своего». Например, основатель научно-фантастического жанра «киберпанк»¹ англичанин Брюс Стерлинг нарисовал такую картину.

Когда постчеловечество научится синтезировать всевозможные органические соединения с помощью бактерий, ему уже не придется разводить коров и выращивать картофель. Достаточно иметь колонию соответствующих микроорганизмов в пробирке и создать нужные условия, чтобы уже через несколько часов получить цистерну черной икры или вагон стройматериалов. А когда наши потомки научатся управлять процессами «переноса от бактериальных к позвоночным», миллионы постлюдей смогут генетически модифицировать себя по несколько раз в день, глотая разноцветные пилюли. Ежедневно в мире будут появляться и исчезать новые расы, отряды, семейства и царства живых существ, подобно тому, как сегодня незаметно для нас это происходит с колониями бактерий.

---

¹ Произведения жанра «киберпанк» повествуют об эволюции человеческого общества под действием новых технологий. Гуманистический пафос этого жанра выражает афоризм «Высокие технологии и жалкая жизнь».

Другая характерная черта постинформационного общества, унаследованная от общества информационного, заключается в социальной структуре. Большинство теоретиков информационного общества, в том числе такие цитированные выше авторитеты, как Д. Белл, В. Л. Иноземцев, П. Друкер, М. Кастельс, Г. Шиллер, обращают внимание на поляризацию, даже раскол постиндустриального социума на: а) интеллектно развитое, господствующее меньшинство (высший класс, интеллектуальная элита), располагающее экономическим богатством и политической властью; б) малообразованное, творчески пассивное большинство (низший класс, исполнительская масса). Этот раскол – источник социального напряжения в информационном капиталистическом обществе и угроза его стабильности. В постчеловеческом социуме классовый антагонизм не только сохранится, но и усугубится биологической несовместимостью, поскольку будущий *posthomo sapientissimus* (техногенный киборг) и *homo sapiens* современного вида – это представители *разных биологических видов*, претендующих на одну и ту же биологическую нишу. Если в информационном обществе возможен, хотя и затруднен, межклассовый обмен людьми, то в постинформационном обществе он исключается в принципе, потому что человек, выросший в среде себе подобных, не способен самопреобразоваться в постчеловека, обладающего иным складом мышления и иной телесностью.

Непреодолимый барьер между разными видами рода homo хорошо изобразили братья Аркадий и Борис Стругацкие в повести «Волны гасят ветер» (1985), которая четверть века пользуется популярностью у современного человечества. Там речь идет о новом сорте «сверхчеловеков», именуемых «людены» (от латинского слова *ludens* – «играющий»). Людены настолько превосходят в духовном отношении обычных людей, что им невыносимо скучно и тоскливо в их обществе, и они его покидают. Братья-писатели допускают в общество люденов только тех особей рода человеческого, которые наделены природой какими-то таинственными способностями. Один из люденов признается: «Мы – не люди. Мы – *людены*. Не впадите в ошибку. Мы появились потому, что человечество достигло определенного уровня социотехнической организации. Нас мало. И девяносто

¹ Стерлинг Б. Будущее уже началось: Что ждет каждого из нас в XXI веке? – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 264 с.

.....

процентов люден не интересуются судьбами человечества и вообще человечеством. Но есть группа, которая не может забыть, что мы плоть от плоти вашей и что у нас одна родина, и уже много лет мы ломаем голову над тем, как смягчить последствия... Ведь фактически все выглядит так, будто человечество распадается на два вида. И никуда вам не деться от этого ощущения при мысли о том, что один из вас ушел далеко за предел, не преодолимый для ста тысяч».

Человечество распадается на два вида.... Что об этом свидетельствует? Мы с удовлетворением обращали внимание на процесс акселерации, охвативший западные страны во второй половине прошлого века. Как приятно констатировать появление поколения здоровых и умных молодых людей! Однако омрачает радость тот факт, что акселерация, как и рост средней продолжительности жизни, наблюдаются не повсеместно, а только в экономически развитых странах, имеющих достаточно высокий индекс развития человеческого потенциала. Достаточно сопоставить следующие данные, относящиеся к 2002 году: ожидаемая продолжительность жизни в странах с высоким индексом развития человеческого потенциала (ВВП на душу населения в этих странах около 25 000 долларов; индекс уровня образования 0,95) – 77,4 лет; в странах со средним индексом развития человеческого потенциала (ВВП 4,3 тысячи долларов на душу населения, индекс уровня образования 0,75) – 67,2 лет; в странах с низким индексом развития человеческого потенциала (ВВП 1,2 тысячи на душу населения, индекс уровня образования 0,5) – 49,1 лет¹. Стало быть, зарождение вида homo sapientissimus можно ожидать только в странах с высокими экономическими и образовательными показателями. Только там могут зародиться «сапиентиссимусы», которым ученые-оптимисты пророчат: «Через 100–200 лет продолжительность жизни порядка 150 лет не покажется невероятной. При том человек грядущего будет активнее и бодрее в возрасте, который казался предкам очень поздним. Люди 50, 60, а в перспективе и 80 лет будут менять место жительства, профессии, учиться и переучиваться, путешествовать, совершать открытия, делать карьеру, жениться, производить на свет детей»². Короче говоря, плоды человеческой науки, техники, культуры пожнет пресловутый «золотой миллиард», жители информационного общества, которые смогут оплатить свое

¹ Доклад о развитии человека 2004. Культурная свобода в современном многообразном мире. Программа развития ООН. – М.: Изд-во «Весь мир», 2004. – С. 164. Кстати, Российская Федерация отнесена к странам со средним индексом развития человеческого потенциала и ожидаемой продолжительностью жизни 66,7 лет.

² Буровский А. М. После человека // Чеснокова Т. Ю. Постчеловек. От неандертальца до киборга. – М.: Алгоритм, 2008. – С. 197.

приобщение к постчеловеческим стандартам. А какова судьба остального «человеческого поголовья»? Коротать свой век в каменных джунглях мегаполисов. Что в конце концов ожидает их потомство?

Однозначно отвечает на этот вопрос молодая философская дисциплина *гуманология (humanology)*, которая рассматривает человека в ряду возможных форм разума рядом с гуманоидами, киборгами, роботами: «Вслед за природой и человек будет все более восприниматься в модусе редкости, как замкнутый биоценоз, встроенный в более могущественную техническую среду. Такие плантации, или заповедники, или натуральные музеи человеческого будут принимать самые причудливые формы, как некомпьютеризованные островки давно прошедшей естественной цивилизации»¹. В этих «заповедниках человеческого», по-видимому, будут экспонироваться киборгам и гуманоидам в качестве информационных курьезов гусиное перо, инкунабула и сутулая фигурка интеллигента-книжника (*homo legens*) в очках и с шишковатой лысой головой. Информационное общество преобразится в сюрреалистический кошмар, глобальный «постчеловейник», информирующий о самом себе самого себя. Этот кошмар станет завершающей фазой биологической эволюции рода человеческого в эпоху торжествующего трансгуманизма и киборгизации.

Подведем итоги. Юрий Александрович Никитин (род. 1939), современный писатель фантастики и фэнтези, представил эволюцию человека несколько схематично, но зато наглядно. Вот его схема.

Примат → Человек → Трансчеловек → Постчеловек → Сингуляр.

К приматам, надо думать, относятся питекантропы и неандертальцы; трансчеловек определяется как переходное существо от человека к постчеловеку; постчеловек отличается от человека интеллектуально и физически (иная организация мышления, иная, возможно, неорганическая, материальная субстанция); сингуляр – обитатель неведомой «Постсингулярной реальности»². В этом ряду формирующееся сейчас информационное общество располагается между звеньями «человек» и «трансчеловек». Можно сказать, что XXI век – это *точка бифуркации*, поскольку от информационного общества возможны два пути эволюции человечества: либо гуманистический путь развития человеческой

¹ Эпштейн М. Гуманология // Эпштейн М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – С. 607–608.

² Точка сингулярности понимается в космологии как такой переломный момент в эволюции системы, когда некоторые её параметры стремятся к бесконечности за конечное время (Панов А. Д. Универсальная эволюция и проблема поиска внеземного разума (SETI) – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 208 с.). Трудно определить, какую «Постсингулярную реальность» Ю. А. Никитин имеет в виду.

природы, либо технократический путь к постчеловеческому киборгу. И в том, и в другом случае должен состояться переход от виртуальных реалий рассмотренных концепций к неведомым социальным реалиям информационного общества.

3.3.4. Повестка XXI века: экспертиза политолога А. И. Неклессы.

Заглянув за горизонт обозримого будущего и обескуражено узрев там мрачные фигуры бессмертных гуманоидов и киборгов, вернемся к фантастическим трансформациям человечества, происходящим в наши дни. Чтобы не заблудиться в замысловатых переплетениях виртуальных и социальных реалий, нужен совет опытного эксперта. В качестве источников экспертных суждений используем публикации одного из авторитетных политологов-прогнозистов А. И. Неклессы. *Александр Иванович Неклесса* (род. 1949) – выпускник Московского государственного института международных отношений при Министерстве иностранных дел СССР (1972), окончил аспирантуру Института Африки АН СССР и Высшие курсы стратегических исследований в Каире. В качестве специалиста Неклесса участвовал в разработке стратегических внешнеполитических направлений РФ и в ряде международных проектов, руководил исследовательскими центрами РАН, занимающимися проблемами геоэкономики. В настоящее время он председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации и член Бюро Научного совета «История мировой культуры» Академии наук, заместитель генерального директора Института экономических стратегий РАН, профессор кафедры геоэкономики Академии геополитических проблем, действительный член Всемирной федерации исследований будущего, ведущий еженедельной радиопрограммы «Будущее», автор более 500 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. В этих публикациях анализируются становление нового мирового порядка, глобальные изменения международных отношений и национальных социальных структур, предсказываются трансформации России в наступившем столетии. Отметим основные прогностические оценки А. И. Неклессы, имеющие отношение к теме нашего исследования.

1. *Управляемый хаос* в области международных отношений характеризуется следующими явлениями: перераспределение властных полномочий с национального на глобальный уровень и появление новых субъектов власти, таких как международные регулирующие органы и неформальные центры влияния; конкуренция между США и другими претендентами на мировую гегемонию; транснационализация элит и влияние политических и экономических рычагов управления; формирование

новых социальных общностей – мирового Севера и мирового Юга, помимо ранее существовавших Запада и Востока; развитие транснациональных сетей сотрудничества и сетевой культуры в целом. Совокупность этих явлений образуют *мегатенденцию глобализации*, ведущей к «зарождению некой оригинальной цивилизационной альтернативы со своим культурным языком, законами и логикой социального бытия, собственной шкалой ценностей»¹. Международные отношения перестают быть сферой, где формально равные и суверенные члены выстраивают коалиции, взаимодействующие друг с другом; теперь возникает глобальная иерархия, на вершине которой «большая семерка», НАТО и т. п., а на противоположном полюсе «отверженное племя государств-париев». Параллельно возрастает роль международных экономических институтов (Международный валютный фонд, Международный банк реконструкции и развития, Всемирная торговая организация и др.).

В результате складывается ситуация «управляемого хаоса», когда неформальные, анонимные и непубличные лидеры пытаются предвидеть и превентивно регулировать негативное, с их точки зрения, развитие событий, а рядовые члены мирового сообщества бесконечно соперничают друг с другом, преследуя противоположно направленные цели. Мир столкнулся с активным проявлением новой социальной психологии, со сменой социальных и культурных ожиданий. В этих условиях нормой становятся турбулентность, децентрализация и нестационарность мирового сообщества, которые обуславливают такие факторы, как глобальные финансово-экономические кризисы, возрождение архаических ценностей и тоталитарных режимов, распространение оружия массового поражения и угрозы его применения, всемирное распространение криминальных структур, превращение терроризма в «системный» компонент информационного общества. XXI век станет свидетелем беспощадной схватки между легальными институтами социального управления и децентрализованной, сетевой властью. Результаты этой схватки будут иметь решающее значения для судьбы человечества. А. И. Неклесса приходит к неоптимистическому заключению: «В зыбкой, турбулентной среде Нового мира цивилизация либо сможет удержать свои идеалы и начала, обретя новую кожу, либо растворится в пространстве иного порядка вещей. Перейдя из мира, совершавшего чудовищные ошибки, но стремившегося вознести цену человека, к многолюдному обществу, где человеческая жизнь будет

¹ Неклесса А. И. Неопознанная культура. Гностические корни постсовременности // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып. 2. – М.: Восточная литература, 2002. – С. 17–47.

цениться дешевле, чем на невольничьих рынках древности, — она просто не будет стоить ничего»¹.

2. *«Люди Воздуха», или постиндустриальный класс.* А. И. Неклесса прозорливо заметил, что в современном мире, наряду с процессом глобализации, протекает не менее важный процесс *индивидуации* — «становление энергичной, полифоничной личности, или группы личностей, обладающих доступом к финансовым, организационным, техническим, технологическим рычагам индустриального или постиндустриального уклада, каким люди никогда прежде не владели». Постиндустриальному классу Неклесса посвятил несколько публикаций, в том числе книгу, названную «Люди воздуха»². Этот класс представляет собой элитарный слой, завоевывающий господствующие позиции в постиндустриальном обществе. Его образуют высокообразованные, интеллектно развитые личности, связанные не с торговлей или промышленностью, а с нематериальным, «воздушным» производством. Социальная миссия «людей воздуха», или «эфирократии» заключается в управлении целеполаганием общества, образами его будущего, кодексами поведения, информационно-финансовыми потоками, геоэкономическими композициями. Они по-новому понимают свободу, смысл жизни, культурные ценности, чем предшествующая им бюрократическая элита, и способны противопоставить свои взгляды государственной идеологии. Их сила заключается в знании, поскольку, как выразился автор, «знание содержит мощь в себе самом». Поэтому именно «эфирократии», а никак не пролетариату, «суждено сменить буржуазию в перманентной исторической эстафете».

Информационно-коммуникационная революция конца XX столетия создала условия для «экспансии специфической активности» постиндустриального класса, который реализовал свой творческий потенциал в пространстве «инновационных трансценденций, информационных трансакций, финансово-правовых операций, рефлексивных инспираций — всей жизненной субстанции knowledge-based economy». В итоге, утверждает А. И. Неклесса, «выстраивается футуристическая архитектура психологически невероятного, однако социологически вполне возможного положения дел». Автор ставит вопрос: правильно ли называть получившуюся футуристическую архитектуру «постиндустриальным миром»? Он склонен называть её пространством индустриализма, развившегося

¹ Неклесса А. И. Управляемый хаос / Социокультурные проблемы глобализации. Вып. 4. — М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2003. — 40 с.

² Неклесса А. И. Люди воздуха, или Кто строит мир. — М.: Институт экономических стратегий, 2005. — 224 с.; Неклесса А. И. Постиндустриальный класс / Материалы к заседанию клуба «Красная площадь» от 14 октября 2005 г. — М., 2003. — 56 с.

на основе не научно-технических или промышленных, но преимущественно социогуманитарных и когнитивных технологий. Благодаря этим технологиям на капиталистическом рынке процветают невидимые колледжи, интеллектуальные фабрики, разнообразные клубы, сообщества и комиссии и даже «интеллектуальный хлам, пользующийся массовым спросом и приносящий значительный доход». В итоге социогуманитарная деятельность начинает восприниматься не в качестве «дополнения» к практической механике мира, а как «сама плоть конструкций постсовременности», а «люди воздуха», обладающие интеллектуальной мощью, становится политической и экономической элитой.

Надо заметить, что идея господства интеллектуалов в обществе будущего не является новой. Она зародилась на Западе в середине XX века в недрах идеологии *технократизма*. У истоков её стоят американцы Джеймс Бернхэм (1905–1987), автор книги «Менеджерская революция» (1941) и Джон Гэлбрейт (1908–2006), автор теории «нового индустриального общества». Суть этой идеологии состоит в обосновании неизбежности перехода социальной гегемонии от капиталистов-собственников и политиков-профессионалов к технократам, обладающим обширными научными и техническими знаниями и способными организовать их производственное применение в личных интересах. Технократы смогут монополизировать научное управление обществом и благодаря этому стать новым эксплуататорским классом в постиндустриальном обществе. Образование технократической властной элиты предсказывается в концепциях В. Л. Иноземцева, П. Друкера, Г. Шиллера и других футурологов (см. выше). Один из отечественных вариантов концепции технократического общества изложен в книге С. Л. Афанасьева¹.

Новизна и оригинальность взглядов А. И. Неклесса заключается в том, что он отдает приоритет не технократам, а «эфирократам», то есть специалистам социогуманитарного профиля. Поэтому его взгляды относятся к гуманистическим, а не технократическим концепциям. Властелином будущего Должен стать человек-суверен (проще говоря, – индивидуалист-космополит), расстающийся с психологией «подданного» и «гражданина», действующий как транснациональное, автономное существо, а в пределе и суверенное по отношению к сложившимся структурам земной власти, – умножающийся и одновременно уникальный результат новейшей истории².

¹ Афанасьев С. Л. Будущее общество. М.: Изд-во МГТУ им. Н. Баумана, 2000. – 568 с.

² Неклесса А. И. Конец цивилизации, или Зигзаг истории // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып. 2. – М.: Восточная литература, 2002. – С. 109–142.

.....

3. *Россия на краю истории.* Политолог Неклесса начинает свой разговор о России с утверждения, что она не вполне обычное государство. Имея за плечами долгую историю, обладая многовековой культурой, она в то же время представляет собой новое государство с изменившимися ценностными ориентирами, геостратегическим целеполаганием, геополитическим контуром и геоэкономической картографией¹. Автор верно отмечает, что в годы перестройки негативные альтернативы скрывались за туманом пафосных рассуждений о «научно-технической революции», «набирающем темп прогрессе», «наступлении эпохи постиндустриализма и информационного общества». Да, именно во времена перестройки «информационное общество» стало привлекательной целью общественного развития. К концу своего существования СССР приближался к порогу постиндустриализации, но распад Союза привел к цивилизационному откату. Сегодня новая Россия заняла прочное место среди производителей природного сырья и полуфабрикатов, живущих за счет природной ренты, а не развития человеческого потенциала.

Отставание от технологически развитых сообществ, точнее, неоархаизация и социальная деградация России, имеют историческое объяснение. На протяжении XX века в стране происходило разрушение начатков самостоятельности и самоорганизации, выпалывание неординарных творческих личностей, насаждение атмосферы страха, конформизма и исполнительства. В результате после 1991 года элитарные позиции «новых русских» захватили наиболее предприимчивые лица партийно-комсомольской номенклатуры, цеховики и фарцовщики, полу – и прямокриминальные личности. Их успеху способствовали не образованность и интеллектуальное развитие, а корыстный расчет, моральный релятивизм, круговая порука, эгоизм, психология подполья. А. И. Неклесса видит основную причину упадка России в примитивности политической элиты постсоветского времени. В руководстве страны оказались личности, не способные «улавливать ритмы истории, создавать целостное и долгосрочное целеполагание; эксплуатируя демагогию и патетику, они блюли шкурные или клановые интересы, искренне понимая под политикой интригу, в результате проигрывая игрокам с „длинной волей“, иным жизненным горизонтом, стратегией». С горечью патриот-политолог восклицает: «Дефицит высоких смыслов и масштабных личностей – критическое обстоятельство в моменты исторических метаморфоз» (с. 239).

¹ Неклесса А. И. Мир Индиго. Социокультурная и политическая мобильность в условиях цивилизационного транзита // De futuro, или История будущего. – М.: Политический класс; АИРО-XXI, 2008. – С. 205–254.

Разочарованность и скепсис не покидают А. И. Неклессу и в наши дни. В одном из интервью, данном в конце 2010 года, он заявил: «Сегодня российское общество архаизируется. Мы наблюдаем поразительные случаи творящегося беспредела. Не только властные, но и социальные институты перестают нормально работать, переходя на авральный или мобилизационный режим. Либо „просто“ имитируют цивилизацию. Это и есть неоархаизация. Россия проваливается в мировой андеграунд. Она сегодня не только расширенно воспроизводит криминал и коррупцию, но начинает успешно торговать ими в различных упаковках. И одновременно создает собственную футуристическую среду обитания с инновационным правящим сословием». Поставив диагноз российским болезням, ученый политолог указывает и путь излечения: «Для России в её нынешнем состоянии наиболее актуальной и болезненной темой является реабилитация. Прежде всего, социально-культурная, но также инфраструктурная и индустриальная. Реабилитация российского гражданина и среды его обитания»¹. Когда может случиться желанная реабилитация, Неклесса предсказать не берется. К сожалению, «постиндустриальный класс», будущих обитателей информационного общества он в современной России не обнаруживает.

В своих исследованиях будущего состояния человеческой цивилизации и России в наступившем XXI веке политолог А. И. Неклесса предпочитает не углубляться в просторы виртуальной реальности и оставаться на уровне фактов социальной действительности. Можно сказать, что он занимается не столько спекулятивной разработкой футурологических идей, сколько поиском подтверждений их социализации. Обозначенные им три проблемы: особенности мирового порядка, формирование личности нового типа, анализ российских трансформаций, скорее, относятся к сущему настоящему, чем к возможному будущему. Поэтому экспертизу А. И. Неклессу используем в качестве отправного пункта для перехода к содержанию главы 4, названной «От виртуализации к социализации». Центральное место в этой главе займут те же три проблемы, которые волнуют политолога-прогнозиста, а именно: мегатенденция глобализации, личность *homo informaticus*, судьба России.

¹ <http://www.kasparov.ru/material>

.....

Глава 4.

От виртуализации к социализации

Блуждая в дебрях информатизации,
В конце концов, с отчаяньем поймешь,
Что Правда скрыта в мифологизации
И стережет её святая ложь.

Социализация идеи информационного общества представляет собой переход её из виртуальной реальности в реальность социальную. Концепции информационного общества, рассмотренные в предыдущей главе, представляют собой научно-футурологические разработки, то есть культивацию идеи информационного общества в экономическом, социальном, политическом, технологическом, культурологическом аспектах. Все они представляют собой типичные *симулякры*, то есть, как выражался Жан Бодрийар, «знаки, которые скрывают, что ничего и нет». В самом деле, информационное общество как таковое сейчас отсутствует, и вместо него мы имеем тексты, симулирующие будущий социум, один из «возможных миров». Ж. Бодрийар определял *симулякр* (*simulacre*) как «постреальность, построенную посредством симуляции, выдающей отсутствие за присутствие, стирающей различия между реальным и воображаемым, сочетающей мнимость и истинность». Симулякры – это элементы социогенной виртуальной реальности, сконструированной творческим воображением её авторов. Они играют важную роль в процессе познания сложных социально-культурных феноменов.

В разделе 2.3.3 была получена «виртуальная» формулировка идеи информационного общества, согласно которой это общество представляет собой *симулякр* постиндустриального интеллектно развитого социума, удовлетворяющего посредством информационно-коммуникационных технологий материальные и духовные потребности личности, социальных групп и государства. Здесь указаны сущностные (необходимые) признаки – постиндустриальный уровень материального производства, высокий интеллектуальный уровень населения, высокий уровень развития электронно-цифровой техносферы, но не конкретизированы экономические, социальные, политические, культурные реалии будущего общества.

Самый же главный пробел – отсутствие указания на путь социализации идеи, то есть на способ перехода от виртуального к социальному. Поэтому содержание идеи информационного общества оставалось неполным, и завершение его предполагалось путем обращения к научно-футурологическим концепциям, представленным в предыдущей главе.

Анализ концептуальных симулякров показал, что фактически все исследователи будущего признают те сущностные (необходимые) признаки грядущего информационного общества, которые включены в «виртуальную» формулировку. Общеизвестно, что материально-технический, интеллектуальный и электронно-технологический уровень информационного общества должен значительно превосходить кондиции нынешнего индустриального общества. Расхождения между авторами относятся к экономическим, политическим, социальным, культурным реалиям, которые непосредственно удовлетворяют ожидания и потребности граждан. Что же касается способа социализации виртуального симулякра, то как зарубежные, так и отечественные теоретики шли двумя противоположными путями:

1) *технократический* путь, когда суть цивилизационного прогресса усматривалась в глобальном распространении цифровых и сетевых информационно-коммуникационных технологий, символами которых являются Всемирная паутина Интернет и сотовая телефония; в связи с этим будущее общество называлось не только «информационным», но и «цифровым», «сетевым», «мобильным»;

2) *гуманистический* путь, когда приоритет отдавался не технологическому прогрессу инфосферы, а коренным преобразованиям общественного бытия и сознания, формированию информационной культуры как сердцевины информационного общества.

В итоге получились два содержательно противоположных, но в равной мере правдоподобных выражения идеи информационного общества, характеризующих её как *идею-антиномию*. Напомню, что *антиномия* (греч. противное закону) – противоречие между двумя суждениями, каждое из которых считается в равной мере обоснованным или логически выводимым в рамках некоторой концептуальной системы (научной теории)¹. Что нас ожидает в будущем? Торжество технократии или победа гуманизма?

Технократический путь наверняка обретет мощную поддержку со стороны экономической и политической элиты, потому что он соответствует мировым тенденциям глобализации и имеет привлекательный масскультурный имидж. Вместе с тем существует опасение, что человечество

¹ Порус В. Н. Антиномия // Новая философская энциклопедия. Т. 1. – М.: Мысль, 2010. – С. 117–119.

станет заложником техногенной реальности, потому что «в сверхсложных нелинейных системах, каким является современное общество, отдельные рациональные решения в совокупности могут приводить к непредсказуемым и неожиданным результатам» и в итоге «рациональные, правильные решения рождают общий иррационализм»¹.

Гуманитарии, безуспешно призывающие к осторожности и разумной сдержанности, по-видимому, окажутся в оппозиции к «калькуляторски-дегуманизирующей технологии» во имя сохранения природного и культурного наследия. Вслед за философом В. Н. Катасоновым они будут повторять прописную истину: «Сами по себе информационные технологии не являются злом. Зло – это утопические проекты, порождаемые ими в легковверных душах и легковесных умах. В сегодняшнем мире мы обречены использовать информационные технологии. Тем актуальней становится задача осознания их природы и границ»². Или недоумевать вместе с М. Кастельсом: «Как объединить новые технологии и коллективную память, универсальную науку и общинную культуру, страсти и разум? Почему мы наблюдаем во всем мире противоположную тенденцию, а именно, увеличение дистанции между глобализацией и идентичностью, между сетью и Я?»³.

Задачи настоящей главы состоят в том, чтобы оценить современные направления культивации и утилизации идеи информационного общества, а также реальную активность по её социализации на международном уровне и в масштабе нашей страны. На основании анализа перспектив формирования глобального информационного общества, российских программ построения информационного общества и готовности россиян к его восприятию попытаемся уяснить, в чем заключается секрет неотразимой привлекательности идеи информационного общества в наши дни и содержание антиномии идеи информационного общества.

4.1. ГЛОБАЛЬНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО

Начавшееся столетие позиционируется как «информационная эпоха» и вместе с тем как эпоха глобальных угроз и «вызовов» человечеству. Случайно или закономерно, но получилось так, что в историческом времени совпали *две мегатенденции*, определяющие будущее человечества:

¹ Кутырев В. А. Любовь к мудрости на пороге Нового века // Вестник МГУ: Философия. 1998. № 3. С. 10.

² Катасонов В. Н. Технологии информационной цивилизации и мудрость книжной культуры // Общество и книга: от Гутенберга до Интернета. М., 2000. – С. 81.

³ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000. – С. 44.

информатизация и глобализация. Эти мегатенденции амбивалентны: с одной стороны, они усугубляют глобальные проблемы, с другой стороны, обещают переход от хаоса предыдущих эпох к системной упорядоченности и устойчивому развитию в лоне единой «всемирной деревни». Устойчивое развитие (sustainable development) альтруистически понимается как развитие всех народов Земли, отвечающее потребностям нынешнего дня и не лишаящее будущие поколения возможности удовлетворять свои собственные нужды. Очевидно, что эти мегатенденции не обособленны, а напротив, взаимосвязаны и даже взаимообусловлены. Процессы глобализации прокладывают человечеству путь в глобальное (всемирное) многонациональное общество. Вместе с тем разрешение большинства глобальных проблем требует постоянного и оперативного информационного взаимодействия в планетарном масштабе, которое можно обеспечить только в рамках информационного общества. Получается, что построение глобального информационного общества – ключевая проблема и конечная цель как мегатенденции информатизации, так и мегатенденции глобализации.

4.1.1. Информатизация и глобализация. Информатизацию будем понимать как использование искусственно созданных носителей семантической или машинной информации в социальных процессах коммуникации, познания и управления. Исторически первыми продуктами семантической информатизации можно считать палеолитические гравюры, а появившаяся в Новое время книжная коммуникация (Галактика Гутенберга) – весьма сложная информационная инфраструктура человеческой цивилизации, отличающая последнюю от дописьменного варварства. Машинная информатизация пришла в индустриальное общество XIX – XX веков в виде телеграфа, телефона, радиосвязи, телекоммуникации, телевидения, компьютерной техники (в перспективе – нанотехнологии). Довольно быстро телефонно-телеграфные каналы и радиосистемы достигли глобальных масштабов. Идея глобализации книжной коммуникации принадлежит основоположнику документологии *Полю Отле* (1868–1944), которому Ю. Н. Столяров вполне заслуженно присвоил титул «провидца и мыслителя планетарного масштаба»¹. Столь же обоснованно П. Отле можно именовать «предтечей семантической информатики». Не случайно Р. С. Гиляревский написал: «В наши дни решение выдвинутых им задач осуществляется с помощью электронной техники, автоматизированных систем научно-технической информации, международных и национальных

¹ Отле П. Труды по библиотековедению: практическое пособие / вступит. статья и науч. ред. Ю. Н. Столярова. – М.: Либерия, 2002. – 232 с.

.....

программ развития информатики»¹. Действительно, в конце XX столетия произошла интеграция семантической информации и машинной информации, благодаря которой стала возможной реализация глобальных информационных систем, в том числе Интернета, образовавших коммуникационную инфраструктуру грядущего глобального информационного общества. Современное состояние глобализации и интеграции в области информационно-библиотечной деятельности достаточно полно представлено в обзоре В. В. Ступкина².

Надо заметить, что органическая взаимосвязь между процессами информатизации и глобализации не всегда осознавались нашими теоретиками. Обратимся, например, к трактовке понятия «информатизация», разработанной отечественным Институтом развития информационного общества. Она звучит так: «процесс широкомасштабного использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) во всех сферах социально-экономической, политической и культурной жизни общества с целью повышения эффективности использования информации и знаний для управления, удовлетворения информационных потребностей граждан, организаций и государства и создания предпосылок перехода к информационному обществу»³. Определение достаточно полное, но в нем отсутствует термин «глобальный», поскольку, надо полагать, авторы имели в виду масштабы отдельного государства (очевидно, России) и построение российского информационного общества. Труднее понять причины, по которым авторитетные авторы концепций информационного общества, представленных в главе 3, избегали глобальных обобщений.

Д. Белл, О. Тоффлер, В. Л. Иноземцев толкуют о революционных и глобальных переменах мировой цивилизации, о глобальном рынке, о новом мировом порядке, важнейшим производственным, социальным и политическим ресурсом которого служат информация и знание, о расколе и антагонизме между «золотым миллиардом» и остальным населением Земли, о нарастании «всех форм неравенства», но нигде не говорят о глобальных проблемах всего человечества. Даже М. Кастельс, признавая, что в условиях информационного общества достижение определенного

---

¹Отле П. Библиотека, библиография, документация: избранные труды пионера информатики / предисл., сост., коммент. Р. С. Гиляревского. – М.: ФАИР-ПРЕСС, Пашков дом, 2004. – 350 с.

²Ступкин В. В. Глобализация и интеграционные процессы в информационно-библиотечной деятельности (обзор) // Научно-техническая информация. Сер. 1. – 2007. – № 12. – С. 1–16.

³Ершова Т. В. Информационное общество – это мы! – М.: Ин-т развития информ. общества, 2008. – С. 29.

Глобализация понимается как «придание чему-либо глобальных масштабов, распространяющихся на весь земной шар»¹. Например, «глобальные атмосферные процессы», «глобальные проблемы», «глобальное загрязнение», «глобальный рынок», «глобальная катастрофа» и т. д. Французские ученые в близком значении используют термин *мондиализация* (от франц. mondial – мировой, всемирный). В различных научных дисциплинах истоки глобализации объясняются по-разному: историки считают её современным этапом капитализма; экономисты ведут отсчет от появления транснациональных финансовых рынков; экологи обращают внимание на экологический кризис; политологи отмечают распространение либеральных принципов; культурологи изучают феномен глобальной культуры и сопутствующие ему процессы глобализации культур и культурной

¹ «Глобальный», синоним «всемирный», «всеобщий» означает «охватывающий весь земной шар», в переносном смысле «всесторонний», «универсальный», «грандиозный». (Толково-энциклопедический словарь. – СПб.: Норинт, 2006. – С. 437).

.....

глобализации. Некоторые остроумные обществоведы определяют глобализацию как социальный процесс, в ходе которого уменьшается зависимость социального и культурного развития человечества от географического фактора. Известна и другая интерпретация: мир становится глобальным, если географически удаленные общества связаны друг с другом настолько тесно, что местные события определяются событиями, происходящими за многие мили от них, и наоборот.

Различные процессы глобализации (мондиализации) стали предметом изучения комплексной научной дисциплины, получившей название *глобалистика* (global studies). Недавно появившаяся на русском языке «Энциклопедия глобалистики»¹ характеризует её содержание как тематически универсальное, всемирное по географическому охвату и грандиозное по масштабам. В настоящее время в комплексе глобалистики представлены следующие относительно самостоятельные научные направления (некоторые из которых узурпировали имя «глобалистика»).

1. Как показано в разделе 1.3.2, благодаря алармистским докладам Римского клуба, еще в 70-е годы глобальные проблемы оказались в центре внимания исследователей будущего, и начала развиваться *футурологическая глобалистика* – наука о сохранении Земной цивилизации. Вот одно из развернутых толкований предмета и задач этой науки: «Глобалистика – наука, изучающая наиболее общие закономерности развития человечества и модели управляемого, научно и духовно организованного мира в единстве и взаимодействии трех основных глобальных сфер человеческой деятельности – экологической, социальной и экономической – в реальных условиях Земли с конечными физическими размерами и ограниченными природными ресурсами в наступившую эпоху антропогенно перегруженной Земли»². Традиционными предметами изучения футурологической глобалистики (геофилософии) являются: перенаселение планеты и разумная демографическая политика; преодоление экологического кризиса; борьба с голодом, нищетой и болезнями; рациональное использование природных благ, освоение мирового океана и космического пространства в интересах всего мирового сообщества; сохранение мира, укрепление всеобщей безопасности и разоружение. В последнее десятилетие статус глобальных проблем приобрели международный терроризм и торговля наркотиками³.

¹ Глобалистика. Энциклопедия / Ред.-сост. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. – М.: Радуга, 2003. – 1328 с.

² Федотов А. П. Глобалистика: Начала науки о современном мире: Курс лекций. – М.: Аспект Пресс, 2002. – С. 219.

³ Родионова И. А. Глобальные проблемы человечества. – М.: Аспект Пресс, 1995. – 159 с.; Тураев В. А. Глобальные вызовы человечеству. – М.: Логос, 2002. – 192 с.

Наш современник, эксперт Российского трансгуманистического движения по глобальным рискам Алексей Турчин, не сбрасывая со счетов природные катаклизмы, сосредоточил внимание на антропогенных рисках, включая превращение искусственного интеллекта (ИИ) в универсальное абсолютное оружие, порабащающее человечество или уничтожающее его. Автор приходит к выводу: «Риск, который несет в себе развитие технологий ИИ, крайне велик и систематически недооценивается, Это область гораздо более непредсказуемая, чем даже биотехнологии. Вместе с тем ИИ является, возможно, нашей наилучшей защитой от прочих опасностей. Время возможного созревания сильного ИИ, подобно времени возможного созревания сильного и доступного биологического оружия – примерно 10 лет с настоящего момента, и эти процессы относительно не зависят друг от друга. Возможно, им предстоит столкнуться»². Трудно не согласиться с А. В. Турчиным, что «систематически недооценивать» риски глобальных катастроф никак нельзя. Вместе с тем, если признать, что предрешено появление непредсказуемых и гигантских разрушительных сил, то теряет смысл исследование перспектив формирования глобального информационного общества на нашей планете, да и научная деятельность вообще, ибо неясна судьба человечества. Подобное самоубийственное признание неприемлемо, поэтому продолжим дальше обзор направлений глобалистики.

²Турчин А. В. Структура глобальной катастрофы: Риски вымирания человечества в XXI веке. – М.: Изд-во ЛКИ, 2011. – С. 134.

.....

2. *Естественнонаучная глобалистика (геоэкология)*, родоначальником которой по праву считается академик В. И. Вернадский (1863–1945), исследует глобальные проблемы геосферы, биосферы, климатологии с точки зрения естественных наук. Наибольшую актуальность в этом направлении приобрели антропогенная деградация окружающей среды (опустынивание земли, загрязнение вод, разрушение атмосферы, изменение климата), обеспеченность человечества энергетическими, минерально-сырьевыми, водными, земельными и другими естественными ресурсами.

3. *Экономическая глобалистика (геоэкономика)* – учение о мировой экономике и международных экономических отношениях¹. Предметами её исследования служат: мировая торговля, мировые валютные системы, финансовые рынки, международное разделение труда, реагирование на конъюнктуру глобальных рынков, передвижение рабочей силы и т. д. Глобализация в экономической науке определяется как «увеличение взаимосвязи и взаимозависимости экономических систем всех государств мира. В результате этого выравниваются условия хозяйствования стран, уровни цен, уничтожаются барьеры реализации продукции, ценных бумаг. Ослабляются позиции национального капитала, теряется контроль над экономикой со стороны национального государства. Отдельные отрасли (чаще всего в сфере сельскохозяйственного производства) могут серьезно пострадать, оказавшись неконкурентоспособными»².

В 1992 году был провозглашен так называемый *Вашингтонский консенсус*, где сформулированы те принципы неолиберализма, которые пришли на смену политике национального развития (национального благосостояния), проводимой европейскими государствами после второй мировой войны. Этот консенсус неформально принят ведущими капиталистическими странами и проводится в жизнь Всемирным банком, Международным валютным фондом, Всемирной торговой организацией, Международным банком реконструкции и развития. Согласно правилам Вашингтонского консенсуса, для вхождения в глобальную экономическую систему той или иной страны, её государственная власть должна обеспечить либерализацию торговой и финансовой политики, открыть свои рынки для иностранных инвесторов, содействовать приватизации и сокращать государственный сектор, свертывать правовую базу, защищающую интересы наемных работников. Либеральная глобализация рынка

¹ Суэтин А. А. Мировая экономика. Международные экономические отношения. Глобалистика: учебник. – М.: КНОГУС, 2008. – 320 с.

² Большая экономическая энциклопедия. – М.: Эксмо, 2008. – С. 135.

труда накладывает ограничения на рост заработной платы, и рабочие вынуждены подчиняться требованиям работодателей. В результате соблюдения перечисленных правил национальные экономики должны слиться в единую глобальную экономику, состоящую из взаимосвязанных компонентов. Подлинными хозяевами глобальной экономики станут транснациональные корпорации и всемирные финансовые организации.

Многолетний опыт показал, что экономическая глобализация – противоречивый процесс, сочетающий острую конкуренцию с элементами взаимодействия и сотрудничества (образование многонациональных производственных сетей, предполагающих специализацию и технологическую кооперацию фирм). Финансовые операции с валютой и ценными бумагами становятся более привлекательной областью инвестирования капитала, чем реальная экономика, потому что приносят максимальную прибыль. В результате бизнес концентрируется в виртуальной экономике, которая не служит непосредственно интересам материального производства или торговли. Деньги превращаются в особый товар повышенного спроса. Объемы валютных сделок на мировом рынке чудовищно растут: если в 1980 году они составили около 50 долларов, а в 1990 году – 600, то в 1996 году достигли 1300 долларов в день, что равно валовому национальному продукту Франции.

Неоднозначно оценивается полезный эффект постиндустриальной информатизации. Почти 80 % американского ВВП обеспечивает третичный сектор – сектор услуг. Львиную долю составляют информационные услуги, что является одним из главных доводов в пользу того, что в США фактически реализовано информационное общество. Какие услуги считаются информационными? Вот перечень наиболее доходных услуг: юридические, страховые, кредитные, комиссионные, рекламные, трансфертные, аудиторские, консалтинговые. Свой вклад в ВВП США вносят грандиозные контракты и бонусы топ-менеджеров корпораций и банков, биржевых брокеров, профессиональных спортсменов, звезд поп-арта, а также доходы армии юристов и армии психоаналитиков – самых многочисленных и богатых профессиональных групп на рынке информационных услуг. В конечном счете, главным источником национального богатства США становится не производство материальных или духовных ценностей, а торговля деньгами – финансовое посредничество и биржевые спекуляции в мировом масштабе. В экономической теории подобное раздувание ВВП называется «внеэкономическим мыльным пузырем», который обрекает страну на зависимость от импорта и бесперебойности глобальных финансовых, транспортных и информационных

сетей. Нарушение их работы чревато экономической катастрофой, и тогда выживание страны будет зависеть от её способности к самообеспечению, которая снижена у информационных обществ вследствие их деиндустриализации. Предвидя риски такого рода, осторожные экономисты предостерегают: «Россия не в коем случае не должна повторить ошибку Запада, хотя нас к этому подталкивают»¹. Другими словами, с точки зрения национальной безопасности ставится под вопрос приоритет информатизации в эпоху глобализации.

Глобальной экономической проблемой являются диспропорции в мировой экономике, когда совокупное богатство 225 богатейших людей планеты равно ежегодному доходу 2,5 бедняков, составляющих более 40 % человечества. Экономически абсурдна ситуация, когда общее состояние трех богатейших миллиардеров превышает совокупный валовой внутренний продукт 48 беднейших стран. Либеральные футурологи не видят способа уменьшить пропасть между богатыми и бедными, и почти единодушно предсказывают, что в наступившем столетии она будет только увеличиваться. Поэтому не кажется вздорным афоризм, что экономическая глобализация – «финансовое насилие в планетарном масштабе».

4. *Социально-демографическая глобалистика* берет начало с озаченности *Томаса Роберта Мальтуса* (1766–1834) тем, что темпы роста народонаселения значительно превышают темпы увеличения их средств существования. Им был сформулирован «популяционный принцип», согласно которому рост человечества, следующий геометрической прогрессии, будет опережать линейно растущее производство пищи. Демографы подсчитали, что в 1825 году, когда Мальтус обнародовал свою теорию, на Земле жил один миллиард людей. К 1925 году население Земли удвоилось. В 1976 году население Земли оценивалось в 4 млрд. Налицо геометрическая прогрессия, предсказанная Мальтусом. Однако в эпоху информатизации и глобализации закономерность общего роста народонаселения планеты приобрела более сложный характер, потому что в разных странах обнаружились разные демографические показатели. В экономически развитых странах фиксируется убыль населения, а в развивающихся государствах – стремительный рост. Расчеты показывают, что на долю Азии, Африки, Латинской Америки в 2025 году будет приходиться 95 % общего прироста человечества, а в Африке будет жить в три раза больше людей, чем в Европе².

¹ Горянин А. Труды и заработки // Литературная газета. – 2010. – 6–12 октября. №.39.

² Тураев В. А. Глобальные вызовы человечеству: учебное пособие. – М.: Логос, 2002. – С. 97.

Причины демографического взрыва в странах бедного Юга и депопуляции богатого Севера многообразны, и социально-демографическая глобалистика интенсивно их изучает, учитывая экономические, медицинские, социальные и прочие факторы. Особенно интересны системно-синергетические модели роста народонаселения, разработанные академиком С. П. Капицей¹. Согласно его математическим моделям, в 2050 году население Европы будет составлять 700 миллионов (ежегодный отрицательный рост – 0,2 %), Азии – 5700 миллионов (ежегодный рост + 0,44 %), а мир в целом – 9800 миллионов человек (ежегодный рост + 0,54 %). Академик обращает внимание на то, что переход от индустриального развития к постиндустриальному сопровождается замедлением или даже стагнацией роста населения. Следовательно, демографические процессы обусловлены «сменой приоритетов в экономике и ценностей в обществе, изменением взаимоотношений между поколениями и моральных установок при воспроизводстве населения, неизбежным старением, значительной миграцией и этическими изменениями»².

Предметами изучения социально-демографической глобалистики являются: всемирная урбанизация, рост нищеты и социальной неустойчивости в многомиллионных мегаполисах (Мехико – 24, Сан-Пауло – 23, Бомбей – 15 и т. д.), безработица в развивающемся мире (в 2000 году 1,7 человек, к 2025 году прогнозируется более 3), диспропорции в возрастной структуре населения развитых стран (ожидается, что к 2030 году в Германии и Италии сравняются численности работающих налогоплательщиков и неработающих пенсионеров). Особенно острой является проблема миграции в богатые постиндустриальные страны. Во многих европейских странах иностранцы-неевропейцы уже составляют более 10 % населения, пробуждая ксенофобию и межэтнические конфликты. Попытки контролировать миграцию вряд ли увенчаются успехом. Если в Австралии, по оценкам демографов, в 2025 году будет жить 23 миллиона человек, а в соседней Индонезии – 263 миллиона, то австралийцам не избежать нашествия голодных и нищих индонезийцев.

Нельзя не призадуматься над следующим рассуждением В. А. Тураева: «Если в начале 50-х годов индустриально развитые страны составляли одну пятую населения Земли, в 1985 г. – уже одну шестую, то к 2025 году их доля снизится до одной десятой. Это ставит страны Запада перед

¹ Капица С. П. Общая теория роста человечества. – М.: Наука, 1999. – 190 с.; Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 288 с.

² Капица С. П. Население Земли и предвидимое будущее цивилизации // Социологические исследования. – 2003. – № 1. – С. 14–15.

.....

величайшей дилеммой. Если развивающийся мир повысит производительность труда и уровень жизни, то доля Запада в совокупном экономическом продукте мира, а следовательно, и в политическом влиянии, будет неуклонно уменьшаться. В этих условиях удержат ли западные ценности (либеральная культура с приоритетом прав человека, веротерпимостью, демократией и рынком) свое господствующее положение в мире? Ну, а если третий мир не выберется из ловушки бедности? В этом случае развитые страны окажутся в осаде десятков миллионов беженцев, остановить которых будет невозможно. Вряд ли стоит сомневаться в том, что решение проблем глобального демографического дисбаланса между богатым Севером и бедным Югом будет лежать в основе решения и всех других глобальных проблем современности»¹. Культивируемые концепции информационных обществ, представленные в главе 3, по умолчанию являются обществами белых *homo sapiens*, хотя в принципе лишены этнической окраски. Интернет и вся информационная техносфера, несомненно, являются общечеловеческим достоянием, следовательно, глобальное информационное общество должно охватить всех людей, независимо от расы и цвета кожи. Не берусь судить, произойдет ли так не в виртуальной, а в социальной реальности. Свое веское слово должна сказать политическая глобалистика.

5. *Политическая глобалистика (геополитика)* понимается как «новая междисциплинарная отрасль знания в области международных отношений и мировой политики»². После распада мировой социалистической системы западные страны взяли на вооружение политику *неолиберализма* (неограниченная свобода предпринимательства и торговли), которая соответствует интересам транснациональных корпораций (ТНК). Неолиберализм сочетается с политической доктриной *неоглобализма*, распространившей «зону жизненных интересов США» на весь мир, в первую очередь, на «страны Третьего мира». В результате в конце XX столетия начал утверждаться «новый мировой порядок», который характеризуется ростом неравенства между богатыми странами «золотого миллиарда» и остальным человечеством во всех областях международной жизни.

Экономический суверенитет национальных государств утратил свое значение, ибо они не в силах контролировать обменные курсы валют и защищать собственные валюты, а вынуждены подчиняться решениям глобальных институтов. Могущественные ТНК стали диктовать

¹ Тураев В. А. Глобальные вызовы человечеству: учебное пособие. – М.: Логос, 2002. – С. 114.

² Дергачев В. А. Глобалистика. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 303 с.

правительствам развивающихся стран политику открытых дверей для иностранного капитала в соответствии с либеральными принципами *laissez faire* (свобода производства) и *laissez passer* (свобода обмена товарами, технологиями, мигрантами, знаниями). Идея мирового государства на планетарном уровне не оправдалась, так же как иллюзорными оказались представления о независимом государстве-нации, демократически управляющем своей судьбой. Хотя право голоса у граждан сохраняется, но их возможности влиять на внутреннюю и внешнюю политику своей страны минимальны, что, естественно, подрывает доверие к демократическим институтам. Правда, речь об отмирании национальных государств не идет, так как в условиях глобализации они нужны не столько для сохранения национальной культуры, сколько в качестве организатора социального порядка на своей территории и блюстителя интересов ТНК. Однако им, как говорят остроумные политологи, «уготована на мировой арене судьба актера, занятого в эпизодических ролях».

Зато возрастает роль Организации Объединенных Наций и многочисленных неправительственных организаций, которые способствуют консолидации мирового сообщества. ООН, выполняя свою гуманистическую и демократическую миссию, пытается сформировать «транснациональное гражданское общество», а неправительственные организации, такие как Всемирная метеорологическая организация, Всемирная организация здравоохранения, Всемирный почтовый союз, Всемирная организация интеллектуальной собственности, Международный союз электросвязи, Международная федерация библиотечных ассоциаций, ЮНЕСКО, ЮНИДО и др., заполняют пробелы, которые национальные государства заполнить не в состоянии. В результате в эпоху глобализации под эгидой ООН складывается *полицентричный мир*, включающий около двухсот могущественных ТНК, несколько десятков всемирных неправительственных организаций и национальные государства с различным уровнем развития. Необходимым условием существования глобального полицентричного мира является хорошо развитая, надежная и оперативная информационно-коммуникационная сеть.

Либеральный рынок, как известно, может быть экономически эффективным, но он чужд справедливости и гуманности. Поэтому результатами глобализации становится обнищание населения и обогащение капиталистических корпораций. Возрастает социальная напряженность, население не доверяет продажным и бездарным властям, ТНК повсеместно встречают ненависть эксплуатируемого и обездоленного народа. Выражением народного сопротивления идеологии глобализации является движение

.....

антиглобалистов. *Антиглобализм* – международное политическое движение, направленное против гегемонии ТНК и глобальных торгово-промышленных организаций вроде Всемирной торговой организации (ВТО) в мировой экономике и политике. Массовые акции протеста в конце 90-х годов прошли во Франции, США, Германии, Канаде и других странах. Социальный состав антиглобалистов очень пестрый: от марксистов, анархистов, пацифистов до националистов, профсоюзных деятелей, борцов за права человека, безработных и хиппующих студентов. В начале XXI века несколько антиглобалистских форумов прошли в разных городах России, и была основана Ассоциация общественных и общественно-политических организаций «Антиглобалистское сопротивление». В общей сложности во всем мире насчитывается сейчас более 2500 антиглобалистских объединений разного уровня.

Основной тезис антиглобалистов: нынешняя идеология глобализации осуществляется в интересах мирового капитала и влечет за собой растущий разрыв в доходах, уровне потребления, здоровья, образования в странах «золотого миллиарда» и «третьего мира», потребительское и хищническое отношение к природе, эксплуатацию рабочей силы и превращение развивающихся стран в сырьевые придатки западных корпораций, подавление народного творчества, унификацию образа жизни, доминирование коммерческой поп-культуры. В качестве альтернативы предлагаются глобальное социальное творчество, совместное решение глобальных проблем, диалог культур и т. п.

Движение антиглобалистов некоторые западные мыслители, например, историк, социолог, экономист *Иммануэль Валлерстайн* (род. 1930), считают не отдельным эпизодом, а свидетельством системного кризиса глобальной капиталистической системы. Философствующий миллиардер-филантроп *Джордж Сорос* (род. 1930) встревожился и написал книгу «Кризис мирового капитализма», где утверждает, что «социальные ценности претерпевают то, что можно было бы назвать процессом нежелательного естественного отбора. Беспринципные люди оказываются в выигрыше. Таков один из наиболее тревожных аспектов мировой капиталистической системы»¹. Дело в том, что капитализм на протяжении всей своей истории черпал ресурсы и дешевую рабочую силу в колониях и странах третьего мира. Теперь этот источник иссякает, и для разрешения глобальных проблем, угрожающих человечеству, нужно ограничить накопление капитала, что означает крах неолиберальной политики глобализма.

---

¹ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма: Открытое общество в опасности. – М., 1999. – С. 218.

[REDACTED]

[REDACTED]

[illegible][illegible]

поведения, чужеземных культурных обычаев, норм, ценностей угрожает самому существованию множества самобытных национальных культур, а потому вызывает негативную реакцию, протесты антиглобалистов»¹.

Чрезвычайно важны, даже необходимы международные контакты для развития науки, которая по сути своей всегда была интернациональна. Особенно нуждаются в международной кооперации такие актуальные проблемы, как разработка альтернативных источников энергии, очистка планеты от ядерных загрязнений, предупреждение природных катаклизмов, космические исследования, биотехнологии, психобиологические исследования мозга, памяти, взаимосвязи языка и мышления, здравоохранение и т. д. Весьма активны в области международных научных проектов частные ТНК, которые их щедро финансируют и привлекают к их разработке специалистов мирового класса. Столь же необходимо международное взаимодействие в области литературы, философии, искусства. Поэтому глобализация создает, казалось бы, благоприятные предпосылки для стремительного развития элитарной культуры и формирования в будущем глобальной общечеловеческой культуры. Вместе с тем еще в середине XX столетия был обнаружен врожденный порок европейской элиты: раскол её на «физиков»-технократов и «лириков»-гуманистов.

В 1971 году английский писатель и профессиональный физик *Чарльз Перси Сноу* (1905–1980) опубликовал публицистический очерк, названный им «Две культуры»². В очерке утверждалось, что западноевропейская интеллектуальная элита раскололась на две мировоззренчески полярные группы: на одном полюсе – ученые, типичными представителями которых могут служить физики, на другом полюсе – гуманитарная интеллигенция, прежде всего литераторы. Эти группы, как указывал Сноу, «разделяет стена непонимания, а иногда – особенно среди молодежи – даже антипатии и вражды». Стиль духовной жизни первых характеризуют четкие и хорошо обоснованные теоретические положения естественных наук и почти полный отказ от эстетических ценностей, за исключением музыки. Гуманитарии презрительно отвергают притязания ученых на владение истиной и тщеславно претендуют на лидерство в культуре, хотя за пределами своей специальности они проявляют удивительное невежество.

Чарльз Сноу повествует: «Множество раз мне приходилось бывать в обществе людей, которые по нормам традиционной культуры считались

¹ Москвичев Л. Н. Глобализация // Социологический словарь / Отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. – М.: Норма, 2008. – С. 90–91.

² Сноу Ч. П. Две культуры: сб. публицистических работ. – М. Прогресс, 1973. С. 17–61.

высокообразованными. Обычно они с большим пылом возмущались литературной безграмотностью ученых. Как-то раз я не выдержал и спросил, кто из них может объяснить, что такое второй закон термодинамики. Ответом было молчание или отказ. А ведь задать этот вопрос ученому значит примерно то же самое, что спросить у писателя «Читали ли вы Шекспира?» (с. 28). Литератор-физик приходит к печальному выводу, что «люди, принадлежащие к двум культурам, утратили способность общаться друг с другом», «для объединения двух культур вообще нет почвы, а это не только печально, но и трагично» (с. 29, 30). Трагедия состоит в том, что нравственно индифферентные специалисты создали средства для самоуничтожения цивилизации и самого человечества, а гуманные гуманитарии ограничиваются предостережениями и мрачными прогнозами.

Вспоминается известное пророчество *Дмитрия Сергеевича Лихачева* (1906–1999): «Двадцать первый век будет веком гуманитарных наук и гуманизма. В противном случае человечество может выродиться в гуманоидов, умеющих считать и пользоваться компьютерами, но их духовные ценности можно будет выразить одним-двумя словами»¹. Поддерживает ли тенденция глобализации уверенность Дмитрия Сергеевича в торжестве гуманизма на нашей планете? Культурологическая глобалистика не дает ответа на этот вопрос. Специалисты дискутируют относительно культурных параметров глобализации, элитарного и массового уровней глобальной культуры, культурного империализма, синтеза западных и местных культурных ценностей, вероятности формирования альтернативной (незападной) глобализации. Вот одна из трактовок феномена глобальной культуры, предложенная американским культурологом Энтони Смитом: «Глобальная культура внеисторична, не располагает своей сакральной территорией, не отражает какую-либо идентичность, не воспроизводит никакой общей памяти поколений, не содержит проспектов будущего. У глобальной культуры нет исторических носителей, но есть создатель – новый культурный империализм глобального размаха. Этот империализм элитарен и техничен, не располагает никаким популярным уровнем функционирования. Он создан властью предержащими и навязывается «простецам» вне всякой связи с теми народными культурными традициями, носителями которых эти «простецы» являются»². Легко заметить, что глобальная культура в данной интерпретации представляет собой типичный симулякр – знак, скрывающий отсутствие аутентичного содержания.

¹ Лихачев Д. С. XXI век должен быть эпохой гуманизма. – М.: Наука, 1987. – С. 31.

² Теория культуры: учебное пособие / под ред. С. Н. Иконниковой и В. П. Большакова. – СПб.: Питер, 2008. – С. 561.

.....

7. *Христианская глобалистика* представляет собой вклад мировых (стало быть, глобальных!) религий в лице католической и православной церкви в понимание и разрешение глобальных проблем¹. Католики разработали «теологию глобальных проблем» (католическую глобалистику), а православные богословы – «православную мирологию» и «экологическую этику». Главной причиной глобальных проблем церковные иерархи объявляют «греховность человека перед Богом», «нарушение божественных заповедей», отход от «изначально заданного религиозно-нравственного отношения человека к природе», искажение «принципов христианского аскетизма» и др. Для преодоления кризисных явлений верующих призывают к молитве и «к покаянию в грехе». Главный путь разрешения всех глобальных проблем современности видится в восстановлении господства религиозной этики, в религиозно-нравственном совершенствовании личности, в повсеместном распространении христианских ценностей. В конечном счете, должна произойти «трансформация современной цивилизации в цивилизацию христианскую с всемирным приоритетом христианских ценностей». Надо полагать, что с точки зрения христианской глобалистики именно подобная христианская цивилизация и должна воплотить идею глобального информационного общества.

Западные теоретики глобализации часто выражают удовлетворение, что «либеральная глобализация одерживает триумфальные победы», «мир вступает в эпоху формирования глобального гражданского общества» и т. п. При перечислении признаков, определивших сущность глобализации как нового этапа развития цивилизации обычно акцентируют: развитие трансграничных экономических, политических, социальных, культурных взаимосвязей; триумф идеологии в виде комбинации неолиберальной экономической программы с программой политической демократизации; «макдонольдизацию» – унификацию образа жизни, осуществляемую под флагом модернизации (вестернизации, американизации). Информатизация в качестве необходимой предпосылки и условия глобализации специально не подчеркивается (видимо, подразумевается по умолчанию). Странно, что ученые глобалисты либо игнорируют проблему формирования глобальной информационной системы, либо сводят её к банальным истинам типа: «Основная информационная проблема состоит не в том, чтобы увеличивать количество информации, а в том, чтобы создавать полезную, целенаправленную информацию. Хорошо известно, что доминирующая часть накопленной информации в глобальной социально-экономической

¹ Религия: Энциклопедия / сост. и общая ред. А. А. Грицианов, Г. В. Синоло. – Мн.: Книжный дом, 2007. – 960 с.

сфере отражает господствующий в ней хаос идей и представлений»¹. Правда, в энциклопедии «Глобалистика» имеет статья «Информатизация», в заключение которой очень правильно сказано: «Информация является важнейшим фактором, стимулирующим глобализацию наиболее острых проблем современности, но одновременно она создает и предпосылки для их разрешения»².

Действительно, информационно-коммуникационные технологии – незаменимый инструмент экономической и политической глобализации. Благодаря ИКТ трансформируется природа собственности на средства производства: традиционная частная собственность на материю и энергию уступает место интеллектуальной собственности, а знания и время превращаются в важнейшие экономические ресурсы. Без использования телекоммуникационных компьютерных сетей невозможно функционирование международных организаций, управляющих глобальными процессами, нельзя реализовать дистанционный менеджмент, свободное перемещение рабочей силы, транснациональный обмен товарами и услугами, оперативно реагировать на изменение конъюнктуры. Гигантский виртуальный финансовый рынок, ежедневно оперирующий денежной массой, эквивалентной валовому продукту крупной индустриальной державы, также немыслим без глобальной информационной коммуникации. Именно информатизация способствовала превращению мировой экономики в гигантский симулякр, в глобальное поле для азартной спекулятивной игры, где ставками служат еще не имевшие места инвестиции. Вместе с тем информационные технологии, способствуя глобальной интеграции производства, рынков сбыта, финансов, даже культуры, не изменяют такие сущностные характеристики корпоративного капитализма, как ожесточенная конкуренция монополий, борьба за политическую гегемонию в том или ином регионе, разделение стран на центральные и периферийные.

Далее. Всемирные коммуникационные сети — главный фактор размывание суверенитета национальных государств. Благодаря Интернету индивиды могут не только беседовать друг с другом на расстоянии десятка тысяч километров, но и развивать совместный бизнес вне рамок государственных пошлин и налогов. Столь же бесконтрольной становится практически «невидимая государству» деятельность оппозиционных партий, преступных группировок и террористов. Проблема информационной

¹ Федотов А. П. Глобалистика: Начала науки о современном мире: Курс лекций. – М.: Аспект Пресс, 2002. – С. 36.

² Адров М. В. Информатизация // Глобалистика. Энциклопедия / Ред.-сост. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. – М.: Радуга, 2003. – С. 402.

.....

безопасности становится все более и более актуальной в наши дни. Зависимость массовой и элитарной культуры от информационно-коммуникационного обеспечения их деятельности не нуждается в обосновании.

Из сказанного следует вывод, что мегатенденция информатизации – необходимое условие для возникновения мегатенденции глобализации. Другими словами, глобальное общество *не может не быть* информационным. Но этого мало. Как показывают концепции информационного общества, представленные в главе 3, информационное общество можно представить неглобальным, то есть действующим в пределах одного государства или группы экономически развитых стран. Однако национальный или региональный масштаб информационного общества – это переходное состояние, обусловленное недостаточным развитием ИКТ. Стабильное и развитое информационное общество *не может не быть* глобальным. Следовательно, «виртуальное» определение информационного общества, приведенное в начале главы, нужно дополнить еще одним сущностным признаком – *глобальностью*. Получается, так сказать, «глобальное» определение, которое читается так: ***Информационное общество есть симулякр глобального постиндустриального интеллектно развитого социума, удовлетворяющего посредством машинных информационных технологий материальные и духовные потребности личности, социальных групп и государства.***

«Глобальное» определение учитывает синтез мегатенденции глобализации и мегатенденции информатизации. Оно, подобно предыдущим определениям, утверждает, что идея информационного общества здесь и сейчас (*hit et nunc*, как говорили древние римляне) существует только в виртуальной реальности в качестве социогенного симулякра, ибо в социальной действительности нет такого общества, которое было бы глобальным, интеллектуально развитым и удовлетворяющим посредством мощной информационно-коммуникационной базы многообразные потребности своих социальных субъектов. Но это утверждение не означает, что в будущем такое общество не может появиться. Как и всякая идея, идея информационного общества может социализироваться, то есть из виртуальной реальности перейти в социальную реальность. Разумеется, при условии, что энергичные и интеллектно развитые люди целенаправленно обеспечат этот переход.

Интересно оценить перспективы социализации идеи информационного (теперь уже глобального) общества в условиях наступившего столетия. Для этого нужно определить, обладает ли современное мировое сообщество необходимыми кондициями для самопреобразования в глобальное

информационное общество. Чаще всего футурологи травмируют публику шоковыми сценариями глобальных катастроф. Редко, но встречаются и оптимистические взгляды на глобальную информатизацию. К их числу относится концепция викиномики, активно заявившая о себе в 2000-е годы.

4.1.2. Глобальная викиномика, по словам её создателей *Дональда Тапскотта* и *Энтони Уильямса*, представляет собой новое и необыкновенно эффективное «искусство и науку производства на равных»¹, которое возникло вследствие глубоких изменений в технологии, демографии, бизнесе, экономике и мире в целом. Викиномика требует перераспределения знания, власти и производственных мощностей, утверждения нового правила бизнеса: «Войди в новые связи или умри». Короче говоря, сочетание мегатенденций глобализации и информатизации в условиях начала XXI века является категорическим императивом, и викиномика успешно реализует этот императив.

Благодаря доступным информационно-коммуникационным сетям, каждый человек может свободно взаимодействовать с любыми фирмами в решении стоящих перед ними проблем. Фирмы, в свою очередь, заинтересованы в сотрудничестве с добровольными внештатными экспертами, располагающими знаниями, опытом и интеллектом, отсутствующими в этих фирмах. Поэтому прогрессивные предприниматели склонны отказываться от традиционных закрытых и иерархических структур, превращая свои организации в открытые сетевые корпорации, оперативно контактирующие со сторонними специалистами и клиентами в глобальном масштабе. Основным техническим ресурсом «Викиномики» является Интернет 2.0, существенно отличающийся от предшествующей Всемирной сети. Если последняя представляла собой «Александрийскую библиотеку, содержащую всю информацию, возникшую в прошлом и возникающую прямо сейчас», то новый Интернет «превращается из сети веб-сайтов, информирующих о деятельности компаний, в самостоятельный гигантский компьютер, на котором может программировать буквально каждый. Оборудованный дешевыми каналами связи с высокой пропускной способностью, он предоставляет глобальную инфраструктуру для творчества, соучастия, совместного использования ресурсов и самоорганизации» (с. 61). Новый Интернет, — утверждают авторы, — стал «оружием массового сотрудничества». Бесплатная Интернет-телефония и глобальные аутсорсинговые платформы с открытым доступом «позволяют многим тысячам отдельных людей и небольших компаний

¹ Тапскотт Д., Уильямс Э. Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет всё. — М.: BestBusinessBooks, 2009. — 387 с.

.....

совместно создавать продукты, выходить на новые рынки и поражать клиентов способами, ранее доступными лишь крупным корпорациям. Это делает возможным появление новых форм сотрудничества и бизнес-моделей, которые обогатят готовые к этому компании и разрушат те, что не смогли адаптироваться» (с. 30).

Принципиальное отличие викиномики от традиционного бизнеса заключается в следующем. Если прежде компании заботились о том, чтобы привлечь высококвалифицированных сотрудников, защитить свою интеллектуальную собственность, думать глобально и действовать локально, использовать «клиенториентированные» стратегии, укреплять исполнительскую дисциплину (систему управления и контроля), то теперь викиномик отдаёт приоритет следующим четырем принципам: открытость, пиринг, доступ и умение делиться, глобальный масштаб деятельности. Поясню эти принципы:

1) *Открытость* понимается как отказ от выращивания и удержания собственных кадров, и ориентация на сотрудничество с наиболее компетентными и талантливыми людьми в отрасли, не работающими в данной фирме. Чтобы обеспечить это сотрудничество, нужно отказаться от фирменных стандартов и нормативов, отказаться от засекречивания своей деятельности, сделать её понятной и «прозрачной» для партнёров, сотрудников, клиентов, акционеров и других заинтересованных лиц. Благодаря открытости повышается общественное доверие к компании, ускоряется внедрение инноваций, возрастает лояльность работников фирмы.

2) *Пиринг* (от англ. *peer* – равный по статусу, коллега) означает отказ от формальных иерархических отношений (вертикали подчинения) в пользу неформальных горизонтальных партнерских отношений. Пиринг успешен потому, что он основан на самоорганизации исполнителей, неформальном лидерстве умелых и талантливых. Опыт показал, что он хорошо оправдывает себя в информационной сфере, особенно программировании, в шоу-бизнесе, рекламе и т. п. Авторы полагают целесообразным использовать пиринг в области политики, а также при разработке бытовой техники, включая автомобили и пассажирские самолеты.

3) *Доступ и умение делиться* понимаются как установление «новой экономики интеллектуальной собственности». Ограничение доступа к интеллектуальным продуктам в обществе знания и информации тормозит развитие творческой инициативы граждан, которая могла бы привести к развитию общественного производства и принести обществу значительный доход. Создатели викиномики приходят к выводу: «Разумеется, компаниям нужно защищать свою интеллектуальную собственность.

Однако компании не смогут сотрудничать, если вся их интеллектуальная собственность скрыта от других участников. Внести свой вклад в общее дело — это не альтруизм; скорее, это можно считать лучшим способом выстраивания гибких экосистем бизнеса, использующих совместное владение технологией и знанием для ускорения роста и инноваций» (с. 48)

4) *Глобальный характер деятельности* — необходимое условие успеха в мире глобальной экономики и растущей конкуренции. Согласно данному принципу, прогрессивный менеджер должен не только мыслить глобально, но и действовать глобально. Оставаться конкурентоспособным на глобальном уровне означает внимательно изучать, как развивается бизнес во всем мире и иметь возможность привлечь наибольшее количество талантливых сотрудников. Компаниям, стремящимся к выигрышу, нужно познать весь мир, его рынки, технологии и народы. Далее следуют другие полезные рекомендации в адрес транснациональных корпораций. Принцип глобальной деятельности показывает, что концепция викиномики направлена на сохранение и развитие могущества ТНК, которые являются центральными фигурами в условиях современной глобализации. Впрочем, было бы странно, если бы дело обстояло иначе.

Д. Тапскотт и Э. Уильямс приводят многочисленные примеры успешной реализации принципов викиномики. Пожалуй, наиболее убедительным для массы пользователей Интернет является опыт формирования интерактивной энциклопедии *Википедия*, появление которой заставило изрядно поволноваться ее конкурентов с традиционной организацией — издателей энциклопедии Британника. Джимми Уэйлс, создатель онлайн-Википедии, первоначально следовал традиционной для справочной литературы технологии: в 1998 году он нанял штат оплачиваемых преподавателей и специалистов в конкретных областях, которые писали энциклопедические статьи на основе обобщения литературных источников и собственной эрудиции. После года работы и вложенных в проект 120 тысяч долларов, было опубликовано всего 24 статьи. Разочарованный Уэйлс принял решение закрыть проект. В 2001 году он организовал сайт заново, но уже на более открытой основе, благодаря *вики* (wiki) — программному продукту, позволяющему пользователям редактировать содержание веб-страниц. Теперь каждый посетитель сайта мог внести свою лепту в энциклопедическую статью. За первый месяц работы было опубликовано двести статей, а по итогам первого года работы более 18 тысяч. Экономический эффект получился ошеломляющим. В настоящее время Википедия использует всего пять штатных сотрудников, а её объем в десять раз больше, чем у энциклопедии Британника.

.....

Англоязычная версия насчитывает больше миллиона статей, а количество сайтов на других языках, от польского и японского до иврита и каталонского, превышает девяносто. Ежемесячно Википедией пользуются более 380 миллионов человек — почти треть всех людей, подключенных к Интернету.

Конечно, в статьях, составленных пользователями, неизбежно присутствует, как выразился Николас Карр (один из суровых критиков викиномики), «невежество толпы», которому якобы не подвержены академические справочники. Известны факты намеренной лжи, провокации, клеветы. Однако коллективная редакция быстро их распознает. Собаководы из разных стран, к примеру, внимательно следят за содержанием статей о собаках, размещенных в Википедии, и любая ошибка исправляется специалистами в течение нескольких минут. Сопоставительное исследование, проведенное журналом *Nature*, показало что на 4 неточности в Википедии приходится 3 неточности в Британике. Правда, обнаруженные неточности в Википедии исправляются в течение 2-х минут, а в Британике остаются до следующего переиздания.

Воодушевленные энтузиасты викиномики с оптимизмом провозглашают: «В наши дни титаны индустриальной эры, к своей великой досаде, начинают понимать, что настоящая революция начинается только сейчас. Теперь они не конкурируют с такими же, как они сами; основным их конкурентом становится соединенная множеством связей бесформенная масса самоорганизующихся личностей, твердо держащих в одной руке свои экономические потребности, а в другой — свою экономическую судьбу» .... Массовое сотрудничество вне границ, отраслей и культур одновременно приносит экономические выгоды и удовольствие. Мы способны на равных совместно создавать операционные системы, энциклопедии, средства массовой информации и даже физические объекты, такие как мотоциклы. Мы сами становимся экономикой — гибкой глобальной сетью специализированных производителей, обменивающихся услугами в сфере развлечения, обеспечения средств к существованию и обучения. Возникает новая экономическая демократия, в которой каждому из нас принадлежит ведущая роль» (с. 33–34). Гарантом победы в конкурентной борьбе архаичного «индустриального мира» и прогрессивного, основанного на сетевом сотрудничестве «мира викиномики» являются «представители молодого поколения, общественная жизнь которых протекает в эпоху цифровых технологий» (с. 71). Молодое поколение выросло в интерактивной Сети, для него привычны и естественны принципы открытости, пиринга, свободы доступа и глобального действия, провозглашенные викиномикой,

поэтому оно привнесет их на свои рабочие места, в свои рынки и в свой образ жизни.

Чрезвычайно важно обратить внимание на утверждение авторов концепции викиномики, что способность объединить знания миллионов пользователей Сети в самоорганизующееся целое превращает эту Сеть в нечто «отдаленно напоминающее глобальный мозг». Дональд Тапскотт прямо назвал новую Сеть «коллективным интеллектом: совокупным знанием, создаваемым в результате децентрализованного выбора из суждений групп независимых участников» (с. 65). Аналогия «викиномическая сеть» — «коллективный интеллект» важна для нас потому, что академик Н. Н. Моисеев рассматривал формирование общепланетарного Коллективного Интеллекта в качестве необходимого условия становления информационного общества (см. раздел 1.2.2). Напомню его слова: «В постиндустриальных условиях возникает возможность построения глобальной информационной системы, благодаря которой отдельным лицам становятся доступны и общие знания, и возможность вносить личный вклад в коллективную память. Коллективный Интеллект представляет собой объединение локальных интеллектов; он напоминает мозг, только в нем роль нейронов играют люди. В результате функционирования глобальной информационной системы неизбежно возникают общие оценки происходящего и формулируются коллективные решения. В итоге Коллективный Интеллект становится инструментом, преобразующим множество индивидуальных суждений, открытий, изобретений в целостную программу действий, которая позволит успешно противостоять экологическим угрозам и откроет человечеству путь в ноосферу, когда будут обеспечены условия коэволюции человека и природы».

Напрашивается вывод, что Интернет 2.0 с викиномической технологией сбора, обработки и использования индивидуальных знаний *как раз и является* тем Коллективным Интеллектом, который предвосхищал наш академик. Другими словами, появляются основания для того, чтобы считать «мир викиномики», представленный в монографии Д. Тапскотта и Э. Уильямса, воплощением идеи информационного общества, взлелеянной фантастами и учеными футурологами. Почему бы и нет? Концепция викиномики, в отличие от описанных в главе 3 концепций информационного общества, представляет собой не симулякр, существующий в виртуальной реальности, а осмысление фактических изменений инфосферы, происходящих в наши дни в социальной реальности. Викиномике присущи установленные нами сущностные признаки информационного общества: глобальность, интеллектность, электронно-цифровая основа.

Однако можно выдвинуть, по крайней мере, два возражения против отождествления викиномики и информационного общества. Во-первых, концепция викиномики лежит в русле идеологии капиталистических транснациональных корпораций, рассматривающих Земной шар как источник извлечения прибыли. Развивая массовое сотрудничество независимых экспертов, ТНК преследуют свои корыстные интересы, а не процветание глобального сообщества всего человечества. Поэтому принцип «глобального действия», принятый в Викиномике, не распространяется на гуманистическое «глобальное информационное общество». Во-вторых, «онлайн-новый коллективизм», исповедуемый энтузиастами викиномики, несет угрозу снижения уровня Коллективного Интеллекта до уровня «мутного анонимного потока всеобщей посредственности». При решении сложных проблем, требующих профессиональных знаний, технология «массового сотрудничества» непригодна. Можно посредством диалога программистов и пользователей совершенствовать компьютерные программы, но нельзя совместными усилиями врачей и больных разрабатывать методы лечения шизофрении. Пушкинский Аполлон все-таки был прав, когда советовал сапожнику «суди, дружок, не выше сапога».

В ответ на эти возражения авторы викиномики могут выставить аргумент: «мы искренне верим, что, несмотря на неизбежные потери, количество победителей превысит количество проигравших» (с. 36). Я готов с ними согласиться: викиномика, действительно, весьма практичный проект использования потенциала информатизации для инновационного развития транснациональных корпораций. Однако очевидно, что реализация принципов викиномики во всемирном масштабе приведет к построению глобального либерально-демократического «открытого общества», модель которого описана Карлом Поппером (1902–1994) в его знаменитой книге «Открытое общество и его враги» (1945)¹. Мудрый философ признает, что открытые общества «далеки от обществ, основанных в первую очередь на любви и братстве», тем не менее, они «самые лучшие, свободные и справедливые, наиболее самокритичные и восприимчивые к реформам из всех, когда-либо существовавших» (том 1, с. 15). Трудно считать «самым лучшим, свободным и справедливым» общество, где господствует корпоративный капитализм. Поэтому глобальное информационное общество, основанное на принципах викиномики, нельзя назвать гуманистическим, хотя возможность его социализации отрицать нельзя. Есть ли шансы

¹ Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 1: Чары Платона. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.

4.1.3. Глобальные гуманистические программы. В Преамбуле Устава ООН сказано, что эта международная организация создается для того, чтобы «избавить грядущие поколения от бедствий войны», чтобы «вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин, в равенство прав больших и малых наций», чтобы «содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе». Короче говоря, ООН берет на себя защиту общечеловеческих ценностей и идеалов. Гуманистический пафос деятельности ООН на первоначальном этапе нашел свое выражение во *Всеобщей декларации прав человека*, провозглашенной в 1948 году. В эпоху глобализации положение ООН стало двусмысленным: с одной стороны, она служит исторически сложившейся в XX веке системе суверенных национальных государств, а с другой стороны, способствует формированию транснационального мирового сообщества. Поскольку интересы этих двух политических систем совпадают далеко не всегда, ООН пытается стать «институтом глобального управления», который способен противостоять разрушительным, антигуманистическим и антипросветительным следствиям всемирной интеграции. Глобальное управление, естественно, нуждается в информационном обеспечении, отсюда – заинтересованность ООН в реализации идеи глобального информационного общества.

1. ликвидацию нищеты и голода,
2. обеспечение всеобщего начального образования,
3. поощрение равенства мужчин и женщин,
4. сокращение детской смертности,
5. улучшение охраны материнства,
6. борьбу со СПИДом, малярией и другими заболеваниями,
7. обеспечение устойчивого развития окружающей среды,

8. формирование глобального партнерства в целях развития¹.

Гуманистическая направленность «Целей развития тысячелетия» очевидна. С новой силой мотивы общечеловеческого гуманизма прозвучали в Декларации по устойчивому развитию, принятой в 2002 году на саммите, состоявшемся в Йоханнесбурге (ЮАР). Руководители государств заявили о своей приверженности «строительству гуманного, справедливого и заботливого глобального общества, сознающего, что все нуждаются в человеческом достоинстве». Для создания «гуманного глобального общества» участники саммита сочли необходимым решить следующие задачи: искоренение нищеты, изменение моделей потребления и производства, рациональное использование природной ресурсной базы в интересах социально-экономического развития; ликвидация глубокого водораздела, разделяющего человеческое общество на богатых и бедных, на развитые и развивающиеся страны; защита окружающей среды от опустынивания, стихийных бедствий, загрязнения воздуха, воды и мирового океана; устранение неравномерного распределения благ и издержек глобализации, от которого особенно страдают развивающиеся страны; укрепление принципов демократии².

Надо заметить, что после Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992) в международном лексиконе широкую популярность приобрело выражение «устойчивое развитие» (англ. sustainable development; франц. développement durable; нем. nachhaltige Entwicklung). *Устойчивое развитие* понимается как такой процесс изменений, когда эксплуатация природных ресурсов, инвестиции капитала, научно-технический прогресс, развития личности и модернизация социума согласованы друг с другом и ориентированы на удовлетворение потребностей как настоящего, так и будущих поколений. Достоинство понятия «устойчивое развитие» состоит в том, что оно интегрирует экономические, социологические и экологические аспекты человеческого бытия. Поэтому оно использовалось при формулировке «Целей развития тысячелетия» (см. выше цель 7 – обеспечение устойчивого развития окружающей среды) и в Йоханнесбургской декларации по устойчивому развитию. Смущает отсутствие в международно признанной программе устойчивого развития человечества информационно-технологического аспекта. Почему-то в декларациях о построении «глобального и гуманного» общества нового тысячелетия нет упоминания о глобальном информационном обществе. Как объяснить этот пробел?

¹ <http://www.unrussia.ru/goals.html>

² <http://www.un.org/russian/document/declarat/decl-wssd.html>

Можно предположить, что на самом деле пробела нет, а есть разделение приоритетов: устойчивое развитие — это *гуманистический* экономико-социально-экологический приоритет, а информационное общество — *технократический* информационно-технологический приоритет. Резонно было бы объединить эти два приоритета, потому что они связаны друг с другом как гуманная цель и техническое средство, но по каким-то соображениям сочли целесообразным их разъединить. В итоге в 2000 году состоялись *два саммита*: в сентябре в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке — Саммит Тысячелетия, где участвовали представители 189 государств — членов ООН, которые приняли «Цели развития тысячелетия», и в июле на острове Окинава — саммит руководителей экономически развитых держав «большой восьмерки», которые подписали *Окинавскую Хартию Глобального Информационного общества*¹. Для нас, конечно, особенно интересен последний документ, который свидетельствует о легитимации идеи информационного общества на международной арене. В Хартии декларировалось:

«1. Информационно-коммуникационные технологии (ИТ) являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества двадцать первого века. Их революционное воздействие касается образа жизни людей, их образования и работы, а также взаимодействия правительства и гражданского общества ... Перед всеми нами открываются огромные возможности.

2. ... Информационное общество, как мы его представляем, позволяет людям шире использовать свой потенциал и реализовывать свои устремления...

3 ... Все люди повсеместно, без исключения, должны иметь возможность пользоваться преимуществами глобального информационного общества ...

Радостно читать эти вдохновляющие слова, подписанные к тому же Президентом России В. В. Путиным. Саммит в Окинаве — заметное событие в общечеловеческой культуре, которое получило продолжение в декабре 2003 года в виде многоядного (более 10 тысяч человек) *Всемирного Саммита по информационному обществу*, который проходил в Женеве. Женевский Всемирный Саммит завершился принятием «Декларации принципов» и «Плана действий», развивающих положения Окинавской Хартии.² В ноябре 2005 года Всемирный форум на высшем уровне был продолжен в Тунисе под девизом: «Путь к справедливому

¹ <http://www.iis.ru/library/okinawa/charter.ru.html>

² Всемирный Саммит по информационному обществу / Сост. Е. И. Кузьмин, В. Р. Фирсов. — СПб: РНБ, 2004. — 135 с.

.....

информационному обществу через консенсус и ответственность». Это грандиозное мероприятие, в котором участвовало около 20 тысяч правительственных чиновников и специалистов, включало в себя восемь пленарных сессий, 2 круглых стола и 33 пресс-конференции. На восьмом, итоговом, пленарном заседании мировые лидеры одобрили два главных документа: «Тунисское обязательство», в котором подчеркнута значимость ИТ в преодолении «цифрового разрыва» в мире, необходимость эффективного сотрудничества в целях построения глобального информационного общества, и «Тунисская программа для информационного общества», содержащая положения по ключевым вопросам саммита и последующим шагам, которые необходимо предпринять.

Организация Объединенных наций по вопросам образования, науки, культуры (ЮНЕСКО), конечно, не осталась в стороне от глобальной мегатенденции информатизации. В 2000 году она разработала межправительственную программу *«Информация для всех»*, которая направлена на решение актуальных проблем современного человечества, провозглашенных в «Целях развития тысячелетия» — борьба с бедностью, здоровье человека, качественное образование, предотвращение катастроф, управление и охрана окружающей среды — путем сокращения неравенства между информационно бедными и информационно богатыми сообществами. Поэтому главное внимание уделяется «всесторонней помощи государствам-членам в создании и реализации политики в области информации и стратегии развития знаний в мире, в котором во все большей степени используются информационные и коммуникационные технологии». Принимая эту программу, правительства государств-членов ЮНЕСКО обязались использовать новые возможности информационного века, чтобы создавать справедливое общество посредством расширения доступа к информации.

Главной целью программы «Информация для всех» провозглашалось *построение информационного общества для всех*. Частные цели (задачи) весьма многочисленны и по-деловому конкретны. Перечислю некоторые из них:

- содействие международному осмыслению и обсуждению этических, правовых и социальных вызовов информационного общества;
- содействие и расширение доступа к информации, являющейся общественным достоянием, путем упорядочения, оцифровки и сохранения информации;
- поддержка обучения, продолжения образования и обучения на протяжении всей жизни в областях коммуникации, информации и информатики;

- поддержка создания местного контента и стимулирование доступности традиционных знаний через обучение общей и информационной грамотности;
- содействие использованию международных стандартов и передового опыта в области коммуникаций, информации и информатики в сфере компетенции ЮНЕСКО;
- содействие обмену информацией и знаниями на местном, национальном, региональном и международном уровне.

В октябре 2008 г. на 180-й сессии Исполнительного совета ЮНЕСКО был рассмотрен и одобрен доработанный Стратегический план действий программы «Информация для всех» на 2008–2013 гг. В Плате подчеркивается важнейшая роль программы в деле достижения Целей развития тысячелетия и задач Всемирного саммита по информационному обществу. В Стратегическом плане были определены следующие пять приоритетных областей, в соответствии с которыми программа будет осуществлять свою деятельность в следующие пять лет:

Область 1. Разработка международной, региональной и национальной информационной политики: достижение единого во всем мире подхода к концепции всеобщего равного доступа к информации, как одному из основных прав человека; содействие достижению единого во всем мире подхода к системе взглядов на этические и правовые нормы, относящиеся к киберпространству; создание международной структуры по сбору информации о международной, региональной и национальной информационной политике; создание Информационного центра по вопросам передового опыта в области управления на основе ИКТ; создание международной структуры по вопросам сохранения всемирного информационного наследия; разработка международного соглашения, касающегося политики управления обменом информацией, необходимой для всемирного мониторинга окружающей среды и климата.

Область 2. Развитие человеческих ресурсов и возможностей для информационной эпохи: поддержка во всемирном масштабе условий для обеспечения базовой и информационной грамотности; создание учебных сетей на основе ИКТ для специалистов в области информации; поддержка условий для сотрудничества и обмена информацией в области содержания и качества обучения в области информации; ознакомление издателей и продюсеров с имеющимися возможностями по обучению в области электронного издательского дела и электронной коммерции.

Область 3. Мероприятия по обеспечению доступа к информации: создание портала ЮНЕСКО для информационных институтов всего мира;

.....

создание национальных общественных пунктов доступа к информации; создание национальных политик оцифровки; продвижение стандартов по управлению и сохранению документированных знаний.

Область 4. Разработка средств и систем обработки и управления информацией: проведение исследования потребностей и планирование управления информацией на региональном уровне; создание многоязычной подборки бесплатных средств управления информацией; публикация подборок сведений о передовом опыте и стандартах в области управления информацией.

Область 5. Информационные технологии для образования, науки, культуры и коммуникаций: создание площадок обмена информацией для помощи всем программам ЮНЕСКО; создание системы мониторинга потребностей и тенденций в использовании ИКТ для поощрения всеобщего образования на протяжении жизни; создание образовательного портала, содержащего ссылки на различные виртуальные университеты; организация международной практики в области электронных научных публикаций; принятие международных рекомендаций по обеспечению удаленного доступа к научной информации; расширение сетей обмена данными и информацией об окружающей среде и соответствующих информационных центров в развивающихся странах; создание мировой структуры по сбору информации о развитии СМИ в информационном обществе.

Руководство планированием и реализацией программы «Информация для всех» осуществляется Межправительственным советом, состоящим из представителей двадцати шести государств-членов ЮНЕСКО. Члены Совета избираются Генеральной конференцией с учетом необходимости обеспечения справедливого географического распределения и надлежащей ротации. Российский комитет программы был создан решением общего собрания Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО от 15 декабря 2000 г. В состав Комитета вошли представители органов государственной власти, учреждений образования, науки, культуры, коммуникаций, общественных объединений и коммерческих структур. Российский комитет в качестве связующего звена между Россией и Межправительственным советом программы участвует в формировании национальной политики в области построения глобального информационного общества; осуществляет информационный обмен и строит партнерские отношения с международными и национальными структурами других стран; распространяет в России информацию о мировых тенденциях и политике ЮНЕСКО в области построения информационного общества

для всех. Неизменным председателем Российского комитета программы ЮНЕСКО «Информация для всех» является *Евгений Иванович Кузьмин* (род. 1955). 29 марта 2010 года в Париже в ходе сессии Межправительственного совета программы ЮНЕСКО «Информация для всех» Е. И. Кузьмин (Российская Федерация) был избран председателем Бюро Совета; должности вице-председателей Бюро заняли представители Австрии, Кувейта и Филиппин.

Насколько мировое сообщество приблизилось к достижению «целей тысячелетия»? В сентябре 2010 года в рамках Генеральной Ассамблеи ООН были подведены итоги десятилетней деятельности по преодолению глобальной бедности, голода, болезней, материнской и детской смертности. К сожалению, ожидаемых результатов получить не удалось. Наоборот, бедность возросла более чем на 20 %, а число голодающих превысило один миллиард человек. Особенно тяжелым остается положение в Африке и азиатских республиках СНГ, где наибольший процент населения, живущего менее чем на 1 доллар в день¹. Конечно, сказался прокатившийся по планете финансовый кризис и череда страшных природных катастроф, но разве виноваты только они? Видимо, существуют какие-то глубинные социально-экономические причины, препятствующие достижению гуманистических «Целей развития тысячелетия». Во всяком случае, трудно разделить оптимизм нового генерального директора ЮНЕСКО Ирины Боковой, заявившей при вступлении в должность 15 ноября 2009 года: «Величайшая цель состоит в том, чтобы вести человечество в новую эру мира и гуманизма, создавать более сплоченное, справедливое и равноправное общество на путях устойчивого экономического и социального развития, достижениях, инновациях и эффективных технологиях, которые будут служить человечеству и сохранять природную среду»².

Казалось бы, для бедного, голодного и больного общества проблема информатизации не является актуальной и первоочередной. Можно заподозрить, что в таком обществе продовольствие, здравоохранение, трудовая занятость, личная безопасность более важны, чем сокращение «цифрового разрыва» между «информационно-богатыми» и «информационно-бедными» странами, регионами, социальными группами, призванное реализовать «основные права и свободы человека и гражданина». Тем не менее, в июле 2009 года, в разгар мирового экономического кризиса Экономический и Социальный Совет ООН (верховный контрольный орган) провел пленарное заседание с повесткой дня «Оценка прогресса,

¹ Новые известия. – 2010. – 21 сентября.

²<http://www.unesco.org/director-general/mission-statement/>

.....

достигнутого в осуществлении решений и последующей деятельности по итогам Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества». В принятой резолюции Совет «вновь подтверждает, что информационно-коммуникационные технологии обладают потенциалом предлагать новые решения проблем в области развития» ..., «выражает неудовлетворенность тем, что для большинства малоимущих людей надежды на использование достижений науки и техники, в том числе информационно-коммуникационных технологий, в целях развития по-прежнему остаются несбыточными, и подчеркивает необходимость эффективного освоения информационно-коммуникационных технологий для преодоления цифрового разрыва». Высокий Совет подтвердил, что «Интернет превратился в общедоступный глобальный инструмент, управление его использованием должно стать одним из основных вопросов повестки дня информационного общества и организация использования Интернета на международном уровне должна носить многосторонний, прозрачный и демократический характер при полном участии правительств, частного сектора, гражданского общества и международных организаций и должна гарантировать справедливое распределение ресурсов, облегчать доступ для всех и обеспечивать стабильное и безопасное функционирование Интернета с учетом многоязычия».

Трудно понять логику рассуждений Экономического и Социального Совета ООН. Совет уверяет развивающиеся страны, что верное средство для избавления от нищеты, голода, болезней состоит в «эффективном освоении информационно-коммуникационных технологий», «преодолении цифрового разрыва», «общедоступном, стабильном и безопасном функционировании Интернета». При этом не берется в расчет, что, согласно данным Института статистики ЮНЕСКО уровень грамотности взрослого населения (возраст от 15 лет и старше) составляет в начале XXI века в Южной Азии 57,6 %, в странах Африки к югу от Сахары 63,2 %, в Арабских государствах 63,3 %, а в странах с низким уровнем дохода в целом 63,6 %.¹ Очевидно, что неграмотный человек пользоваться компьютером не может. Поэтому предлагать странам с низким уровнем дохода обогащаться посредством Интернета все равно, что зайцу советовать охотиться на волков. Идея глобального и процветающего, демократичного и гуманного информационного общества выступает в документах ООН в качестве *рекламно-идеологического мифа*, манипулирующего ценностными ориентациями массовых аудиторий. Какие социальные силы

¹ Доклад о развитии человека 2004. Культурная свобода в современном многообразном мире. – М.: Изд-во «Весь мир», 2004. – С. 201.

В пункте 7 говорится, что «частный сектор играет жизненно важную роль в разработке информационных и коммуникационных сетей в информационном обществе», а пункт 15 констатирует, что «центральной остается роль частного сектора в продвижении ИТ в развивающихся странах». Выходит, что «большая восьмерка» надеется на добрую волю и благотворительный порыв транснациональных корпораций (ТНК) в реализации гуманистического информационного общества. ТНК господствуют на информационном рынке, и очень сомнительно, что они будут поставлять ИТ в развивающиеся страны себе в убыток. Скорее, они с благодарностью используют Хартию Информационного общества и другие документы международных организаций в качестве неотразимой рекламы. Налицо неустранимое противоречие между корыстными интересами частного бизнеса и гуманистическими декларациями политических лидеров. Транснациональные корпорации – главные поставщики рекламно-идеологического мифа о гуманном и справедливом информационном обществе, основанном на рациональном информационном взаимодействии, а не на солидарности и братстве людей. Программа «Информация для всех», бесспорно, привлекательное начинание бескорыстных интеллигентов-романтиков, но она представляет собой типичный симулякр, потому что информацией не накормить голодающие массы развивающихся стран.

Однако обратимся к нашему Отечеству. Может быть, именно России суждено стать Родиной аутентичного, а не симулятивного информационного общества? Правда, наши граждане не богаты валютой. Прогнозы российского Института социально-экономических проблем народонаселения показали, что проблема преодоления бедности в нашей стране будет решена, если средняя величина доходов населения в период с 2000 до 2010 года вырастет в 3,5 раза, а дифференциация доходов снизится на 30 %¹. Как известно, ничего подобного в нашем обществе не произошло. Но зато мы располагаем неплохими предпосылками – целым собранием государственных программ построения информационного общества в России. Нельзя пройти мимо инициатив нашей государственной власти.

¹Римашевская Н. М. Цели развития тысячелетия в российском контексте // Право и безопасность. – 2004. – № 1. – С. 4.

4.2. РОССИЙСКИЕ ПРОГРАММЫ ПОСТРОЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Социализация идеи информационного общества в России происходит не спонтанно, не естественно-историческим путем, обуславливающим информатизацию, интернетизацию, дигитализацию, электронизацию общества, а методом целенаправленного и планомерного *социального конструирования*. Существуют мощнейшие факторы, обрекающие россиян XXI века жить в информационном обществе. Во-первых, Россия не может остаться в стороне от всемирных тенденций глобализации; во-вторых, существуют государственные программы построения информационного общества с достаточно щедрым финансированием; в-третьих, быстро растут социально-профессиональные группы информационных работников, осознающих себя полноценными гражданами информационного общества.

Начиная с 80-х годов прошлого столетия, идея информационного общества, приобрела популярность в академической среде и у высшего политического руководства России. Их привлекали доступ к мировым информационным ресурсам, глобальные масштабы коммуникации, высокопроизводительные информационные технологии, становление информационной экономики, интеллектуализация общества, совершенствование управления и прочие рекламируемые достоинства информатизации. Поскольку информатизация страны рассматривалась как необходимое условие социально-экономического прогресса и гарантия национальной безопасности, начались планомерные и довольно активные работы по её реализации.

Первое слово было сказано Академией наук СССР. Затем министерства и ведомства с помощью высококвалифицированных экспертов разработали серию стратегических концепций и директивных документов, а Государственная Дума приняла ряд законодательных актов¹. В течение трех последних десятилетий изменялись постановка задач и представления о конечных целях. Это вполне естественно. Тем не менее, подчеркну, что постоянное варьирование государственных программ, нацеленных на реализацию информационного общества, — свидетельство не только творческих поисков его конструкторов, но и следствие гипотетической

¹ Процессы информатизации России в 1990-е – 2000-е годы детально описан и документирован в книге, подготовленной непосредственными участниками событий: Коротков А. В., Кристальный Б. В., Курносов И. Н. Государственная политика Российской Федерации в области развития информационного общества. – М.: ООО «Трейн», 2007. – 472 с.

природы данной идеи. Историю идеи информационного общества в России можно представить в виде стандартных четырех этапов: зарождение – культивация – утилизация – социализация (см. параграф 1.2).

4.2.1. Зарождение идеи в научной среде. 80-е годы. В марте 1983 года Общее собрание Академии наук СССР приняло решение об организации в её структуре Отделения информатики, вычислительной техники и автоматизации и учреждении академического Института проблем информатики. В качестве докладчика выступил вице-президент Академии Е. П. Велихов, который, ссылаясь на международные прецеденты, охарактеризовал информатику как «области, связанные с разработкой, созданием, использованием и материально-техническим обслуживанием систем обработки информации, включая машины, оборудование, математическое обеспечение, организационные аспекты, а также комплекс промышленного, коммерческого, административного, социального и политического воздействия»¹. Согласно этой характеристике, информатика выглядела отраслью народного хозяйства, но никак не отраслью академической науки. Я полагаю, что смещение акцентов в выступлении вице-президента произошло потому, что он руководствовался не интересами научного познания, а доводами политиков, экономистов, юристов и популярных журналистов, которые в 80-е годы переключились с кибернетической тематики, утратившей актуальность, на тематику информационно-техническую.

Если воспользоваться категориями экономики, то информатика в контексте выступления Е. П. Велихова видится как компонент *инфраструктуры*, наряду с транспортом, энергетическим и материально-техническим снабжением, средствами связи. Её можно рассматривать и как составляющую производственной инфраструктуры, и более широко – как составляющую инфраструктуры социальной. Правомерны, стало быть, термины «инфраструктурная информатика» или «информационная инфраструктура»². Научную дисциплину, изучающую информационную инфраструктуру, правомерно именовать «кибернетическая информатика» и относить её к научному, а не практическому сознанию³. В Академии

¹ Велихов Е. П. Об организации в Академии наук СССР работ по информатике, вычислительной технике и автоматизации // Вестник Академии наук СССР. 1983. № 6. С. 30.

² См., например Толстошеев В. В. Информационная инфраструктура. Организационно-правовой аспект. – М.: Знание, 1980. 64 с. Он же. Право и информационная инфраструктура // Правоведение / ЛГУ. 1980. № 3. С. 22–31.

³ Необходимо различать два семантических поля: поле, принадлежащее практическому сознанию, где информатика понимается как совокупность общественных

.....

наук СССР после памятного Общего собрания 1983 года сложилось две трактовки кибернетической информатики.

Во-первых, свойственное школе украинских кибернетиков академика В. М. Глушкова понимание информатики в качестве «комплексной научной и инженерной дисциплины, изучающей все аспекты разработки, проектирования, создания, оценки, функционирования машинизированных (основанных на ЭВМ) систем переработки информации, их применения и воздействия на различные области практики. Появление этой дисциплины обусловлено возникновением и распространением новой – индустриальной – технологии сбора, обработки, выдачи информации, связанной с фиксацией данных на машинных носителях»¹. В этой трактовке ясно просматривается ассоциация с информационным обществом, хотя само понятие «информационное общество» еще не было в ходу.

Во-вторых, трактовка информатики как науки об информационном моделировании на ЭВМ, которую развивали академики О. М. Белоцерковский, А. П. Ершов, А. А. Дородницын, А. А. Самарский. Сущность её выражена в словах: «Как самостоятельная наука информатика вступает в права тогда, когда в рамках соответствующей частной теории строится информационная модель того или иного фрагмента действительности, – в информатике рассматриваются методологические принципы построения таких моделей и манипулирования ими»². Информационная модель представляется в виде системы математических уравнений, которые представляют собой «то сопряжение, через которое информатика вступает в отношение с частными науками, не сливаясь с ними и в то же время не вбирая их в себя»³.

Существенное различие между двумя трактовками кибернетической информатики заключается в том, что первая допускает объективизацию (материализацию) информации, а вторая относит понятие информации к модели, а не к оригиналу. Ущербность обеих трактовок состоит, по-моему, в том, что они не заботятся о сущностном прояснении понятия

реалий, и поле научного сознания, где под информатикой понимается наука (научная дисциплина). Аналогичный семантический дуализм присущ многим наименованиям наук (акустика, архитектура, геометрия, логика, оптика, эстетика и др.), и его следует иметь в виду во избежание недоразумений.

¹ Михалевич В. С. Каныгин Ю. М. Гриценко В. И. Информатика – новая область науки и практики // Кибернетика. Становление информатики. М., 1986. С. 31–32.

² Ершов А. П. О предмете информатики // Вестник Академии наук СССР. 1984. № 2. С. 113.

³ Ершов А. П. Информатика: предмет и понятие // Кибернетика. Становление информатики. М., 1986. С. 30.

информации, довольствуясь обыденным его пониманием. Так, академик А. П. Ершов, называя информатику «фундаментальной естественной наукой», говоря об «общенаучном характере понятия информации», именуя её «философской категорией», «одним из важнейших атрибутов материи», воздерживался от четкого определения информации¹. Академик А. А. Дородницын ссылаясь на понятие информации, принятое в кибернетике, — «любая совокупность сигналов, воздействий или сведений», и не ощущал потребности в его углублении. Украинские кибернетики определяли информацию как «данные, зафиксированные, распределенные, доведенные до своих адресатов и использованные ими в соответствии со своими целями»².

Тот факт, что Президиум Академии наук СССР, отдавший приоритет технократическим трактовкам информатики, руководствовался не столько логикой научного познания, сколько заказом со стороны руководства страны, стал вполне очевиден в период горбачевской перестройки второй половины 80-х годов³. В то время *информатизация* страны стала одним из приоритетов государственной политики. Лидеры перестройки социалистического общества оперировали понятиями «информация», «информатизация», «информатика» для того, чтобы осмыслить характерные явления общественного производства и социальной жизни в целом. Типичен следующий ход мысли. В наше время, в эпоху становления постиндустриального (информационного) общества, приоритет должен принадлежать информационному производству, конечный продукт которого составляют «информационные средства к жизни». Происходит перераспределение общественного труда в пользу сферы производства, переработки и распределения информации; национальные информационные ресурсы становятся важным мерилем общественного богатства, не только социально-экономическим, но и политическим фактором, гарантом национальной

¹ Ершов А. П. О предмете информатики // Вестник Академии наук СССР. 1984. № 2. С. 112–113.

² Михалевич В. С., Каныгин Ю. М. Гриценко В. И. Информатика (общие положения). Киев, 1983. С. 9.

³ Уместно заметить, что традиция следования в русле государственной политики сохранилась в Академии наук и в постсоветское время. Отделение информатики, вычислительной техники и автоматизации РАН просуществовало до марта 2003 года, когда было преобразовано в Отделение информационных технологий и вычислительных систем. Парадоксальным образом из названия академического органа исчезло название научной дисциплины — «информатика». Дальнейшая технизация информационной проблематики в структуре РАН произошла в декабре 2007 года, когда бывшее Отделение информатики было переименовано в Отделение нанотехнологий и информационных технологий.

.....

безопасности. Поэтому приобретает актуальность развитие *индустрии информатики*, которая является «катализатором научно-технического прогресса»¹.

В 80-е годы советская научно-техническая и политическая элита широко использовала понятие «научно-техническая революция», а понятия «информационная революция» и особенно «информационное общество» решительно отвергала как идеологические диверсии². В самом деле, при наличии социалистического общества никакого «информационного общества» не требовалось. Но потребность в информационно-технологической базе ощущалась, и её удовлетворяла концепция кибернетической информатики как «особой отрасли научно-технической деятельности, занимающейся исследованием информационных процессов любой природы, разработкой на этой основе информационной техники и технологии, решением научных и инженерных проблем создания, внедрения и обеспечения эффективного использования компьютерной техники и технологии во всех сферах общественной жизни. Единство закономерностей информационных процессов обуславливает широту применения компьютерной технологии обработки информации и поэтому ставит компьютерную технику в центр информатики»³.

4.2.2 Культивация идеи информационного общества. 90-е годы.
15 июля 1988 г. ЦК КПСС особым распоряжением поручил ряду научных коллективов разработать на конкурсной основе концепции информатизации социалистического общества на долгосрочную перспективу. В феврале 1989 года были представлены на рассмотрение четыре концепции, но ни одна из них не была признана оптимальной, поэтому в научной печати и на различных научных форумах продолжалось их обсуждение вплоть до середины 1990 года. Конкурировали две точки зрения: одна чисто технократическая, отождествлявшая информатизацию и компьютеризацию, другая полагала информатизацию общества в качестве цели, к которой следует стремиться, а компьютеризацию трактовала как средство достижения этой цели. В июне 1990 года был, наконец, одобрен проект Общегосударственной программы информатизации общества, но до принятия Верховным Советом СССР «Закона об информатизации» дело не дошло. Распад Советского Союза положил конец грандиозным планам информатизации социалистического общества.

¹ Индустрия информатики // Правда. 1986. 17 августа. С. 2.

² Косолапов В. В. НТР: мифы и иллюзии буржуазной футурологии. — Киев: Наукова думка, 1985. — 135 с.

³ Поздняков А. И. Информатика как комплексная научно-техническая дисциплина // Вопр. философии. 1986. № 5. С. 68.

Новое руководство России в 90-е годы стало расценивать отставание в области информационных технологий как угрозу национальной безопасности. В феврале 1992 года при Министерстве связи России был образован Комитет по информатизации (Роскоминформ), на который были возложены разработка основ государственной политики в области информатизации и подготовка соответствующих законодательных предложений. В 1993 году Президент РФ утвердил «Концепцию правовой информатизации России», затем появился президентский Указ «О совершенствовании деятельности в области информатизации органов государственной власти» (1994), вслед за ним – Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» (1995), отражавший идеологию рыночных реформ (защита всех форм собственности, формирование рынка информационных ресурсов, привлечение инвестиций и пр.). В том же 1995 году Координационный совет по информатизации Администрации Президента РФ принял фундаментальную *«Концепцию формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов»*. Последний документ наиболее полно выражает понимание сущности информатизации России в 90-е годы, поэтому остановимся на его содержании¹.

Концепция начинается с констатации, что «мир переживает переход от индустриального общества к обществу информационному», который заключается в «кардинальной смене способов производства, мировоззрения людей, межгосударственных отношений». Таким образом, в отличие от советских идеологов, признаются революционные преобразования, ведущие к информационному обществу. *Единое информационное пространство* определяется как «совокупность баз и банков данных, технологий их ведения и использования, информационно-коммуникационных систем и сетей, функционирующих на основе единых принципов и по общим правилам, обеспечивающим информационное взаимодействие организаций и граждан, а также удовлетворение их информационных потребностей». Указанная «совокупность» должна обеспечить права граждан на информацию, провозглашенные Конституцией Российской Федерации, создание и поддержание необходимого для устойчивого развития общества уровня информационного потенциала, повысить уровень правосознания граждан, предоставить гражданам и общественным организациям возможность контроля за деятельностью всех ветвей власти, от федеральных до муниципальных, повысить деловую и общественную активность граждан путем предоставления равной с государственными

¹ http://www.nsc.ru/win/laws/russ_kon.htm

.....

структурами возможности пользоваться открытой научно-технической, социально-экономической, общественно-политической информацией, наконец, интегрироваться с мировым информационным пространством.

Надо заметить, что в 1995 году, когда была одобрена данная Концепция, мировое сообщество не располагало сетью Интернет, поэтому предусматривались разработка «отечественных современных информационных технологий», «развитие отечественного производства современных систем и средств связи», «создание общенациональной телекоммуникационной сети страны» и «выход России на мировой уровень технического развития». Кроме того, были предусмотрены необходимые правовые основы, меры по обеспечению информационной безопасности и организационные решения по формированию и развитию единого информационного пространства России. Концепция завершалась призывом: «несмотря на трудности переходного периода в экономике страны, необходимо начать как можно быстрее работу по формированию в сжатые сроки единого информационного пространства России, ибо без создания приоритетных государственных информационных ресурсов построение в России правового демократического государства с развитой рыночной экономикой оказывается проблематичным». К сожалению, ни бедная и бюрократизированная государственная власть, ни богатые «новые русские» этот призыв не слышали.

Тем не менее, реальный процесс информатизации успешно прогрессировал: расширялось производство вычислительной техники, прежде всего — персональных компьютеров, за счет сборки из импортных комплектующих, развивался рынок заказного программирования для зарубежных клиентов, интенсивно осваивался Интернет и возрастал ассортимент сетевых информационных услуг. Во второй половине 90-х годов профильные комитеты Государственной Думы, озабоченные построением информационного общества и использованием сети Интернет в России, инициировали «Концепцию государственной информационной политики»¹. Одобренная в конце 1998 года, непосредственно после дефолта, потрясшего страну, Концепция отразила новое понимание сущности информатизации. Во главу угла теперь ставилась не относительно частная техническая задача конструирование информационного пространства (хотя она вовсе не снималась с повестки дня), а комплексное и системное формирование собственно информационного общества в России как «главного условия её политического и социально-экономического движения вперед и сохранения статуса мировой державы». Государственная информационная

¹ [http:// www.nbu.gov.ua/law/98ru-gip.html](http://www.nbu.gov.ua/law/98ru-gip.html)

политика рассматривалась «как серьезная движущая сила проведения в России демократических преобразований общества и государства».

Различались две главные составляющие государственной информационной политики — социально-политическая и технико-технологическая, и провозглашались *базовые принципы*: принцип открытости политики (все основные мероприятия открыто обсуждаются обществом, и государство учитывает общественное мнение); принцип равенства интересов всех участников информационной деятельности; принцип приоритетности отечественного производителя; принцип социальной ориентации (обеспечение социальных интересов граждан России, финансирование государством информационного развития социальной сферы) и др. Эти принципы отчетливо выражают демократический и гуманистический замысел Концепции.

Концепция предусматривала широкий круг *объектов государственной информационной политики*: информационные ресурсы, включая библиотеки, архивы, органы научно-технической информации и российские сайты Интернет; информационно-телекоммуникационная инфраструктура, обеспечивающая создание единого социально-экономического пространства и последовательное вхождение России в европейскую и глобальную информационную инфраструктуру; информационные и телекоммуникационные технологии, системы и средства их реализации; производство и потребление средств информатизации, информационных продуктов и услуг, в том числе рынок информации и массовая домашняя компьютеризация; регламентация деятельности государственных и негосударственных средств массовой информации (СМИ); информационное право как базис информационной политики. Этот перечень показывает, что практически все социально-экономические структуры и институты современной индустриальной России рассматриваются как объекты информационных трансформаций, планомерно осуществляемых государством. Авторы Концепции ясно это осознают, и исчерпывающе их перечисляют: 1) геополитика, безопасность и международные отношения; 2) экономика; 3) государственное управление; 4) образование, наука и культура; 5) охрана здоровья, защита окружающей среды и природопользование. Можно прийти к заключению, что информационное общество — это индустриальное общество, целенаправленно преобразованное в соответствии с государственной информационной политикой.

Концепцию завершает обзор технико-технологических, внешнеполитических, социально-экономических и социально-культурных проблем, требующих разрешения при переходе к информационному обществу.

.....

Авторы понимают, что «успешность продвижения к информационному обществу находится в прямой зависимости от информационной подготовки социума». Последняя же оставляет желать лучшего. В обществе доминирует недооценка роли информации в экономике; информация недостаточно востребована аппаратом управления; совершенно недостаточна компьютерная грамотность населения; значительна роль «негативных факторов в экономике и демократизации общественной жизни, определяемая традициями и стереотипами общественного сознания и поведения» и т. д. В итоге делается неутешительный, но оправданный вывод, что «проблемы подготовки общества к жизни в информационном мире лежат в глубинных социально-культурных пластах, и их решение займет десятилетия». Эта пессимистическая нота завершает 1990-е годы. Концепции третьего тысячелетия более оптимистичны.

4.2.3. Утилизация идеи информационного общества. 2000-е годы.

Плеяду концепций информационного общества, разработанных в духе надежд, вдохновлявших россиян в начале нового тысячелетия, открыла «Концепция формирования информационного общества в России», одобренная Государственным комитетом Российской Федерации по связи и информатизации в мае 1999 г.¹ Оптимистически настроенные авторы Концепции исходили из того, что «в России за последние 7–10 лет сформировались такие факторы социально-экономического, научно-технического и культурного развития, которые можно рассматривать как предпосылки перехода к информационному обществу». Надо признать, что этот переход мыслился ими вовсе не упрощенно. Обращалось внимание на три нетривиальные проблемы:

1. В числе стандартных характеристик информационного общества (формирование единого информационно-коммуникационного пространства, массовое распространение информационных технологий, рынок информации, свободное получение, распространение и использование информации и т. п.), предусматривалось «кардинальное изменение образа жизни большей части населения», распространение новой «социально-психологической модели поведения людей и общества в целом». Ставилась задача «создания социально-психологической модели поведения члена информационного общества» и воспитания в соответствии с ней человека, способного «нормально адаптироваться и комфортно существовать в условиях информационного общества». Другими словами, речь шла о формировании *нового антропологического типа homo informaticus*, о чем до сих пор в серьезных государственных документах речи не было.

¹ [http:// www.libertarium.ru/68568](http://www.libertarium.ru/68568)

2. Обосновывался «нетрадиционный, неапробированный *специфически российский* путь к информационному обществу. В отличие от традиционного пути, требующего значительных капиталовложений и ориентации общественного сознания на европейско-американский образ жизни, наши футурологи востребовали «хотя бы минимальных темпов экономического роста, политической стабильности в обществе и политической воли исполнительной и законодательной власти, поставившей перед обществом задачу перехода к информационному обществу как задачу высокого приоритета». Стало быть, в роли активного инициатора и катализатора информационных преобразований должно выступить государство, а российскому обществу отводилась роль пассивного объекта, ведомого верховной властью.

3. В отличие от предыдущих концепций, акцентировавших построение технократического информационного пространства и забывавших о его содержательном наполнении, в анализируемой Концепции ставилась задача «обеспечения сферы информационных услуг духовным содержанием, отвечающим *российским культурно-историческим традициям*, в том числе организация мощного русскоязычного сектора в Интернете». Авторы-патриоты подчеркивали: «Обеспечение сферы информационных услуг духовным содержанием, отвечающим российским культурно-историческим традициям, является *политической* задачей, решение которой должно обеспечить передачу новому поколению всего многообразия российской культуры, воспитания этого поколения в атмосфере национальных духовных ценностей и идеалов, максимально уменьшить негативное воздействие на молодых людей англоязычной информационной экспансии, культурно-оккупационного характера Интернета».

Авторы Концепции (1999 г.) учитывали «нестабильность политического и экономического положения в стране», «недостаточно высокий уровень развития информационно-коммуникационной инфраструктуры», «предельно высокую монополизацию средств массовой информации» и другие неблагоприятные условия, понимали необходимость «разработки и реализации комплекса мер по политическому, экономическому и социально-культурному обеспечению постепенного и длительного перехода к информационному обществу», но тем не менее, уверяли, что «основные черты и признаки информационного общества будут сформированы в России при стабильных социально-политических условиях и глубоких экономических преобразованиях в первой четверти XXI столетия».

Важной отличительной особенностью 2000-х годов стало *международное признание идеи информационного общества*. Президент В. В. Путин

.....

подписал на Окинаве Хартию информационного общества, Россия активно подключилась к программе ЮНЕСКО «Информация для всех» и принимала участие во всемирных саммитах, посвященных развитию информационного общества (см. выше, раздел 4.1.3). На тунисском саммите 2005 года Россия была избрана одним из сопредседателей. Выступая на пленарном заседании, министр информационных технологий и связи РФ Леонид Рейман сказал, что встреча в верхах в Тунисе ознаменовала собой новый этап в достижении всеобщего понимания важности происходящих в обществе процессов научно-технического и социального прогресса на основе использования современных информационно-коммуникационных технологий. Он подчеркнул вклад ООН в решение задач построения информационного общества и заявил, что вовлеченность в процесс подготовки к саммиту и реализации его решений дает России возможность участвовать в выработке путей развития глобального информационного общества, использовать потенциал международного сотрудничества для ускорения внедрения новейших технологий и сокращения разрыва в их применении внутри страны.

Участие в международных форумах активизировало процессы российской информатизации. С положениями Окинавской Хартии была согласована *Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010)»*¹. Предполагалось, что реализация Программы «окажет воздействие на все сферы общественной жизни», позволит эффективно использовать кадровый потенциал России в сфере ИТ, даст мощный толчок развитию информационного общества в российских регионах, приведет к росту объема рынка информационных услуг и программного обеспечения в 2–3 раза к 2005 году и в 5–6 раз к 2010 году, многократно увеличит объем экспорта из России информационных продуктов и услуг (до 2 долл. в 2005 году), обеспечит электронный документооборот в органах исполнительной власти, подключение к Интернету к 2005 году всех вузов страны, а к 2010 году всех средних специальных заведений и т. д. Программу завершало утверждение, что она «позволит существенно повысить конкурентоспособность экономики страны за счет снижения издержек и повышения качества продукции и услуг, эффективности государственного управления и местного самоуправления, обеспечит рост качества жизни граждан, сократит отставание от развитых стран мира, позволит избежать информационной и экономической изоляции от мировой экономики и мирового сообщества, обеспечит развитие процессов международной интеграции».

¹ <http://minkomsvjaz.ru/ministry/documents/828/833/>

Обширный круг задач, предусмотренных Программой «Электронная Россия», не удалось выполнить в полной мере. Однако успешным оказался проект «Электронное государство». Электронное государство подразумевает поддержку при помощи информационно-коммуникационных технологий всех ветвей государственной власти: исполнительной («электронное правительство»), законодательной («электронный парламент»), судебной («электронное правосудие»). Предполагается, что будет обеспечиваться непосредственная связь граждан с государственными чиновниками и предоставление определенного набора услуг гражданам и бизнесу в реальном масштабе времени. Благодаря этому механизмы управления обществом станут более эффективными, «прозрачными» и подотчетными обществу. Электроника обеспечит максимальную реализацию демократических идеалов, в частности, представительскую демократию заменит прямая «вечевая» демократия, будет устранена фальсификация результатов выборов и т. д.

В августе 2007 года правительство России утвердило концепцию «электронное правительство», на реализацию которой были направлены ресурсы федеральной целевой программы «Электронная Россия» (срок завершения работы 2010 год). Теперь приоритет в Программе получило построение инфраструктуры электронного правительства на унифицированной технологической платформе путем объединения информационных систем федеральных органов исполнительной власти, субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, а также центров доступа в общественных приемных, библиотеках, отделениях почтовой связи и на сайтах государственных органов в сети Интернет. Кроме оказания услуг для граждан и организаций, в основные задачи инфраструктуры электронного правительства входит построение информационно-аналитических систем для повышения эффективности государственного управления, мониторинга социально-экономического развития, управления ходом выполнения приоритетных национальных задач, то есть затрагиваются существенные вопросы совершенствования и административной реформы государственного управления в России.

Поскольку для реализации информационного общества недостаточно электронного правительства, Совет Безопасности Российской Федерации в феврале 2008 года одобрил новый директивный документ — «*Стратегию развития информационного общества в России*»¹. Отмечая, что в России «существуют условия для интенсивного постиндустриального развития», Совет Безопасности осторожно констатирует, по сути дела, *кризисное состояние российской информатизации*. Кризис

¹ <http://www.rg.ru/2008/02/16/informacia-strategia-dok.html>

.....

проявляется в том, что «уровень развития информационной инфраструктуры не в полной мере соответствует задачам развития экономики, повышения конкурентоспособности страны, благосостояния и качества жизни граждан, укрепления обороноспособности и безопасности, а также существенно уступает развитым странам мира»; «практически отсутствует производство конкурентоспособной продукции микроэлектронной промышленности, телекоммуникационного оборудования и средств вычислительной техники, в результате чего зависимость развития российской информационной инфраструктуры от поставок зарубежных информационно-коммуникационных технологий значительно превышает критический уровень»; система образования и науки «не может обеспечить качественное воспроизводство трудовых ресурсов, требуемых в условиях постиндустриального развития»; слабо обеспечивается сохранение культурного наследия, система информационной безопасности страны не способна противостоять использованию информационных технологий в террористических и других преступных целях.

Задача Стратегии заключается в уточнении целей и принципов построения информационного общества в России и определении роли государства в этом процессе. Хотя принципиально новых, не провозглашенных предыдущими концепциями положений Стратегия не содержит, предложенный план «мероприятий по достижению целей развития информационного общества в России», радует конкретностью и широтой охвата актуальной проблематики. В частности, предусматривается достижение к 2015 году следующих значений контрольных показателей постиндустриального развития:

- доступ к телефонной связи 100 % населенных пунктов, а к открытым государственным информационным ресурсам, размещаемым в сети Интернет – не менее 80 %;
- доля преподавателей, использующих информационно-коммуникационные технологии в учебной работе – не менее 50 % в средних школах и 70 % в вузах;
- доля врачей, использующих информационно-коммуникационные технологии для осуществления профессиональной деятельности – не менее 40 %;
- доля электронных каталогов от общего объема библиотечных каталогов – не менее 30 %; доля электронных каталогов от общего объема музейных каталогов – 50 %;
- реализация государственными органами базовых услуг населению (базовые услуги электронного правительства) – 100 %.

Государственные стратеги завершили свой документ уверением, что «достижение контрольных показателей развития информационного общества позволит России войти в число стран, лидирующих в области постиндустриального развития, а также существенно укрепить её информационную безопасность». Конкретно: Россия должна войти в двадцатку ведущих стран мира в международных рейтингах в области развития информационного общества и занять не ниже десятого места в рейтингах по уровню доступности национальной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры для субъектов информационной сферы. Был разработан Национальный план реализации стратегии до 2011, где финансирование информатизации социальной сферы возложено на субъекты РФ. Поскольку программа «Электронной России» оказалась исчерпанной, в 2010 году Министерство связи и массовых коммуникаций в качестве средства реализации государственной Стратегии развития информационного общества разработало новую долгосрочную *Государственную программу Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020)»*. Утверждение этой программы Правительством России в октябре 2010 года знаменовало переход от культивации и утилизации идеи (точнее – гипотезы) информационного общества в виртуальной реальности к этапу социализации, то есть практическому воплощению информационного общества в социальной реальности России XXI века. Готова ли наша страна к подобной трансформации? Этот вопрос нуждается в особом рассмотрении.

4.3. ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Перспективы практической реализации идеи информационного общества в российской действительности могут рассматриваться в экономическом, политическом, социально-культурном, правовом, материально-техническом и других аспектах. Мы ограничимся четырьмя, на мой взгляд, ключевыми проблемами, имеющими отношение к перечисленным аспектам. Во-первых, проанализируем содержание Государственной программы «Информационное общество (2011–2020)», чтобы получить представление о понимании идеи информационного общества нашим Правительством, экономическом и правовом обеспечении принятой программы. Во-вторых, решающее значение для социализации идеи имеет соответствие государственных программ ожиданиям и возможностям населения (социально-культурный аспект). В-третьих, необходимым условием является

.....

наличие соответствующей материально-технической базы, критерием развития которой является распространение сети Интернет. Наконец, в-четвертых, нужны люди, психологически готовые к жизни в условиях информационного общества.

4.3.1. Государственная программа “Информационное общество (2011–2020)” Программа предусматривает следующие, ставшие уже стандартными, *направления*: создание электронного правительства, повышение качества жизни граждан, преодоление цифрового неравенства, обеспечение безопасности в информационном обществе, сохранение культурного наследия и развитие рынка ИКТ.

Цель Программы сформулирована многообещающе: получение гражданами и организациями преимуществ от применения информационных и телекоммуникационных технологий за счет обеспечения равного доступа к информационным ресурсам, развития цифрового контента, применения инновационных технологий, радикального повышения эффективности государственного управления при обеспечении безопасности в информационном обществе. Цель конкретизируется в виде *многочисленных задач*: повышение качества жизни граждан и улучшение условий развития бизнеса; упрощение взаимодействия общества и государства; перевод государственных и муниципальных услуг в электронный вид; построение электронного правительства и повышение эффективности государственного управления; перевод в электронный вид государственной учетной деятельности; развитие телерадиовещания; развитие российского рынка информационных и телекоммуникационных технологий, обеспечение перехода к экономике, осуществляемой с помощью информационных технологий; преодоление чрезмерного различия в использовании информационных технологий регионами и различными слоями общества; развитие технологий защиты информации, обеспечивающих неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, а также безопасность информации ограниченного доступа; развитие цифрового контента и сохранение культурного наследия, в том числе: оцифровка объектов культурного наследия, включая архивные фонды, и предоставление удаленного доступа к цифровому контенту; обеспечение технологической независимости Российской Федерации в отрасли информационных и телекоммуникационных технологий.

Основную часть программы (25–30 %) займет проект создания электронного правительства (повышение эффективности государственного управления и местного самоуправления, взаимодействия гражданского общества и бизнеса с органами государственной власти, качества

и оперативности предоставления государственных услуг). Задачу повышения качества жизни граждан, как можно судить по решениям Совета по развитию информационного общества в России, утвержденным Президентом Д. А. Медведевым 25 августа 2010 года¹, предполагается решать путем а) «масштабного внедрения электронных образовательных ресурсов в учебный процесс всех образовательных учреждений», включая «ведение журналов успеваемости учащихся в электронном виде» и «совершенствование компьютерной системы единого государственного экзамена»; б) «создания и внедрения в учреждениях здравоохранения медицинских информационно-справочных систем в целях ведения электронной истории болезни, автоматизации работы регистратур и приемных отделений, включая использование систем записи на прием к врачу через Интернет»; в) создание национального библиотечного ресурса с унифицированным каталогом на базе оцифрованных фондов Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки, Президентской библиотеки имени Б. Н. Ельцина, библиотек государственных академий наук Российской Федерации, а также государственных и муниципальных публичных библиотек.

Любому гражданину, – уверяют авторы Государственной программы «Информационное общество», принятой в 2010 году, – «для того, чтобы получить государственную услугу, достаточно будет 1 раз дистанционно заполнить форму запроса, а через определенное время получить необходимый документ в свой почтовый ящик; для того, чтобы выразить свое мнение по тому или иному вопросу или сформировать группу единомышленников для воплощения какой-либо инициативы, достаточно будет зайти на соответствующий сайт в сети Интернет; для того, чтобы собрать ученика в школу, достаточно будет скачать комплект учебников и сопутствующих материалов с регионального образовательного портала и сохранить их в электронной книге; для того, чтобы сдать налоговую отчетность, не нужно будет посещать налоговую инспекцию; для того, чтобы подобрать литературу по интересующей тематике, достаточно будет воспользоваться электронным каталогом любой библиотеки на всей территории страны; для того, чтобы приступить к выполнению отдельных видов профессиональной деятельности, не нужно будет тратить время на дорогу, достаточно будет включить компьютер и войти в корпоративную сеть» и т. д.². Поистине образ жизни в российском информационном

¹ <http://news.kremlin.ru/news/8738>

² Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020)». – С. 26.

.....

обществе 2020 года будет совершенно иным, чем в наши дни! Наконец-то простые россияне будут жить в «электронных коттеджах», описанных О. Тоффлером в 80-е годы (см. раздел 3.1.2).

Гарантией реализации «электронного будущего» и непереносимого выполнения Государственной программы РФ «Информационное общество (2011–2020 годы)» служит внушительное ресурсное обеспечение, предусмотренное Правительством для развития информационного общества в России (см. Приложение № 4). В общей сложности из средств федерального бюджета выделяется 1 288 рублей, из средств консолидированных бюджетов субъектов РФ – 500 рублей, из внебюджетных источников – 2 000 рублей. Всего получается 3 788 рублей в ценах соответствующих лет. Если обратиться к разработанным Министерством финансов РФ «Основным направлениям бюджетной политики на 2011 год и плановый период 2012 и 2013 гг.», можно установить, что десятилетние расходы федерального бюджета на культуру и кинематографию будут составлять около 740 , на здравоохранение не более 4 000 , на образование около 5 000 рублей. Таким образом, на построение информационного общества планируется направить заметную долю государственных средств – *не менее одного процента!* Главными исполнителями и распорядителями кредитов являются два министерства: Министерство связи и массовых коммуникаций и Министерство экономического развития РФ.

Поскольку среди соисполнителей преобладают бюрократические ведомства, и нет представителей гуманитарной науки или социально-культурной сферы, то не приходится сомневаться в технократическом подходе к пониманию содержания Программы. Технократы предпочитают количество, а не качество, поэтому пользуются приоритетом легко исчисляемые материальные показатели (информационные технологии, базы и банки данных, телекоммуникационные сети и т. п.), а глубинные гуманитарные факторы (социальная психология, национальная российская специфика, культурное наследие и др.) отодвинуты на периферию. Цитированные задачи – типичный продукт технократического мышления. Разработчиков программы не заботит повышение качества школьного образования, им важно дать родителям возможность «скачать комплект учебников и сопутствующих материалов с регионального образовательного портала». Российскому народу невдомек, зачем нужно расходовать миллиарды рублей, чтобы внедрить в школах ведение журналов успеваемости учащихся в электронном виде и усовершенствовать компьютерную систему единого государственного экзамена. Зачем пенсионерам

и инвалидам система записи на прием к врачу через Интернет? Неужели им придется осваивать компьютерную грамотность? Ясно, что старикам это не по силам. Не удивительно, что имеет место, как выражаются авторы Программы, «пассивное сопротивление отдельных граждан и общественных организаций проведению мероприятий по созданию информационных баз, реестров, классификаторов и единого идентификатора граждан» (с. 16).

Напрашивается вывод, что в построении информационного общества кровно заинтересованы *государство и торгующий информацией бизнес*, но никак не народные массы. Обзор программ построения информационного общества, выдвинутых в России за последние тридцать лет, показывает, что государственная власть в лице президентов России, Государственной Думы, правительства, Совета Безопасности, профильных министерств и комитетов неизменно уделяла и уделяет приоритетное внимание информатизации страны. Поражает количество директивных документов, одобренных и принятых к исполнению. Можно было бы предположить, что потребность в них диктовалась интенсивностью движения к информационному обществу и стремительной сменой решаемых задач. Однако это не так. Из одной концепции в другую, из одной программы в другую повторяются одни и те же аргументы в пользу построения информационного общества, называются одни и те же стратегические цели и оптимистически прогнозируются одни и те же конечные результаты. Нельзя сказать, что нет никакого прогресса. Информационные элементы постепенно вырисовываются в экономической сфере, в государственном управлении, в социальной коммуникации, в образовании и культуре, но назвать современное российское общество информационным никак нельзя.

Почему же государственная политика информатизации не встречает в России общенародной поддержки? Ведь концепции, стратегии, хартии единогласно обещают нам: «улучшение условий жизни населения, повышение эффективности общественного производства, содействие стабилизации социально-политических отношений на основе внедрения средств вычислительной техники и коммуникации» (Концепция формирования и развития единого информационного пространства России¹); «подготовку человека к жизни и работе в грядущем информационном веке», «полноценную жизнь и эффективную деятельность человека в информационном обществе XXI века», «согласование интересов граждан, общества и государства» (Концепция государственной

¹ http://www.nsc.ru/win/laws/russ_kon.htm

.....

информационной политики¹); «использование материальных и духовных благ информационной цивилизации может обеспечить населению России достойную жизнь, экономическое процветание и необходимые условия для свободного развития личности» (Концепция формирования информационного общества в России²). Наконец, разработчики Государственной программы «Информационное общество (2011–2020 годы)» ожидают, что в результате реализации Программы будут достигнуты: «соблюдение прав человека и основных свобод, в том числе права каждого человека на свободу убеждений и информацию; социализация на основе общения; уважение достоинства человеческой личности, ограничение свобод исключительно в установленных законом пределах; непрерывное образование, возможность каждого человека овладевать навыками и знаниями на протяжении всей жизни; формирование открытого творческого сообщества, способствующего созданию инноваций; расширение возможностей трудоустройства и самозанятости; новые формы солидарности, партнерства и сотрудничества между органами государственной власти, гражданами и организациями» и т. д. В конечном итоге, уверяют они, «эффекты, возникающие при использовании информационных и телекоммуникационных технологий в различных сферах деятельности, повлияют на повышение качества жизни граждан вне зависимости от их возраста, состояния здоровья, региона проживания, на возможность и условия работы, повышение производительности труда и конкурентоспособности российских товаров, на уровень ведения диалога между народами и странами»³.

Может быть, в самом деле, именно отставание в области информатизации – глубинная причина системного кризиса, терзающего Россию? Нельзя ли умело информатизировать государственное управление, экономику, образование, науку, армию и органы национальной безопасности, чтобы Российская Федерация заняла в глобализирующемся мире достойное место великой державы? Почему россияне упрямо, хотя и «пассивно», сопротивляются информационному «футурошоку»? Можно подумать, что они сами не осознают своего блага, и прав был решительный реформатор Петр Великий, который заметил как-то: «Всем известно, что наши люди ни во что сами не пойдут, ежели не приневолены будут»⁴. Почему же

¹ <http://www.nbu.gov.ua/law/98ru-gip.html>

² <http://www.libertarium.ru/68568>

³ Государственная программа Российской Федерации «Информационного общества (2011–2020)». – С. 7–8.

⁴ Русские о русских. Мнения русских о самих себе / собрал К. Скальковский. – СПб.: ПЕТРО-РИФ, 1992. – С. 8.

россиян не вдохновляет перспектива построения информационного общества в нашей стране?

4.3.2. Российская цивилизация как объект информатизации. Идея информационного общества, как показано в предыдущих главах, культивировалась, главным образом, американскими и европейскими футурологами, которые представляли постиндустриальное информационное общество в качестве перспективы, ожидающей западную цивилизацию. Авторитетные ученые Д. Белл или О. Тоффлер, П. Друкер или Г. Шиллер мыслили скорее локально, чем глобально, ибо подчас забывали о существовании «незападных» цивилизаций. Эксперты ООН, озабоченные сокращением «цифрового неравенства», стремятся не к сохранению разнообразия цивилизаций, а к вестернизации их, то есть к построению на планете единой унифицированной цивилизации.

Российские последователи западных авторитетов (см. разделы 3.2.1 и 3.2.2) связывали постсоветское реформирование России с преобразованием её в «информационную цивилизацию» по западному образцу. Лихие технократы полагали, что информатизация – универсальная технология, работоспособная во всех странах и на всех континентах. Поэтому незачем учитывать какие-то специфические особенности исторически сложившихся цивилизаций. Как правило, они не считали нужным уточнять понятия «цивилизация», «общество», «формация» и более-менее логично их систематизировать. Им казалось, что вполне позволительно отождествить «информационную цивилизацию» с «информационным обществом», а определять их соотношение с прочими цивилизациями и обществами – занятие практически бесполезное. Они заблуждались. Нельзя планировать преобразование современной российской цивилизации в гипотетическую информационную цивилизацию (информационное общество), не отдавая себе отчет, что есть в сущности человеческая цивилизация? Остановимся на данном вопросе.

Этимологически термин «цивилизация» происходит от латинского *civilis* (государственный, гражданский), и с его помощью цивилизованные римляне отделяли свое общество от варварских племен. В качестве научного термина «цивилизация» вошла в обиход с XVIII века. Французские философы-просветители называли цивилизованным общество, основанное на началах разума и справедливости, противопоставляя его варварству в прямом и переносном смысле. В XIX веке понятие цивилизации освоили историки. В 1829–1832 гг. француз Ф. Гизо (1787–1874) издает «Всеобщую историю цивилизации в Европе» в 4-х томах и «Историю цивилизации во Франции от падения Римской империи до 1789 года»;

англичанин Г. Т. Бокль (1821–1862) в середине века публикует «Историю цивилизации в Англии»; испанец Р. Альтамира-и-Кревеа (1866–1951) в конце XIX века выпустил в свет «Историю Испании и испанской цивилизации». В XX столетии швейцарец А. Боннар пишет многотомный труд о древнегреческой культуре под заглавием «Греческая цивилизация»; Жак Ле Гофф исследует «Цивилизацию средневекового Запада»; наконец, американский историк, социолог и журналист М. Лернер, пытаясь изобразить образ жизни и мышления в Соединенных Штатах, называет свою книгу «Развитие цивилизации в Америке». Короче говоря, выясняется, что термин «цивилизация» может сочетаться с целыми эпохами (античность, средневековье), с континентами (Европа, Америка), с отдельными странами (Англия, Франция, Испания, США), регионами и даже городами, например, «цивилизация во Флоренции XV века». Можно заметить, что англо – и франкоязычные историки и философы предпочитают говорить о цивилизациях, а немецкоязычным ученым ближе термин «культура». Правда, Г. Гегель в своих лекциях по философии истории оперировал словом «мир»: восточный мир, римский мир, германский мир.

Отечественные западники П. Я. Чаадаев, Т. Н. Грановский однозначно отождествляли цивилизацию с западноевропейским образом жизни, придавая последнему отблеск привлекательности. Рассматривая Россию как страну, которая «растет, но не зреет», они выступали за скорейшее слияние России с цивилизованной Европой. Славянофилы-классики А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков отстаивали своеобразие исторического пути России («идея России»). Они отказались от гегелевской модели исторического процесса, ведущего к одной единообразной европоцентристской цивилизации, и отдали предпочтение идее множественности и разнокачественности человеческих цивилизаций. Они утверждали, что каждый народ обладает собственной самобытной культурой, которая предопределяет его путь к цивилизации. «Почвенник» *Николай Яковлевич Данилевский* (1822–1885) превратил идею славянофилов в солидную социально-культурную теорию, известную как «теория культурно-исторических типов»¹. Субъектом истории, по мнению автора, следует считать не абстрактное «человечество», а *культурно-исторические типы*, реальным воплощением которых в древности были племена, а в новое время – нации. Культурно-исторический тип представляет собой социальную общность, сплоченность и своеобразие которой обеспечивают:

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому: 6-е изд. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. – 552 с.

Н. Я. Данилевский, обращаясь к исторической науке своего времени, перечисляет в хронологическом порядке следующие культурно-исторические типы, или, по его словам, «самобытные цивилизации»: 1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилонско-финикийский, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) ново-семитский, или арабийский, 10) германо-романский, или европейский (с. 74). Далее автор включает в свой перечень еще один тип, однопорядковый с эллинизмом, латинством, европеизмом, — *славянство*, включающее Россию, Чехию, Сербию, Болгарию (с. 105). Осмысливая современные ему политические проблемы, Данилевский пророчит «столкновение цивилизаций», а именно: неизбежность борьбы России с Европой «в более или менее близком будущем» (с. 370). Но он предостерегает против соблазна «прервать всякие отношения с Европой», поскольку это «невозможно и вредно» и советует «смотреть на европейские дела всегда и постоянно с нашей особой, русской точки зрения, применяя к ним как единственный критерий оценки: какое отношение может иметь то или другое событие, направление умов к нашим особенным, русско-славянским целям; какое они могут оказать препятствие или содействовать им» (с. 374). Замечу, что это пророчество было высказано в 1868 году — за девять лет до очередного столкновения Российской империи с интересами европейских держав во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., и почти полвека до начала первой мировой войны.

Историки XX столетия широко использовали цивилизационный подход, хотя дефиниции и перечни цивилизаций варьировались и видоизменялись. Так, один из столпов современной историософии *Арнольд Тойнби* (1889–1975) связывал цивилизацию с «определенными ассоциациями в области религии, архитектуры, нравов и обычаев» и предлагал довольно замысловатое определение: «под цивилизацией я понимаю наименьший блок исторического материала, к которому обращается тот, кто пытается изучить историю собственной страны, скажем Соединенных Штатов или Соединенного Королевства. Если вы попытаетесь исследовать историю Соединенных Штатов в отдельности, она окажется необъяснимой: вы не сможете понять, какую роль сыграли в жизни Америки федеральное правительство, представительное правление, демократия, индустриализм,

.....

если не устремите свои взоры вдаль, за пределы её границ — до Западной Европы и других заокеанских стран»¹. Первоначально Тойнби насчитывал 21 цивилизацию, затем, исключив «второстепенные» и «недоразвитые», сократил их число до 13. В классификацию английского историкософа вошли древнейшие «отцовские» цивилизации — шумерская, египетская, минойская, китайская, индская, сирийская, майянская, эллинская и «сыновные», существующие в настоящее время цивилизации, в том числе: западная (западный мир), православно-христианская, включающая Россию, исламская, индуистская, дальневосточная, включающая Китай².

Авторитетный французский историк *Фернан Бродель* (1902–1985), автор труда «Материальная цивилизация, экономика и капитализм», определял цивилизацию как «реальность большой длительности», представляющую собой «некую культурно-географическую зону, обладающую неповторимым своеобразием и взаимодействующую с другими зонами-цивилизациями». Своеобразие цивилизации зависит от «ансамбля» культурных явлений (язык, письменность, наука, искусство, право, политические и социальные институты и др.) и от материальных факторов (демография, ландшафт, фауна, флора и пр.).

Освальд Шпенглер (1880–1936), прославивший свое имя двухтомником «Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории» (1-ый том в 1918; 2-ой том в 1922)³, в отличие от своих коллег, не отождествлял, а противопоставлял культуру и цивилизацию. Он считал культуру результатом естественного развития общества, а цивилизацию — искусственным (социогенным) образованием, знаменующим «окостенение» и умирание культуры. Культура понимается им как исторически сложившееся единство мышления, запечатленное в формах экономической, политической, религиозной, художественной, практической деятельности. Цивилизация — смертельная болезнь культуры, проявляющаяся в таких разрушительных факторах, как технизация, власть денег, бюрократизация, войны, урбанизация, которыми страдает Европа на «закате дней своих». Шпенглер насчитывает восемь культур, достигших стадии цивилизации: египетская, индийская, вавилонская, китайская, «магическая» (арабо-византийская), «аполлоновская» (греко-римская), «фаустовская» (западноевропейская) и культура майя. Этот список не исчерпывал множество живых культур,

¹ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед лицом истории: сборник. — М.: Прогресс-Культура; СПб.: Ювента, 1995. — С. 133–134.

² Тойнби А. Дж. Постигание истории: сборник. — М.: Прогресс, 1991. — С. 33–79.

³ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. — М.: Мысль, 1993. — 663 с.; Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. — М.: Мысль, 1998. — 606 с.

которые находятся на стадиях предыстории или ранней истории. Одной из таких культур является русско-сибирская культура, которой Шпенглер предрекал высокое развитие в третьем тысячелетии.

Как видим, в исторической науке однозначного понимания цивилизации нет. Не случайно П. Шоню, написав специальную статью «Что такое цивилизация?», так и не решился дать определение, ограничившись утверждением: «Цивилизация – это осуществление Града Божьего, очень бледное, всегда неверное отражение Божьего царства»¹. Российские историки предлагают понимать цивилизацию как «целостность, являющуюся способом разрешения таких фундаментальных противоречий человеческого бытия, как противоречие между человеком и природой, между социумом и индивидом, между традицией и инновацией» (Я. Г. Шемякин) или как «способ, которым данное общество разрешает свои экзистенциальные (материальные), социально-политические и духовно-этические проблемы» (М. А. Барг). С 90-х годов не утихают дискуссии по поводу размежевания понятий «цивилизация» и «общественно-экономическая формация». Теории цивилизации и, в частности, определению специфики и перспектив развития российской цивилизации в XXI веке посвятили фундаментальные исследования Б. С. Ерасов² и Ю. В. Яковец³.

Отечественными культурологами вопрос о соотношении цивилизации и культуры решается по-разному в зависимости от понимания культуры. Сторонники «деятельностного подхода» к культуре, определяющие культуру как специфический способ человеческой деятельности (М. С. Каган, Э. С. Маркарян, А. Я. Флиер и др.), видят в цивилизации лишь стадию развития культуры, имея в виду, что варварским племенам свойственна своя культура, изучаемая этнологией (социальной, или культурной антропологией). Сторонники понимания культуры как творческой, а не всякой социальной деятельности человека (А. И. Аскольдов, Л. Н. Коган, В. М. Межуев и др.), оценивают цивилизацию как форму общественной жизни, в рамках которой вынуждена развиваться культура. Поскольку цивилизация ставит пределы развитию культуры, между культурой как творческим процессом и цивилизацией как организационными формами этого процесса постоянно существует противоречие.

¹ Дмитриев М. В. Некоторые аспекты изучения цивилизаций в современной французской историографии // Цивилизации. Вып. 1. – М.: Наука, 1992. – С. 191–192, 195.

² Ерасов Б. С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. – М.: Наука, 2002. – 524 с.

³ Яковец Ю. В. История цивилизаций: учеб. пособие. – М.: ВЛАДОС, 1997. – 352 с.; Яковец Ю. В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. – М.: Наука, 1999. – 448 с.

К сожалению, ни одна из перечисленных трактовок понятия цивилизации не соответствует целиком и полностью задачам нашего исследования. Поэтому, отталкиваясь от определений различных авторов, примем следующую обобщающую дефиницию: *Цивилизация — естественно-исторически сложившееся объединение пяти реальностей: Макрокосм (реальность А) + Биосфера (реальность Б) + Социосфера (реальность Г) + Духовность (реальность Д) + Техносфера (реальность Е).* Типы реальностей подробно рассмотрены в разделе 2.2.3. В рамках цивилизационного подхода актуальны следующие значения перечисленных реальностей:

Реальность А — географические и климатические характеристики территории, занятой данной цивилизацией; реальность Б — расово-этнический состав населения, предопределяющий национальный характер, темперамент и другие этнопсихологические особенности; реальность Г представляют свойственные цивилизации экономические, управленческие и коммуникационные институты в том числе политические, юридические и силовые структуры, средства коммуникации (школы, книгоиздательства, библиотеки, средства массовой информации), основанием которых служат национальный язык и традиционное быденное сознание; реальность Д — социальная духовность (ментальность), включающая социально-культурные институты (религия, этика, философия, право, словесность, искусство, наука), коллективный интеллект, ценностные ориентации, технологические умения, социальную память; реальность Е — техносфера, воплощающая научно-технический уровень развития цивилизации и включающая информационно-технологический сектор. Реальность Е, в отличие от прочих реальностей, имеет искусственное происхождение; она обусловлена развитием науки и техники в реальностях Д и Г. Именно развитие техносферы предоставило западной цивилизации роль лидера в научно-техническом прогрессе. Российская цивилизация обладает собственными достоинствами в духовной сфере.

Отечественные мыслители Серебряного века уделили много внимания феномену русской духовности. Еще в XIX веке В. С. Соловьев поставил вопрос о русской идее, которая должна раскрыть своеобразие исторической судьбы России, её миссии и призвании в мировой истории. Всю жизнь о противоречивой и непредсказуемой «Душе России», о загадочной «Судьбе России», о непостижимой умом «Русской идее» размышлял Н. А. Бердяев, который на склоне лет своих пришел к заключению: «Есть соответствие между необъятностью, безграничностью, бесконечностью русской земли и русской души, между географией физической

и географией душевной. Поэтому русскому народу трудно было овладеть этими огромными пространствами и оформить их. У русского народа была огромная сила стихии и сравнительная слабость формы. Русский народ не был народом культуры по преимуществу, как народы Западной Европы, он был более народом откровений и вдохновений, он не знал меры и легко впадал в крайности.... Россия никогда не была в западном смысле страной аристократической, как не стала буржуазной. Два противоположных начала легли в основу формации русской души: природная, языческая, дионисическая стихия и аскетически-монашеское православие»¹. Своеобразие русской этнопсихологии пытался раскрыть Н. О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957); С. Л. Франк исследовал особенности «русского мировоззрения». В настоящее время собран колоссальный научный материал, который послужил базой для разработки монографий и вузовских курсов о российской цивилизации². В специфических отличиях русской цивилизации от западной, исламской, китайской, латиноамериканской и прочих современных цивилизаций сомневаться не приходится. Здесь вопроса нет. Существует вопрос: *можно ли идею построения информационного общества считать русской национальной идеей в наши дни?*

Я умышленно столь подробно остановился на цивилизационной историософии для того, чтобы показать нелепость технократического замысла «информационной цивилизации». В семейство естественно-исторически сложившихся цивилизаций информационная цивилизация никоим образом не вписывается. «Информационную цивилизацию» нельзя назвать культурно-историческим типом в смысле Данилевского, потому что она не обладает свойственными нациям единством языка и территории, политической независимостью и общностью экономической жизни. Правда, у населения киберпространства можно обнаружить особый «психический облик» и «уникальную духовность, которую невозможно передать каким-либо другим культурно-историческим типам». Но я не думаю, что этого достаточно. Если встать на точку зрения А. Тойнби, то «информационная цивилизация» цивилизацией не является, поскольку она не пробуждает никаких «ассоциаций в области религии, архитектуры, нравов и обычаев». Ф. Бродель, определявший цивилизацию как «некую

¹ Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Вопросы философии. — 1990. — № 1. — С. 78.

² См.: Шаповалов В. Ф. Россиеведение: учеб. пособие для вузов. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. — 576 с.; Викторov В. В. Российская цивилизация: тенденции развития от истоков к современности: учеб. пособие. — М.: Вузовский учебник, 2009. — 336 с. и др.

.....

культурно-географическую зону, обладающую неповторимым своеобразием и взаимодействующую с другими зонами-цивилизациями», вряд ли распространил бы свое определение на «информационную цивилизацию». Пожалуй, только Освальд Шпенглер согласился бы признать «информационную цивилизацию» стадией «заката европейской фаустовской культуры», но для русско-сибирской цивилизации такое решение не годится, потому что она находится в фазе «восхода», а не «заката».

Может быть, в эпоху глобализации пора забыть о национально окрашенных цивилизациях и следует мыслить не национально, а глобально? Ведь явление Интернет – убедительный аргумент в пользу формирования *глобальной информационной цивилизации*. Во-первых, Сеть транснациональна, она преодолевает государственные и национальные границы, способствуя диалогу и сближению народов; во-вторых, она содействует интеграции национальных и региональных экономических пространств в глобальную экономику; в-третьих, она способна сосуществовать с разными политическими режимами, культурными и языковыми различиями; в-четвертых, она обладает свойством мощного психологического воздействия на народные массы, благодаря мультимедийной, то есть аудио-видео-текстовой информации. Либералов и гуманистов Интернет пленяет не только многокрасочностью изображений, глобальностью связи, оперативностью доставки информации, но и свободой и демократичностью доступа к необозримым информационным ресурсам (пусть не всегда бесплатной). Однако Интернет не в силах утихомирить межнациональные конфликты, обостряющиеся в наши дни, и теоретиками глобализации активно обсуждается проблема столкновения цивилизаций.

Автором идеи *столкновения цивилизаций* является американский политолог и культуролог Сэмюэл Хантингтон (род. 1927), который в 1996 году опубликовал объемный научный труд «Столкновение цивилизаций и перестройка мирового порядка»¹. Исходный постулат Хантингтона заключается в том, что, если во время «холодной войны» мир был разделен по политическим и экономическим признакам на капиталистические, социалистические, развивающиеся страны, то сейчас решающее значение приобретает цивилизационная (прежде всего, религиозная) принадлежность. Облик глобального мира определяется цивилизациями: западной, православно-славянской, конфуцианской, японской, исламской, индуистской, латиноамериканской, африканской. По мнению политолога, в XXI веке доминирующим фактором мировой политики станут кровавопролитные межэтнические столкновения, обусловленные

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: Изд-во АСТ, 2003. – 603 с.

ослаблением западной цивилизации. Он критически оценивает западную и в особенности американскую веру в «универсальную значимость западной культуры» и убеждение западных универсалистов, что «людям во всем мире следует усвоить западные ценности, институты и культуру, потому что те воплощают в себе самое высшее, самое просвещенное, самое либеральное, самое рациональное, самое современное и самое цивилизованное мышление человечества». Хантингтон категорически заявляет, что «в возникающем мире этнических конфликтов и столкновения цивилизаций западная вера в универсальность западной культуры страдает от трех недостатков: она неверна; она аморальна и она опасна» (с. 510) и призывает западных стратегов готовиться к столкновениям с азиатской и мусульманской цивилизациями.

Конечно, гуманистически мыслящие политики и ученые не могут покорно примириться с приговором С. Хантингтона. Известны многочисленные опровержения теории американского политолога и, что гораздо важнее, — практические действия властей по смягчению межнациональной напряженности. Наиболее масштабной является политическая инициатива Испании и Турции «Альянс цивилизаций», задуманная как антитеза «столкновения цивилизаций». Инициатива получила международную поддержку как со стороны правительств многих стран (в том числе России), так и транснациональных корпораций, заинтересованных в глобальном распространении своих товаров. Вокруг Альянса формируется круг известных и влиятельных интеллигентов, которых, несмотря на национальные и идеологические различия, объединяет стремление к культурному сотрудничеству всех народов. В последние годы Альянс получил возможность проводить ежегодно более 100 мероприятий культурного, образовательного и гуманитарного характера, позволяющих смягчать религиозные и этнические распри, внедрять межкультурную толерантность и взаимное уважение. Тем не менее, не всем европейцам по душе, что имя Мухаммад (и его многочисленные вариации) сегодня второе по популярности для мальчиков, рождающихся в Англии, а в парижском пригороде Сен-Дени — первое. Далеко не всем нравится, что в Брюсселе мусульмане составляют 20 %, а в Бирмингеме и Роттердаме почти половину жителей, и мусульманская культура конкурирует с традиционной христианской культурой. Во всяком случае, явно преждевременно говорить о формировании глобальной информационной цивилизации в наши дни.

В итоге получается, что «информационная цивилизация» – типичный фантом, продукт заблуждения, подобный «информационной реальности».

.....

Российская цивилизация не может быть «объектом информатизации», потому что нельзя информатизировать российские просторы и ландшафты, нельзя информатизировать генофонд населения. Если обратиться к дефиниции цивилизации, принятой нами, то выясняется, что источником информационно-коммуникационных технологий является техносфера (реальность Е), а областями приложения этих технологий, то есть объектами информатизации, могут быть социосфера (социальная реальность Г) и социальная духовность Д. Реальности Г, Д, Е свойственны живому человеческому социуму. Следовательно, идея построения «информационного общества» в качестве национальной идеи не столь абсурдна, как «информатизация цивилизации», ведь «общество» и «цивилизация» — вещи разные.

Однако возникают вопросы: 1) какие изменения в структуре российского общества должны произойти, чтобы его можно было считать «информатизированным»? 2) сохранит ли информатизированная «русская душа» те свойства русской ментальности, о которых толковали Н. А. Бердяев и другие мыслители Серебряного века? Чтобы приблизиться к ответу на эти вопросы, нужно выбрать более-менее измеряемый критерий. С точки зрения индивидуальной личности (Микрокосма — реальности В) информатизация образа жизни социума, материального и духовного производства, коммуникации и управления представляет собой не что иное, как *изменение среды обитания*. В 1995 году, на заре «интернетизации» России появилась популярная, но компетентно написанная книга, названная «Интернет. Среда обитания информационного общества»¹. Название книги подсказало *критерий информатизации*: степень приобщения населения России (особенно молодежи) к Всемирной сети Интернет. Возьмем на вооружение этот критерий.

4.3.3. Интернет в России. В разделе 1.2.3 был сделан вывод, что развитие глобальной Сети Интернет является *необходимым условием* практической реализации идеи информационного общества. Поэтому Интернет был назван «супермагистралью информационного общества» (раздел 1.3.1). Интернет сущностно необходим гражданам грядущего мира информации для самостоятельной жизнедеятельности. Другими словами, информационное общество — это общество людей, владеющих навыками работы в сети Интернет. Чуждый Интернету человек не может быть полноценным членом информационного общества. Следовательно,

---

¹ Клименко С., Уразметов В. Internet. Среда обитания информационного общества / Институт физики высоких энергий; Московский физико-технический институт. — Протвино, 1995. — 328 с.

Историк российского Интернета социолог А. В. Чугунов сообщает, что Интернет пришел в Россию (точнее, в Советский Союз) в октябре 1990 года, когда из Института атомной энергии имени И. В. Курчатова был осуществлен выход в европейскую сеть EUnet. Тогда же был зарегистрирован для СССР домен SU (домен RU сменил его в апреле 1994 года). Первые провайдеры появились в 1991–1992 гг., они предоставляли в основном услуги электронной почты. Формирование инфраструктуры российского Интернета происходило в 1994–2000 гг., когда была построена телекоммуникационная основа, созданы базовые узлы в Москве, Петербурге и других городах, проложены магистральные каналы, обеспечен надежный выход в глобальные сети. Количество коммерческих провайдеров в этот период оценивается в 600–700 компаний, и они обеспечили быстрый рост аудитории Сети. Если в 1996 году Сетью пользовались 0,5–0,6 % населения страны, то в 1999–2000 гг. – уже около 3–4 %.² Главной движущей силой развития российского Интернета в это время были энтузиасты-программисты и кибернетики, обладавшие высокоразвитым корпоративным самосознанием. Т. В. Ершова, красочно описавшая историю образования в 1998 году в постсоветской среде негосударственного научно-исследовательского и консультационного Института развития информационного общества, имела право сказать о немногочисленном творческом коллективе своих коллег: Информационное общество – это мы!³ Она права. В XX веке в российской социальной реальности информационное общество

³Ершова Т.В. Информационное общество – это мы! – М.: ИРИО, 2008. – 512 с.

представляла профессиональная социальная группа, насчитывавшая несколько тысяч квалифицированных специалистов.

В XXI веке, по данным А. В. Чугунова, продолжалось стремительное расширение аудитории российского Интернета. В 2003 году Россия преодолела 10-процентный рубеж по доле пользователей Интернета. Именно эта величина (10 % численности взрослого населения) знаменует переход от экстенсивного развития Интернет-технологий к активному их внедрению в различные социально-экономические сферы. В 2004 году Интернет использовали 12,8 % россиян, в 2005 году – 15,3 %.¹ Согласно официальным данным, содержащимся в отраслевом докладе Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, дальнейшую динамику проникновения Интернета иллюстрируют цифры: 2005–19 %, 2006–23 %, 2007–24 %, 2008–30 %, 2009–35 %, 2010–37 % взрослого населения России (43,3 человек). Что касается регионов, то наивысший показатель имеет Москва (64 %), затем Северо-Западный (51 %), Уральский (38 %) и Приволжский (35 %) федеральные округа. Количественно россияне составляют примерно 10 % всех европейских Интернет-пользователей².

Социальная стратификация аудитории Интернет производится обычно по таким социально-демографическим признакам, как пол, возраст, образование, уровень дохода. Согласно данным Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, пользователями Интернет в настоящее время являются 41 % мужчин и 35 % женщин России 18 лет и старше. По возрастному признаку были получены данные: когорта 18–24 года – 73 %, когорта 25–34 года – 58 %, когорта 35–44 года – 48 %, когорта 45–54 года – 26 %, когорта 55 лет и старше – 7 %. По образовательному цензу получены данные: высшее образование – 71 %, среднее специальное – 36 %, среднее общее 28 %, неполное среднее – 6 %. В зависимости от уровня дохода пользователи Интернета распределились так: 55 % от состава высшего (богатого) класса; 25 % от состава среднего класса; 16 % от состава низшего (бедного) класса (с. 15). Какие великолепные цифры! Зачем нужно затрачивать триллионы рублей на Государственную программу «Информационное общество (2011–2020)», нацеленную на «получение гражданами и организациями преимуществ от применения информационных и телекоммуникационных технологий», когда более

¹Чугунов А. В. Российская Интернет-аудитория в зеркале социологии. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. – С. 94–95.

²Интернет в России. Состояние, тенденции и перспективы развития: Отраслевой доклад / Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. – М., 2010. – С. 13.

.....

трети россиян и три четверти молодежи уже подготовились к жизни в информационном обществе? Может быть, лукавая статистика вводит нас в заблуждение?

Социологи, как правило (есть исключения), считают пользователями Интернета людей, обращающихся в Сеть, по их собственному признанию, один раз в неделю или даже месяц, причем не учитывается степень владения Интернет-технологиями. Это весьма поверхностный подход. Нельзя пренебрегать частотой взаимодействия россиян с информационными ресурсами и умением ориентации в них, потому что эти данные характеризуют воздействие информационных технологий на социальную жизнь (социальная реальность Г) и на социальную духовность (духовная реальность Д). Появление в 1990 году в нашем отечестве телекоммуникационных технологий, бизнеса провайдеров, регистрация доменов SU, потом RU и даже формирование русскоязычного сектора РФ – еще не свидетельство преобразования России в информационное общество. Вдумаемся в суть дела.

Изобретение Интернета – революционное событие в технологии коммуникации: становление нового рода коммуникации – электронной коммуникации, способной стать конкурентом традиционной, известной несколько тысячелетий письменной (книжной, документной) коммуникации. Но революционную значимость этого события может оценить только узкий круг специалистов, а никак не народные массы. Общество в целом реагирует на кардинальные новации в техносфере тогда, когда эти новации начинают воздействовать на социальную реальность и духовную реальность. Если Интернет вызовет серьезные преобразования в социальном образе жизни и мировоззрении общества, то появится повод для констатации перехода России в качественно новое состояние – состояние информационного общества. Статистические же показатели информационной грамотности – простейшая внешняя примета социальной информатизации, усваиваемая через подражание, а не органически. Вспомним крещение Руси. Выйдя из вод Днепра, киевляне крестились, но в душе своей оставались теми же язычниками, что и до купания в реке. Потребовались два века для того, чтобы христианство укрепилось на Руси как исконная, подлинная религия. Мне кажется, что между процессами христианизации язычников и информатизации индустриального общества существует не только внешнее подобие.

Вернемся к социологии Интернета. С точки зрения владения информационными технологиями социальную структуру пользователей Сети можно представить в виде четырех классов:

.....

Класс К — высококвалифицированная *интеллектуальная элита*, управляющая научно-техническим развитием Сети и обеспечивающая таким образом **культивацию** идеи информационного общества; условно говоря, это *генералитет* Интернета. Б. Гейтс и Т. Бернерс-Ли — несомненные «генералы Интернета».

Класс У — *профессионалы* информационных технологий, свободно ориентирующиеся в Сети и способные вносить частные усовершенствования, обеспечивающие совершенствование Сети и **утилизацию** идеи информационного общества; назовем их *офицерским корпусом*. Этот корпус постоянно увеличивается, его ряды пополняют новые поколения программистов, системных администраторов, Интернет-провайдеров, веб-дизайнеров, редакторов Интернет-изданий и других специалистов, работающих в сфере информационных технологий. Именно этот корпус отмечает свой профессиональный праздник 17 мая как *Всемирный день электросвязи и информационного общества* (World Telecommunication and Information Society Day)¹.

Класс Н — *фанаты*, использующие возможности и ресурсы Сети для индивидуального самовыражения; так сказать, **невольники** Интернета. Интернет способен стать жизненно необходимым для своих клиентов, то есть *поработить* их. Сеть — не игровая арена, предоставляющая игрокам свободу входа и выхода. Подобно наркотику, она дает свободу входа, но не гарантирует свободу выхода. В Интернете образуется виртуальное пространство, которое втягивает киберпанков, хулиганствующих хакеров, аддитов (интернетоманов, вебголиков) — людей, испытывающих болезненное, непреодолимое влечение в Сеть. Секрет привлекательности Сети, по мнению некоторых ученых, в том, что она «компенсирует процесс атомизации общества, включает генетическую память об исходном социуме (имеется в виду первобытная родовая община), помещая человека в виртуальную сетевую группу. Интернет, таким образом, прекрасно вписывается в генетический код общества»².

Класс С — *пользователи*, представляющие различные слои гражданского социума и обращающиеся к ресурсам Интернета для решения своих производственных или образовательных задач, получения справочной информации, коммерческой деятельности, развлечения и т. п.; это

¹ Социологический анализ профессиональной занятости в области информационной деятельности компетентно представлен в монографии Лопатина Н. В. Информационные специалисты: социология управления. — М.: Академический проект, 2006. — 208 с.

² Ваганов А. Г. Краткая феноменология Всемирной Паутины // Общество и книга: от Гутенберга до Интернета. М., 2000. — С. 48.

многочисленный *рядовой состав* армии Интернет, который предопределяет **социализацию** идеи информационного общества. Рядовые пользователи ощущают на собственном опыте все достоинства и все недостатки Всемирной Сети. Но перспективы развития Интернета от них не зависят, хотя именно этот класс фигурирует в социологической статистике.

Классы К и У – это интеллектуальное ядро информационного общества, которое предопределяет его существование в качестве социальной реальности. Зарождение и культивация идеи информационного общества, так же как её практическая реализация, происходили благодаря творческим усилиям генералов и офицеров Интернета. Возвращаясь к истокам, можно вспомнить, что старт крупнейших американских Интернет-компаний, происходивший в начале 90-х годов, был нацелен не на максимизацию прибыли, а на максимизацию творческого самовыражения. Свидетель и непосредственный участник этого процесса Эстер Дайсон в своей книге «Жизнь в эпоху Интернета» замечала: «Большая часть того, что происходило в какой-либо из этих компаний, не была связана с экономикой; события затрагивали людей, стратегию, практику деятельности.... Отрасль расцветала, не привлекая внимания публики, без вмешательства правительства, без социальной ответственности»¹. Однако очень скоро рынок положил конец свободному творчеству. Вступил в силу экономический закон Галактики Маклюэна, который звучит так: *информация – товар, коммуникация – область вложения капитала, информационная культура – способ управления массовыми аудиториями и удовлетворения их платежеспособного спроса*. Этот закон означает стремительное обогащение интернетовской элиты и крах интеллигентской иллюзии, что миссией Интернета будет просвещение и одухотворение мудреющего человечества, а не служение корыстным интересам политиканов или олигархов. Теперь главной заботой транснациональных компаний и государственной власти стало расширение класса С. Ради этого была пущена в ход рекламно-идеологическая мифология информационного общества, которая приносит свои плоды. Этот путь прошел и российский Интернет.

Класс Н, сравнительно малочисленную любительскую группу невольников Интернета (5–6 % пользователей Сети) можно было бы считать нежелательным побочным эффектом информационно-технологической революции и не принимать во внимание, если бы хакеры и киберпанки довольно громко не заявляли о себе. Достаточно вспомнить скандально

¹ Дайсон Э. Жизнь в эпоху Интернета. Release 2.0. – М.: Изд-во Бизнес и компьютер, 1998. – С. 37–38.

.....

знаменитого публикатора компромата на американскую дипломатию Джулиана Ассанджа, имевшего в юности хакерский опыт. В классе Н немало интеллектуалов, обладающих развитым чувством собственного достоинства и публично бросающих дерзкий вызов традиционному истеблишменту. Ярким документом в этом отношении может служить *Декларация независимости Киберпространства*, сочиненная Джоном Барлоу. Вот некоторые тезисы этой декларации.

«Правительства Индустриального мира, вы утомленные гиганты из плоти и стали; моя же родина – Киберпространство, новый дом Сознания. Я заявляю, что глобальное общественное пространство, которое мы строим, по природе своей независимо от тираний, которые вы стремитесь нам навязать. Вы не имеете ни морального права властвовать над нами, ни методов принуждения, которые действительно могли бы нас утратить.

Мы творим мир, в который могут войти все без привилегий и дискриминации, независимо от цвета кожи, экономической или военной мощи и места рождения. Мы творим мир, где кто угодно и где угодно может высказывать свои мнения, какими бы экстравагантными они ни были, не испытывая страха, что его или её принудят к молчанию или согласию с мнением большинства. Ваши правовые понятия собственности, выражения, личности, передвижения и контекста к нам неприменимы. Они основаны на материи – здесь материи нет. Мы верим, что наш способ правления возникает на основе этики, просвещенного эгоизма и общего блага. Ваши законы провозглашают, что идеи – всего лишь еще один промышленный продукт, благородный не более, чем чугунные чушки. В нашем же мире все, что способен создать человеческий ум, может репродуцироваться и распространяться до бесконечности безо всякой платы. Мы сотворим в Киберпространстве цивилизацию Сознания. Пусть она будет более человечной и честной, чем мир, который создали ваши правительства»¹.

Таким образом, предлагается перенести информационное общество из социальной реальности в виртуальное Киберпространство. Получается еще один «дивный новый мир» в духе антиутопии О. Хаксли или фантастического фильма в жанре пост-киберпанк «Матрица». Впрочем, мне не кажется, что виртуальная вариация информационного общества настолько абсурдна, что не имеет ничего общего с программами построения информационного общества в постсоветской России. Дело в том, что в программах информатизации акцентируется техническая

¹ Барлоу Д. П. Декларация независимости Киберпространства // Информационное общество: сборник. – М.: Изд-во АСТ, 2004. – С. 349–352.

и экономическая сторона (техносфера Е), и упускается из виду модернизация реальности Г и реальности Д. Сообщается, что в 2009 году оборот рынка онлайн-игр в России составлял 300 долл.; рынок электронной коммерции ежегодно растет на 20 %, и в 2009 году оценивался от 150 до 250 рублей; рынок Интернет-рекламы в общей сложности превышает 20 рублей. Интернет – поистине «золотое дно» для предпринимчивых бизнесменов. Однако нет фактических данных, характеризующих баланс положительных и негативных эффектов Интернета в области книжной коммуникации, в области сетературы, в области педагогики и психологии. Правда, в изобилии имеются качественные, интуитивные сопоставления и оценки.

Всемирную паутину часто сравнивают с Большой Книгой особого рода, в которой бумажные страницы заменены экраном. Пользователь подобной Книги объединяет в одном лице трех типичных персонажей эпохи книгопечатания – читателя, писателя и издателя. «Положительной стороной такого совмещения, по словам В. М. Межуева, является широкое вовлечение людей в процесс взаимного словесного общения и диалога, предельная диалогизация словесного пространства в отличие от былой монологичности печатного слова, а отрицательной – засорение этого пространства текстами, лишенными подчас сколько-нибудь конструктивного содержания, с нулевым уровнем информации, что в конечном счете ведет к обесценению слова, к снижению его культурного статуса. Компьютер устраняет разницу между профессионалом и дилетантом: тексты Шекспира могут соседствовать в нем с текстами любого графомана. Технический прогресс в данном случае, как и в любом другом, – это не только шаг вперед в сфере культуры, но и источник новых угроз и вызовов человечеству»¹.

Информационная техника этически нейтральна. Она может служить для распространения коммерческой массовой культуры и манипуляции сознанием массовых аудиторий, для корпоративных и международных информационных войн, а может использоваться членами общества для межличностной коммуникации и творческой индивидуализации. У нас нет сейчас оснований для всесторонней и объективной оценки эффектов социальной информатизации. Поэтому трудно категорично и однозначно ответить на вопрос: Какие изменения в структуре российского общества должны произойти, чтобы его можно было считать «информатизированным»?

¹ Межуев В. М. Феномен книги и национальное в культуре // Общество и книга: от Гутенберга до Интернета. М., 2000. – С. 96–97.

На мой взгляд, несмотря на высокий количественный показатель проникновения Интернет в современное российское общество (37 % не шутка!), мы не можем с радостным удовлетворением считать, что в нашей стране состоялась социализация идеи информационного общества, и нынешнее российское общество является информационным. Цифра 37 % взрослого населения России, предложенная социологами, относится к пользовательскому классу С, а не к творческим классам К и У. Нельзя сказать, что интеллект и знание играют решающую роль в современной России. Вместе с тем именно от них зависит реальный облик информационного общества, потому что области использования Интернета в социальной и духовной реальности определяет интеллектуальная элита (класс К и У) и эксплуатирует класс Н. К сожалению, нет уверенности и в том, что в 2020 году, когда завершится Государственная программа «Информационное общество (2011–2020)», россияне ощутят только достоинства «мира информации».

Теперь обратимся к другому вопросу, поставленному в конце раздела 4.3.2: Сохранит ли информатизированная «русская душа» те свойства русской ментальности, о которых толковали Н. А. Бердяев и другие мыслители Серебряного века? Здесь решающее слово принадлежит массовому классу С, воплощающему социализацию идеи информационного общества. Точнее, – молодежному слою этого класса, которому предстоит жить в будущей России. Напомню, что, как свидетельствует социальная статистика, к Интернету приобщены 73 % россиян в возрасте 18–24 года и 58 % в возрасте 25–34 года. Надо полагать, что их личностная духовность существенно отлична от духовности русской интеллигенции начала XX века. Чтобы зафиксировать терминологически это различие, будем именовать граждан информационного общества *homo informaticus*. В какой мере их интеллектуальный уровень и ценностные ориентации соответствуют традициям российской цивилизации?

4.3.4. *Homo informaticus* – человек информационной культуры. Еще в начале 80-х годов XX века некоторые ученые обратили внимание на тот факт, что информационные технологии «стимулируют децентрализацию и даже автономию основных социальных единиц, что позволит осуществить переход от индустриального общества к полиморфному информационному обществу, состоящему из бесчисленного множества мобильных групп»¹. Может быть, «полиморфное информационное общество», сущностные признаки которого заметны в современной

¹ Бондаренко С. В. Культура мобильных телекоммуникаций. – Ростов н/Д, 2007. С. 11.

социальной реальности, станет питательной средой для формирования нового антропологического типа – *homo informaticus*? Эта мысль не кажется абсурдной некоторым ученым. Например, создатели концепции викиномики Д. Тапскотт и Э. Уильямс толкуют о «демографическом водоразделе», разделяющем в США поколение современных родителей и молодое «сетевое поколение» их детей.

Авторы рассуждают следующим образом. «Подавляющее большинство подростков в Северной Америке знают, как управляться с компьютером, а 90 % тинэйджеров в Америке заявляют, что пользуются Сетью. То же самое справедливо и для большого количества других стран мира. Более того, пропорция подростков, использующих Сеть в Китае выше, чем в США. Это поколение является поколением сотрудничества, хотя бы по следующей причине: в отличие от своих родителей в США, которые двадцать четыре часа в неделю смотрят телевизор, эти подростки растут, постоянно взаимодействуя между собой. Вместо того, чтобы пассивно поглощать продукты массовой культуры, представители сетевого поколения проводят время в поиске, чтении, исследовании, идентификации, сотрудничестве. Они даже не могут представить себе жизнь, в которой люди не имеют инструментов для критического осмысления, обмена точками зрения, уточнение, идентификации или разоблачения обмана. Это – поколение исследователей. Они более скептически по отношению к авторитетам, так как способны мгновенно просеивать информацию, самостоятельно, либо с помощью соратников и соседей по Сети. Они уверены в себе больше, чем предыдущие поколения, но они все равно беспокоятся о своем будущем. Это поколение склонно ценить права личности, включая право на личную жизнь и выражение своей точки зрения. Вырастая, они обычно начинают противодействовать цензуре правительства и собственных родителей. Пожалуй, впервые в истории человечества дети управляют чем-то по-настоящему важным. В наши дни молодые люди становятся экспертами в области цифровой революции, изменяющей все институты в нашем обществе»¹. К американским информатикам практически присоединяется декан факультета менеджмента и социально-информационных технологий МГУКИ Н. А. Сляднева, которая подчеркивает: «Новый информационный режим гарантирует иные масштабы социального креатива, свободу доступа к информации, демократичность и разнообразие возможностей самовыражения, вербализации и других форм выявления своего внутреннего мира, его объективации

¹ Тапскотт Д., Уильямс Э. Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет всё. – М.: BestBusinessBooks, 2009. – С. 72–73.

.....

в виртуальной среде. Все эти преимущества информационного общества позволяют неизмеримо более широким кругам проявлять гражданскую активность, участвовать в социальных проектах, демонстрировать лидерские качества»¹. Такова общая характеристика «сетевого поколения». Действительно ли складывается в нашей стране антропологической тип *российского homo informaticus*?

Строго говоря, для ответа на этот вопрос требуется провести обширные социально-психологические исследования современной молодежи и, прежде всего, её интеллектного авангарда, которым является студенчество. Специалистами в области социологии молодежи и ювенологии проведено немало исследований такого рода. Приведу примеры некоторых из них.

Социологи, изучавшие в 2010 году аудиторию российского Интернета, пришли к выводу, что молодежь в возрасте 12–26 лет распадается на пять сегментов, кардинально отличающихся друг от друга не только по специфике использования Сети, но и по стилю жизни, медийным и потребительским предпочтениям. Была получена следующая стратификация:

«Умники» (14 %) – интеллектно развитый сегмент, состоящий из взрослеющей молодежи, руководствующейся современными модернистскими ценностями. «Умники» активно осваивают новые технологии, отличаются обильным потреблением, которое носит обдуманый, рациональный характер; 68 % группы ежедневно обращаются в Интернет для получения новостей, иногда в поисках работы.

«Продвинутые» (15 %) – более юные люди, резерв «Умников», интенсивно, но спонтанно взаимодействующие с Сетью, скачивая музыку или видео. Половина сегмента использует электронную почту, 62 % включены в социальные сети. Это типичные представители «сетевого поколения», пока еще контролируемые родителями.

«Реальные пацаны» (12 %) – молодые мужчины с явно выраженными традиционными маскулинными ценностями (спорт, машины и т. п.).

«Масса» (37 %) – инертное большинство, не имеющее четких ценностных позиций и подражающее модным образцам.

«Новые бедные» (21 %) – молодые люди с низким потенциалом социального развития и небольшим объемом ресурсов. Никто из представителей этого сегмента не пользуется Интернетом, однако, две трети (66 %) хотели бы иметь доступ в Интернет, но не имеют такой возможности².

¹ Сляднева Н. А. Гражданское общество и информационное общество: проблема козволюции // Информационные ресурсы России. – 2009. – № 2. – С. 3.

² Интернет в России. Состояние, тенденции и перспективы развития: Отраслевой доклад / Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. – М., 2010. – С. 19–26.

Социальный психолог И. А. Смирнова, изучавшая российскую молодежную аудиторию Интернет, пришла к выводу, что можно говорить о формировании *субкультуры*, выражающейся в специфических поведенческих реакциях, ценностных ориентациях, мировоззренческих и языковых стереотипах активных Интернет-пользователей¹. Формирование субкультуры обусловили такие факторы компьютерно-опосредованной (виртуальной) коммуникации, как интерактивность – возможность взаимодействия в режимах on-line или off-line; анонимность и возможность самопрезентации, проигрывания ролей, которые в реальной жизни недоступны, и решения проблем, связанных с кризисом идентичности; отсутствие правового регулирования, бесконтрольность и бесцензурность общения, ведущее к нетипичному, ненормативному поведению². Сопоставляя демографические характеристики субъектов субкультуры, И. А. Смирнова нарисовала следующий типовой портрет интернетомана: молодой человек (девушка) в возрасте от 16 до 35 лет, имеет высшее образование или учится в вузе; если работает, то, как правило, специалистом или менеджером среднего звена в коммерческой фирме, связанной с такими отраслями, как финансы, наука, СМИ, органы администрации. Члены группы осознают свою принадлежность к субкультурному сообществу, и для многих возможность общения посредством Интернет имеет большое значение. Типичны следующие мотивы приобщения к группе: самоутверждение, рекреация, игра, самореализация и развитие личности, сотрудничество, познание. Интернетоманы, проводящие в Сети много времени, сообщают, что они там обзаводятся хорошими знакомыми и близкими друзьями, ищут и встречают эмоциональную поддержку. Способом обособления и сплочения интернетовской субкультуры служат жаргон и эмодзи (смайлики), известные лишь посвященным.

Прогнозируя развитие российского Интернета, авторитетные специалисты пришли к выводу, что к 2020 году «проникновение Интернета в стране будет на уровне 70–80 %, и Сеть действительно станет важнейшим коммуникационным каналом», причем она «будет развиваться не только в техническом плане, но все больше будет представлять среду для осуществления привычных действий, реализации потребностей, которые в принципе не имеют отношения к технологиям, – общение, потребление

¹ Напомню, что *субкультура* понимается как система ценностей и норм поведения (включая специфический язык – социолект, специальные знания и умения, идеалы и этический кодекс), которая противопоставляет себя общенациональной культуре.

² Смирнова И. А. Интернет как фактор субкультуры виртуального сообщества. Автореферат дисс.... канд. культурологии. СПб, 2000. 19 с.

.....

как информационное, так и материальное (покупки), развлечения и т. п.»¹. Другими словами, произойдут кардинальные изменения социальных институтов, образа жизни общества, социальной ментальности, ценностных ориентаций и мировоззрения, которые образуют содержание социальной реальности и духовной реальности. Можно предположить, что в грядущем информационном обществе профессионально-любительская субкультура Интернет должна перерасти в культуру, охватывающую не группу интернетоманов, а подавляющую часть населения.

Помимо Интернета, современное общество располагает еще одним эффективным средством для формирования информационной культуры личности в виде *мобильных артефактов* (телефонов, цифровых фотоаппаратов, портативных компьютеров). Мобильные артефакты миниатюрны, но они стали мощным социально-культурным фактором, изменяющим образ жизни современного человечества. Около 2 жителей планеты пользуются сейчас мобильными телефонами, которые предоставляют не только голосовой трафик, но и доступ в Интернет. Культура мобильных коммуникаций стала предметом оригинального исследования С. В. Бондаренко, которое не имеет аналогов в современной науке². Он обращает внимание на то, что «в условиях характерной для современного общества утраты у индивидов внутренних стимулов для креативного восприятия жизни, засилья образов массовой культуры, унификации формируемых масс-медиа поведенческих паттернов» в качестве ответной реакции происходит «рождение уникального из стандартного».

Распространение субкультуры Интернета и мобильных коммуникаций провоцирует мысль о возможности преобразования национальной культуры в *культуру информационную*. Кажется очевидным, что информационное общество должно располагать не какой-нибудь, а именно информационной культурой, в противном случае нет оснований считать его «информационным». Однако здесь в теории информационного общества начинаются затруднения. В широком смысле под *информационной культурой* понимают совокупность принципов и реальных механизмов, обеспечивающих позитивное взаимодействие этнических и национальных культур, их соединение в общий опыт человечества. Беда в том, что исторически сложившиеся этнические и национальные культуры сами оказываются информационными. Известный отечественный философ-культуролог

¹ Интернет в России. Состояние, тенденции и перспективы развития: Отраслевой доклад / Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. – М., 2010. – С. 22; 26.

² Бондаренко С. В. Культура мобильных телекоммуникаций. – Ростов н/Д: ЗАО «Книга», 2007. 352 с.

А. И. Ракитов (род. 1928) в одной из своих программных статей пояснил: «Культура в целом и её ядро представляют информационное явление. Они аккумулируют и продуцируют информацию различного рода: от предрас-судков, мифов, нормативов поведения до научных, политических и техно-логических знаний». Затем информационными явлениями объявляются общественное знание и самосознание, а сознание и знание вообще име-ются «высшей формой информации, присущей лишь людям и выраба-тываемой ими индивидуально в системе объективного взаимодействия»¹. Получается абсурд: если человеческая культура – информационное явление и «неинформационной» культуры не существует, то проблема информационной культуры социума снимается с повестки дня, ибо нельзя изучать «информационную информацию».

В таком случае, рассуждая формально, может быть, можно считать «информационной культурой» такую отрасль социальной культуры, как массовая культура, основанная на мультимедийных технологиях? Как известно, современной массовой культуре свойственны: коммерческая эксплуатация средств массовой коммуникации (телевидение, радио, печать, кинематограф, Интернет), примитивность в изображении человеческой жизни и процессов, происходящих в обществе и природе, сенсационность в подаче материалов, упор на развлекательность, культ потребительства, личного успеха, аморальной вседозволенности, насилия, порнографии. В итоге массовая культура превращается в массовую антикультуру, ничего общего с национальной человеческой культурой не имеющую. Снова получается абсурдный результат: невозможно согласиться с тем, что культура общества homo informaticus – это антикультурная мутация техногенной цивилизации. Следовательно, исходя из того, что инфосфера – составная часть социальной реальности (см. раздел 2.3.2), можно сделать вывод, что Интернет и другие электронные масс-медиа являются элементами культуры социума, но это не означает преобразования национальной культуры в информационную культуру общества. *Социальная информационная культура – такой же фантом, как информационная реальность и информационная цивилизация.*

Однако из отрицания истинности понятия «информационная культура общества» не следует, что абсурдно понятие «информационная культура личности», принятое в современной педагогике. Библиотековед-педагог Н. И. Гендина предложила следующее толкование: *Информационная культура личности* представляет собой одну из основных

¹Ракитов А. И. Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 24.

.....

составляющих общей культуры человека и мыслится как «совокупность информационного мировоззрения и системы знаний и умений, обеспечивающих целенаправленную самостоятельную деятельность по оптимальному удовлетворению индивидуальных информационных потребностей с использованием как традиционных, так и новых информационных технологий. Она является важнейшим фактором успешной профессиональной и обыденной деятельности, а также социальной защищенности личности в информационном обществе.... Особое место в составе понятия „информационная культура личности“ занимает информационное мировоззрение, главным признаком которого является ценностное (осмысленное, ответственное) отношение и к информации, и к создаваемым и используемым информационным продуктам, и к техническим средствам, информационным технологиям. Информационное мировоззрение – это система взглядов человека на мир информации и место человека в нем, включающая в себя ценности, убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности»¹.

Информационное мировоззрение не тождественно мировоззрению личности, потому что оно не включает идеалы и верования, этические установки и чувство патриотизма и другие составляющие личностной духовности, не имеющие информационной интерпретации. Информационное мировоззрение – это аспект мировоззрения личности, так же как информационная культура – один из аспектов личностной культуры. Личностная информационная культура включает главным образом *прикладные знания и умения* создавать новые информационные продукты, осуществлять смысловую переработку документов, творчески их использовать в различных целях, развивая таким образом креативные качества личности. Человек, выросший в искусственных условиях информационной среды и овладевший информационной культурой, должен претерпеть органическую трансформацию, изменить свою природу и из банального *homo sapiens* или *homo economicus* превратиться в *homo informaticus* – человека информационной культуры. Таким образом, подтверждается предположение, что информатизация и интернетизация общества приводят к антропологической революции, о которой давно грезят трансгуманисты (см. раздел 3.3.3).

Что может представлять собой российский *homo informaticus* обозримого будущего? Воздержимся от умозрительных спекуляций и обратимся к молодым российским пользователям Интернет, нашим современникам,

---

¹ Гендина Н. И., Колкова Н. И., Стародубова Г. А., Уленко Ю. В. Школьная библиотека как центр формирования информационной культуры личности. – М., 2008. С. 65.

.....

которым выпал жребий сыграть роль homo informaticus в России XXI века. С ними можно побеседовать, выяснить без посредников их опыт общения с Всемирной Сетью, их оценку изменений, происходящих сейчас в коммуникационной культуре, и отношение к конкуренции книжной и электронной коммуникации. Если они подвержены антропологическим изменениям, это можно будет заметить невооруженным глазом. Опросы-интервью должны показать, в какой степени нынешние молодые люди становятся homo informaticus, в какой мере их мировоззрение сделалось информационным, а в какой мере сохранило национальную российскую специфику, о которой красноречиво писали мыслители Серебряного века.

В 2000–2008 годах нами была проведена серия социологических опросов студентов различных гуманитарных вузов, результаты которых были опубликованы¹. В 2009–2010 гг. мы специально сосредоточились на взаимодействии молодых людей с Интернетом и книжной коммуникацией. В качестве респондентов выступили около ста студентов старших курсов по специальностям «прикладная информатика в социальной коммуникации», «менеджер информационных ресурсов», «аналитик информационных ресурсов» Санкт-Петербургского государственного университета культуры. Практиковалась методика письменного интервью, которое концентрировалось вокруг трех вопросов: зачем Вам нужен Интернет? зачем Вам нужно читать книги? каковы перспективы коммуникационной культуры? Были получены следующие результаты, несколько проясняющие вероятный образ российского homo informaticus.

1. Все студенты имеют 6–8 летний опыт общения с Интернетом и считают себя *продвинутым пользователем*, хорошо ориентирующимся в Сети, способным скачать и установить любые программы, проводить видеоконференции, вести личные блоги и пр. Типичны признания: «Сейчас я не могу представить своей жизни без Интернета. Каждый день начинается с того, что я включаю компьютер и проверяю почту, общаюсь с друзьями и близкими в социальных сетях, читаю новости и Интернет-версии журналов»; «Для меня Интернет – нескончаемый поток актуальной, захватывающей, практичной и просто приятной информации». В соответствии с классификацией пользователей Интернета, приведенной выше, опрошенные нами студенты относятся к сегменту «умников», отдающих себе отчет в необходимости овладения интернетовскими технологиями и успешно их осваивающих.

---

¹ Соколов А. В. Диалоги с постсоветской гуманитарной интеллигенцией. – СПб.: БАН, 2006. – 584 с.; Соколов А. В. Постсоветские библиотекари: социально-психологические очерки. – СПб.: Изд-во «КОСТА», 2008. – 296 с.

.....

2. Интернет признается одним из важнейших достижений современной цивилизации. Вот его апофеоз, сочиненный одной из поклонниц: «Сеть сетей — это не застывшая форма людской мудрости, не супербиблиотека с накопленными сокровищами книг, не мощный банк данных, не элитарный клуб интеллектуалов, а все это вместе взятое, плюс процесс познания, движение вперед и навстречу друг другу с надеждой на лучшее будущее». Другая поклонница Всемирной сети уверяет нас: «Если сейчас, в наше время Интернет еще не достиг своего апогея, то это случится в ближайшие десятилетия. Ведь самая суть Интернета: соединить все в одно целое и иметь к нему доступ с любой точки Земного шара. Тогда он и станет по-настоящему всемирным хранилищем знаний». По мнению наших студентов, Интернет в информационном обществе — это не только глобальное коммуникационное средство, но и *усилитель интеллекта* своих умелых пользователей. Он аккумулирует универсальный информационный и образовательный ресурс, содержит информацию на любой вкус и по любому вопросу. Поэтому, — считает большинство респондентов (но не все), — «сегодня нельзя считать образованным человека, не использующего Интернет».

4. В зависимости от отношения к чтению книг гуманитарное студенчество делится на три слоя: а) библиофилы, испытывающие жажду чтения и постоянно общающиеся с книгой (на отдыхе, в транспорте и т. д.); б) деловые читатели, обращающиеся к литературе, как правило, в силу необходимости, и лишь изредка из-за интереса; в) интернетоманы, удовлетворяющие свои информационные потребности с помощью Интернета и избегающие книжное чтение. Количественное соотношение между слоями можно оценить так: деловые читатели — половина студенчества, а вторая половина примерно поровну делится между библиофилами и интернетоманами. Типичная реплика делового читателя: «На данном этапе жизни я не могу сказать, что являюсь заядлым читателем, так как список читаемых мною книг в основном диктуют предметы, которые я изучаю в вузе. Но после его окончания появится возможность читать то, что действительно приходится по вкусу». Восторженные библиофилы не стыдятся высоких слов: «Книги необычайно меня обогатили. Они открыли мне новые горизонты мышления, волшебный мир прекрасных чувств, тонких переживаний, безумных фантазий. Мир книг — это необъятная Вселенная, которую я только начинаю для себя открывать»; «Литература делает человека интеллигентным, развивает не только чувство красоты, но и понимание жизни, всех её сложностей, служит проводником в другие эпохи, к другим народам, раскрывает перед нами сердца людей, делает

нас мудрыми» и т. п. Доводы интернетоманов просты и неопровержимы: «В Интернете можно легко и быстро найти всю нужную информацию. А для хождения по библиотекам времени нет».

5. Никто, даже убежденные интернетоманы, не отрицают полезности чтения книг. Типичны суждения: «Чтение развивает интеллект. Оно делает человека духовно богатым. Именно в книгах мы ищем ответы на вечные вопросы о добре и зле, о жизни и смерти. С помощью книг у человека появляется собственное мнение». Есть библиоманы, сообщившие: «Без чтения немыслима моя жизнь. Я читаю с самого детства и искренне люблю это дело. Когда я долгое время ничего не читаю, возникает ощущение, будто я тупею». На вопрос «Можно ли считать личную библиотеку усилителем интеллекта?» все студенты ответили утвердительно. Характерен довод: «Если есть умение приобретать необходимые знания и пользоваться ими, то, безусловно, личная библиотека станет бездонным кладезем знаний, который будет расти и развиваться вместе с вами». Зато по вопросу «Можно ли считать образованным человека, не читающего книг?» мнения разделились. Около 20 % студентов полагают, что для образования и, особенно, самообразования обращение к литературе решающего значения не имеет.

6. Большинство респондентов склоняется к мысли, что в настоящее время имеет место *сосуществование Интернета и книжной коммуникации*. Разумный студент пришел к выводу: «Нормальный человек не будет отказываться ни от книги, ни от Интернета. Интернет и книга – взаимодополняющие элементы социальной коммуникации, имеющие присущие им достоинства и ограничения».

Перечисляются следующие преимущества Интернета перед книгой: информацию в Интернете можно получить бесплатно; поиск информации в Сети быстрее и проще, чем в библиотечных фондах (хотя сопровождается большим информационным шумом); тексты в электронном виде удобно использовать в работе – редактировать, цитировать, пересылать по почте; в Интернете могут публиковаться служебные (включая конфиденциальные) документы, произведения начинающих авторов и узкоспециальные тексты, которые не могут иметь коммерческого успеха на книжном рынке; Интернет способен заменить телефон и телевизор, сообщения можно как просматривать (текст, фото, видео), так и прослушивать – в Сети вещает большое число радио – и телевизионных станций; через Интернет-магазины можно покупать и продавать все, что необходимо для бизнеса или для личного потребления; Интернет обеспечивает дистанционное обучение в престижных учебных заведениях; социальные сети, форумы

и чаты позволяют многотысячным аудиториям обсуждать любые интересующие их темы.

Зато у книжных публикаций есть следующие достоинства: в книгах публикуются достоверные сведения, гарантированные автором и редактором, в Интернете же много «информационного мусора» – ложной информации, порнографии, сочинений графоманов и т. п.; книжный формат привычен и удобен для хранения, транспортировки и т. д.; полиграфический текст легче читается, чем текст на экране; книга может стать произведением искусства (искусство книги); книга может сохраняться веками, в то время как информация в Интернете нестабильна – она может быть изменена или стерта. Книга почитается как «классический и традиционный источник знания», тем не менее молодые люди уверены, что в будущем предпочтение получит Интернет, а книжная культура станет уделом любителей-библиоманов.

7. На вопрос «Кто лучше приспособлен к жизни в современном обществе: начитанный интеллигент-книжник или интеллектуал, владеющий ресурсами Интернет?» подавляющее большинство студентов отдали предпочтение интеллектуалу. Доводы в пользу такого выбора просты: «уметь быстро и правильно искать в Интернете – значит экономить время, владеть достоверной и актуальной информацией, и, следовательно, делать верные выводы и принимать правильные решения». Вместе с тем почти единогласно наши респонденты сообщили, что при воспитании своих детей они будут сочетать компьютер и книгу, чтобы сделать их гармонично развитыми личностями.

Проведенный опрос имеет пилотажный характер и играет роль преамбулы к более представительным исследованиям. Тем не менее, он позволяет усомниться в некоторых стереотипических образах homo informaticus. Распространено мнение, что homo informaticus – духовно деформированный новый антропологический тип, законсервированный в своем виртуальном офисе. «Такой работник, – пишет один из авторов, – буквально „растворен“ в информационной среде и целиком от нее зависит, тогда как роль социальной, привычной всем нам, среды здесь вторична. По сути, это означает *смену среды обитания* современного человека!»¹. Предсказывается, что новая искусственная среда обитания приведет к взаимному отчуждению информатизированных членов социума, разрыву социальных связей и, в конце концов, – к распаду самого общества. Виновником трагедии человечества объявляется homo informaticus,

¹ Абрамов М. Г. Человек и компьютер: от Homo Faber к Homo Informaticus // Человек. – 2000. – № 4 – С. 127.

невинная жертва высоких технологий, печальный пленник виртуального бытия, житель глобальной деревни, руководящий миром посредством «кликания» кнопками клавиатуры компьютера.

Поскольку лидерами информационно-коммуникационных технологий являются Соединенные Штаты, резонно ожидать, что именно в американских «электронных коттеджах», компетентно описанных О. Тоффлером в бестселлере «Третья волна», должен появиться новый антропологический тип, взращенный в информационной среде обитания. Однако ничего, подобного антропологическим мутациям, в США не происходит. Там появилось «сетевое поколение», представители которого, по цитированным выше словам основоположников викиномики Д. Тапскотта и Э. Уильямса, «проводят время в поиске, чтении, исследовании, идентификации, сотрудничестве.... Это – поколение исследователей. Они более скептически по отношению к авторитетам, так как способны мгновенно просеивать информацию, самостоятельно, либо с помощью соратников и соседей по Сети. Они уверены в себе больше, чем предыдущие поколения, но они все равно беспокоятся о своем будущем. Это поколение склонно ценить права личности, включая право на личную жизнь и выражение своей точки зрения»¹. Американское «сетевое поколение», судя по данному описанию, отличается от своих родителей более развитым интеллектом творческими способностями, критическим мышлением, чувством собственного достоинства, уважением либерально-демократических идеалов и склонностью не к обособлению, а к сотрудничеству с коллегами и соседями по Сети. Сотрудничество – это путь к укреплению социальных связей, а не к деградации и распаду общества. В антропологическом плане представитель «сетевого поколения», явно, не «homo sapientissimus» и не «сверхчеловек» Ф. Ницше. Он – интеллектуально развитый homo sapiens, овладевший сетевыми технологиями.

Сегмент «умников» отечественных пользователей Интернета, субкультуру которых исследовала И. А. Смирнова и которые выступали в качестве респондентов в наших интервью, не что иное, как *российский аналог американского «сетевого поколения»*, названный нами homo informaticus. Аналогия поколений должна выражаться в сходстве психологических качеств пользователей Сети в США и в России. Следовательно, те психологические качества (интеллект, креативность и т. д.), которые американские исследователи обнаружили у «сетевого поколения», с полным правом можно распространить на российских «умников». Мне

¹ Тапскотт Д., Уильямс Э. Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет всё. – М.: BestBusinessBooks, 2009. – С. 72–73.

.....

кажется, что те соображения по поводу сущности Интернета и книжной коммуникации, которые высказали наши респонденты (я цитировал не исключительные, а типовые высказывания), свидетельствуют в пользу их достаточно высокого умственного развития и подтверждают мысль о том, что Интернет – усилитель интеллекта, а никак не средство духовной деформации.

Некоторые вдумчивые студенты воспринимают Интернет как «новый *виртуальный мир*, существующий наряду с реальной социальной жизнью», как «игровую среду взаимодействия людей, чье поведение в Сети регулируется нормами морали, отличными от традиционно принятых в обществе». Например, общение в чате – «это реальная жизнь, проживаемая в виртуальном мире». Достоинства Всемирной сети заключаются в открытости – любой человек может стать участником информационного процесса, в отсутствии манипулятивного воздействия с чьей-либо стороны, в свободе самовыражения и широком распространении суждений (в Интернете информация не погибает), в формировании локальных сообществ единомышленников, которые самоорганизуются и самоуправляются, наконец, в психологической безопасности – человек в Сети чувствует себя свободным от общественного контроля, так как риск раскрытия его анонимности минимален. Студенты признают, что Интернет влияет как на духовный мир отдельного человека, так и на общественное сознание всей страны и мирового сообщества, но никто не намерен променять российский социум на игры в интернетовском виртуальном мире.

Основоположники викиномики не заметили никаких признаков духовной деформации у молодого поколения, выросшего в «сетевой среде», напротив, они связывают перспективы развития американской экономики с интенсификацией сотрудничества в национальных и глобальных масштабах. Мы тоже не имеем оснований для жалоб на умственную инфантильность наших студентов. Значит, обвинение *homo informaticus* в трагическом самоуничтожении человечества безосновательны. Виновниками глобальных проблем, угрожающих людям, являются не безобидные интернетоманы, а совсем другие социальные группы, далекие от виртуальных соблазнов Всемирной Сети.

Результаты взаимодействия с «виртуальным интеллектом», содержащимся в логических структурах и контенте Сети, не зависят от национальной принадлежности пользователей. Поэтому сходство американских и российских *homo informaticus* оправдано и даже неизбежно. Теперь можно явно сформулировать определение, которое вытекает из всего сказанного: *homo informaticus* – *homo sapiens* с информационной

культурой личности. В понятие личностной информационной культуры (см. выше) включаются информационная грамотность и владение сетевыми технологиями.

Наконец, пора вспомнить о Н. А. Бердяеве и других радетелях о национальной русской душе. В определении *homo informaticus* нет национальной привязки, ибо Интернет, как и техносфера в целом — явление общечеловеческое. Информатизация — процесс интернациональный, он может стимулировать развитие социального интеллекта, но не может воздействовать на морально-этические ориентации общества и предопределять национальную ментальность в целом. Поэтому информационное общество, субстратом которого является *homo informaticus*, не может обладать ни русской, ни американской, ни какой-либо другой национальной «душой». Получается абсурд: наше государство строит в России информационное общество, не имеющее «русской души». Можно объяснить данный абсурд тем, что одухотворенное, естественно-исторически возникшее российское общество с его живой ментальностью никуда не исчезает, но оно облачается в искусственно созданное информационное одеяние. Одежде, как известно, душа не требуется; важно, чтобы она была теплой, удобной, модной и оттеняла достоинства фигуры. Впрочем, симулякрам Ж. Бодрийара душа также не к чему. Так что же, в конце концов, представляет собой российское информационное общество в его социальной сущности? Наше исследование приводит к выводу, что возможны два, содержательно несовместимых, но в равной мере убедительных ответа. Налицо антиномия, требующая особого рассмотрения.

4.4. Антиномия идеи информационного общества

Антиномия идеи информационного общества заключается в несовместимости объяснений способа его существования (*modus vivendi*): 1) информационное общество — общество, основанное на машинных информационных технологиях; 2) информационное общество — общество, основанное на Коллективном Интеллекте. Первое объяснение свойственно *технократическому* мировоззрению, опирающемуся на эмпирические факты и утилитарные интересы. Второе объяснение ближе *гуманистическому* мышлению, утверждающему гегемонию естественного, а не искусственного интеллекта. Каждое объяснение оперирует собственной системой аргументов, обосновывающих его правду (истину), и не свободно от заблуждений и некорректностей. Рассмотрим аргументы технократической

и гуманистической правды и неправды. Затем попытаемся понять место идеи информационного общества в современной культуре.

4.4.1. Технократическая правда и неправда. Технократическая правда и неправда базируются на постулате (аксиоме), что в результате информационно-технологической революции в конце XX столетия человечество вступило в новую «информационную эпоху», а в экономически развитых странах формируется информационное общество, которое в перспективе станет глобальным. Напомню популярную технократическую трактовку, представленную в виртуальной Энциклопедии информационного общества и уже цитированную в разделе 1.1.3: «*Информационное общество* – это ступень в развитии современной цивилизации, характеризующаяся увеличением роли информации и знаний в жизни общества, возрастанием доли информационно-коммуникационных технологий, информационных продуктов и услуг в валовом внутреннем продукте, созданием глобальной информационной инфраструктуры, обеспечивающей эффективное информационное взаимодействие людей, их доступ к информации и удовлетворение их социальных и личностных потребностей в информационных продуктах и услугах»¹. Компилируя технократические стереотипы, можно составить следующий *образ информационного общества*:

– Определяющее значение в экономике, социальной жизни, культуре приобретают информационные технологии; знания и информация превращаются в главную производительную силу; экономическая активность смещается от производства товаров к предоставлению услуг; соответственно сокращается доля рабочих мест в сельском хозяйстве и в промышленности, и большинство трудоспособного населения сосредоточено в сфере информационных услуг;

– В виртуальном информационном пространстве происходит интенсивное движение знаний, технологий, капиталов; объемы информационных потоков в цифровой форме растут по экспоненте; формируется всемирная система информационных сетей, обеспечивающая доступность информации в любое время из любой точки планеты, интерактивность сетевых ресурсов, сочетание в сети всех видов оцифрованных данных: текст, графика, анимация, аудио и видео;

– Информационное общество – это общество, активно и умело использующее информацию и информационно-компьютерные технологии для того, чтобы каждый его член мог жить достойно и безопасно; поскольку первичной считается не стоимость труда, а стоимость творческого таланта, общественные классы формируются в зависимости не от денежного,

¹ <http://wiki.iis.ru/wiki>

а от интеллектуального капитала, и ядро социальной структуры общества образуют квалифицированные профессионалы умственного труда, прежде всего — менеджеры, инженеры, учителя, медики, научные работники;

— В информационном обществе архаичная книжность заменяется глобальной «безбумажной» коммуникацией, которая позволяет оперативно искать, анализировать и оценивать информацию, разрешать проблемы и принимать решения, продуктивно и эффективно использовать инструменты повышения производительности труда, сотрудничать, производить и размещать информацию, быть информированным, ответственным, активным гражданином. Достигается такой прогресс социальной коммуникации, когда первоклассники носят в кармане мобильные телефоны, а их родители беседуют друг с другом, находясь на разных континентах.

Обращаясь к опыту США, можно удостовериться, что перечисленные достижения научно-технического прогресса, — это *истинная технократическая правда*. Глобальная экспансия транснациональных корпораций, проект викиномики, всемирная телекоммуникация, вообще мегатенденции информатизации и глобализации были бы невозможны без информационно-технологического обеспечения. Рационалисты-технократы с законной гордостью заявляют, что происходящее на наших глазах формирование глобального информационного общества является *высшей ступенью* социокультурной эволюции человечества, когда реализуются фантастические предвидения футурологов прошлых веков. Но этого мало, уже просматривается «высочайшая» ступень. Нанотехнологии обещают сотворить такие чудеса, о которых футурологи не догадывались.

Особенность этих технологий нового поколения заключается в оперировании физическими параметрами «наномасштаба». Нано (по-гречески «карлик») означает одну миллиардную часть ($10^{-9} = 0,000\,000\,001$) какой либо величины (нанометр, наносекунда, нанолитр и пр.). Оказалось, что когда размеры объектов (по крайней мере, в двух измерениях) не превышают значения 100 нанометров, физические свойства этих объектов существенно изменяются. Особое значение имеет установление нанообласти в интервале 1–100 нанометров, так как именно здесь проявляется большинство абсолютно новых свойств любых объектов. Ниже этого предела находятся отдельные атомы или молекулы, а выше — микротехнологии¹.

В большинстве экономически развитых стран вслед за США и Японией в настоящее время приняты национальные программы комплексного развития нанотехнологий, на которые выделяются колоссальные бюджетные средства и частные инвестиции. В России в 2007 году также принята

¹ Хартманн У. Очарование нанотехнологии. — М., 2008. С. 16.

Национальная нанопрограмма, создана корпорация «Роснано», организован соответствующий Научный совет при Президенте РФ. Повышенное внимание правительств к нанотехнологическим разработкам объясняется тем, что они обещают «оказать революционное воздействие на экономическую и социальную жизнь грядущих поколений». Ожидаются следующие «революционные преобразования»: в области медицины – диагностика раковых заболеваний, новые методы введения лекарств, сверхминиатюрные биодатчики; в области экологии и энергетики – использование солнечной энергии и новые топливные элементы, создание новых термостойких и прочных, экологически чистых материалов, формирование общества «гармонии с природой»; в области информационной техники – повышение характеристик ЭВМ на три порядка, «карманные» суперкомпьютеры, устройства с очень малым энергопотреблением¹. Обсуждаются перспективы создания квантового компьютера² и высказывается предположение, что квантовый компьютер на 50 атомах будет превышать вычислительную мощность всех ныне существующих компьютеров, вместе взятых³. Пока остается нерешенной проблема ввода-вывода информации в квантовый компьютер, но она, несомненно, будет разрешена.

Руководящей силой информационного общества является *технократическая элита* – это сообщество креативных, эрудированных и деловых homo informaticus. Технократическую элиту, с легкой руки английского социолога М. Янга, часто называют *меритократами* (от *meritus* – достойный). Практические заслуги технократов-меритократов в области формирования современной техногенной цивилизации неоспоримы. Характерный для них технократический (информационно-кибернетический) стиль мышления становится господствующим в общественном сознании «информационной эпохи». Однако достойнейшие меритократы, как и прочие люди, могут ошибаться, увлекаться, выдавать желаемое за действительное. В этих случаях получается *технократическая неправда* (заблуждение, преувеличение). Досадно, что легкомысленные высказывания меритократов подхватываются и тиражируются идеологами, публицистами, рекламистами и становятся стереотипами массового сознания наших дней. Прочитав некоторые «информационные стереотипы» российских технократов, ставшие бесспорными истинами в последней инстанции.

¹ Кобаяси Н. Введение в нанотехнологию. – М., 2008. – С. 16.

² Валиев К. А. Квантовые компьютеры и квантовые вычисления // Успехи физических наук. 2005. Т. 175.

№ 1. С. 3–39.

³ Вычисления со скоростью света // Chip. 2002. № 8. С. 48–51.

«Приоритетное развитие и широкое практическое использование современных информационно-коммуникационных технологий во всех сферах жизнедеятельности общества является сегодня необходимым условием не только для развития экономики, но также и для обеспечения конкурентоспособности и национальной безопасности страны, повышения уровня и качества жизни её населения». «Современные ИКТ обеспечивают экономию социального времени, создание новых рабочих мест, повышают эффективность использования национальных и мировых информационных ресурсов, содействуют повышению общего уровня образованности общества и развитию его интеллектуального потенциала. В повседневной жизни общества происходят такие полезные изменения, как: улучшение бытовых условий жизни граждан на основе применения цифровых технологий; значительное повышение уровня обучения, самообразования и научной подготовки; расширение возможностей досуга людей; более действенная врачебная помощь, правоохранительная защита и т. д.». «Качество жизни современного человека становится во все большей степени зависимым от уровня потребления им информационных продуктов и услуг, а также от их доступности и качества. Мобильная телефония, персональные компьютеры с выходом в сеть Интернет, многоканальное цифровое телевидение, бортовые автомобильные навигационные спутниковые системы – все это уже неотъемлемые атрибуты современного человека, без которых его повседневная жизнь и профессиональная деятельность становятся неполноценными». Неправда заключается в том, что речь идет не о Соединенных Штатах или Сингапуре, а о современной России, находящейся в болезненном состоянии затяжного системного кризиса. Что означает диагноз системного кризиса?

Системный кризис есть уменьшение жизнеспособности общества, вызванное разрушительными процессами во всех его составляющих – человеческом, экономическом, геополитическом, историко-культурном потенциалах. Очевидно, что системный кризис представляет собой прямую угрозу национальной безопасности, под которой «понимается защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства в различных сферах жизнедеятельности от внутренних и внешних угроз, обеспечивающая устойчивое поступательное развитие страны»¹. Системный кризис обнаруживается тогда, когда накладываются друг на друга негативные тенденции во всех сферах социальной жизни: семейно-бытовой, экономической, государственно-политической,

¹ Общая теория национальной безопасности: Учебник / Под ред. А. А. Прохорова. – М., 2005. – С. 28.

.....

духовной. В многочисленных высказываниях по поводу российского кризиса пестрят термины «депопуляция», «деградация (вырождение) нации», «обнищание», «деиндустриализация», «дискредитация идей свободы и демократии», «криминализация», «коррупция», «беззащитность», «дестабилизация общества», «деинтеллектуализация», «бездуховность», «обман, предательство, бесстыдство» и другие, которые еще недавно не отличались высокой частотностью в русском языке. Сейчас они у всех на слуху, и, несомненно, хорошо известны идеологам информатизации. Неужели они всерьез верят в то, что мобильная телефония, персональные компьютеры с выходом в сеть Интернет, многоканальное цифровое телевидение, короче – информатизация всей страны волшебным образом положат конец затянувшемуся системному кризису и станут гарантами конкурентоспособности и национальной безопасности страны?

Трудно поверить в подобную наивность. Если обратиться к исследованиям постсоветских социологов, можно выявить те недуги, от которых страдает наше Отечество. Перечислю некоторые: российское общество живет под гнетом алчного бюрократически-олигархического капитализма с запредельным разрывом между богатыми и бедными; население крайне негативно оценивает условия своего существования, где стали обыденными явлениями наркомания и алкоголизм, терроризм и национальный экстремизм; коррумпированное государство не пользуется доверием и поддержкой граждан; культурный уровень людей умственного и физического труда настолько разнится, что они перестают признавать друг друга за своих соотечественников; страна все более превращается в сырьевой придаток развитых стран мира, но огромные деньги не идут на пользу граждан, оседая в карманах узкой прослойки богачей или уплывая за рубеж и т. п.¹ Подавляющая часть населения России не имеет ничего против «увеличения роли информации и знаний в жизни общества» и «возрастания доли информационно-коммуникационных технологий в валовом внутреннем продукте», но она равнодушна к перспективам создания «глобальной информационной инфраструктуры» и постоянно озабочена не столько «доступом к информации и удовлетворением потребностей в информационных продуктах и услугах», сколько удовлетворением физиологических потребностей выживания (в пище, жилье, лекарствах, медицинском обслуживании и т. п.), а также потребностей безопасности и защиты.

---

¹ См.: Заславская Т. И. Современное российское общества: Социальный механизм трансформации. – М.: Дело, 2004. – 400 с.; Немировский В. Г. Российский кризис в зеркале постнеклассической социологии. – М.: Книжный дом «Либроком», 2005. – 200 с.; Соколов А. В. Диалоги с постсоветской гуманитарной интеллигенцией. – СПб.: БАН, 2006. – С. 23–43.

«Технократическая неправда» предназначена для успокоения обездоленных народных масс симулякрами грядущего информационного общества, которые напоминают древние легенды об утопических «праведных землях». Утверждают, что частная собственность как социальный институт и экономический фактор потеряет свое преобладающее доньше значение, и отношения в информационном обществе будут определять не частные собственники и бизнесмены-капиталисты, а меритократия – талантливые и трудолюбивые менеджеры, эксперты и интеллектуалы, владеющие интеллектуальным (символическим) капиталом – знаниями, информацией, ноу-хау. В этом справедливом обществе все граждане будут иметь неограниченный доступ к информации, и все станут богаты, здоровы и счастливы. Это утверждение сомнительно. Информационно-коммуникационные технологии способны обеспечить «бегство в иллюзии», отрыв от повседневности, влекущий за собой подрыв психического равновесия и «компьютерную наркоманию»; могут зомбировать массы путем информационно-психологического воздействия СМИ или организовать тотальный контроль за личной и общественной жизнью любого члена общества, могут стать орудием преступления в области высоких технологий (компьютерные «взломы», хакерство, заражение «вирусами»). Наше общество, еще не достигнув «информационных кондиций», уже переполнено всевозможной информацией, которая обогатила технократическую верхушку, а неимущие интеллигентские слои, как были бедными, так и остались ими, несмотря на активный «информационный метаболизм». Впрочем, в развитом технократическом информационном обществе интеллигенты не потребуются, ибо живой труд и творчество человека будут заменены роботами-киборгами и суперкомпьютерным искусственным интеллектом. Разумеется, гуманисты-интеллигенты не могут примириться с перспективой «обесчеловечивания» общества и выдвигают свою, «гуманистическую правду», которая отрицает «технократическую неправду».

4.4.2. Гуманистическая правда и неправда. Проблемы «гуманизма» и «гуманности» обсуждаются в европейской философии и гуманитарных науках уже несколько столетий и до сих пор не утратили своей актуальности. Скорее, даже наоборот. Традиционная гуманистическая правда, основанная на принципах: «человек – высшая ценность общества; благо человека – суть общественных отношений; человек – творческая индивидуальность, имеющая неотъемлемое право на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей»¹ все более резко противопоставляются

¹Рыбин В. А. Гуманизм как этическая категория. – М., 2004. – С. 6–18.

.....

прогрессирующему технократическому мировоззрению. Распространение аморального технократизма в среде молодежи вызывает озабоченность современных гуманистов: «Если уже сейчас не предпринять значительных усилий для гуманитаризации нового поколения специалистов, для развития их личностной зрелости, культурности, если хотите, — интеллигентности, зловещее слово ПОЗДНО может принять глобальные размеры, сообразные технологическим мощностям, с которыми этому поколению предстоит управляться. Самая опасная перспектива — формирование поколения технократов, способных ради умственной забавы и демонстрации интеллектуальных возможностей подтолкнуть человечество к краю пропасти. А это вполне вероятно, если технологические бицепсы наращиваются при культе бескультурья»¹.

Главными добродетелями интеллигента провозглашаются: человеколюбие, справедливость, толерантность, милосердие, разум, независимость, умеренность, стремление к знанию. Гуманизму присуща уверенность в неограниченных возможностях самосовершенствования человека, в неисчерпаемости его эмоциональных, познавательных, адаптивных, преобразовательных и творческих способностей. Как социальное явление гуманизм — это стремление объединенных гуманистическим мировоззрением людей, практиковать его принципы во благо всех и каждого, продвигаться к максимально возможной гуманизации отношений между человеком и человеком, человеком и обществом, человеком и государством, обществом и государством. Гуманизм понимается как этическая доктрина, ставящая задачей собрать воедино и систематизировать все формы проявления человечности человека, включая гражданско-правовые, политические, социальные, национальные, философские, эстетические и прочие области. Гуманизм не является и не должен являться официальной государственной программой, так же как и какой-либо формой религии². В таком же духе понятие «гуманизм» трактуется В. А. Рыбиным в его монографии³, а также авторами других философских и культурологических трудов.

Гуманистическая правда отчетливо выражена в концепции грядущего глобального общества, которую развивает доктор экономических наук, координатор общественного движения «Альтернативы» *Александр*

¹ Зинченко В. П., Моргунов Е. Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. — М., 1994. — С. 256.

² Борзенко И. М., Кувакин В. А., Кудишина А. А. Человечность человека: Основы современного гуманизма: Учеб. пособие для вузов. — Изд. 2-е — М.: РГО. 2005. — С. 122–125.

³ Рыбин В. А. Гуманизм как этическая категория. — М., 2004. — С. 247.

Владимирович Бузгалин (род. 1954). Экономиста-гуманиста тревожит будущая судьба России, угроза «скатиться в гетто отсталости», и он призывает россиян «поймать ветер истории и стать лидерами постиндустриального мира». Вот некоторые из его основополагающих постулатов:

1. Знания по своей природе товаром не являются, их никогда и нигде нельзя купить, их можно только обрести за счет собственного труда и диалога с другими личностями. Можно купить учителей и аттестаты, но знания, творческие способности нужно добывать самому. Точно так же нельзя купить любовь, дружбу, вдохновение. Поэтому рыночные отношения нельзя распространять на мир знания.

2. Ученый экономист Бузгалин с печалью констатирует, что в сегодняшнем мире «рыночного фундаментализма» и «глобальной гегемонии» капитала творческий потенциал человека уходит в финансы и другие виды посреднической деятельности (транзакционные издержки давно превышают издержки производства), масскультуру (где десятки тысяч высококреативных людей десятилетиями производят жвачку для обывателя) и товары для «общества пресыщения». В этих сферах, по преимуществу паразитических, занято до половины наиболее квалифицированных работников развитых стран. Причем сегодня в Западной Европе 2–3 % населения вполне способны прокормить, а еще 15–20 % снабдить оборудованием и машинами все население этих стран. Следовательно, большая часть человеческого потенциала даже в наиболее развитых странах растрачивается впустую, а то и во вред человечеству и природе. Отсюда следует вывод, что «постиндустриальное общество – тупиковая ветвь социального развития».

3. Для оценки будущего прогресса человечества гуманист Бузгалин предлагает использовать в качестве критерия «меру свободного всестороннего развития человека в ассоциированной творческой деятельности в диалоге с природой». Человек будущего, по мнению автора, – это не рациональный технократ, соизмеряющий свои действия с критерием денежной выгоды, а человек, увлеченный творческой деятельностью, для которого денежная мотивация не является главной. Нормальная постиндустриальная экономика, по его подсчетам, должна иметь следующую структуру: 20 % – работники материального производства, остальные 80 % распределяются между сектором инноваций, где заняты бескорыстные творческие личности, и гуманистическими секторами обучения, воспитания, спорта, подготовки творцов и новаторов. Именно эти сектора обеспечивают производство «главного ресурса новой экономики – не денег, не машин и даже не информации, а «человеческих качеств» – новаторских способностей,

.....

способностей к сотрудничеству с другими людьми и приобщения к подлинной культуре (а не только к «знаниям»). Причем гуманист-экономист утверждает, что «социальный эффект и даже коммерческая выгода в экономике будущего, получаемые от доброй нянечки в яслях, не меньше, чем от финансового спекулянта, ворочающего миллиардами»¹. Не забывает он и об «охране и воспроизводстве экологически чистых территорий».

4. А. В. Бузгалин с сожалением замечает, что государственная политика России нацелена не на преодоление системного кризиса, а на поощрение вывоза сырья и на рост социального неравенства (расходы на образование растут в два раза медленнее, чем расходы на силовые структуры). Отечественный бизнес не заинтересован в долгосрочных фундаментальных исследованиях, его привлекает доступ к сырью и приспособление западных сборочных технологий к нашей рабочей силе.

5. Спасителями страны могут стать только гуманисты, обладающие творческим потенциалом и готовые использовать его «во благо стране, миру, самим себе и нашим потомкам». Это «обычные учителя и врачи, профессора и инженеры, библиотекари и компьютерщики, садовники и рабочие», обладающие «чувством гордости и социальной ответственности, способностью к социальным действиям, а не только к болтовне на кухне». «Именно *такие* люди, — утверждает А. В. Бузгалин, — свободные, творчески развивающиеся, выбирающие «быть», а не «иметь», создают и информацию, и know how и все другие высокоценные блага неоекономики»².

Гуманистический оптимизм ярко выражен в трудах замечательного библиографа и книговеда *Исаака Григорьевича Моргенштерна* (1932–2008), посвященных информационному обществу. Определив информационное общество как «общество, уровень развития которого в решающей степени определяется количеством и качеством накопленной и используемой информации, её свободой и доступностью», он особенно подчеркивал, что в нем должно господствовать «гуманистическое общественное сознание, когда большинство граждан целят и сохраняют права человека, превыше всего ставят общечеловеческие ценности». Процесс информатизации, — уверял он, — «ведет к созданию благоприятной для человека информационной среды, всемерному развитию

¹ Бузгалин А. В. Поймать ветер истории и стать лидерами постиндустриального мира. Или скатиться в гетто отсталости // Литературная газета. — 2008. — 13–19 февраля.

² Бузгалин А. В. Россия в обществе знаний: концепт культурного лидерства. Статья 1. Перекрестки глобальных трансформаций // Библиотекосведение. — 2009. — № 3. — С. 29.

и использованию всех информационных ресурсов, включающих накопленные и вновь формируемые знания»¹. Информационное общество будет «воспитывать умных людей, разносторонне и основательно образованных, понимающих сложность мира, противоречивость человеческой личности, необходимость обдуманности деятельности, но не лишенных от этого стимулов к творческому поиску, смелости, инициативности» (с. 118). Короче говоря, рисуется образ идеального человека в духе классического гуманизма XV–XVI вв., исповедовавшего свободное и всестороннее развитие личности и возрождение античных идеалов красоты, мудрости и справедливости.

Нестареющая гуманистическая правда, вдохновляющая некоторых идеологов информационного общества, пленяет благородством и бескорыстием, но она имеет врожденный порок: *утопизм*. Многовековые попытки построения идеального общества неизменно заканчивались ложью и кровавыми трагедиями. Правда, в распоряжении прошлых гуманистов-реформаторов не было информационно-коммуникационных технологий, Интернета и мобильных телефонов, не было и опыта ведения информационных войн и возможностей построить Коллективный Интеллект. Теперь времена переменились, но уязвимость гуманистической правды осталась прежней: есть возвышенная цель, но неизвестны пути и средства достижения цели. Получается, как сказал великий поэт, «нас возвышающий обман», точнее – *гуманистическая неправда*. Гуманистическая неправда – это довод в пользу технократической правды, так же как технократический обман служит доводом в пользу гуманистической правды. Идея информационного общества оказывается антиномией с двумя противоположными решениями: технократическим и гуманистическим.

4.4.3. Идея информационного общества как социальный миф и культурная универсалия. Сопоставляя технократические и гуманистические трактовки информационного общества, можно заметить, что правда гуманистов начинается там, где технократы впадают в заблуждение, и наоборот, правда технократии торжествует там, где дезориентируется гуманизм. Причем и те, и другие трактовки представляют собой не достоверные факты, а симулякры, то есть «знаки, которые скрывают, что ничего и нет». Получилось так, что идея информационного общества сделалась средоточием антиномичного единства гуманизма и технократизма, оптимизма утопистов и скепсиса антиутопистов, недоверия высокомерной академической науки и небескорыстной заинтересованности

¹ Моргенштерн И. Г. Информационное общество: учеб. пособие. – Челябинск: Урал LTD, 2000. – С. 11–12; 15.

.....

корпоративного капитала и политической элиты, наконец, — воплощением простодушной веры гуманитарной интеллигенции и интеллектуалов-технократов в грядущее торжество общества информации и знания. Подобное переплетение правды и вымысла, скрепленное верой, характерно для любых мифологических явлений. Однако, в отличие от первобытной языческой мифологии, современная мифология нацелена не на гармонизацию человека, общества и природы, а на манипулирование массовыми аудиториями в интересах определенных социальных групп. По словам В. Д. Шинкаренко, новейшие российские мифы символизируют такие «затертые слова с размытыми смысловыми границами», как «рынок», «демократия», «либерализм», «безработица — это благо» и т. п.¹ В этом ряду найдется место и для мифологемы «информационное общество», хорошо вписывающейся в социальную и политическую мифологию нашего времени. Чтобы избежать пустословия, уточним понятие информационного мифа.

Обратимся к классическому философскому исследованию *Алексея Федоровича Лосева* (1893–1988) «Диалектика мифа» (1930). В итоге скрупулезного осмысления различных аспектов мифа А. Ф. Лосев предложил «окончательную диалектическую формулу»: *миф есть в словах данная чудесная личностная история*². Он расшифровывал эту формулу следующим образом: «миф есть слово о личности, выражающее и выявляющее личность», «имя личности и есть то, что мы, собственно говоря, имеем в мифе», но миф не просто имя, а «чудесное имя, имя, говорящее, свидетельствующее о чудесах, имя, неотделимое от этих самых чудес, имя, творящее чудеса», поэтому в историческом плане «миф есть развернутое магическое имя».

Мифологическая формула Лосева вполне пригодна для идеи информационного общества. Информационное общество в наши дни, действительно, стала магическим именем личности-фантома, о котором повествуются в словах чудесные, сотворенные им истории («гипотетическая субстанция», «глобальная сущность», виртуальность, преобразующая цивилизацию, и т. п.). Отталкиваясь от «диалектической формулы» А. Ф. Лосева, примем следующую *частную* дефиницию: *Социальный миф — это воплощенный в слове символ, представляющий собой синтез (сплав) правды, веры и вымысла*. Как эта дефиниция согласуется с «глобальной» трактовкой информационного общества, на которое мы вышли в конце раздела 4.1.1?

¹ Шинкаренко В. Д. Смысловая структура социокультурного пространства. Миф и сказка. — М.: Книжный дом «Либроком», 2009. — С. 138–139.

² Лосев А. Ф. Диалектика мифа. — М., 2001. С. 212.

Напомню её. **Информационное общество** есть симулякр глобального постиндустриального интеллектно развитого социума, удовлетворяющего посредством машинных информационных технологий материальные и духовные потребности личности, социальных групп и государства. Современные социогенные виртуальности («демократия», «либерализм» и т. д.), как правило, являются симулякрами, поскольку они создают видимость (симулируют) социальные явления, на самом деле отсутствующие. Идея информационного общества в виртуальной реальности также типичный симулякр, но переход к социализации идеи изменяет её статус: бывший социогенный симулякр становится социальным мифом. Путь идеи информационного общества от виртуализации к социализации — это путь от симулякра к мифу.

Различие между симулякром и мифом заключается в том, что симулякр — это «знак, скрывающий, что ничего нет», а миф — это «знак, раскрывающий, что что-то есть». Симулякр воспроизводит (симулирует) черты некой социальной реальности, ныне отсутствующей, а миф сочетает правду настоящего и вымысел о будущем состоянии социума. На этапе замысла идея информационного общества представляла собой научно-футурологическую гипотезу (см. исходную формулировку); на этапах культивации и утилизации идея достигла уровня симулякра (см «виртуальную» и «глобальную» трактовки), теперь она должна получить социально-мифологическое обличие. В итоге имеем:

Информационное общество есть социальный миф о глобальном постиндустриальном интеллектно развитом социуме, удовлетворяющем посредством машинных информационных технологий материальные и духовные потребности личности, социальных групп и государства. Эта формулировка может читаться двояко: в технократическом контексте — с акцентом на средства машинной информации, в гуманистическом контексте — с акцентом на удовлетворение потребностей личности, социальных групп и государства. Двойное сакрально / профанное (два в одном) прочтение свойственно мифологическим текстам¹, и указание на предикат «социальный миф» сигнализирует об учете антиномии технократическое / гуманистическое в данной формулировке идеи информационного общества.

Социальная мифология выполняет познавательные-объяснительные, ценностно-ориентационные, эмоционально-побудительные функции. Эти функции свойственны и идее информационного общества на мифологическом

¹ Апинян Т. А. Мифология: теория и событие: учебник. — СПб.: Изд-во СПбгу, 2005. — С. 104–127.

.....

уровне её развития. Она является носителем технократической правды, отражая достижения научно-технического прогресса, и поэтому является источником истинного знания. Элементы гуманистической правды, содержащиеся в идее, внушают оптимизм доверчивым массам. Доверие укрепляется благодаря представлению технократической и гуманистической неправды в привлекательной форме рекламно-идеологического и художественного вымысла. В антиномическом единстве технократической правды и гуманистической правды заключается секрет обаяния мифологемы информационного общества. Как и всякий миф, она по конечной сути своей является обманом, но обманом, *нас возвышающим*. Информационное общество – это впечатляющий символ могущества человеческого гения, зовущий выбраться из унылого болота «низких истин». Мифологема информационного общества утверждает веру в светлое будущее человечества; в этом состоит её неопровержимая правда и востребованность в нашу противоречивую эпоху, названную не гуманистической и не технократической, а «информационной».

Социально-мифологический статус идеи информационного общества позволил ей занять пустующую нишу в российском общественном сознании. Она фактически стала мировоззренческой универсалией – *универсалией культуры*. Поясню этот весьма важный вывод.

Идея универсалий культуры как «системообразующего фактора исторически определенной культуры» принадлежит академику РАН Вячеславу Семеновичу Стёпину (род. 1934)¹. Он определил их как «категории, которые аккумулируют исторически накопленный социальный опыт, и в системе которых человек определенной культуры оценивает, осмысливает и переживает мир, сводит в целостность все явления действительности, попадающие в сферу его опыта»². Философ-культуролог выделяет два больших и связанных друг с другом блока универсалий культуры. К первому относятся категории, которые фиксируют наиболее общие атрибуты объектов, включаемых в человеческую деятельность, такие как «время», «пространство», «движение», «отношение», «содержание», «причина», «необходимость» и т. д. Второй блок образуют категории, «посредством которых выражены определения человека как субъекта деятельности, структуры его общения, его отношения к другим людям и к обществу в целом, к целям и ценностям социальной жизни», например, «общество», «сознание», «добро», «зло», «красота», «свобода»,

¹ Запесоцкий А. С. Теория культуры академика В. С. Стёпина. – СПб.: СПбГУП, 2010. – С. 24–31.

² Стёпин В. С. Культура // Новая философская энциклопедия. Т. 2. – М.: Мысль, 2010. – С. 341–347.

«справедливость» и пр. (с. 344). Благодаря универсалиям культуры образуется «обобщенная картина человеческого мира, то, что принято называть мировоззрением эпохи». Эта картина усваивается индивидом в процессе социализации и выступает в качестве индивидуального мировоззрения. Известный культуролог Тамара Апинян заметила, что «компьютерная эпоха создает виртуальную реальность, по своим законам, форме существования и характеру аналогичную мифологической» и отнесла мифы к универсалиям культуры, то есть «формам всеобщности, присущей не только культурной реальности, но сознанию, мышлению и языку, независимо от исторического этапа их существования»¹.

В блоках универсалий предложенных В. С. Стёпиным, отсутствует категория «информация». Конечно, автор не ставил задачу инвентаризировать все универсалии культуры, но в нашу «информационную» эпоху нельзя игнорировать информационные категории. Тем более, что им уготовано место в обоих категориальных блоках. В первом блоке, наряду с традиционными атрибутами бытия следует предусмотреть категорию информации в философской формулировке её сущности, а именно: *амбивалентный феномен, выражающий смыслы в форме коммуникабельных знаков* (см. раздел 2.2.4). Во втором блоке не хватает мифологемы информационного общества, которая, несомненно, влияет на индивидуальное, групповое и общественное мировоззрение нашей эпохи, на что справедливо обратила внимание Т. А. Апинян (см. выше).

Мифологема информационного общества может представлять гуманистический или технократический социальный идеал; в силу своей мифологической природы она не оставляет безучастными народные массы. Волнующая привлекательность идеи информационного общества заключается в том, что, раскрывая сценарии будущего, она удовлетворяет потребности личности и общества в самосознании и самореализации, то есть в понимании смысла своего существования и свой жизненной миссии. Именно поэтому идею информационного общества необходимо включить в состав универсалий культуры.

Собственно говоря, упорные усилия ученых и философов по культивации, утилизации и социализации идеи информационного общества обусловлены необходимостью заполнить лакуну социальной идентификации постсоветского российского общества. Современная Россия утратила стимулы и ориентиры для самосознания и социального развития. Куда идет Россия? — не одно десятилетие вопрошают духовно дезориентированные

¹ Апинян Т. А. Мифология: теория и событие: учебник. — М.: Изд-во СПбГУ, 2005. — С. 68.

.....

россияне. Судя по триллионам рублей, вкладываемых в Государственную программу «Информационное общество (2011–2020)» наша власть полагает, что идея информационного общества может стать национальной идеей ближайшего десятилетия. Почему бы и нет? Ведь именно мифы, симулякры и утопии становились государственными идеями, увлекающими массы. Поэтому мифология информационного общества востребована и необходима сегодня не только в России, но и во всем мировом сообществе, переживающем кризис «самых оснований, базовых ценностей мироустройства».

По словам нашего выдающегося философа *Валентина Ивановича Толстых* (род. 1929), существуют две версии цивилизационного развития в обозримом будущем. Первая версия – «постмодернизация мирового социума, построение глобального общества на принципах либеральных ценностей (рыночной экономики, демократии, индивидуальной свободы и прав человека и т. д.), на базе дальнейшего прогресса науки и техники, внедрения новых технологий, как промышленных и информационных, так и социальных. Этот сценарий базируется на идее-мифе «вечного капитализма», апологии научно-технологического могущества техногенной цивилизации и питающей её «фаустовской» культуры, пронизанной духом безграничного активизма индивида и стремления к владычеству (на смену «всемирного коммунизма» пришел проект «глобального капитализма»). В социально-политическом плане этот сценарий цивилизационного развития предполагает доминирование развитых стран над всеми остальными (концепция господства так называемого золотого миллиарда)». «Фундаментальный изъян этого проекта, – продолжает В. И. Толстых, – отсутствие адекватных ответов на вызовы современности, уже очевидная неспособность предупредить и предотвратить разрушительные последствия экологического, демографического, социального, антропологического и прочих кризисов. Нет даже теоретического обоснования перехода мирового социума к постиндустриальному обществу как фазе или стадии становления нового типа цивилизационного развития».

Вторая, альтернативная версия ориентирована на «становление многополюсного и многоликого сообщества стран, народов и культур, единство которого обусловлено и создается на основе совпадения и взаимопроникновения гуманистических ценностей как техногенного, так и традиционного общества. Понятию гуманизма возвращается его первородный смысл – человеческое измерение ценности жизни и творческих усилий личности, вдохновляющейся в своей деятельности высокими нравственными побуждениями и эстетическим нормами. Идея постиндустриального

Выводы В. И. Толстых вскрывают глубинные причины противоречивости технократических и гуманистических концепций информационного общества и объясняют антиномию социально-информационного мифа. Технократическая версия «вечного капитализма» себя исчерпала, но она окружена туманом апологетических мифов, тиражируемых бизнесом и бюрократией в своих корыстных интересах. Гуманистические проекты справедливого и безопасного развития мирового сообщества нуждаются в дальнейшей проработке и обосновании, они страдают утопическими иллюзиями, но их присутствие в современной культуре столь же оправдано и необходимо, как и присутствие технократической мифологии. Будущее покажет, как и в каких формах состоится социализация идеи информационного общества в России и в мире.

¹ Толстых В. И. Будущее цивилизации в контексте диалога культур // Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты / отв. ред. В. С. Стёпин, А. А. Гусейнов. – М.: Наука, 2005. – С. 153–155.

.....

Заключение.

Идя по собственным следам

Идя по собственным следам
И углубляясь в груды хлама,
Сооружаю – нет, не храм,
А только симулякры храма.

Завершая исследование, проанализируем еще раз его *логику и методологию*, чтобы удостовериться в правильности выбранного пути к достижению цели, сформулированной во Вступлении, а именно: непредвзято разобраться в фактах и факторах, обусловивших возникновение и развитие идеи информационного общества, проследить, как зарождалась и развивалась эта идея, выяснить, в чем сущность информационного общества и каковы перспективы трансформации современного российского общества в общество информационное. Наконец, ответить на вопрос: что такое информационное общество? Знакомство с литературой по теме показало, что информационное общество многолико и представлено тремя разными интерпретациями (типами):

– *Социологическая интерпретация*: информационное общество – это реально существующая совокупность профессиональных и любительских социальных групп, неразрывно связанных с информационно-коммуникационными технологиями и характеризующаяся субкультурными особенностями. В социальном пространстве современного социума информационное общество этого типа локализовано в информационной техносфере и состоит из трех групп: а) творческая элита, включающая талантливых, иногда гениальных творцов системных и программных решений в области информатики, которая явилась генератором научно-футурологических идей информационного общества и обеспечила их развитие; б) фанаты-киберпанки, ощущающие себя коренными обитателями киберпространства и предпочитающие виртуальное пространство Интернета социальной реальности; в) масса информационных работников, репродуктивно воспроизводящих разработанные творческой элитой информационно-коммуникационные технологии.

– *Научно-футурологическая интерпретация*: информационное общество – это гипотеза о грядущем постиндустриальном состоянии нынешнего индустриального общества. Этот тип информационного

общества представлен в качестве многочисленных и разнообразных авторских концепций, обсуждаемых научным сообществом и широкой общественностью. Оптимистические прогнозы гипотетического информационного общества используются в качестве основы для государственных программ и рекламных компаний коммерческих производителей информационной техники.

– *Рекламно-идеологическая интерпретация*: информационное общество – грядущее высоко информатизированное общество, манящее торжеством просвещения, свободного творчества, социальной справедливости, которых так не хватает в современной действительности. Цель данной интерпретации заключается в том, чтобы заставить простодушную публику поверить в ту иллюзорную версию информационного общества, которая соответствует интересам рекламодателей или государственной бюрократии.

В центре нашего внимания в данной книге была научно-футурологическая интерпретация информационного общества. Остальные две интерпретации затрагивались лишь попутно. Мы постоянно имели в поле зрения вопрос: *что же такое, в конце концов, информационное общество*: наивная утопия? кибернетическая производная? стадия цивилизационного процесса? В конечном счете удалось получить ответ на этот сакраментальный вопрос. Наверняка наш ответ нуждается в дальнейших уточнениях и корректировках, которые сегодня мне не известны. Чтобы облегчить будущим продолжателям и критикам их работу, я считаю полезным воспроизвести с краткими комментариями и обоснованиями основные вехи движения мысли от постановки задачи во Вступлении до трактовки идеи информационного общества как культурной универсалии в конце последней главы.

1. **Идея информационного общества.** С точки зрения логики, социологическая интерпретация информационного общества представляет собой *понятие*, фиксирующее существенные отличительные признаки некоторых социальных групп, а научно-футурологическая и рекламно-идеологическая интерпретации есть *суждения*, состоящие из двух частей: субъект суждения, в нашем случае понятие об обществе, и предикат, представляющий собой утверждения по поводу субъекта, то есть информационного общества. Важно различать суждения-идеи и суждения-иллюзии. Научно-футурологическая интерпретация считается *идеей информационного общества*, а рекламно-идеологическая интерпретация – *иллюзорным образом информационного общества*. Указанные логические градации имеют важное методологическое значение, поскольку отграничивают

.....

главный предмет нашего исследования — научно-футурологическую идею от других интерпретаций информационного общества и концентрируют внимание на этом предмете. Необходимо подчеркнуть, что предметом эмпирического исследования *не может быть* информационное общество, поскольку оно отсутствует в социальной реальности. Мы можем воспроизводить и систематизировать воображаемые образы его будущей реализации только вслед за пророками и футурологами. Поэтому поневоле пришлось обратиться к обширному и неупорядоченному багажу футурологии.

2. Глубинные предпосылки идеи информационного общества скрыты в фольклорно-литературном наследии, где хранится немало откровений, обращенных в будущее. Древнейшие предтечи этой идеи обнаруживаются в фольклорно-легендарных преданиях, которых в Новое время сменили утопические трактаты. Некоторые из обществ, созданных фантазией утопистов-классиков, например, «Новая Атлантида» Френсиса Бэкона, представляют собой подлинное «общество знания». Картины будущего, нарисованные в научно-фантастических произведениях Жюль Верна, Герберта Уэллса, Александра Беляева, Ивана Ефремова, Айзека Азимова, содержат узнаваемые приметы «информационной эпохи». Особенно близки социальным тревогам наших дней антиутопии Евгения Замятина, Олдоса Хаксли, Джорджа Оруэлла. Хотя до середины XX столетия информационная проблематика не тревожила мировую общественность, исподволь созревали технократические и гуманистические установки, которые воплотились в идее информационного общества. Мне кажется, что фольклорные и литературные истоки идеи информационного общества заслуживают углубленного изучения.

3. Этапы развития идеи информационного общества являются типичными для техногенных новаций индустриальной цивилизации. Обозначились четыре этапа: 1) *зарождение идеи* — появление в научных публикациях понятия информации и обсуждение научным сообществом связанной с ним информационной проблематики; 2) *культивация идеи* — начало разработки концепций грядущего информационного общества и формирование субкультурных групп любителей-энтузиастов; 3) *утилизация идеи* — время признания полезности информационных технологий государственной властью и структурами бизнеса, формирование мегатенденций информатизации и глобализации; 4) *социализация идеи* достигается тогда, когда продукты массовой её реализации становятся привычными и необходимыми компонентами образа жизни данного общества и активная часть населения идентифицирует себя с информационным обществом.

Содержание каждого этапа выражается в творческой деятельности выдающихся ученых и мыслителей, так или иначе связанных с идеей информационного общества. В нашей галерее представлены только одиннадцать персон. Этап зарождения идеи (40-е – 50-е годы) связан с трудами математиков Норберта Винера, Клода Шеннона, Алана Тьюринга, Андрея Колмогорова и примыкающего к ним гуманитария Герберта Маршалла Маклюэна. Духовными лидерами этапа культивации идеи (60-е – 70-е годы) могут считаться Станислав Лем, Никита Моисеев, Жан Бодрийар. Наиболее колоритными фигурами, символизирующими переход от культивации к утилизации идеи информационного общества (70-е – 80-е годы) являются, на мой взгляд, Виктор Глушков, Билл Гейтс, Тим Бернерс-Ли. Конечно, нашу портретную галерею необходимо значительно расширить, чтобы более полно показать её интернациональный характер. Интернациональность тенденции информатизации свидетельствует о том, что она является глобальной мегатенденцией, а идея информационного общества не может ограничиться национальными рамками.

5. Интернет – критерий социализации информационного общества. Успешная утилизация идеи информационного общества закономерно перерастает в её социализацию. Как удостовериться в том, что этот процесс реально происходит? Гражданину информационного социума XXI века для самостоятельной жизнедеятельности сущностно необходим Интернет. Следовательно, именно владение Интернет-технологиями целесообразно считать *критерием социализации информационного общества*. Фигурально говоря, Интернет представляет собой супермагистраль, по которой происходит движение человечества к глобальному информационному обществу.

6. Футурологическая оценка идеи информационного общества. Современная футурология, вооруженная научной методологией исследования будущего, отказалась от оптимистической оценки перспектив развития человечества в XXI веке и сосредоточилась на поиске способов спасения от глобальной антропогенной катастрофы. Катастрофические угрозы обусловлены неуправляемыми геополитическими, социальными, технологическими, культурными и этническими факторами. Образовались два футурологических направления: глобалистика и альтернативистика, которые призывают правительства, бизнес, всех людей «богатых знаниями, но бедных мудростью» к «новому гуманизму», к «подлинной человечности». Однако ни то, ни другое направление не обсуждает в полной мере перспективы построения глобального информационного общества, развития Интернет-технологий и искусственного интеллекта. Создается

.....

печальное впечатление, что современная футурология не воспринимает всерьез идею информационного общества.

7. Исходная идея информационного общества была получена на основе изучения истоков формирования идеи информационного общества, представленных в главе 1. Оно соответствует научно-футурологической интерпретации и имеет следующий вид: ***Информационное общество есть гипотеза о будущем постиндустриальном обществе, основанном на информационных процессах.*** С логической точки зрения, эта формулировка представляет собой суждение в форме «субъект – предикат», однако она не раскрывает смысловую взаимосвязь информационного общества и гипотезы о нем, то есть содержание идеи информационного общества по существу. Поэтому в нашем исследовании она выступает как исходная, предварительная и первоначальная.

8. Некорректный информационный подход к социальной реальности имеет место в том случае, когда информация понимается как сведения, знания, сообщения, которыми члены общества обмениваются друг с другом. В этом случае информационная деятельность обнаруживается во всех человеческих сообществах, начиная с палеолитических родовых общин и даже раньше. Если считать, что главной отличительной особенностью информационного общества является широкое распространение информационных процессов, то Римскую империю или Киевскую Русь можно считать информационными обществами. Тогда почему информационное общество полагается в будущем, а не в прошлом? Чтобы разрешить этот парадокс, нужно уяснить природу, сущность и типологию информации. Эта задача решается в главе 2.

9. Природа и типология информации. Философский анализ показал, что *природа информации* не идеальна и не материальна, а *амбивалентна*, то есть представляет собой нерасторжимое единство материального начала и идеального начала. Благодаря амбивалентной природе, информация имманентно (необходимо) воплощает единство и взаимообусловленность идеального содержания и материального носителя. Обращение к естественным и искусственным реальностям разного типа позволило выявить три типа информации: биологическая, семантическая, машинная, каждый из которых представляет собой единство смыслового содержания (значения) и материальной формы. В животном мире представлена биологическая информация, в том числе генетические и сигнальные её разновидности; в человеческом социуме, наряду с биологической информацией, бытует семантическая (смысловая, языковая) информация; информатизация человеческого общества приводит к возникновению

машинной информации. Отсюда следует, что информационным обществом следует считать не всякое общество, где осуществляется информационная деятельность и общение между людьми, а только тот социум, где *имеет место машинная информация*. Это немаловажное уточнение нужно внести в исходную идею информационного общества для того, чтобы отграничить постиндустриальный социум от княжеств Древней Руси.

10. *Сущность информации и её типов* можно интерпретировать трояко: в философском аспекте, раскрывающем сущность информации как философской категории; в научно-натуралистическом аспекте, показывающем содержание общенаучной категории информации; в научно-фантастическом аспекте, дополняющем натуралистическое познание информационно-теоретическими фикциями. Поскольку информационное общество связывается с будущим развитием информационно-компьютерных технологий, для него наиболее приемлемым является раскрытие сущности информации и её типов в научно-натуралистическом аспекте. Получается следующий ряд дефиниций:

Информация вообще — общенаучная категория, обозначающая средства выражения смыслов в форме коммуникабельных знаков, которые в различных реальностях (социальной, духовной, биологической, технической) представляют три типа информации:

а. семантическая информация – междисциплинарная категория, охватывающая естественные средства выражения духовных смыслов в форме коммуникабельных социальных знаков;

б. биологическая информация – междисциплинарная категория, охватывающая естественные средства выражения биологических смыслов в форме коммуникабельных биологических знаков ;

в. машинная информация – междисциплинарная категория, охватывающая артефакты (системы, средства), осуществляющие телеуправление техническими объектами и имитирующие по алгоритмическим программам семантические процессы.

11. *Информационные реальности* привлекли наше внимание, потому что, если существует «информационная реальность», то именно она, а вовсе не социальная реальность, должна стать областью бытия информационного общества. Обращение к литературе показало, что обнаруживаются несколько разновидностей информационных реальностей, в том числе мистическая, когда информационная реальность выступает в качестве первоначала мироздания, и технократическая, когда информационная реальность ограничивается информационной техносферой. Однако и в том, и в другом случае удостовериться в существовании аутентичной

.....

реальности не удалось. Некоторые авторы склонны отождествить информационную реальность с виртуальной реальностью, что обусловило наш интерес к межнаучному направлению, именуемому *«виртуалистика»*, которое позиционирует себя как тип мировоззрения, соответствующий постнеклассической стадии развития науки.

12. Виртуальная реальность как область существования информационного общества — одна из центральных проблем нашего исследования. Виртуализация современного социума происходит столь же интенсивно, как и его информатизация, причем эти процессы зачастую оказываются взаимосвязаны. Сетевое пространство Интернет давно уже считается областью виртуальной коммуникации. Теория виртуалистики базируется на категории «виртуальная реальность», которая понимается как область бытия виртуальных объектов, порождаемых объектами других реальностей (физических, психологических, социальных и др.). Наряду с техногенной виртуальностью, создаваемой компьютерной техникой, существуют естественные психогенные и социогенные виртуальные реальности.

Объемы понятий «информационное общество» и «виртуальная реальность» находятся в *отношении пересечения* и, следовательно, образуются три логические области, в которых распределены известные нам три интерпретации (три типа) информационных обществ, а именно: А. Информационные сообщества, не являющиеся виртуальными, такие, как социально-профессиональные группы информационных специалистов (программисты, веб-дизайнеры и пр.); Б. Социогенные и психогенные виртуальные явления, не охваченные информационным подходом, например, все виды искусства, реклама, в том числе рекламно-идеологические образы, рисующие иллюзорные и привлекательные «информационные миры»; В. Научно-футурологические гипотезы информационного общества, которые представляют (симулируют) вероятные, возможные, но актуально не существующие социальные реалии. Отсюда следует немаловажное следствие, что информатизация — дорога в виртуальное общество, так же как виртуализация — предпосылка осмысления идеи информационного общества. В перспективе просматривается *синкретическое информационно-виртуальное* (виртуально-информационное) общество, то есть информационное общество, существующее не в социальной, а в виртуальной реальности.

Синкретическое информационно-виртуальное общество особенно интересно для нас, ибо оно позволяет уточнить исходную идею информационного общества, предложенную ранее (см. пункт 7). Учитывая локализацию

научно-футурологической интерпретации информационного общества в виртуальной реальности, объектами которой являются симулякры социальных реалий, мы можем предикат «гипотеза» заменить предикатом «симулякр». Тогда получаем следующую «виртуальную» формулировку: *Информационное общество есть симулякр постиндустриального интеллектно развитого социума, удовлетворяющего посредством машинных информационных технологий материальные и духовные потребности личности, социальных групп и государства.*

13. *Концепции информационного общества*, представленные в главе 3, отражают нынешнее хаотическое состояние научно-футурологической мысли в области информатизации. По-разному понимается соотношение между понятиями «информационное общество», «постиндустриальное общество», «постэкономическое общество», «общество знаний», «общество постмодерна». Некоторые авторы, простоты ради, их отождествляют, другие доказывают, что информационное общество – первая стадия постиндустриального общества, третьи называют общество знаний высшей стадией постмодерна и т. д. Кто-то полагает, что становление информационного общества означает утверждение цивилизации нового типа, кто-то рассматривает информатизацию как одну из новаций в рамках индустриальной цивилизации, кто-то скептически оценивает идею информационного общества как очередной социальный миф и т. д.

Для удобства рассмотрения отобранные 15 концепций с большой долей условности разделены на три группы: 1) историософские, 2) технократические, 3) гуманистические. Практически все они соответствуют «виртуальному» определению, то есть представляют собой *симулякры* неведомого информационного общества, «знаки, которые скрывают, что ничего и нет» (Ж. Бодрийар). В этих симулякрах совпадают такие характеристики, как постиндустриальный высокопроизводительный уровень материального производства; высокий интеллектуальный уровень (образованность и креативность) элиты; высочайший уровень развития электронно-цифровой техносферы, основанной на машинной информации. Сопоставительное изучение взглядов различных авторов познавательно и увлекательно, поэтому глава 3 – необходимая составная часть нашего исследования. Однако не оправдалась надежда на то, что знакомство с различными футурологическими сценариями компетентных специалистов позволит нам получить представление о вероятных экономических, политических, социальных, культурных изменениях, ожидающих нас в будущем. Слишком велики и непримиримы противоречия между технократами-интеллектуалами и гуманистами-интеллигентами.

.....

14. *Два пути в информационное общество.* Обзор концепций информационного общества показал, что как зарубежные, так и отечественные теоретики предлагают два противоположных пути социализации виртуальных симулякров: 1) *технократический* путь, когда суть цивилизационного прогресса усматривалась в глобальном распространении цифровых и сетевых информационно-коммуникационных технологий, символами которых являются Всемирная паутина Интернет и сотовая телефония; в связи с этим будущее общество называлось не только «информационным», но и «цифровым», «сетевым», «мобильным»; 2) *гуманистический* путь, когда приоритет отдавался не фантастическому прогрессу инфосферы, а коренным преобразованиям общественного бытия и сознания, формированию информационной культуры как сердцевины информационного общества. В итоге получились два содержательно противоположных, но в равной мере правдоподобных выражения идеи информационного общества, характеризующих её как *идею-антиномию*. Что нас ожидает в будущем? Торжество технократии или победа гуманизма? Чтобы получить ответ на эти вопросы, было решено перейти от виртуальных симулякров к социальным реалиям начала XXI века (см. главу 4).

15. *Мегатенденции информатизации и глобализации.* Начавшееся столетие позиционируется как «информационная эпоха» и вместе с тем как эпоха глобальных угроз и «вызовов» человечеству. В историческом времени совпали *две мегатенденции*, определяющие будущее человечества: информатизация и глобализация. Эти мегатенденции взаимосвязаны и даже взаимообусловлены, и вместе с тем амбивалентны: с одной стороны, они усугубляют глобальные проблемы, с другой стороны, обещают переход от хаоса предыдущих эпох к системной упорядоченности и устойчивому развитию в лоне единой «всемирной деревни». Устойчивое развитие альтруистически понимается как развитие всех народов Земли, отвечающее потребностям нынешнего дня и не лишаящее будущие поколения возможности удовлетворять свои собственные нужды. Процессы глобализации прокладывают человечеству путь в глобальное (всемирное) многонациональное общество. Разрешение большинства глобальных проблем требует постоянного и оперативного информационного взаимодействия в планетарном масштабе, поэтому мегатенденция информатизации – необходимое условие для возникновения мегатенденции глобализации. Другими словами, глобальное общество *не может не быть* информационным.

16. *Глобальное информационное общество.* Как показывают концепции информационного общества, представленные в главе 3, информационное общество можно представить неглобальным, то есть действующим

в пределах одного государства или группы экономически развитых стран. Однако национальный или региональный масштаб информационного общества – это переходное состояние, обусловленное недостаточным развитием ИКТ. Стабильное и развитое информационное общество *не может не быть* глобальным. Построение *глобального информационного общества* – ключевая проблема и конечная цель как мегатенденции информатизации, так и мегатенденции глобализации. В связи с этим «виртуальную» трактовку информационного общества (см. пункт 12) нужно дополнить еще одним сущностным признаком – *глобальностью*. Получается, так сказать, «глобальное» определение, которое читается так: **Информационное общество есть симулякр** глобального постиндустриального интеллектно развитого социума, удовлетворяющего посредством машинных информационных технологий материальные и духовные потребности личности, социальных групп и государства.

«Глобальное» определение учитывает синтез мегатенденции глобализации и мегатенденции информатизации. Оно, подобно предыдущим определениям, утверждает, что идея информационного общества здесь и сейчас существует только в виртуальной реальности в качестве социогенного симулякра, ибо в социальной действительности нет такого общества, которое было бы глобальным, интеллектуально развитым и удовлетворяющим посредством мощной информационно-коммуникационной базы многообразные потребности своих социальных субъектов. Но это утверждение не означает, что в будущем такое общество не может появиться. Как и всякая идея, идея информационного общества может социализироваться, то есть из виртуальной реальности перейти в социальную реальность. Разумеется, при условии, что энергичные и интеллектуально развитые люди целенаправленно обеспечат этот переход.

17. **Выбор пути социализации идеи глобального информационного общества** зависит от намерений и возможностей организации, решающей данную задачу. В наши дни проявляют активность организации трех типов: а) частные транснациональные корпорации; б) международные гуманистические организации; в) суверенные государства. Впечатляющим примером массового сотрудничества в частном бизнесе на базе глобальной Сети является методология викиномики, успешно сочетающая мегатенденцию информатизации (включая Интернет 2.0) и мегатенденцию глобализации. Викиномика – одно из ярких достижений технократического мышления. ООН, ЮНЕСКО и другими международными организациями инициирован целый ряд гуманистических программ, направленных на ослабление глобальных проблем (ликвидация нищеты и голода,

.....

обеспечение всеобщего начального образования, борьба с болезнями, обеспечение устойчивого развития окружающей среды и др.). Построение Глобального информационного общества вошло в повестку дня всемирных форумов. В 2000 году была провозглашена Хартия Глобального Информационного общества, в 2003 и 2005 годах состоялись Всемирные Саммиты по информационному обществу. ЮНЕСКО разработала межправительственную программу «Информация для всех», главной целью которой является «построение информационного общества для всех». В России, начиная с середины 80-х годов, ведется активная деятельность по разработке концепций, планов, стратегий, программ информатизации страны. Вершиной этой деятельности можно считать принятую в 2010 году Государственную программу «Информационное общество (2011–2020)» с объемом финансирования 3,7 триллиона руб.

18. **Государственная программа построения информационного общества** в России носит ярко выраженный *технократический* характер. В построении информационного общества кровно заинтересованы *государство и торгующий информацией бизнес*, но никак не народные массы. Имеет место, как выражаются авторы Программы, «пассивное сопротивление отдельных граждан и общественных организаций проведению мероприятий». Концепции, стратегии, хартии единогласно обещают: «улучшение условий жизни населения, повышение эффективности общественного производства, содействие стабилизации социально-политических отношений на основе внедрения средств вычислительной техники и коммуникации»; «соблюдение прав человека и основных свобод, в том числе права каждого человека на свободу убеждений и информацию; уважение достоинства человеческой личности, ограничение свобод исключительно в установленных законом пределах; непрерывное образование и т. д.». Эти обещания представляют собой рекламно-идеологический соблазн, который не может пробудить энтузиазм в массах. Нельзя сказать, что нет никакого прогресса. Информационные элементы постепенно вырисовываются в экономической сфере, в государственном управлении, в социальной коммуникации, в образовании и культуре, но назвать современное российское общество информационным никак нельзя. Почему же россияне так пассивны?

19. **Российская цивилизация как объект информатизации.** Российские последователи западных авторитетов ставят целью преобразование постсоветской России в «информационную цивилизацию» по западному образцу. Лихие технократы полагают, что информатизация – универсальная технология, работоспособная во всех странах и на всех континентах.

Они заблуждаются, поскольку а) в семейство естественно-исторически сложившихся цивилизаций информационная цивилизация никоим образом не вписывается; б) русская цивилизация существенно отличается от западной, исламской, китайской, латиноамериканской и прочих исторически сложившихся цивилизаций. Межнациональные конфликты и угрозы «столкновения цивилизаций» свидетельствуют о том, что явно преждевременно говорить о формировании глобальной информационной цивилизации в наши дни. «Информационная цивилизация» – типичный фантом, продукт заблуждения, подобный «информационной реальности». Российская цивилизация не может быть «объектом информатизации», потому что нельзя информатизировать российские просторы и ландшафты, нельзя информатизировать генофонд населения. В то же время имеет смысл говорить об информатизации российского общества.

20. Интернет в России. В пункте 5 был сделан вывод, что Интернет является критерием социализации информационного общества, что чуждый Интернету человек не может быть полноценным членом информационного общества. Следовательно, расширение круга пользователей Интернета является показателем роста информационного общества в той или иной стране. Согласно статистике, в 2003 году Россия преодолела 10-процентный рубеж по доле пользователей Интернета. Именно эта величина (10 % численности взрослого населения) знаменует переход от экстенсивного развития Интернет-технологий к активному их внедрению в различные социально-экономические сферы. Дальнейшую динамику проникновения Интернета иллюстрируют цифры: 2005–19 %, 2006–23 %, 2007–24 %, 2008–30 %, 2009–35 %, 2010–37 % взрослого населения России (43,3 человек). По возрастному признаку в 2010 году были получены данные: когорта 18–24 года – 73 %, когорта 25–34 года – 58 %, когорта 35–44 года – 48 %, когорта 45–54 года – 26 %, когорта 55 лет и старше – 7 %. Какие великолепные цифры! Зачем нужно затрачивать триллионы рублей на Государственную программу «Информационное общество (2011–2020)», когда более трети россиян и три четверти молодежи уже подготовились к жизни в информационном обществе?

На самом деле социология Интернета не столь проста. С точки зрения владения информационными технологиями социальную структуру пользователей Сети можно представить в виде четырех классов:

Класс К – высококвалифицированная *интеллектуальная элита*, управляющая научно-техническим развитием Сети и обеспечивающая таким образом **культивацию** идеи информационного общества; условно говоря, это *генералитет* Интернета.

.....

Класс У — *профессионалы* информационных технологий, свободно ориентирующиеся в Сети и способные вносить частные усовершенствования, обеспечивающие совершенствование Сети и **утилизацию** идеи информационного общества; назовем их *офицерским корпусом*.

Класс Н — *фанаты*, использующие возможности и ресурсы Сети для индивидуального самовыражения; так сказать, **невольники** Интернета. Интернет способен стать жизненно необходимым для своих клиентов, то есть *поработить* их.

Класс С — *пользователи*, представляющие различные слои гражданского социума и обращающиеся к ресурсам Интернета для решения своих производственных или образовательных задач, получения справочной информации, коммерческой деятельности, развлечения и т. п.; это многочисленный *рядовой состав* армии Интернет, который фигурирует в социологической статистике.

Несмотря на высокий количественный показатель проникновения Интернет в современное российское общество (37 % не шутка!), мы не можем с радостным удовлетворением считать, что в нашей стране состоялась социализация идеи информационного общества, и нынешнее российское общество является информационным. Цифра 37 % взрослого населения России, предложенная социологами, относится к пользовательскому классу С, а не к творческим классам К и У. Нет оснований считать, что более трети населения России уже достигли интеллектуального уровня *homo informaticus* — граждан информационного общества. Может быть, молодое поколение россиян достигнет кондиций *homo informaticus*?

21. ***Homo informaticus* — человек информационной культуры.** Социологи, изучавшие в 2010 году аудиторию российского Интернета, пришли к выводу, что молодежь в возрасте 12–26 лет распадается на сегменты, кардинально отличающихся друг от друга не только по специфике использования Сети, но и по стилю жизни, медийным и потребительским предпочтениям. 14 % образовали интеллектуально развитый сегмент, состоящий из взрослеющей молодежи, руководствующейся современными модернистскими ценностями, активно осваивающей новые технологии и сетевую субкультуру; 15 % образовали более юные люди, резерв интеллектуального сегмента, интенсивно, но спонтанно взаимодействующие с Сетью, скачивая музыку или видео. Можно надеяться, что 30 % молодых россиян достигнут уровня *homo informaticus*. Остальные 70 %, видимо, пополняют ряды массового пользователя класса С. Это оптимистическая оценка, так как сегодня более 20 % молодежи в России не имеют доступа к Интернету и не пользуются им.

[illegible]

A

■ ■

[illegible]

.....

о которых футурологи не догадывались. Фантастические достижения научно-технического прогресса — подлинная «технологическая правда». «Технократическая неправда» предназначена для успокоения обездоленных народных масс соблазнами грядущего информационного общества. Утверждают, что социальные отношения в информационном обществе будут определять не частные собственники и бизнесмены-капиталисты, а меритократия — талантливые и трудолюбивые менеджеры, эксперты и интеллектуалы, владеющие интеллектуальным (символическим) капиталом — знаниями, информацией, ноу-хау. В этом справедливом обществе все граждане будут иметь неограниченный доступ к информации, и все станут богаты, здоровы и счастливы. Это утверждение неправдоподобно.

Традиционная «гуманистическая правда», основанная на принципах: человек — высшая ценность общества; благо человека — суть общественных отношений; человек имеет неотъемлемое право на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей резко противопоставляются прогрессирующему технократическому мировоззрению. Гуманисты утверждают, что знания по своей природе товаром не являются, их никогда и нигде нельзя купить, их можно только обрести за счет собственного труда и диалога с другими личностями; точно так же нельзя купить любовь, дружбу, вдохновение. Следовательно, рыночные отношения нельзя распространять на социальные отношения между людьми. Капиталистическое информационное общество в погоне за прибылью большую часть человеческого потенциала растрчивает впустую, а то и во вред человечеству и природе, поэтому общество подобного типа — тупиковая ветвь социального развития.

Гуманистическая правда пленяет благородством и бескорыстием, но она имеет врожденный порок: утопизм. Многовековые попытки построения идеального общества неизменно заканчивались ложью и кровавыми трагедиями. Теперь времена переменились, но уязвимость гуманистической правды осталась прежней: есть возвышенная цель, но неизвестны пути и средства достижения цели. Гуманистическая неправда — это довод в пользу технократической правды, так же как технократический обман служит доводом в пользу гуманистической правды. Идея информационного общества оказывается антиномией с двумя противоположными решениями: технократическим и гуманистическим.

23. Идея информационного общества как социальный миф. Социальный миф — это воплощенный в слове символ, представляющий собой синтез (сплав) правды, веры и вымысла. Путь идеи информационного общества от виртуализации к социализации — это путь от симулякра

к мифу. Различие между симулякром и мифом заключается в том, что симулякр — это «знак, скрывающий, что ничего нет», а миф — это «знак, раскрывающий, что что-то есть». На этапе замысла идея информационного общества представляла собой научно-футурологическую гипотезу (см. пункт 7), на этапах культивации и утилизации идея достигла уровня симулякра (см. пункты 12 и 16), теперь она должна получить социально-мифологическое обличие в виде формулировки:

Информационное общество есть *социальный миф о глобальном постиндустриальном интеллектно развитом социуме, удовлетворяющем посредством машинных информационных технологий материальные и духовные потребности личности, социальных групп и государства*. Эта формулировка может читаться двояко: в технократическом контексте — с акцентом на средства машинной информации, в гуманистическом контексте — с акцентом на удовлетворение потребностей личности, социальных групп и государства. Мифологема информационного общества утверждает веру в светлое будущее человечества; в этом состоит её неопровержимая правда и востребованность в нашу противоречивую эпоху, названную «информационной».

24. Идея информационного общества как универсалия культуры. Социально-мифологический статус идеи информационного общества позволил ей занять пустующую нишу в российском общественном сознании. Она фактически стала мировоззренческой универсалией — *универсалией культуры*, которая влияет на индивидуальное, групповое и общественное мировоззрение нашей эпохи. Волнующая привлекательность идеи информационного общества заключается в том, что, представляя гуманистические или технократические сценарии будущего, она удовлетворяет потребности личности и общества в самосознании и самореализации, то есть в понимании смысла своего существования и свой жизненной миссии. Именно поэтому идею информационного общества необходимо включить в состав универсалий культуры.

25. Что же такое информационное общество? В нашей книге содержатся многочисленные ответы на этот вопрос, принадлежащие разным авторам. Информационное общество оказалось объектом межнаучного исследования. В поисках истины нам поневоле пришлось углубиться в области информатики и мифологии, футурологии и истории, социологии и культурологии, философии и логики, литературоведения и фольклористики. Однако далеко не всегда удавалось найти нужный ответ, поэтому приходилось предлагать собственные решения. Наиболее рискованным из них является экспликация понятия информации, которой посвящена

.....

глава 2. Нередко приходилось сталкиваться с псевдонаучными спекуляциями и категориями-фантазмами вроде «информационной реальности», «информационной цивилизации», «информационной культуры общества». Мы старались четко отмежеваться от них и не приумножать число понятий больше необходимого для получения ответа на вопрос: Что же такое информационное общество? В конечном счете, вырисовались два ответа:

1. *Узкосоциологический*: **Информационное общество** – это любительские субкультурные объединения и профессиональные социальные группы, занятые производством, совершенствованием, эксплуатацией информационной техники и предоставлением всем членам общества информационных услуг.

2. *Научно-футурологический*: **Информационное общество** – миф современной культуры о глобальном постиндустриальном интеллектуальном развитии социума, удовлетворяющем посредством машинных информационных технологий материальные и духовные потребности личности, социальных групп и государства.

Рекламно-идеологические трактовки информационного общества, красочно описывающие блага и достоинства информатизации общественной жизни, мы оставили за пределами рассмотрения, потому что они преследуют корыстные коммерческие и манипуляционные цели, не имеющие ничего общего с научным поиском. Наша книга – одна из первых, посвященных межнаучному рассмотрению феномена информационного общества. В ней наверняка немало пробелов и спорных, односторонних и даже ошибочных суждений. Пусть они послужат поводом для конструктивной критики и продолжения исследований, начатых нами.

Содержание

Вступление. Постановка задачи	5
Глава 1. Истоки информационного общества	15
1.1. Предтечи идеи информационного общества	18
1.1.1. Фольклорно-легендарная преамбула	19
1.1.2. Утопические трактаты	21
1.1.3. Научная фантастика	23
1.1.4. Антиутопические романы	28
1.2. Зарождение и развитие идеи информационного общества	34
1.2.1. Зарождение гипотезы информационного общества	36
1.2.2. Культивация идеи информационного общества	45
1.2.3. Утилизация идеи информационного общества	62
1.3. Информационное общество как социальная реальность XXI века	74
1.3.1. Интернет – супермагистраль информационного общества	76
1.3.2. Исследования будущего	78
1.3.3. Общенаучное понятие и исходная идея информационного общества	91
Глава 2. Информационный подход и информационные реальности	97
2.1. Информационный подход в научном познании	98
2.1.1. Методология информационного подхода	98
2.1.2. Опыт использования информационного подхода	102
2.1.3. Информационный подход к социальной реальности	107
2.2. Природа и сущность информации. Типы информации	110
2.2.1. Категоризация понятия информации	110
2.2.2. Амбивалентная природа информации	116
2.2.3. Типы реальностей и типы информации	120
2.2.4. Сущность информации	134
2.3. Информационные реальности	149
2.3.1. Мистическое начало мироздания	150
2.3.2. Инфосферная реальность	153
2.3.3. Информационное общество в виртуальной реальности	155
Глава 3. Концепции информационного общества	167
3.1. Исторические концепции	169
3.1.1. Грядущее постиндустриальное общество Д. Белла	170

3.1.2. Информационное общество как «третья волна» О. Тоффлера, ...	174
3.1.3. Постэкономическая концепция В. Л. Иноземцева, ...	180
3.2. Технократические концепции информационного общества, ...	186
3.2.1. Концепция информационной цивилизации Р. Б. Абдеева, ...	191
3.2.2. Незатейливые утопии и затейливые антиутопии, ...	193
3.2.3. Концепция информационального общества М. Кастельса, ...	198
3.3. Гуманистические концепции информационного общества, ...	203
3.3.1. Критические и консервативные концепции информационного общества, ...	205
3.3.2. Ноосферология А. Д. Урсула, ...	213
3.3.3. Трансгуманизм и киборгизация. Постинформационное общество, ...	216
3.3.4. Повестка XXI века: экспертиза политолога А. И. Неклессы, ...	225
Глава 4. От виртуализации к социализации, ...	231
4.1. Глобальное информационное общество, ...	233
4.1.1. Информатизация и глобализация, ...	234
4.1.2. Глобальная викиномика, ...	252
4.1.3. Глобальные гуманистические программы, ...	258
4.2. Российские программы построения информационного общества, ...	267
4.2.1. Зарождение идеи в научной среде. 80-е гг., ...	268
4.2.2. Культивация идеи информационного общества. 90-е гг., ...	271
4.2.3. Утилизация идеи информационного общества. 2000-е гг., ...	275
4.3. Перспективы социализации информационного общества в России, ...	280
4.3.1. Государственная программа “Информационное общество (2011–2020)”, ...	281
4.3.2. Российская цивилизация как объект информатизации, ...	286
4.3.3. Интернет в России, ...	295
4.3.4. <i>Homo informaticus</i> – человек информационной культуры, ...	303
4.4. Антиномия идеи информационного общества, ...	316
4.4.1. Технократическая правда и неправда, ...	317
4.4.2. Гуманистическая правда и неправда, ...	322
4.4.3. Идея информационного общества как социальный миф и культурная универсалия, ...	326
Заключение. Идя по собственным следам, ...	333

Аркадий Васильевич Соколов
Информационное общество
в виртуальной и социальной реальности

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*
Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *Ю. А. Корневская*
Корректор *Д. Ю. Былинкина*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),
aletheia@peterstar.ru (*редакция*)
www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»:
Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95
Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.
Тел. (812) 327-26-37

*Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:*
«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83 Магазин
«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.
Тел. (495) 915-27-97
Магазин «Гилея», Тверской б-р., д. 9. Тел. (495) 925-81-66
Магазин «Фаланстер», Малый Гнезниковский пер., 12/27.
Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
Магазин издательства «Совпадение».
Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 12.08.2011. Формат 60x88¹/₆
Усл. печ. л. 21,5. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Заказ №